

АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ВАРВАРЫ

МОСКВА НАУКА 2006

УДК 94(3) "652"
ББК 63.3(0)3
А72

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 05-01-16034g*

Ответственный редактор
доктор исторических наук Л.П. МАРИНОВИЧ

Рецензенты:
доктор исторических наук В.Д. КУЗНЕЦОВ,
доктор исторических наук А.В. ПОДОСИНОВ

*На переплете: битва македонян с персами, рельеф с "саркофага
Александра", IVв. до н.э.; на титуле: голиит, поражающий перса,
краснофигурная ваза, VB. до н.э.; на контртитule:
Венера, мозаика из Британии, IVв. н.э.*

Античная цивилизация и варвары / отв. ред. Л.П. Маринович;
Ин-т всеобщ. истории РАН. — М. : Наука, 2006. — 355 с. —
ISBN 5-02-010362-4 (в пер.).

В книге по-новому раскрывается важная проблема в истории древности — противостояние и взаимопроникновение античной цивилизации и варварского мира с его самобытной культурой, которые сыграли ведущую роль в становлении цивилизаций Эллады, Рима и Ближнего Востока и отразились на ходе мировой истории. Авторы рассматривают возникновение и эволюцию доктрины превосходства греков над варварами, критерии "варварства", термин "варвар" в политической лексике афинской демократии, образ варваров в античной драматургии и др. Отдельный круг проблем связан с изучением взаимоотношений греков и римлян между собой и с местным населением на Балканах и в Испании, в Сицилии и на Северном побережье Черного моря. Особый интерес представляет анализ понятия "варвар" в коптских гностических текстах, ранее не привлекавшихся в связи с проблемой варваров.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-01 -00684а.

Темплан 2006-1-1

ISBN 5-02-010362-4

© Институт всеобщей истории РАН, 2006
© Коллектив авторов, 2006
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2006

Л.П. Маринович

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ДОКТРИНЫ ПРЕВОСХОДСТВА ГРЕКОВ НАД ВАРВАРАМИ*

Взаимоотношения античного мира и мира варваров относятся к числу кардинальных проблем в познании античной эпохи. В настоящее время, как уже отмечалось, на первый план выходит системное изучение античных и варварских обществ и их взаимодействия, что позволило совершенно по-новому взглянуть на некоторые из фундаментальных проблем. Так, с новой остротой встал, например, старый вопрос о характере греческой колонизации и взаимоотношениях колонистов с туземным населением в регионах, охваченных колонизационным движением. Новым содержанием наполнился давно уже бытующий в науке тезис о неравномерности исторического развития различных частей тогдашнего мира и населявших его народов. Иногда и, как кажется, справедливо утверждается, что греко-варварские контакты сыграли едва ли не ведущую роль в становлении и эволюции античной цивилизации. Вместе с тем не вызывает сомнения и значение окружавшего эллинов варварского мира, особенно народов Переднего Востока, для развития древнегреческой культуры.

Отношение греков к соседним народам, которых со временем они стали называть варварскими, выражалось в двух основных аспектах: сознание своей исключительности со всеми соответствующими проявлениями и последствиями; и в то же самое время открытость и несомненная готовность к позитивным контактам (в частности, брачные связи) и к заимствованиям чужих достижений в культуре, науке, технике².

поддержке РГНФ, проект № 03-01 -00684а.

¹ Андреев Ю.В. Греки и варвары в Северном Причерноморье (Основные методологические и теоретические аспекты проблемы межэтнических контактов) // ВДИ. 1996. № 1. С. 3.

² Фролов Э.Д. Развитие противоположности эллинов и варваров в архаическую эпоху // X авторско-читательская конф. "Вестника древней истории" АН СССР: тез. докл. М., 1987. С. 81.

По-видимому, уже с первых шагов греческой цивилизации можно констатировать разграничение и противопоставление эллинов и варваров — иных, отличных друг от друга прежде всего по языку. Не вдаваясь в детали этого сложного вопроса, к тому же плохо освещенного источниками, отметим только, что были высказаны четыре основные гипотезы относительно времени формирования этнического самосознания у греков и соответственно возникновения дихотомии "эллина" — "варвар"³. Первая гипотеза: понятия "эллин" и "варвар"⁴ в их полярности были элементами архаической идеологии. Согласно мнению других ученых, они возникли одновременно в период между VIII и концом VI в. до н.э.⁵ Третья гипотеза: чувство всеэллинской идентичности и понятие "варвары" как выражение универсальных "других" породили греко-персидские войны. Ранние греки не осознавали различия между эллинским и неэллинским мирами. Наконец, сторонники четвертой гипотезы полагают, что хотя чувство этнической общности греков уже существовало в эпоху архаики, только греко-персидские войны⁷ вызвали поляризацию греческого и варварского миров.

Как известно, в поэмах Гомера "Илиада" и "Одиссея" названы эллины, панэллина и Эллада (Il. II. 530. 683 - 684; Od. I. 344; XV. 80). В отличие от Гомера, в поэмах которого "панэллина" — название одного из греческих племен, иной смысл это слово имеет у Гесиода, где оно обозначает общее самоназвание гре-

³ Подробнее см.: *Hall E. Inventing the Barbarian: Greek Self-Definition through Tragedy. Oxford, 1991. P. 6 - 7.*

⁴ *Weiler I. Greek and Non-Greek World in the Archaic Period // GRBS. 1968. Vol. 9. P. 21 - 29.* И. Вейлер считает, что уже в эпоху архаики греки сознавали полярность своего и негреческого миров, имея в виду различия не только языков, но и других факторов - внешнего вида и особенно образования.

⁵ *Snell B. Homer und die Entstehung des geschichtlichen Bewusstseins bei den Griechen // Varia variorum: Festschrift für K. Reinhardt. Münster, 1952. S. 7 - 8.*

⁶ *Schwabl H. Das Bild der Fremden Welt bei den frühen Griechen // Grecs et barbares. Fondation Hardt pour l'études de l'Antiquité classique. Entretiens. Geneve, 1962. T. VIII. S. 1 ss.* Против давно уже бытующего в науке представления о сравнительно позднем (не ранее войны с персами) возникновении греко-варварского антагонизма выступил недавно Ю.В. Андреев, который в качестве весьма показательного примера сослался как раз на Х. Швабля. См.: *Андреев Ю.В. Греки и варвары... С. 8. Примеч. 17.*

⁷ *Diller H. Die Hellenen-Barbaren-Antithese im Zeitalter der Perserkriege // Grecs et barbares... S. 39 - 68; Bengtson H. Hellenen und Barbaren: Gedanken zum Problem des griechischen Nationalbewusstseins // Kleine Schriften zur alten Geschichte. München, 1974. S. 158 - 173.*

ков (*Hesiod. Erg. 528*)⁸. Возможно, Гесиод первым говорит о панэллинах, если отбросить (вместе с Аристархом) 530-й стих во II книге "Илиады". Слова "варвар" у Гесиода нет. "Всеэллинский устав" (Πανελλάνων νόμος) и "вся Эллада" (Πανελλανέσσι) упоминаются в двух Истмийских одах Пиндара (*Pind. Isthm. 2. 38; 4. 29*). Впервые же понятие "варвар", как считают на основании свидетельства Страбона (VII. 7. 1. С 321), появляется в конце VI в. до н.э. у историка Гекатея Милетского (FGH Hist. I. Fr. 119), который "сообщает про Пелопоннес, что там до греков обитали варвары". Живший несколько позднее поэт Симониде Кеоса называет персов варварами и говорит о победе Гелона над карфагенянами как о триумфе греков над варварами (Poet. Lug. Gr. Vol. III. Fr. 136, *Bergk*)⁹. Итак, уже в самых ранних литературных произведениях греков зафиксированы термины, свидетельствующие о разграничении и противопоставлении эллинства и варварства¹⁰.

Обычно полагают, что первоначально для грека варвар — это тот, кто говорит на ином, чем он сам, языке, на языке, непонятном для говорящих по-гречески, т.е. происхождение понятия "варвар" носило, как и этноним "эллин", лингвистический характер. Это общепринятое мнение.

В научной литературе часто отмечают, что у Гомера нет различия между эллинами и варварами. Когда он говорит о карийцах как о βαρβαρόφωνοι ("говорящие по-варварски карийцы") —

⁸ Впрочем, этому противоречит утверждение Страбона о том, что (по словам Аполлодора) "Гесиод и Архилох уже знали, что греки назывались не только эллинами, но и панэллинами". В доказательство географ ссылается на дочерей Прета, к которым, согласно Гесиоду, сватались эллины, и приводит строку из Архилоха, где названы панэллина: "Как панэллинов несчастья над Фасосом собрались" (*Strabo. VIII. 6. 6. С 370. Пер. Г.А. Страпановского; ALG. Fasc. 3. Fr. 54 [52], Diehl*). Интерпретацию см.: *Bengtson H. Hellenen und Barbaren... S. 162.* Однако, как ясно из Страбона, относительно выражений "Эллада", "эллина" и "панэллина" спорили еще древние критики (*Ibid.*).

⁹ *Haarhoff T.J. The Stranger at the Gate. Aspects of Exclusiveness and Cooperation in the Ancient Greece and Rome with Some Reference to Modern Times. Oxford, 1948. P. 51; Иванчи А.И. Кем были "скифские" лучники на аттических вазах эпохи архаики? // ВДИ. 2002. № 3. С. 51. Примеч. 82.*

¹⁰ Э.Д. Фролов ссылается на распространение в Греции характерной унифицированной геометрической керамики и повсеместное в греческом мире усвоение новой алфавитной письменности как подтверждение формирования национального единства греков в IX-VIII вв. до н.э., которому соответствовали названные понятия — "эллина", "панэллина" и "Эллада". См.: *Фролов Э.Д. Проблема традиционных оппозиций в греческой социальной терминологии // Социальные структуры и социальная психология античного мира: докл. конф. Российской Ассоциации антиковедов. М., 1993. С. 24.*

II. П. 867), он не называет их варварами, и вряд ли само это определение может служить доказательством существования тогда слова βαρβαρος¹¹.

В "Археологии" Фукидид утверждает, что Гомер «нигде не обозначает все племена одним общим именем эллинов и никого так не называет... не употребляет он и слова "варвары", - очевидно, оттого, что эллины тогда еще не отделились от них и не объединились под одним именем»¹². В следующем параграфе речь идет об "отдельных племенах, принявших имя эллинов и говоривших на общепонятном для всех языке" (I. 3. 4)¹³. Обратим внимание на то обстоятельство, что Фукидид счел необходимым дважды отметить единый язык у всех, кто принял имя эллинов, и это имя приняли, очевидно, только говорившие на общепонятном для всех языке, т.е. греческом.

Стимулирующую роль в формировании этнической идентичности, в отделении себя от других народов, отличных по языку и культуре, сыграла Великая греческая колонизация, в результате которой эллины оказались на чужбине, в окружении иных народов, нередко к тому же враждебных им. Возможно, это обстоятельство способствовало агрессивному характеру еще только складывающейся эллинской цивилизации. Свою роль в выработке определенного стереотипа отношения греков к неэллинам сыграла торговля. Нельзя не отметить также влияния на вызревание чувства национального самосознания обще-

¹¹ Такова точка зрения И. Вейлера, который, высказав ее, не находит объяснения, почему Гомер не использовал это слово, и отказывается выдвигать какие-нибудь гипотезы на этот счет. См.: *Weiler I. Greek and Non-Greek World...* P. 22-23; ср.: *Herter H. [Rez.] // Gnomon. 1966. Bd. 38. S. 578. В целом об этом см.: Dörrie H. Die Wertung der Barbaren im Urteil der Griechen. Knechtsnaturen? Oder Berater und Kündler heilbringender Weisheit? // Antike und Universalgeschichte. Festschrift für Hans Erich Stier zum 70. Geburtstag am 25. Mai 1972 / Hrsg. von R. Stiel u. a. Münster, 1972. S. 147-151; Hall E. Inventing the Barbarian... P. 9-10; Georges P. Barbarian Asia and the Greek Experience from the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore; L., 1994. P. 14-15, 252. Отметим, кстати, трактовку самого слова βαρβαρος как сокращение первоначального βαρβαρόφωνος в: Dörrie H. Die Wertung der Barbaren... S. 147 - 148.*

¹² *Thuc. I. 3. 3.* Для сравнения можно отметить, что у Геродота давние времена ассоциируются с отделением эллинов от варваров (I. 6).

¹³ Впрочем, согласно Страбону, «Фукидид неправ, когда утверждает, что Гомер не употребляет термина "варвары", потому что "эллины еще не обособились" под одним именем, противоположным им. Ибо выражение Фукидида "эллины еще не обособились" Гомер сам опровергает как ошибку», в доказательство ссылаясь на два отрывка из "Одиссеи" (I. 344; XV. 80), где названа "Эллада" (*Strabo. XIV. 2. 28. С 661; ср.: VIII. 6. 6. С 370*). См.: *Gomme F.W. A Historical Commentary on Thucydides. Oxford, 1945. Vol. I. P. 98-99.*

греческих праздников, восходящих к VIII в. до н.э. Встречи на этих праздниках греков, стекавшихся со всех частей Эллады, образование политических союзов и амфикистий — все это стимулировало осознание своего родства по крови и культуре и отделение от всех других народов — варваров.

Немногочисленные упоминания о варварах в нарративных источниках догеродотового времени свидетельствуют о формировании в мировоззрении греков этнического самосознания, о противостоянии по отношению к негрекам. Как определенный шаг в создании образа иноплеменника-дикаря можно, по-видимому, рассматривать творчество Архилоха, который сам принимал участие в колонизации. У него мы находим ближайших соседей греков - фракийцев, свирепых дикарей с экзотической внешностью. Неприятие греками скифских обычаев, в том числе пьяного бесчинства и буйства, отражено и в известном фрагменте Анакреонта¹⁴:

Ну, друзья, не будем больше
С таким шумом и ораньем
Подражать попойке скифской
За вином, а будем тихо
Пить под звуки славных гимнов.

Еще более красноречив Гераклит из Эфеса. В одном из его фрагментов дан такой метафорический образ, как "варварская душа": "Глаза и уши — дурные свидетельства для людей, если души у них варварские" (*κακοὶ μάρτυρες ἀνθρώποισιν ὀφθαλμοὶ καὶ ὠτα, βαρβάρους ψυχὰς ἔχόντων*). Тем самым противопоставление имеет в виду культурную ущербность¹⁵.

Разделявший эллинов и варваров барьер взаимного отчуждения имел своей основой не только огромный разрыв в уровнях социального и культурного развития и чисто психологическую несовместимость. Здесь следует иметь в виду еще одно

¹⁴ ALG. Fasc 3. Fr. 51, 79a, *Diehl* (Архилох); *Athen. X. 427a-b*; *Poet. Lyr. Cr.⁴ Vol. III. Fr. 63 [62], Bergk* (Анакреонт) / Пер. В.В. Латышева (SC. P. 322). Неразбавленное вино поэт называет "скифским питьем".

¹⁵ *Hemel. Fr. 107, Diels-Kranz*. Bd. 1. Из Секста Эмпирика, Против ученых. VII. 126. Переводается по изд.: *Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I / Изд. подгот. А.В. Лебедев. М., 1989. Фр. 13(а). Ср. пер. С. Муравьева: "Дурные свидетельства людям — глаза тех и уши, у кого варварские души" (фр. 100 (107)); фрагмент сочинения, известного позже под названиями "Музы" или "О природе". Перевод опубликован в: *Тум Лукреций Кар. О природе вещей. М., 1983. Об Архилохе и Гераклите см.: Фролов Э.А. Развитие противоположности эллинов и варваров... С. 82; Он же. Проблема традиционных оппозиций... С. 24-26. Интерпретацию Гераклита ср.: Herter H. Op. cit. S. 578; Baldry H.C. Discussion... // *Grecs et barbares...* P. 69-70.**

немаловажное обстоятельство, а именно: достаточно высокий уровень этнического самосознания греков, очевидно, вполне определившегося уже к VII—VI вв. до н.э. Это самоопределение эллинов как этнического целого неизбежно должно было породить в их сознании мысль о прямой противоположности собственного мира окружающему их миру других народов — варваров — и неприятие всего чужого или, по крайней мере, его тщательный отбор и переделка на свой лад¹⁶. Вместе с тем усвоение обычаев восточных народов, в том числе религиозных установлений, свидетельствует об отсутствии у греков этого времени чувства национальной исключительности.

Очевидно, эволюция понятий "эллина" и "варвары" шла от лингвистического значения к этническому, географическому и культурному как корреляция и антитеза слову "эллин"¹⁷. Следует, однако, отметить, что единого мнения относительно критериев идентичности и их приоритетов у греков не было¹⁸. Так, Геродот утверждает, что "варварами... египтяне называют всех, кто не говорит на их языке" (II. 159. *Пер. Г.А. Стратановского*), тогда как афиняне, по словам историка, в своем ответе спартанским послам ссылались на "наше кровное и языковое родство с другими эллинами, общие святилища богов, жертвоприношения на празднествах и одинаковый образ жизни" (VIII. 144)¹⁹, т.е. у него на первом месте стоит этнический фактор, а уже затем язык, религия и культура. Фукидид (II. 68), судя по контексту, слово "варвары" употребляет в лингвистическом смысле, тогда как Исократ отдает приоритет культурному фактору. Исократ считает, что "самое имя эллина становится уже обозначением не происхождения, но культуры. Эллинами чаще называют получивших одинаковое с нами образование, чем людей одного и того же происхождения" (*Isocr. Paneg. 50. Пер. К.М. Колобовой*). Следовательно, ко времени правления Филиппа Македонского, когда вопрос о том, являются ли македоняне эллинами или нет, впервые стал предметом острой дискуссии, само слово "эллин" приобрело некоторую неясность, как и по-

¹⁶ Андреев Ю.В. Греки и варвары... С. 8. Примеч. 17.

¹⁷ На этом справедливо делается акцент в современной историографии: Mosley D.J. *Greeks, Barbarians, Language and Contact* // *Antient Society*. 1971. Vol. 2. P. 1—3; Levy E. *Naissance du concept de barbare* // *Ktema. Civilisation de l'Orient, de la Grece et de Rome antique*. 1984. Vol. IX. P. 5—14; Tourraix A. *L'Orient, mirage grec*. P., 2000. P. 18.

¹⁸ Как и относительно понятий "этническое самосознание" в современной отечественной науке и "этническая идентичность" — в западной. См.: Солдатова Г.У. *Психология межэтнической напряженности*. М., 1998. С. 43.

¹⁹ Толкование см.: Hall J.M. *Ethnic Identity in Greek Antiquity*. Cambridge, 2000. P. 44.

нятие "варвар", который представлял ему антитезу. Не выступал ли Исократ в "Панегирике" своего рода провозвестником будущего, опережая свое время? Вместе с тем в литературе отмечалась определенная двусмысленность, неясность в употреблении Фукидидом коррелятивных терминов "эллина" и "варвары", которая не позволяет понять их точный смысл применительно к народам, живущим в границах территории от устья Пенея до Амбракийского залива²⁰.

Как мы видим, первоначально общение греков с другими народами не выходило за рамки обычных межэтнических связей, и оппозиция "мы — они", в общем, не носила враждебного характера. Понятие "варвар" имело тогда преимущественно лингвистическое значение, а также этническое и географическое.

Переломным этапом в истории отношений греков с другими народами стали греко-персидские войны. Угроза персидского нашествия сплотила эллинов, вызвав национальный подъем и ненависть к варварам, которых олицетворяли персы. Создав четкую полярность между эллинами и варварами, война стала мощным стимулом для консолидации греков и оформления этнического самосознания, их идентичности. Победа в сознании эллинов знаменовала торжество идеалов гражданской свободы над деспотизмом и рабством. Она преисполнила их чувством собственного превосходства и презрения к варварам (избегая термина "расизм" как анахронизма, мы предпочли бы такие понятия, как "шовинизм" и "ксенофобия"). Началось формирование негативного образа негрека и перевод его из обыденного сознания в идеологию. Создается стереотип варвара, обычно перса, как воплощение трусости, коварства, жестокости, вероломства и ненависти к грекам. Оппозиция "эллин — варвар" превращается в конфронтацию, причем с заметным расширением и углублением, оппозиция "мы — они" переходит на абстрактный уровень противопоставления, т.е. "грек — негрек"²¹.

Отныне для греков "варвар" и "раб" — понятия тождественные, а тезис о природном превосходстве эллинов над варва-

²⁰ Применительно к Фукидиду этот вопрос подробно рассмотрен А. Тойнби (*Toynbee A. The Meaning of the Terms "Barbarian" and "Hellene" in Hellenic Usage* // *Idem. Some Problems of Greek History*. L. e. a., 1969. P. 59 — 62), на что обратил внимание О.В. Никишин. См.: *Никишин В.О. Эллинский шовинизм в архаическую и классическую эпохи: возникновение и развитие* // *Труды кафедры древних языков (Труды ист. фак-та МГУ)*. М.; СПб., 2000. С. 46—47).

²¹ Исаева В.И. Идеологическая подготовка эллинизма // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 1990. С. 60.

рами активно используется для идеологического оправдания рабства. Тот факт, что большинство рабов составляли варвары, давал основу для формирования презрительного отношения к ним. Четко и ясно эту господствующую в его время идею сформулировал великий Аристотель, цитируя строки Еврипида из "Ифигении в Авлиде": "Прилично властвовать над варварами грекам" и продолжая: "...варвар и раб по природе своей понятия тождественные" ("βαρβάρων δ' Ἑλλήνας ἀρχεῖν εἰχός" ὡς ταύτό φύσει βάρβαροι καὶ δοῦλον δν — *Polit.* 1252b. 8 — 9. *Пер. С.А. Жебелева, сверен А.И. Доватуром*). Теоретические взгляды Аристотеля на рабство теснейшим образом связаны с его взглядами на взаимоотношения между греками и теми, кого они называли варварами²²: "По своим природным свойствам варвары более склонны к тому, чтобы переносить рабство, нежели эллины" (*Ibid.* 1285a. 26). Детально рассматривая отношения господства и подчинения, он приводит ряд аргументов в пользу "рабства по природе", касающихся физической организации рабов и свободных: у рабов мощное тело, пригодное для выполнения физических трудов (*Ibid.* 1254b. 16—1255a. 1). "Очевидно... что одни люди по природе свободные, другие — рабы, и этим последним быть рабами и полезно, и справедливо" (*Ibid.* 1255a. 1 — 3). В "Никомаховой этике" Аристотель, рассуждая о трех видах того, чего избегают в нравах, замечает, что среди людей редко встречаются "звероподобных, причем главным образом среди варваров" (*Eth. Nic.* VIII. 1145a. 27. *Пер. Н.В. Брагинской*).

Убеждение в том, что эллины и варвары по природе враги и что рабская участь невозможна для эллинов, предназначенных для господства, отчетливо выражена Платоном в "Государстве". Он пишет об опасности порабощения греков греками и варварами: "...насчет обращения в рабство: ...надо приучать щадить род эллинов из опасения, как бы он не попал в рабство к варварам... Значит, и нашим гражданам нельзя иметь рабом эллина, и другим эллинам надо советовать то же самое... Таким образом, их усилия будут скорее направлены против варваров" (*Plat. Resp.* V. 469b — c. *Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн*). Обсуждая в "Государстве" тему войны, Платон касается здесь злобо-

дневной проблемы взаимоотношения греков и варваров. Философ четко сознает антиномию двух миров: "Я утверждаю, что все эллины — близкие друг другу люди и состоят между собой в родстве, а для варваров они — иноземцы и чужаки"; "они по самой своей природе враги и эту их вражду надо назвать войной", тогда как эллины по природе своей друзья, но Эллада больна, "в ней царит междоусобица, и такую вражду следует именовать раздором" (*Resp.* V. 470c — d). Что касается деления человечества на греков и варваров, которое Платон отвергает, то здесь видят не изменение взглядов философа, а разный подход (*Plat. Polit.* 262c — e. *Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн*; ср. *Resp.* V. 469b—476cр).

Следует, однако, не вдаваясь в подробности, заметить, что изложенные убеждения, господствующие среди греков, разделяли не все. Здесь необходимо прежде всего вспомнить о софистах. Говоря словами Ю.В. Андреева, некоторые из них "перешли во фронтальное наступление на главные устои полисной идеологии", а другие "шли еще дальше и замахивались на самое святое для каждого грека — незыблемость установлений, разделявших всех людей на рабов и свободных"²⁴.

Греко-персидские войны вызвали небывалый интерес к Персии и входящим в состав державы Ахеменидов различным народам, что нашло отражение в литературе. Назовем прежде всего Фриниха, самого выдающегося трагика до Эсхила, первым обратившегося к событиям этой войны. В "Финикиянках" он прославил победу эллинов в битве при Саламине, а трагедией "Взятие Милета" настолько потряс зрителей, что они все залились слезами. В результате трагик был присужден к уплате большого штрафа, драму же запретили к постановке (*Herod.* VI. 21). Ему же принадлежат еще три трагедии, в которых действуют греческие герои и варвары. Магнет сочинил комедию "Лидийцы", а Хионид — комедию "Персы, или Ассирийцы". Многочисленные предшественники Геродота составили описания целого ряда варварских народов: Гекатей, автор *Περίοδοι γῆς*; Скилак из Карианды, который первым рассказал об Индии; Дионисий Милетский, написавший *Περσικά* о

²² Взгляды Аристотеля обстоятельно рассмотрены в кн.: *Доватур А.И.* Рабство в Аттике VI — V вв. до н.э. Л., 1980. С. 122 — 127. См. также: *Шутова И.А.* Воззрения древних греков на порабощение эллинов // Д.П. Каллистов, А.А. Нейхард, И.Ш. Шифман, И.А. Шишова. Рабство на периферии античного мира. Л., 1968. С. 14 — 23; *Schlaifer R.* Greek Theories of Slavery from Homer to Aristotle // *Slavery in Classical Antiquity. Views and Controversies* / Ed. by M.I. Finley. Cambridge, 1960. P. [120—127]; *Den Boer W.* Private Morality in Greece and Rome. Some Historical Aspects. Leiden, 1979. P. 71 — 72, 75; *Huxley G.* On Aristotle and Greek Society. Belfast, 1979. P. 8 ff.

²³ См. такую точку зрения: *Baldry H.C.* Discussion... P. 118—119. Из обширной литературы о Платоне назовем лишь несколько работ, посвященных взглядам философа на рабство и антиномию "эллины — варвары": *Morrow G.* Plato's Law of Slavery in its Relation to Greek Law // *Illinois Studies in Language and Literature*. 1939. Vol. XXV, N 3. P. 36 ff.; *Schlaifer R.* Greek Theories of Slavery... P. [118—119]; *Vlastos G.* Slavery in Plato's Republic / *Slavery in Classical Antiquity*. P. [133—149]; *Шишова И.А.* Воззрения древних греков... С. 9 — 11.

²⁴ *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. СПб., 1998. С. 252.

походе Дария на скифов; Харон из Лампсака, от труда которого, Персика, сохранилось три фрагмента — из жизни Кира, о восстании в Ионии и помощи, оказанной восставшими афинянами, об истории Мардония; современник Геродота Ксанф Лидийский, автор *Αυδιακά*, и Гелланик, автор *Φοινικικά*, *Κυπριακά*, *Αιγυπτιακά*, *Περσικά*, *Σκυθικά*, *Βαρβαρικά νόμιμα*²⁵. Так греки начали узнавать о странах, которые ранее были для них фантастическими и с которыми теперь развивались связи, мирные или военные.

Оппозиция "эллыны — варвары" впервые получает четкое выражение в жанре трагедии, значение которого в формировании этой дихотомии не следует недооценивать²⁶. Слава победителей в борьбе с Персией находит отражение в весьма любопытной форме: хотя отношение к варварам обычно негативное, но не обязательно презрительное, поскольку чем сильнее враг, тем большую славу принесет победа над ними. Такое отношение было вызвано не только греко-персидскими войнами, но и реальной повседневной жизнью. Политический строй греков и его обоснование были совершенно иными, чем на Востоке, равно как и культура и общественная психология. Очевидно, именно тогда греки, по контрасту, по-настоящему прониклись убеждением, что свобода — одна из отличительных черт их цивилизации. Греко-персидские войны представлены трагиками как противостояние свободных граждан, защитников своей родины, и армии варваров, подданных-рабов Великого царя.

Особое место в ряду греческих трагедий занимают "Персы" Эсхила. Трагедия глубоко патриотична. В противоположность персам, у которых "все — рабы", греки — свободный народ по природе и законам демократии: "никому они не служат и ничьи они рабы". Красноречив вещей сон Атоссы, вдовы Дария и матери Ксеркса, о котором она рассказывает хору персидских старейшин. Ей привиделось, как Ксеркс впряг в колесницу двух сестер — одну в уборе персидском, из земли варваров, другую в одеянии дорийском, из Эллады. "Одна в наряде рабыем гордо шествует, покорно рот поводам повинует. Зато другая вздыбилась. Руками в щепь сломала колесницу, сорвала

ярмо и без узды помчалась неподвластная" (ст. 170—189. *Пер. А.И. Пиотровского*)²⁷.

Эсхил, как впоследствии и Геродот, видит причину победы греков в их мужестве и любви к родине. Как известно, в войне с персами далеко не все греки выступили единодушно, трагик же показывает единый порыв эллинов в борьбе за свою свободу, стремясь тем самым соответствующим образом воздействовать на зрителей. Эсхил хочет поразить аудиторию мощью персидского войска, он преувеличивает флот Ксеркса и преуменьшает число греческих кораблей, благодаря чему эллинская победа становится значительнее, а слава — выше²⁸. Хотя в "Персах" Эсхил стоит на почве общепринятых взглядов, которыми были проникнуты рассказы его современников о Ксерксе и его походе, в этой трагедии справедливо видят самое раннее свидетельство абсолютной поляризации эллинства и варварства, но в своей высокопатриотической трагедии Эсхил не выступал новатором²⁹.

В научной литературе уже отмечалась лучшая осведомленность Эсхила о персидской империи, воплощенной в трех главных действующих лицах — царице Атоссе, Дарии и Ксерксе, по сравнению с другими греческими писателями. Даже если он не всегда точен, в целом трагедия верна, послужив в дальнейшем для греков моделью в их интерпретации персидской державы и тем самым восточного деспотизма. Картина Ахеменидской монархии отражает в "Персах" историческую реальность, она не схематична и не карикатурна, а сложна и нюансирована³⁰.

Патриотизм отличает и поставленную через несколько лет другую трагедию Эсхила — "Семеро против Фив". Под видом защиты Фив он воскрешает войну с персами, и главный герой Этеокл из мифического соперника своего брата Полиника подымается до мужественного борца с варварами. Обращаясь к согражданам, Этеокл призывает их встать на защиту отечества и богов, земли-матери, кормилицы, которая их взрастила. В отличие от "речи эллинской", которая звучит в городе Этеокла, вражеские войска иноязычны, они — "варварская орда" (ст. 170, 465). Нападающих на Фивы воинов Эсхил наделяет

²⁵ Bovon A. La representation des guerriers perses et la notion de barbare dans la 1re moitié du Ve siècle // BCH. 1963. Vol. LXXXVII, II. P. 598 (там же указаны издания фрагментов названных произведений).

²⁶ Обстоятельный анализ см.: Bacon H. Barbarians in Greek Tragedy. New Haven, 1961 (автор впервые поставил задачей в рамках своей работы собрать соответствующие пассажи из трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида); Diller H. Die Hellenen-Barbaren-Antithese... S. 37-68; Hall E. Inventing the Barbarian... passim; Baslez M.-F. Le peril barbare: une invention des Grecs? // La Grece ancienne / Present. par C. Mosse. P., 1986. P. 289.

²⁷ Momigliano A. Sagesses barbares. Les limites de l'hellénisation. P., 1979. P. 144 s.

²⁸ Показано в ст.: Дермани Н.Ф. Эсхил и греко-персидская война // ВДИ. 1946. N 1. С. 9-19; Avery H.C. Dramatic Devices in Aeschylus' Persians // AJPh. 1964. Vol. LXXXV. P. 173. 184.

²⁹ Доватур АМ. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 119.

³⁰ Эта оценка развита в статьях: Bovon A. La représentation des guerriers perses... P. 599 — 601; Tourraix A. L'image de la monarchie achéménide dans les Perses // REA. 1984. Vol. LXXXVI. P. 123-134.

чертами, которыми обладают персы: они не чтут богов, дерзки и надменны.

Раскрывая героический дух творчества Эсхила, Аристофан в "Лягушках" вкладывает в уста трагика весьма красноречивые слова. Свою заслугу Эсхил, по словам комедиографа, видит в том, что "по заветам Гомера в трагедиях я сотворил величавых героев — и Патроков, и Тевкров с душой как у льва. Я до них хотел граждан возвысить, чтобы вровень с героями встали они, боевые заслушавши трубы" (ст. 1040—1042). Любой гражданин, кто видел "Семеро против Фив", "тот о львиной душе затокует и сердце отважном" (ст. 1022), а трагедию "Персы" он поставил, "чтоб вложить в вас стремление к победе, к превосходству великую волю вдохнуть" (ст. 1027 — 1028. *Пер. А.И. Пятровского*).

Устами Елены Еврипид утверждает: "Все — рабы ведь у варваров: свободен лишь один" (т.е. персидский царь) ("Елена", ст. 276). Гекуба в одноименной трагедии говорит: "Разве варвар когда-нибудь для грека будет друг? Ведь это невозможно" (ст. 1199 — 1201). В той же трагедии Агамемнон утверждает, что убить гостя у варваров, быть может, и пустяк, тогда как "для нас, для эллинов, — постыдно!" (ст. 1247). "Варвары умом слабее эллинов" ("Вакханки", ст. 483). И еще одно, весьма красноречивое утверждение: "Во-первых, ты в Элладе и больше не меж варваров, закон узнала ты и правду вместо силы, которая царит у вас" ("Медея", ст. 537). Так Еврипид устами Ясона объясняет разницу между варварами и эллинами — варвары не знают, что такое справедливость и закон, их заменяет им сила. Сходную мысль выражает Ифигения, обращаясь к Клитемнестре: "Грек цари, а варвар гнися! Неприлично гнуться грекам перед варваром на троне. Здесь — свобода, в Трое — рабство!" ("Ифигения в Авлиде", ст. 1400-1401)³¹.

³¹ Об антитезе "элин — варвар" у Еврипида см.: *Haarhoff T.J. The Stranger at the Gate...* P. 54 — 56. Правда, как отмечалось в литературе, сам Еврипид то защищает варваров, то поносит их и издевается над ними. Возможно, действующие лица, выступающие в защиту варваров, выражают взгляды не самого трагика, а некоторых его современников. Известно, что софист Антифонт, очевидно, первым из греков отрицал разницу между варварами и эллинами: *πρὸς ἀλλήλους βεβαρβαρώμεθα, ἐπεὶ φύσει πάντα πάντες ομοῖος πεφύκαμεν καὶ βάρβαροι καὶ Ἕλληνες εἶναι* — "по природе мы все во всех отношениях равны, притом (одинаково) и варвары, и эллины" (В. П. 87(80), Охуг. Пар. XI. 1364. Fr. 44B. Col. 2. L. 10-15. P. 353, *Diels-Kranz*. Пер. А.О. Маковельского: *Маковельский А.О. Софисты*. Баку, 1940—1941. Вып. 2. С. 46). Известный ритор Алкидамант, ученик софиста Горгия, воспроизвел это убеждение в речи "За свободу мессенцев". Защищая мессенцев от фиванцев в 370 г. до н.э., он заявил: *ἐλευθέρους ἄφραγε πάντας θεός οὐδένα δοῦλον ἢ φύσις πεποίηκεν* — "Бог всех отпустил на свободу, природа никого не создала рабом" (Schol., ad Aristot. Rhet. I. 13. 1373b, 19).

Своего рода интересной параллелью персам в трагедии являются изображения персидских воинов на аттических вазах первой половины V в. до н.э.³² Воины Ксеркса у Эсхила близки изображениям на вазах, их одежде, общему облику. В обычаях, характерных чертах персидской цивилизации, ее политическом строе Эсхил выбирает черты, чуждые эллинам и поэтому интересные для них, но вместе с тем он старается показать дистанцию, которая их разделяет, не только чисто внешнюю, но также политическую и моральную.

Тема данной статьи побуждает сказать несколько слов о мидизме (*μηδισμός, μηδίσειν*)³³ — понятии, имеющем широкое значение, от персофильства, пассивной симпатии к персам, приверженности к персидскому образу жизни, до активного сотрудничества с персами, т.е. прямой измены. Возникновение самого понятия связывают с греко-персидскими войнами. Обвинение в мидизме служило одним из наиболее популярных приемов в политической борьбе V в. до н.э., особенно часто применявшимся против стратегов. Интересные документы представляют 11 остраконов, использовавшихся, вероятно, при остракизме 485 г. до н.э. и содержащих обвинение в связях с персами: *ΚΑΛΛΙΑΣ ΚΡΑΤΙΟ ΜΕΔΟΣ* — "Каллий, сын Кратия, мидиец (т.е. перс)"³⁴.

Любопытно, что семантика, связанная с понятием предательства, представлена в афинских комедиях. Весьма красноречиво

Позднее Эратосфен критиковал тех, кто делит все человечество на две группы — греков и варваров (*Strabo. I. 4. 9. С 66*). Материалы, комментарии и толкование см.: *Лурье С.Я. Антифонт, творец древнейшей анархической системы*. М., 1925. С. 280; *Он же. Геродот*. М.; Л., 1948. С. 47; *Доватур А.И. Рабство в Аттике...* С. 123 — 124; *Тупоров В.А. Античная социальная утопия*. Л., 1989. С. 127; *Schlaifer R. Greek Theories of Slavery...* P. [128]; *Bengtson H. Xenophon. Hellenika III. 2. 21 f., ein Beitrag zur Geschichte des griechischen Nationalbewusstseins* // *Kleine Schriften zur alten Geschichte*. München, 1974. S. 176; *Salmon P. "Racisme" ou refus de la différence dans le monde gréco-romain* // *Dialogues d'histoire ancienne*. P., 1984. Vol. 10. P. 76-78; *Garlan Y. Les esclaves en Grèce ancienne*. P. 1995. P. 127, 129.

³² *Boyon A. La représentation des guerriers perses...* P. 579 — 602.

³³ О феномене мидизма, времени его возникновения и политическом значении см.: *Cartledge P. The Greeks. A Portrait of Self and Others*. Oxford; N.Y., 1993. P. 45 — 46; *Wolski J. Medismos et son importance en Grèce à l'époque des guerres Médiques* // *Historia*. 1973. Bd. 22. P. 3-15; *Graf D.F. Medism: the Origin and Significance of the Term* // *JHS*. 1984. Vol. CIV. P. 15 — 30; *Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох*. М., 2000. С. 72.

³⁴ *Суриков И.Е. Политическая борьба в Афинах в начале V в. до н.э. и первые остракофории* // ВДИ. 2001. № 2. С. 120; *Иванчик А.И. Кем были скифские лучники на аттических вазах эпохи архаики?* II // ВДИ. 2002. № 4. С. 34.

речивы в этом отношении методы, к которым прибегает герой комедии Аристофана "Мир" виноградарь Тригей. Он намеревается лететь на небо к Зевсу, "чтобы спросить того, что делать затевает он со всеми нами, жителями Греции", и на вопрос раба "А если не ответит ? ", утверждает: " Обвиню его и заявлю, что предал персам эллинов" (ст. 103— 107. *Пер. под ред. С. Анна*). Угроза Тригея не вызывает ни возражения, ни удивления и воспринимается как вполне естественная и обычная. Далее Тригей обвиняет в предательстве Селену и Гелиоса, которые давно "готовят заговор, предать хотят они Элладу варварам", потому что варвары приносят им жертвы (ст. 406 — 409). Угрозы Тригея неслучайны: в полисном мире классической эпохи обвинение в предательстве, измене было весьма актуальным, особенно начиная со времени греко-персидских войн. Политическим противникам нередко инкриминировали измену в пользу персов и вообще варваров (под которыми, насколько можно судить, как правило, тоже имелись в виду персы). Во "Всадниках" Аристофана Клеон обвиняет Колбасника и афинских всадников как заговорщиков и грозит рассказать в Совете об их ночных собраниях, о том, что "вы с мидянами, с царем в союзе" (ст. 502 — 505). В "Женщинах на празднике "Фесмофорий" женщины молятся о счастье города и шлют проклятие всем, "кто преступно врагам предаст наши тайны заветные, кто мидян призовет в страну" (ст. 360 — 367).

Для Геродота термин "варвар" не имел того уничижительного значения, которое обычно ассоциировалось с ним³⁵, и в греческой идеологии он являет нам яркий пример направления, не совпадающего с преобладающим. Он писал свою "Историю" после окончания греко-персидских войн, в первые годы другой — Пелопоннесской — войны, т.е. жил и творил в мире, где господствовал уже не страх перед Персидской державой, а соперничество между двумя великими полисами Греции — Спартой и Афинами. Характеризуя азиатский "варваризм", историк стремился объяснить современникам причины не только постоянной вражды между азиатами-варварами и европейцами-эллинами, но и вражды в самой Греции между дорийцами-спартанцами и ионийцами-афинянами. На фоне преобла-

³⁵ Для общей ориентации в интересующем нас аспекте "Истории" Геродота ср.: *Haarhoff T.J.* The Stranger at the Gate... P. 20-26; *Hegyi D.* Der Begriff βάρβαρος bei Herodot // *Annales Universitatis Budapestinensis de Rolando Eotvös nominatae. Sectio Classica.* 1977-78. T. V-VI. S. 53-59; *Waters K.H.* Herodotos the Historian, his Problems, Methods and Originality. Norman (Oklahoma), 1985. P. 120-121; *Hall J.M.* Ethnic Identity in Greek Antiquity... P. 45; *Бузескул В.* Введение в историю Греции. Харьков, 1903. С. 64-65.

давших тогда представлений рядового грека³⁶, "грека на агоре", отношение Геродота к негрекам нетипично³⁶. Отмечая у греков достойные похвалы качества, присущие лишь им, Геродот в то же время не утверждал превосходство эллинов над варварами и не разделял распространенную в Греции V в. до н.э. теорию, согласно которой все, что отличается от греческих нравов, заслуживает порицания. Ему не было свойственно национальное самомнение и чувство национальной исключительности греков.

Эллины и варвары появляются буквально с первых строк "Истории". Определяя тему своего труда, историк пишет: "Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в неизвестности, в особенности же то, почему они вели войну друг с другом" (*Herod.* 1.1). Как мы видим, во-первых, речь идет о греках и варварах, т.е. только на них для Геродота — истинного сына своего времени — делится человечество; и во-вторых, и те и другие способны на великие и достойные удивления дела. "Истории" Геродота присуща определенная историческая концепция — идея о давнем противостоянии эллинов и варваров, Европы и Азии, Запада и Востока. В этом отношении важен содержащийся в начальных главах (I—V) обзор причин, приведших к вражде эллинов и варваров. Геродот стремится проследить по возможности истоки вражды, разделившей Европу и Азию еще с незапамятных времен, и тем самым показать ее давнишний и непримиримый характер.

Вражда, вылившаяся на заключительной стадии в войну греков с персами (варварами), представляется Геродоту одновременно как столкновение двух систем — мира свободных, подчиняющихся только закону эллинов и персидской деспотии. Истоки воинской доблести греков и их конечных успехов коренятся, согласно Геродоту, в свободном строе гражданского общества, тогда как, наоборот, деспотическим строем Персидской державы обусловлены неудачи обрушившихся на Элладу полчищ варваров. Историк, не боясь (по его словам) погрешить против истины, называет "афинян спасителями Эллады. Ибо ход событий зависел исключительно от того, на чью сторону

³⁶ Терпимость Геродота к варварам и даже его восхищение ими в литературе нового времени иногда склонны объяснять, по крайней мере отчасти, восточным происхождением историка — уроженца Галикарнасса. См., например: *Cartledge P.* The Greeks. A Portrait of Self and Others... P. 38. Была даже высказана мысль, что труд Геродота разрушил образ "эллина", созданный греко-персидскими войнами. См.: *Georges P.* Barbarian Asia and Greek Experience... P. 131.

склонятся афиняне. Но так как афиняне выбрали свободу Эллады, то они вселили мужество к сопротивлению всем остальным эллинам, поскольку те еще не перешли на сторону мидян, и с помощью богов обратили царя в бегство" (*Herod.* VII. 139)³⁷.

История, нравы и обычаи древнего Востока, как его культурного населения, так и нецивилизованных племен, живо интересуют Геродота. Он стремится выявить у каждого народа, о котором пишет, его характерные черты, "инаковость"³⁸. Историк смотрит на других как бы глазами современников, зачастую отталкиваясь, будь то по аналогии или от противного, от собственных обычаев греков. Геродот говорит, что другие поступают "как" или "не как" эллины, вместе с тем давая новое понимание иных народов.

Жизнь народов, с которыми Геродот знакомился в своих путешествиях³⁹, поражала его прежде всего тем, чем она отличалась от жизни эллинов. Она казалась удивительной, а рассказ об удивительном был одной из основных целей его труда. В этих рассказах об увиденном и услышанном историк много говорит о варварах, но мы не найдем здесь предвзятого, заведомо отрицательного отношения к ним. Напротив, Геродот отдает должное их достижениям, многое вызывает его одобрение и даже восхищение. Так, он уверяет, что вследствие воспитания у персов не было никогда случая, чтобы перс убил своего отца или мать; сообщает, что у персов никогда не казнят человека за первое преступление, и находит такой обычай похвальным (*Herod.* I. 137 — 138). Весьма разумным Геродот считает вавилон-

³⁷ Анализ проафинской тенденции труда Геродота см.: *Фролов Э.Д.* Факел Прометея. Л., 1991. С. 116 слл. Там же дана справедливая критика трактовки этой тенденции С.Я. Лурье как выполнения великим историком пропагандистского заказа афинской демократии. Эту точку зрения см.: *Лурье С.Я.* Очерки по истории античной науки. М.; Л., 1947. С. 105 слл.; *Он же.* Геродот... С. 68 слл. (со ссылками на работы Э. Мейера и Ф. Якоби).

³⁸ Что подчеркнул Ф. Актор: *Hartog F.* Le miroir d'Hérodote. Essai sur la représentation de l'autre. P., 1980. Ср.: *Куле Л.* СМИ в Древней Греции. М., 2004. С. 190-194.

³⁹ Насколько мы можем судить, наиболее подробно тема варваров в "Истории" Геродота исследована: *Hérodote et les peuples non grecs.* Neuf exposes suivis des discussions // *Entretiens sur l'Antiquité classique.* N 35 / Prep. par G. Nenci. Vandœuvres; Genève, 1990. Сборник содержит доклады девяти ученых, посвященные фракийцам (Д. Ашери), персам (П. Бриан), киммерийцам и скифам (Я. Харматта), лидийцам (М. Ломбардо), египтянам и ливийцам (Т. Ллойд), миру западных "варваров" (Дж. Ненчи), финикийцам (С.Ф. Бонди), арабам и индусам (А. Диле), Геродоту как историку чужой религии (В. Буркерт). О методе достижения Геродотом оппозиции "греки — варвары" в исторических рассказах см.: *Darbo-Peschanski C.* Les barbares à l'épreuve du temps (Hérodote, Thucydide, Xénophon) // *Métis.* 1989. Vol. IV. P. 233-250.

ский обычай — больному, которого выносят на рынок (у них ведь нет врачей), следовать советам того, кто сам излечился от его болезни (I. 196).

Главную доблесть персов Геродот видит в мужестве (I. 136). Неоднократно в "Истории" обнаруживается гуманное отношение к варварам. Напомним описание встречи опечаленного смертью сына Креза с его убийцей Адрастом, к которому Крез почувствовал жалость (I. 45), о великодушии Дария по отношению к Мильтиаду (VI. 41) и злейшего врага эллинов Ксеркса — к лакедемонским послам (VII. 136). Сообщая, что из всех известных ему народов "именно у персов более всего в почете доблестные воины", Геродот тем не менее рассказывает о том, как Ксеркс повелел отрубить голову мертвому Леониду и посадить ее на кол, объясняя приказ царя его ненавистью к Леониду: никого из своих врагов Ксеркс не ненавидел столь яростно, как Леонида. "Иначе никогда бы он не учинил такого надругательства над телом павшего", — замечает историк (VII. 238).

В общем Геродот восхищен Востоком, его мудростью, но склонен ее преувеличивать. Плутарх, ненавидевший Геродота за его нелестные отзывы о родине Плутарха Беотии, в сочинении "О злокозненности Геродота" весьма красноречиво назвал его "сторонником варваров" (φιλοβάρβαρος) за нескрываемое сочувствие к ним (*Plut. Moral.* 857A).

Греки проявляли большую терпимость по отношению к другим народам. Терпимость, однако, не означала признания равенства между греками и варварами. Даже Геродот, склонный преувеличивать вклад восточных народов (варваров) в развитие греческой культуры, был тем не менее уверен в нравственном превосходстве эллина над варваром, налагавшим, по его мнению, на грека определенные моральные обязательства⁴⁰.

Идея превосходства эллинов над другими народами наиболее полно была разработана в доктрине панэллинизма⁴¹, осо-

⁴⁰ *Дандамаева М.М.* "Национализм" в античности (Об отношении греков к варварам) // *Антиковедение на рубеже тысячелетий: тез. докл. на конф. Российской ассоциации антиковедов.* М., 2000. С. 33.

⁴¹ Обращаясь к теме панэллинизма, его формирования и идеологии, следует выделить недавно вышедший труд Э.Д. Фролова "Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть" (СПб., 2001), одна из глав которого посвящена идеологии панэллинизма, идеям Горгия и Лисия, программе Исократ, произведениям Ксенофонта, мотивам извечной противоположности и вражды эллинов и варваров, естественности войны между ними и противоестественности раздоров между греками, необходимости мирного согласия в Элладе во взглядах Платона (С. 469-498).

бенно Исократом⁴² — великим оратором и публицистом, борником панэллинизма. Используя уже сложившийся набор оценок варваров, в своих речах он постоянно сопоставляет греков с варварами в пользу первых, порицает трусость варваров, их предрасположенность к рабству и др. Оратор рассматривает разные стороны жизни персидского государства и в первую очередь критикует его политический строй — деспотию, при которой все подданные преклоняются перед царем, падают ниц, стремясь всячески унижить себя.

Призывая к походу на Восток, Исократ стремится убедить своих читателей, что Персия не монолитна, она охвачена распрями, сатрапы неверны царю и трусливы, так что "нет оснований бояться ни войска, повсюду сопровождающего царя, ни доблести самих персов" (Paneg. 145). Варвары плохо подготовлены к войне, у них не может появиться ни опытный стратег, ни хороший воин. Очень тенденциозно изображен знаменитый поход "десяти тысяч". Царь был настолько слабее греков, оказавшихся вдали от родины, в незнакомой стране, без союзников, потерявших полководца, что честному сражению предпочел обман. Но коварство не помогло ему, эллины "проделали этот поход так, как будто бы шли в сопровождении почетной охраны", считая для себя величайшим из благ, если сталкивались с возможно большим числом врагов. Они оказались сильнее персов, большинство из которых "представляет неорганизованную толпу, не сведущую в опасностях, лишенную выносливости на войне, но воспитанную для рабства лучше, чем наши домашние рабы"; "вследствие власти одного человека в душе они низки и полны раболепного страха" (Paneg. 146-151).

И в других речах Исократ ссылается на многочисленные победы греков над варварами. В заслугу деятелям прошлого оратор ставит их политику по отношению к варварам, которым они не давали строить козни против эллинов. В речи "Об обмене имуществом", прославляя мастерство красноречия, Исократ видит в нем отличие эллинов от варваров: "Вы получаете срав-

нительно с другими лучшую ораторскую подготовку и более совершенный разум" (293 — 294. *Пер. В.Г. Боруховича*). Понятно, почему грек Исократ в конфронтации с варварами — подданными персидского царя — столь важным считает искусство слова для гражданина на агоре и Пниксе. Убедая афинян взять на себя инициативу в примирении всех греков для общего похода против персов, Исократ в "Панегирике" упрекает лакедемонян за то, что те не предприняли ничего для общей пользы эллинов, "а ведь они могли бы, примирившись с нами, превратить варваров в периеков всей Эллады" (Paneg. 131). Ту же мысль оратор высказывает в письме македонскому царю Филиппу: "Подумай и о том, что ты только тогда будешь обладать непревзойденной славой, достойной твоих свершений, когда сделаешь варваров илотами эллинов" (Ер. III. 5. *Пер. В.Г. Боруховича, Т.В. Прушакевич*).

В своих взглядах Исократ не был одинок, он имел предшественников, и его мысли находили параллели у современников. Первыми здесь следует назвать ораторов Горгия и Лисия. В торжественной обстановке Олимпийских игр, вероятно 392 и 388 гг. до н.э., оба произнесли речи, ведущая тема которых одинакова: эллинам необходимо сплотиться, оставив взаимные распри, и обратить оружие против общих врагов Эллады. Считают, что Горгий первым провозгласил панэллинскую идею: как утверждает его биограф Филострат, "видя, что Эллада враждует, он стал советовать грекам (держаться) единомыслия, направляя (их) против варваров и убеждая их, чтобы (греческие) города сражались не друг с другом, но с землей варваров" (*Philostr. Vitae soph. I. 9. 4*). По словам Филострата, "Олимпийская речь" Горгия оказала пользу величайшему делу. Ту же самую идею о единомыслии всех эллинов Горгий развивал в речи, произнесенной при торжественном погребении павших во время Коринфской войны, и "подстрекал афинян против мидян и персов". Но прямо об этом он ничего не сказал, учитывая сложившуюся обстановку, поскольку афиняне, к которым был обращен эпитафий, стремились к господству над Элладой. Занялся же Горгий восхвалением трофеев побед над мидянами, "доказывая слушателям, что трофеи побед над варварами заслуживают гимнов, трофеи же побед над эллинами — плачевых песен (тренов)" (*Philostr. Vitae soph. I. 9. 5*).

Лисий излагает настоящую программу действий, сетуя на позорное положение Эллады, многие местности которой находятся под властью варвара. Все это греки терпят "вследствие внутренних смут и взаимного соперничества". "Поэтому вам следует, — заключает оратор, — прекратить войны между собой, единодушно стремиться к общему спасению... подражать предкам, которые у варваров, желавших завладеть чужой

⁴² Обстоятельный анализ взглядов Исократа, в том числе доктрины панэллинизма, в отечественной науке см.: *Маринович Л.И.* Греческое наемничество IV в. до н.э. и кризис полиса. М., 1975. С. 215 — 243; *Фролов Э.Д.* Панэллинизм в политике IV в. до н.э. // *Античная Греция*. М., 1983. Т. 2: Кризис полиса. С. 163 — 172; *Исаева В.И.* Идеологическая подготовка эллинизма // *Эллинизм: экономика...* С. 62-66; *Она же.* Античная Греция в зеркале риторики. Исократ. М., 1994. С. 158-172. К литературе, приведенной в названных трудах, добавим: *Sakellariou M.B.* Panhellenism: from Concept to Policy // *Philip of Macedonia* / Ed. by M.B. Hatzopoulos, L.D. Loukopoulos. Athens, 1980. P. 128 - 145.

землей, отняли их собственную и... сделали свободу общим достоянием" (XXXIII. 3—6)⁴³. О предках афинян, победителях при Марафоне, вспоминает в речи против Леократа еще один оратор — Ликург: построенные в боевом порядке против варваров, они одержали верх над войском, собранном со всей Азии, "сделав себя защитниками эллинов и господами варваров" (104).

Любопытно сравнить Исократа с другим знаменитым оратором, его антиподом Демосфеном⁴⁴. Внеся свою лепту в панэллинские идеи, Демосфен, однако, основного врага эллинов видел в македонском царе Филиппе. Вместе с тем их аргументация примерно однотипна. Для Демосфена Филипп — варвар, и поэтому, доказывая его вероломство и бесчестие, Демосфен использует уже, видимо, устоявшийся негативный стереотип варвара, которому присущи низкие моральные качества, и патетически восклицает: "Разве он не враг?... Разве не варвар?" (III. 16). Характерно его уничижительное отношение к Македонии как к типично варварской территории — прием, предназначенный придать доводам оратора еще большую убедительность. Набор обвинений в речах Демосфена показывает, что нагнетание вражды к Филиппу строится на подчеркивании его свойств, тождественных характеру и нравам варваров. Обращаясь к афинянам, оратор вспоминает о славных предках, которым подчинялся царь, "как и подобает варвару подчиняться грекам".

Итак, к концу IV в. до н.э. — времени завершения эпохи независимой Эллады — в дихотомии "свой—чужой" вполне отчетливо сформировался негативный образ варвара. На первое место отчетливо выдвигалось презрительное отношение к иноземцам, неэллинам, уступавшим грекам своими политическими режимами, идеологией и моральными качествами. Отсюда делался вывод о праве греков по природе властвовать над варварами, а варварам — подчиняться грекам. И еще одна важная особенность: речь шла не об определенном этносе, но о варваре, лишенном конкретных этнических черт, т.е. понятие "варвар" обладало теперь высоким уровнем абстрагирования. Оно

⁴³ Издание, переводы и комментарии Филострата: В. П². 82(76]. *Diels-Kranz; Philostratus and Eunapius. The Lives of the Sophists. Trans. by W.C. Wright. Cambridge (Mass.), 1968; Маковельский А.О. Софисты. Вып. I. С. 22; Лисий. Речи / Пер., ст. и комм. С.И. Соболевского. М.; Л., 1933.*

⁴⁴ Относительно панэллинизма Демосфена среди историков нет единства мнений, и вопрос этот решается неоднозначно. Для общей ориентации сошлемся на работы Х. Дункеля, Ж. Люччиони, Г. Бокиш, Ш. Перлмэна, А.К. Бергера, названные в кн.: *Маринович Л.П. Греки и Александр Македонский. М., 1993. С. 221. Примеч. 36.*

превратилось в собирательный образ варвара и стало штампом массового сознания.

Заслуживает пристального внимания одно обстоятельство: негативное отношение к варварам наложило отпечаток на риторику и ссылка на них стала своего рода метафорой, к которой прибегали в судебной практике, стремясь всячески опорочить противника. Приведем два примера. Среди пороков, которыми обладает противник Демосфена сикофант Аристокитон, назван его нрав — грубый и варварский (*Dem. XXVI. 17*). По словам же Эсхина, злейшего врага Демосфена, тот — потомок кочевых скифов (со стороны матери). Такое обвинение бросает в лицо Демосфену Эсхин в речи, произнесенной в суде по знаменитому делу о так называемом преступном посольстве (*Aeschin. II. 78*).

Здесь уместно вернуться к комедиям Аристофана как наглядному свидетельству восприятия варваров на уровне массового сознания, поскольку именно на рядовых граждан, собравшихся в театре, как представляется, должен был прежде всего ориентироваться великий комедиограф. В "Птицах" Удод с энтузиазмом принимает идею Писфетера наложить штраф на богов за то, что жертвенный дым доходит до них, а если те откажутся платить, то не пропускать дым через птичий город. На вопрос Писфетера, кто же сможет объяснить птицам эту затею, Удод отвечает: "Ты. Теперь они уже не варвары. Я с ними жил и языку их выучил" (ст. 199 — 200. *Пер. С. Анна*). В "Облаках" Сократ, выбранный Аристофаном в качестве объекта комедийного изображения как носитель софистической науки, собирается взять в обучение старика Стрепсиада, запутавшегося в долгах из-за аристократических замашек своего сына, и просит его описать самого себя. Но Стрепсиад оказывается неспособным воспринять всю премудрость софистов, и возмущенный Сократ восклицает: "Ну что за варвар! До чего невежествен! Боюсь, старик, понадобятся розги нам" (ст. 492. *Пер. под ред. С. Анна*). Для зрителей очевидно: невежество ассоциируется с варваром, а человек, обучившийся греческому языку, уже не варвар. Отрывок из "Облаков" побуждает вспомнить о приведенной ранее мысли Исократа, высказанной почти через 50 лет после постановки комедии: "...самое имя эллина становится уже обозначением не происхождения, но культуры" (Paneg. 50).

В общем, едва ли не в каждой комедии Аристофана появляются варвары. Они враждебны эллинам, и Дикеополь в "Ахарнях" возмущается:

Да как же вы, пританы, допускаете,
Чтоб это дома я терпел от варваров?
(ст. 167 - 168. *Пер. С. Анна*)

Лисистрата, героиня одноименной комедии Аристофана, упрекает греков во взаимной вражде и призывает их объединиться против исконного врага — Персии:

**Как родные, кровные,
Из одного ковша вы возливаете
На алтари — у Фермопил, в Олимпии,
В Пифо, да где еще, не перечать всего!
И вот, перед лицом враждебных варваров,
Поля Эллады вы опустошаете.
(ст. 1129 - 1144. Пер. А.И. Пиотровского)**

Даже высокая философия с ее вниманием к более отвлеченным темам и идеям не могла не откликнуться на волновавшие общество вопросы. В этом смысле весьма показательна речь-эпитафий Сократа, посвященная героям древности. Она занимает почти весь диалог Платона "Менексен", представляющий красочное риторическое повествование о подвигах и страданиях афинян, превосходящих всех греков. Ненависть афинян к варварам объясняется их свободолюбием и происхождением: они — подлинные эллины, автохтоны, рожденные самой аттической землей. "Настолько свойственно нашему городу свободолюбие и благородство, покоящиеся на здоровой основе и природной нелюбви к варварам, ведь мы — подлинные эллины, без капли варварской крови... все мы, живущие здесь, настоящие эллины, а не полукровки; отсюда городу присуща истинная ненависть к чужеземной природе" (Plat. Menex. 245c - d) 45.

В то же время бросается в глаза двойственное и даже явно противоречивое отношение к варварам. Наряду с враждебностью и презрением к ним определенно выявляется и иная тенденция — интерес к народам Востока, его культуре, быту и нравам, что особенно яркое выражение получило в "Истории" Геродота, которого заслуженно называют отцом этнографии. Он уделяет много места описанию варварских народов, их быта и обычаев, существующих у них форм брака и семьи, жилищ и одежды. Другой пример — "Политика" Аристотеля, хотя их ни в коей мере нельзя сравнивать. В своем проекте идеального государства Стагирит время от времени обращается и к варварам, их обычаям и нравам 46. Много ссылок на варварские наро-

⁴⁵ Ср.: Casevitz M. Le vocabulaire du mélange démographique: mixobares et mixhellènes // *Origines gentium. Textes réunis par V. Fromentin et S. Gotteland. P.; Bordeaux, 2001. P. 41-47*; Лосев А.Ф. Ранние диалоги Платона и сочинения Платоновской школы // Платон. Диалоги. М., 1986. С. 10-12. Пер. С.Я. Шейнман-Топштейн.

⁴⁶ Weil R. Aristote et l'histoire. Essai sur la "Politique". P., 1960. P. 211-228.

ды содержат VII и VIII книги "Политики", а также особенно 10-я и 11-я главы V книги, посвященные монархии.

Для полноты картины следует сказать еще об одной тенденции — идеализации народов 47, обычно живших на окраинах тогдашнего мира. Как известно, определенная склонность к идеализации варварских народов прослеживается уже в таких древнейших памятниках греческой литературы, как гомеровская "Илиада" (см., например, известный пассаж о млекоедах и доителях кобылиц — XIII. 1 — 7). В литературе нового времени эту тенденцию иногда связывают "с походом против античной цивилизации", когда на поверхность выступили все присущие ей противоречия. В ней видят также результат развития утопий — одного из направлений, по которым развивалась общественная мысль греков, рассматривая поэмы Гомера как первые образцы простейшей географической утопии и вместе с тем элементы утопии этногеографической, а поэму Гесиода "Труды и дни" — как новый вид временной утопии.

Насколько можно судить по дошедшим до нас источникам, греки не имели представления о генетическом различии народов. Они считали, что человеческий род один, а различия между народами случайны 48. К концу V в. до н.э. относится замечательное произведение "О воздухах, водах и местностях" (Περὶ αἰέρων υδάτων τόπων), автором которого исследователи считают Гиппократ (правда, не все) 49. Связывая характер разных народов с природными условиями, он, в частности, отмечает, что азиаты менее воинственны, чем европейцы, и лишены всякого мужества из-за того, что климат у них всегда приблизительно одинаков. Много места Гиппократ отводит скифам, рассказывая об их внешнем виде и обычаях и тоже сопоставляя их

⁴⁷ Из обширной научной литературы о "культурной примитивизации" и традиции идеализации народов, населявших периферию обитаемого мира, и их патриархальных устоях сошлемся только на несколько более новых работ, посвященных Северному Причерноморью: Куклина И.В. АБИОІ в античной литературной традиции // ВДИ. 1969. № 3. С. 120—130; Доватур А.И., Каллистов Д.П., Шишова И.А. Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982; Скржинская М.В. Скифия глазами эллинов. СПб., 1998.

⁴⁸ Salmon R. "Racisme" ou refus de la différence... P. 76 (он приводит свидетельства Эпихарма и Демокрита; другого мнения придерживался софист Антифонт). Ср.: Reverdin O. Crise spirituelle et évasion // Grecs et barbares... P. 89.

⁴⁹ Ср.: Backhaus W. Der Hellenen — Barbaren — Gegensatz und die Hippokratische Schrift Peri Aeron Hudaton Topon // Historia. 1976. Bd. XXV, H. 2. S. 170-185; Cartledge P. The Greeks. A Portrait of Self... P. 40-41; Jouanna J. À l'origine de l'origine des peuples // Origines gentium... P. 31 ss. Гиппократ. Избранные книги / Пер. на рус. яз. В.И. Руднева. М., 1994.

с природой (17 — 22). Жители Европы, по его мнению, более мужественны, чем азиаты, по причине великих перемен погоды в разные времена года. Они "воинственны также и благодаря своим законам, потому что не повинуются власти царей, как азиаты" (23).

Своеобразную параллель наблюдениям Гиппократы мы находим в "Политике" Аристотеля в той ее части, где он рассматривает, какими свойствами должно обладать население идеального государства. Представление об этом, как считает Аристотель, можно составить, обратив внимание на знаменитые эллинские государства и различные племена, обитающие по всей вселенной. Племена, живущие в странах с холодным климатом, притом в Европе, преисполнены мужества, но недостаточно наделены умом. Поэтому они дольше сохраняют свою свободу, но неспособны к государственной жизни и не могут господствовать над своими соседями. Населяющие Азию обладают умом, но им не хватает мужества, и поэтому они живут в подчинении и рабском состоянии. "Эллинский же род, занимая как бы срединное место, объединяет в себе те и другие свойства: он обладает и мужественным характером, и умственными способностями; поэтому он сохраняет свою свободу, пользуется наилучшим государственным устройством и способен властвовать над всеми, если бы он только был объединен одним государственным строем" (Polit. 1327b. 19-33).

Фукидид в знаменитой "Археологии", рассказывая о нравах древнего времени, в частности, отмечает, что тогда на Олимпийских состязаниях борцы выступали в набедренных повязках, а у некоторых варваров, особенно у азиатских, и теперь еще на состязаниях в кулачном бое и борьбе участники также выступают в поясах. И в связи с этим добавляет: "Можно указать много и других обычаев древней Эллады, схожих с обычаями современных варваров" (*Thuc.* I. 6. 6).

Итак, три знаменитых грека — врач, философ и ученый-историк, жившие в V — IV вв. до н.э., — в разной связи пишут об одном и том же — единстве человечества. Греки разработали теорию воздействия природных условий на физический и нравственный облик народов, на склад ума и характер, на их способности. Согласно этим теориям, именно природные условия мест обитания греков обеспечили им высокие физические и духовные качества. Не будучи, таким образом, расистами в современном смысле этого слова, греки демонстрировали уверенность в своем превосходстве над варварами⁵⁰.

С греко-персидскими войнами слово "варвар" приобретает пейративное значение, различие в языке (λόγος) превращается в неодинаковую у эллинов и варваров способность к разумному рассуждению (λόγος), а сам варвар становится интеллектуально низшим по отношению к греку. Но в целом картина вырисовывается не столь однозначная, и очевидны две тенденции: наряду с ксенофобией дух открытости навстречу другим, зачинателями которого были ионийцы — Гекатей, Геродот, Гиппократ, а продолжателями — софисты.

В IV в. до н.э. вопрос о греках и варварах стал в Греции настоящей философской проблемой, при обсуждении которой предлагались два решения. Первое — эллины и варвары рассматривались как две части человечества, равные друг другу. Сторонники второго решения были убеждены в исключительности греков, они отказывали варварам в человеческом достоинстве, в праве на свободу. Очевидно преобладание второго решения, которое разделяли трагики, философы Аристотель и Платон, ораторы Исократ и Демосфен. Сама дихотомия "эллыны—варвары" заключала в себе не только политический, но и моральный аспект.

⁵⁰ Дандамаева М.М. Национализм в античности... С. 33.

А.А. Молчанов

ОТНОШЕНИЕ К ВАРВАРАМ В ОБЩЕАХЕЙСКОЙ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ*

Население Ахейской (Микенской) Греции постоянно имело активные контакты со своими иноэтничными соседями. Об этом красноречиво свидетельствуют все имеющиеся в нашем распоряжении типы источников.

Археологические материалы говорят об интенсивных торгово-экономических связях микенского мира с различными регионами Передней Азии и Северной Африки, Южной и Юго-Восточной Европы¹. Хеттские тексты довольно подробно повествуют о военной экспансии ахейцев в западных областях Анатолии². Им вторят в этом отношении эпические сказания

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №03-01-00684а.

¹ См., например: *Stubbings F.* Mycenaean pottery from the Levant. Cambridge, 1951; *Taylor W.* Mycenaean Pottery in Italy and Adjacent Areas. N.Y.; Cambridge, 1958; *Makkay G.* Remarks to the Archaeology of the Relations between Crete, Mycenae and Central Europe // *Atti e memorie del 1° Congresso Internazionale di micenologia*. Roma, 1968. Pt. I; *Vermeule E.T.*, *Karageorghis V.* Mycenaean Pictorial Vase Painting. Cambridge (Mass.), 1982; *Harding A.F.* The Mycenaeans and Europe. L., 1984; *Bouzek J.* The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural interrelations in the Second Millenium B.C. Praha, 1985; *Hansel B.* Mykene und Europa // *Das mykenische Hellas. Heimat der Helden Homers*. Athens, 1988; *Haider P.W.* Ägäer in ägyptischer Diensten zwischen ca. 1500 und 1200 v. Chr. // *Laverna*. Innsbruck, 1990. S. 18-49; *Vanschoonwinkel J.* L'Égée et la Méditerranée orientale à la fin du IIe millénaire. Témoignages archéologiques et sources écrites. Louvain-la-Neuve, 1991; *Dyczek P.* Pylos in the Bronze Age. Problems of culture and social life in Messenia. Warszawa, 1994. P. 147 — 162; *Блаватская Т.В.* Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. М., 1966. С. 101 — 104, 162 — 165; *Молчанов А.А.*, *Нерознак В.П.*, *Шарынкин С.Я.* Памятники древнейшей греческой письменности. Введение в микенологию. М., 1988. С. 53, 54; *Бартонек А.* Златообильные Микены. М., 1991. С. 171-180.

² Ср.: *Forrer E.* Vorhomerische Griechen in den Keilinschriften von Boghazköi // *Mitteilungen der Deutschen Orient. Gesellschaft*. 1924. Bd. 63; *Schachermeyr F.* Mykene und das Hethiterreich. Wien, 1986; *Гиндин А.А.* Ahhijawa и гомеровская эпическая традиция // *Балканско езикознание*.

эллинов. Такая информация сохранилась, как известно, в бессмертных творениях Гомера. Содержалась она и в других эпических поэмах, повествовавших о подвигах ахейских витязей под Троей, содержание которых пересказывали более поздние греческие авторы. Речь идет не только о прославленной в эллинском эпосе Троянской войне с участием Агамемнона и его соратников, но и о более ранних военных экспедициях ахейцев в Троаду и соседние районы Малой Азии (*Hom.* II. III. 184—190; V. 638-642, 648-651; XIV. 250-251; *Pind.* Isthm. V. 35-37; VI. 26-31; *Apollod.* II. 6. 4; *Diod.* IV. 32; *Plut.* Sert. 1; *Plut.* Moral. 301A-B; *Paus.* II. 24. 3; VII. 19. 9; VIII. 36. 6; *Hyg.* Fab. 89).

Таблички линейного письма В в свою очередь недвусмысленно указывают на ахейско-западноанатолийские контакты: в бухгалтерских записях фигурируют этнические рабынь, доставленных в Грецию из Лидии и Карики³. О набегах ахейцев, ориентированных в южном направлении — на территорию Ливии и в Долину Нила, — говорит эллинская историческая традиция, сопоставляемая с данными египетских письменных источников⁴. Контакты с эгейским миром имели существенное значение для развития этнополитической ситуации на севере африканского континента во второй половине II тысячелетия до н.э.

Противопоставление себя другим этносам у греков ахейской эпохи реализовывалось, несомненно, на уровне так называемого обыденного общественного самосознания. Принципиально значимое различие, проистекающее из оппозиции "мы — они", неизбежно входит в круг представлений людей

1990. Т. XXX. Вып. 3 — 4; *Он же.* Население гомеровской Трои. Историко-филологическое исследование по этнологии древней Анатолии. М., 1993. С. 92 — 133; *Гиндин А.А.*, *Цымбурский В.Л.* Античная версия исторического события, отраженного в KUB. XXIII. 13 // *ВДИ*. 1986. № 1; *Они же.* Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1986. С. 42 — 131.

³ *Ventris M.*, *Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. 2nd ed. Cambridge, 1973. P. 141; *Wood M.* In search of the Trojan War. L., 1985. P. 159; *Гиндин А.А.* Троянская война и Аххиява хеттских клинописных текстов // *ВДИ*. 1991. № 3. С. 48, 49; *Гиндин А.А.*, *Цымбурский В.Л.* Гомер и история... С. 51 — 53; *Молчанов А.А.* Маршруты работоторговли в Микенской Греции (по данным табличек линейного письма В) // *Торговля и торговцев в античном мире*. М., 1997. С. 52 — 54; *Он же.* Социальные структуры и общественные отношения в Греции II тысячелетия до н.э. (Проблемы источниковедения минойстики и микенологии). М., 2000. С. 160, 161.

⁴ *Немировский А.А.* Троя после Троянской войны // *Вестник МГУ*. Серия 8: История. 1999. № 5. С. 72-74.

⁵ *Поплинский Ю.К.* Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. Гарамантская проблема. М., 1978. См. также рец. на эту кн.: *Народы Азии и Африки*. 1979. № 3.

каждого этноса с глубочайшей древности⁶. Весомым доказательством наличия у греков-ахейцев единого этнического самосознания служит наличие у них общих обозначений для собственной этнокультурной общности, зафиксированных в гомеровском эпосе. Имеющие синонимический характер самоназвания — "ахейцы", "данайцы", "аргивяне" — охватывают всех участников похода на Трою. Каждое из них при этом противостоит названиям самых разных народов и племен, не только противников греков, но даже просто не входящих с ними в один лингвоэтнический круг.

Наличие языкового барьера всегда оставалось для массового самосознания любого народа важнейшим показателем чужеродности тех или иных контактирующих с ним этносов. Именно поэтому возникали такие наименования для инородцев, как "варвары" (т.е. люди, произносящие нечто невразумительное типа "бар-бар") или "немцы" (т.е. не могущие объясняться на понятном языке и потому как бы лишенные дара речи).

Нет прямых свидетельств, что уже в греческом языке микенской эпохи существовал термин βάρβαρος. В текстах табличек линейного письма В он не встречается, но контекст этих документов бухгалтерской отчетности вряд ли предполагал появление его там. Нет данного термина и в поэмах Гомера, что подметил еще Фукидид (I. 3. 3). Однако в поэтическом языке придворно-дружинного эпоса просторечная звукоподражательная кличка для всех подряд инородцев могла тоже не найти себе места. Для обозначения тех или иных достойных противников ахейских витязей (при описании сражений последних с троянцами и их союзниками) Гомером наряду с личными именами и патронимиками применялись конкретные этниканы. Но в то же время у Гомера (II. II. 867) встречается выражение βάρβαρόφωνος, производное от βάρβαρος.

Античная мифолого-историческая традиция применительно к югу Балканского полуострова микенской эпохи говорит о нескольких этносах явно негреческого происхождения.

⁶ О выработке современной методики изучения этнического самосознания в отечественной науке см. работы Ю.В. Бромлея, В.И. Козлова, И.С. Кона, М.В. Крюкова, М.И. Куличенко, В.А. Никонова, Б.Ф. Поршнева, Л.Н. Терентьевой, Г.В. Шелепова, В.П. Шушарина и др. Итоги общих усилий в данной области подведены в кн.: Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров. Проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 10-17, 360, 361.

⁷ О нынешнем состоянии исследования этнической истории юга Балкан см.: Гиндин А.А. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967; Он же. К методике выявления и стратификации лингвоэтнических слоев на юге Балканского полуострова (по данным древней топонимии) // Этимология. 1967.

Из них этеокритяне и кидоны изначально локализуются на Крите (судя по всему, они являлись потомками минойцев — коренного догреческого населения острова). По некоторым данным, там их соседями некоторое время были носители одного из анатолийских языков, а также пеласги. В материковой Греции пеласгийский элемент, генетически тождественный фракийскому, занимал до прихода ахейцев доминирующее положение. Об этом свидетельствуют многочисленные местные предания, бытовавшие в разных областях — от Фессалии до Пелопоннесского полуострова⁸. Эллы долго помнили, что вся их страна и ее отдельные части (например, Аркадия и Пелопоннес в целом) некогда назывались Пеласгией (*Herod.* II. 56; *Thuc.* I. 3. 2; *Strabo.* V. 2. 4; *Paus.* VIII. 1. 6; 4. 1 etc.).

М., 1969; Он же. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата // Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев: Методология и историография. М., 1976; *Sakellariou M.B.* *Peuples préhelléniques d'origine indoeuropéenne.* Athens, 1977; *Гиндин А.А., Мертнер Н.Я.* Античная балканистика и этногенез народов Балкан (К методологии междисциплинарных исследований) // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья: Лингвистика, история, археология. М., 1984; *Молчанов А.А.* Элементы доиндоевропейского языкового субстрата на юге Балкан (минойский и "эгейский") // Античная балканистика: Карпато-Балканский регион в диахронии. Предварительные материалы к международному симпозиуму. М., 1984; Он же. Рец. на кн.: *Гиндин А.А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фракомалоазийские изоглоссы). София, 1981 // ВДИ. 1985. № 2; Он же. Рец. на кн.: *Откупщиков Ю.В.* Догреческий субстрат: У истоков европейской цивилизации. Л., 1988 // ВДИ. 1991. № 3; Он же. Патриархи европейской топонимии (Минойские имена городов Крита) // *Res Linguistica: К 60-летию В.П. Нерознака.* М., 2000.

⁸ *Lochner-Hüttenbach F.* *Die Pelasger.* Wien, 1960; *Paslavsky T.* *Die Pelasger in der Geschichte Arkadiens* // *DO-SO-MO. Fascicula Mycenologica Polona.* Olsztyn, 2001. Т. 3: *Mykenologia i kultura antyczna.* S. 25-33; *Мертнер Н.Я., Молчанов А.А.* Структура протофракийских поселений раннего бронзового века в свете данных археологии и античной традиции (Опыт интеграции источников по древнейшей истории юго-востока и юга Балканского полуострова) // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М., 1990. С. 23 — 28; Он же. Градостроительная структура протофракийских поселений эпохи ранней бронзы на юго-востоке и юге Балканского полуострова (по данным археологических и нарративных источников) // V Международный конгресс по фракологии (Международный симпозиум "Античная балканистика 6". Москва, 18-22 октября 1988 г.). Этногенез народов Юго-Восточной Европы. Этно-языковые и культурно-исторические взаимодействия Балкан и Циркумпонтийской зоны (*Acta Associationis Internationalis "Terra Antiqua Balcanica"*. Vol. VI). *Serdicae*, 1991. С. 137-140; *Молчанов А.А.* Социальные структуры... С. 7 — 13. Начало действительно плодотворному изучению пеласгийского (пеласгского) языка положил известный болгарский лингвист В. Георгиев. Ср.: *Георгиев В.И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.

Казалось бы, в общем совсем нетрудно представить себе характер отношений греков-ахейцев, завоевавших юг Балканского полуострова, с побежденными ими автохтонами, некоторые локальные группы которых продолжали обитать кое-где бок о бок с воинственными пришельцами. Несомненным фактом представляется заимствование ахейцами у южнобалканских пеласгов ряда полезных навыков и достижений в сфере материальной культуры (весьма показательны здесь, в частности, примеры с перешедшими в греческий язык пеласгийскими культурными терминами, обозначающими некоторые виды растений, бытовые предметы, архитектурно-градостроительные объекты и т.д.). Однако очень желательно было бы выяснить какие-либо реальные детали межэтнического взаимодействия в Ахейской Греции на самом высоком социальном уровне. Такая возможность, как нам кажется, может появиться, если попробовать проследить родственные связи династий анактов-ахейцев с пеласгийской знатью.

О царях с характерным именем Пеласг сохранялась память в исторических преданиях двух областей на Пелопоннесе — Аргolid и Аркадии. Но если в аргосской традиции он фигурирует лишь как обобщенный образ автохтонного догреческого правителя (*Aesch.* Suppl. 250 sq.; *Apollod.* II. 1. 1; *Paus.* I. 14. 2; II. 22. 1; Schol. Eurip. Orest. 857, 942; Schol. Eust. Hom. II. II. 3. 75), то в аркадских сказаниях ему отводится исключительно важная роль земного первопретка местной династии (*Apollod.* III. 8.1; *Paus.* VIII. 1.4-6). Эта династия правила Аркадией в ахейскую эпоху (*Paus.* VIII. 4. 1 - 10; 5. 1 - 6). Она сумела сохранить свою власть и после прихода в Пелопоннес дорийцев (*Paus.* VIII. 5. 6—13). Ее непосредственным родоначальником по мужской линии выступал в местных преданиях царь-эпоним Аркад, со стороны своей матери считавшийся правнуком Пеласга (*Apollod.* III. 8. 1-2; *Paus.* VIII. 2. 1; 3. 6-7; 4. 1) (см. табл. 1).

Наличие у Аркадидов твердого убеждения о родственной связи их династии, одной из видных ахейских династий, с инородцами-пеласгами является, на наш взгляд, принципиально важным моментом. Оно дает ключ к пониманию того, каковы были допустимые рамки межэтнических связей с точки зрения всей верхушки греческого общества II тыс. до н.э. Дело в том, что, судя по многочисленным свидетельствам, привлекаемым из генеалогий знатнейших ахейских линий, для последних было весьма обычным явлением заключение между собой династических браков. В результате, например, многие анакты-ахейцы, участвовавшие, согласно эпосу, в Троянской войне (ср.: Hom. II. II. 493-760; *Apollod.*

Epit. III. 11-17), оказываются на поверку в свойстве друг с другом⁹.

Агамемнон и Менелай, сыновья Атрея, доводились через свою мать двоюродными братьями Идоменею Критскому. Они женились на родных сестрах — Клитемнестре и Елене, дочерях спартанского царя Тиндарея. Двоюродной сестрой названных царевен была Пенелопа, супруга Одиссея. Терсандр фиванский, сын Полиника, и Диомед, сын Тидея, родились от двух разных дочерей (соответственно от Аргеи и Эрифилы) Адраста, царя аргосского и сикионского. А женились они оба на его же внуках, Демонассе и Эгиалее. Эвриал, сын Мекистея, как племянник Адраста тоже был свойственником Терсандра и Диомеда. Одна из теток Диомеда по отцу, Горга, была матерью Тоанта, сына Андромона, предводительствовавшего под Троей этолийцами.

Семья фессалийских Элатидов породнилась с Гераклидами, из которых Тлеподем, а также Фидипп и Антиф (оба сына Фессала) сражались под Троей. Дядя участника той же войны — Леонтей, сын Кенея, — был женат на сестре Геракла Тиринфского, Лаономе. Свойственником Гераклидов являлся и уже упомянутый выше предводитель этолийских дружин Тоант, сын Андромона и калидонской царевны Торги, дочери Ойнея. То же можно сказать о Диомеде как о сыне Тидея и внуке Ойнея. Протесилай, царь Филаки в Фессалии, первым из ахейских витязей павший на земле Трои (в качестве предводителя филикийцев его сменил младший брат Подарк), взял в жены Полидору, дочь Мелеагра и внуку Ойнея. Получивший в войске ахейцев скандальную славу дерзкий смутьян Терсит, сын Агрия, происходил из того же рода правителей Калидона: Агрий и Ойней были братьями.

Могучий Аякс Теламонид через свою мать Перибейю, дочь мегарского царя Алкатоя, приходился двоюродным племянником Агамемнону и Менелая. Двоюродная сестра двух последних — Этра, дочь Питтея (Питфея) Трезенского, — была матерью Тесея и бабкой афинских царевичей Демофонта и Акаманта, участников похода на Трою. В этой войне афинянами предводительствовал их тогдашний царь Менестей, троюродный брат и преемник на престоле Тесея.

⁹ Их матримониальные связи легче всего прослеживаются по трудам Аполлодора и Павсания, где подробная информация сгруппирована вокруг отдельных стемм. Упоминания о брачных союзах между знатными ахейскими линиями относятся к числу часто встречающихся мотивов в многоголосом хоре общегреческих и локальных (областных и родовых) преданий.

Строитель знаменитого Троянского коня, Эпей, был двоюродным братом Строфия, мужа Анаксибии — сестры Агамемнона. Сестра павших под Троей в последний год ее осады братьев-близнецов Ортилоха и Кретопа, сыновей Диокла из Фар (Фер) Мессенских (*Hom. II. V. 541—560*), по имени Антиклея вышла замуж за Махаона, сына Асклепия (*Paus. IV. 30. 2*). Махаон и его брат Подалирий упоминаются в "Илиаде" не только в качестве военачальников, но и как искусные целители. Со стороны своей бабушки по отцовской линии они состояли в родстве с царями Мессении.

Это перечисление можно было бы продолжать и дальше. Но и уже приведенные примеры говорят о разветвленности династических связей между участниками общегреческой коалиции, возглавленной Агамемноном. Столь же интенсивная матримониальная политика была характерна, судя по дошедшим до нас родословиям ахейских владык, и для их более ранних поколений.

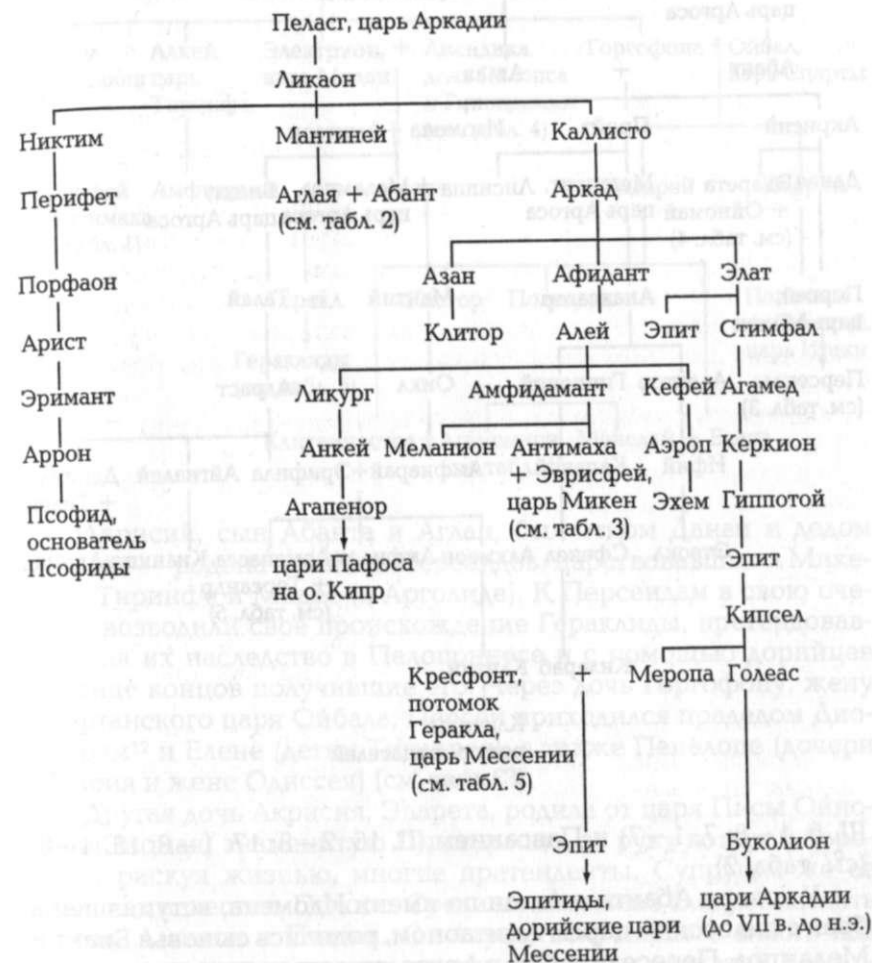
Браки заключались между представителями венценосных семей, стоявших во главе тех или иных многочисленных царств, которые создали греки-ахейцы в различных уголках будущей Эллады. Династические альянсы в разное время связывали между собой Микены и Кносс, Микены и Аргос, Микены и Аркадию, Микены и Спарту, Аргос и Фивы, Аргос и Пилос, Аргос и Спарту, Аргос и Пису (в Элиде), Аргос и Аркадию, Аргос и Сикион, Пилос и Фивы, Аркадию и Спарту, Аркадию и Орхомен Беотийский, Мегары и Саламин, Афины и Кносс, и т.д. и т.п.

При всей фрагментарности сохранившихся генеалогических источников¹⁰ общая картина вырисовывается вполне однозначная: отношения кровного родства или свойства связывали ко времени воспетой Гомером Троянской войны, и даже раньше, чуть ли не всех мало-мальски заметных ахейских анактов. По этой причине пеласгийские корни оказываются у многих персонажей, известных по историческим преданиям греков-ахейцев.

Отсчет потомков царя Пеласага начинается с Ликаона, правившего всей Аркадией и оставившего многочисленное потомство (*Apollod. III. 8. 1; Paus. VIII. 2. 1; 3. 1—6*). Ликаону наследовал его сын Никтим (*Apollod. III. 8. 1—2; Paus. VIII. 3. 1*). Его потомки по прямой мужской линии не сохранили верховную власть над Аркадией, но, к примеру, один из них, Псофид (сегодняшняя Псифида, основательница города Псифиды в Мессении), стал эпонимом-основателем города Псофиды (*Paus. VIII. 24. 1*) (см. табл. 1).

¹⁰ О них см.: Молчанов А.А. Генеалогические источники по истории Ахейской Греции (Родословная царей Сикиона и их потомков) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.: Магнитогорск, 1997. Вып. IV. Ч. I: История. С. 72 — 82; Он же. Социальные структуры... С. 193-209.

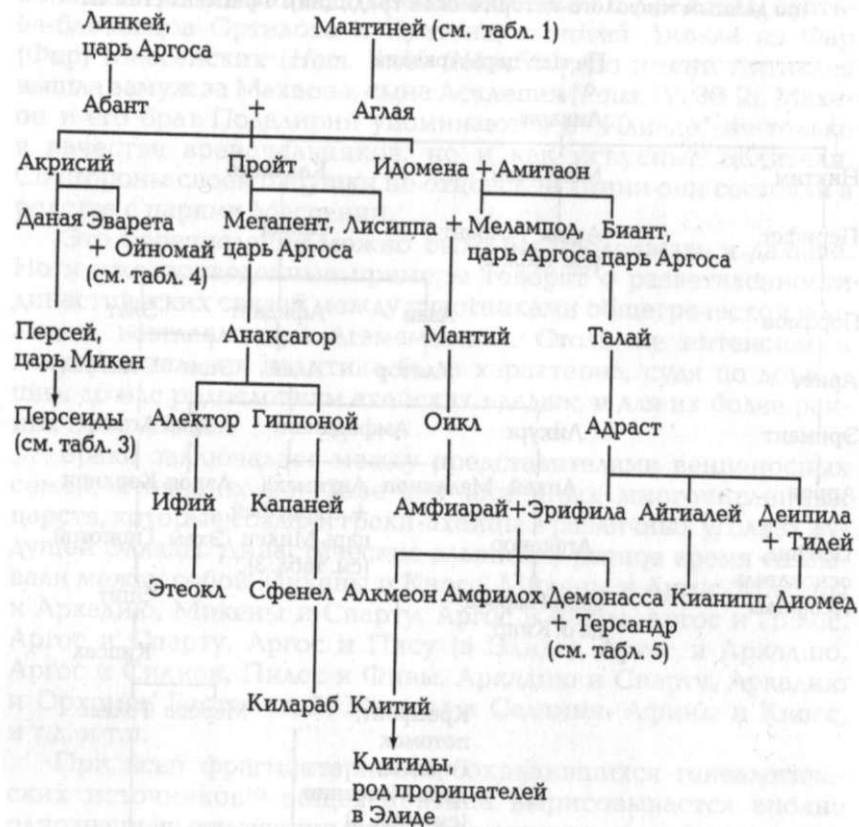
Таблица 1
Пеласгиды-Аркадида, цари Аркадии
(по данным мифолого-исторической традиции). Фрагмент стеммы

мое поколение от Никтея), стал эпонимом-основателем города Псофиды (*Paus. VIII. 24. 1*) (см. табл. 1).

Другой сын Ликаона, Мантиней (эпоним-основатель Мантинеи в Аркадии), имел дочь Аглаю, ставшую женой аргосского царя Абанта, сына Линкея (*Apollod. II. 2. 1*). История ее потомков, среди которых наибольшую силу и славу приобрели владыки Аргоса, Микен и Тиринфа, известна по историческим преданиям, полнее всего изложенных Аполлодором (I. 9. 12-13; II. 2. 1-2; 4. 1-12; 5. 1-12; 6. 1-4; 7. 1-8; 8. 1-5;

Таблица 2
Цари Микен и Аргоса

III. 6. 1-8; 7. 1-7) и Павсанием (II. 16. 2-3; 17. 1-8; 18. 4-8) (см. табл. 2).

У дочери Абанта и Аглаи по имени Идомена, вступившей в брак с пилосский царем Амитаоном, родились сыновья Биант и Мелампод. Переселившись в Аргос, они стали родоначальниками двух династий, царствовавших там параллельно с третьей, которая шла от Пройта, родного брата их матери Идомены. Биантиды и Меламподиды царствовали над аргивянами на протяжении пяти поколений. Некоторые их отпрыски продолжали жить в Аргосе и после прихода туда дорийцев (*Plut. Moral.* 296F, 303D), а кое-кто переселился в иные места, например в Элиду (*Paus.* VI. 17.6)4.

¹¹ Там в I тыс. до н.э. процветал род Клитидов, потомков Меламподидов - Алкмеона, Амфиарая и Оиклея Аргосских (*Paus.* VI. 17. 5-6).

Таблица 3
Потомки Персея

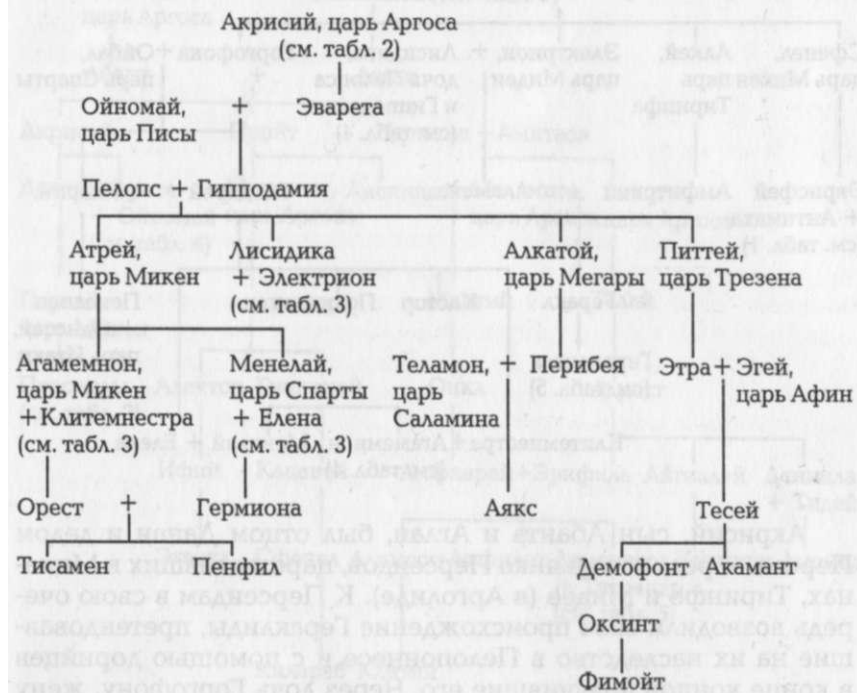
Акрисий, сын Абанта и Аглаи, был отцом Данаи и дедом Персея — родоначальника Персеидов, царствовавших в Микенах, Тиринфе и Мидее (в Арголиде). К Персеидам в свою очередь возводили свое происхождение Гераклиды, претендовавшие на их наследство в Пелопоннесе и с помощью дорийцев в конце концов получившие его. Через дочь Горгофону, жену спартацского царя Ойбала, Персей приходился прадедом Диоскурам¹² и Елене (детям Тиндарея), а также Пенелопе (дочери Икария и жене Одиссея) (см. табл. 3).

Другая дочь Акрисия, Эварета, родила от царя Писы Ойномай (Эномая) знаменитую Гипподамию, за руку которой боролись, рискуя жизнью, многие претенденты. Супругом же ее стал, как известно, Пелопс. Среди их сыновей следует назвать Атрея, Алкатою и Питтея. От Атрея, получившего власть над Микенами, пошли могущественные Атриды. Алкатой Мегарский имел дочь Перибейю, ставшую матерью Аякса Теламонида. Питтей (Питфей) Трезенский как отец Этры доводился дедом Тесею Афинскому (см. табл. 4).

¹² К братьям Диоскурам, Кастору и Полидевку, возводил свое происхождение как минимум один знатный род в Спарте, достигший наибольшего могущества уже в эпоху римского владычества. См.: *Bradford A.S. A Prosopography of Lacedaemonians from the Death of Alexander the Great, 323 B.C., to the Sack of Sparta by Alaric, 396 A.D.* München, 1977. P. 178 ff; *Halfmann H., Die Senatoren aus dem östlichen Teil des Imperium Romanum bis zum Ende des 3. Jh. n. Chr.* Göttingen, 1979. S. 33-35, 38, 39, 125-127, 211.

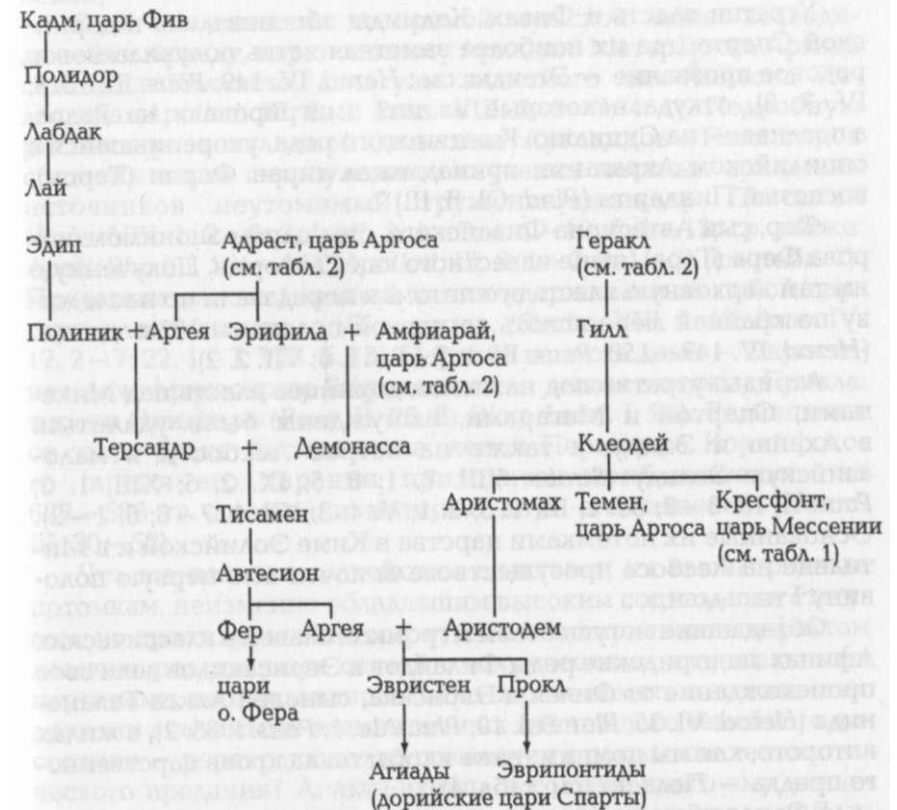
Таблица 4

Пелопиды—Атриды и породнившиеся с ними царские дома
Афин и Саламина

На основании данных ахейских царских генеалогий (*Apollod.* III. 5. 5-9; 6. 1-8; 7. 1-3; *Paus.* IX. 5. 1-16) к отдаленному потомству царя Пеласга должны причисляться и три последних поколения владык Фив Беотийских из династии Кадмидов. Это Терсандр, сын Полиника и Аргеи (дочери Адраста Аргосского из дома Биантидов), Тисамен, сын Терсандра и Демонессы (дочери Амфиарая Аргосского из дома Меламподидов), и Автесион, сын Тисамена (см. табл. 2, 5).

Как мы видим, пеласгийская составляющая обнаруживается почти по всем соединительным линиям, вертикальным и горизонтальным, в сложном комплексе родственных связей высшей знати в греческом обществе II тыс. до н.э. Наиболее заинтересованными хранителями рассмотренной выше генеалогической информации (как одного из важнейших элементов исторической памяти всей этнокультурной общности) оставались на протяжении многих столетий потомки ахейской знати, сохранявшие свои семейные традиции и родовые культы и в первой половине I тыс. до н.э., а кое-где и дол-

Таблица 5
Кадмиды и Гераклиды

ше. Мы можем назвать конкретные линияжи, вышедшие, когда минули "темные века", на историческую арену и числившие среди своих отдаленных предков Пеласга Аркадского.

По численности здесь всех превосходили, конечно, Гераклиды, воцарившиеся в различных уголках эллинского мира: в Аргосе, Коринфе, Сикионе, Флиунте, Спарте, Мессении, Фессалии и на острове Родос. При этом спартанские династии Агиадов и Эврипонтидов имели с Пеласгом Аркадским двойную связь — через Геракла Тиринфского и Персея (своих предков по прямой мужской линии), а также через Аргою, жену Аристодема и мать Эвристиена (Эврисфена) и Прокла, дочь упоминавшегося выше Автесиона Фиванского (*Herod.* IV. 147; VI. 52; *Apollod.* II. 8. 2; *Paus.* III. 1. 7; IV. 3. 4) (см. табл. 2, 3, 5). То же самое относится и к мессенским Гераклидам — Эпитидам,

которые породнились, придя на новую родину, с тогдашними представителями дома Пеласгидов - Аркаидов (*Paus. IV. 3. 6*) (см. табл. 1).

Утратив власть в Фивах, Кадмиды обосновались в дорийской Спарте (где их наиболее заметная ветвь получила новое родовое прозвание - Эгеиды; см.: *Herod. IV. 149; Paus. III. 15. 8; IV. 7. 8*), откуда некоторые из них эмигрировали на Родос, а позднее — на Сицилию. К ветви этого рода, укоренившейся в сицилийском Акраганте, принадлежал тиран Ферон (Терон), воспетый Пиндаром (*Pind. Ol. II, III*)¹³.

Фер, сын Автесиона Фиванского, стал царем-эпонимом острова Фера (Тера), ныне известного как Санторин. Полученную им там верховную власть его потомки передавали по наследству по крайней мере вплоть до первой половины VII в. до н.э. (*Herod. IV. 147-150; Paus. III. 1.7-8; 15. 6; VII. 2. 2*).

Атриды, утратив под натиском дорийцев власть над Микенами, Спартой и Мегарами, вынуждены были удалиться в Ахайю и Элиду, а также на остров Лесбос и в малоазийскую Эолиду (*Strabo. VIII. 7. 1; 8. 5; IX. 2. 5; XIII. 1. 3; Paus. II. 18. 6-8; 38. 1; III. 1. 5; 2. 1; V. 4. 3; VII. 1.7-8; 6. 1-2*). Основанные их потомками царства в Киме Эолийской и в Митилене на Лесбосе просуществовали почти всю первую половину I тыс. до н.э.

Обладавшие могуществом и громкой славой в классических Афинах эвпатридские роды Филаидов и Эврисикидов вели свое происхождение от Филея и Эврисака, сыновей Аякса Теламонида (*Herod. VI. 35; Plut. Sol. 10; Plut. Alc. 1; Paus. I. 35. 2*), в жилах которого, как мы помним, тоже якобы текла кровь царственного предка — Пеласга (см. табл. 4).

В Элиде обитали прорицатели из рода Клитидов — ветви аргосских Меламподидов. Один из них одержал победу на Олимпийских состязаниях (*Paus. VI. 17. 5-6*). Представители еще более известного рода прорицателей, именовавшихся Иадами, выполняли важные жреческие функции в Олимпии. Жили и действовали они не только в Элиде, но также в Спарте, Мессении, Аркадии и Сиракузах (ср.: *Herod. V. 44; IX. 33-36; Paus. III. 11. 5-8; 12. 3; IV. 16. 1; 16. 5; 21. 2; 21. 10-11; 23. 2; 23. 5-10; VI. 2. 4-5; 4. 5; 14. 13; VIII. 10. 5*). Их родоначальник

¹³ О его близких и далеких предках см.: Молчанов А.А. Вопросы источниковедения Ахейской Греции (генеалогические источники) // Методология и методика изучения античного мира. М., 1994. С. 153-155; Он же. Генеалогические источники... С. 75 — 81; Он же. Социальные структуры... С. 196-209; Высокий М.Ф. Мифологические и реальные генеалогии тиранических династий на Сицилии (до сер. V в. до н.э.) // Проблемы истории, филологии, культуры. М.; Магнитогорск, 2001. Вып. X. С. 66-73.

Иам, вероятно, являлся отпрыском по женской линии династии аркадских правителей ахейского времени (*Pind. Ol. VI et Schol.*)¹⁴.

Сама эта династия по прямой мужской линии возводила себя к Аркаду, царю-эпониму Аркадии. Матерью же Аркада считалась Каллисто, дочь уже знакомого нам Ликаона Пеласгида (*Apollod. III. 8. 2; Paus. VIII. 3. 6-7; 4. 1*). Подробную роспись разветвленной династии Аркаидов - Пеласгидов составил после скрупулезного изучения местных аркадских источников неутомимый труженик-антиквар Павсаний (*Paus. VIII. 1. 2-6; 2. 1-7; 3. 1-7; 4. 1-10; 5. 1-13*; ср. также: *Apoll. Rhod. I. 161 - 171; Apollod. III. 8. 1-2; 9. 1-2*) (см. табл. 1). Представители ее младшей линии удерживали за собой царскую власть вплоть до VII в. до н.э. (*Strabo. VIII. 4. 10; Paus. IV. 17. 2-7; 22. 1-7; VIII. 5. 13*). Царевна из этого дома - Эвристенея, дочь Аристократа II Аркадского, - вышла замуж за Прокла, тирана Эпидавра (*Paus. II. 28. 8; Diog. Laert. I. 94*). Родившаяся от этого брака Лисида стала женой Периандра Коринфского (время его тирании приходится приблизительно на 627-586 гг. до н.э.) и матерью двух его сыновей (*Herod. III. 50-52*).

Что же позволяло ахейским анактам и их высокородным потомкам, неизменно обладавшим высоким социальным статусом, не просто спокойно мириться с общепризнанным фактом наличия родственных связей с негреческими владетельными персонами, но и целенаправленно беречь память о них вместе с другими значимыми элементами их ценнейшего семейного достояния — переходящего из поколения в поколение генеалогического предания? Анакта-ахейца и современного ему венчественного инородца в древней родословной¹⁵ уравнивало их одинаковое в принципе (с точки зрения греков микенской эпохи и их потомков) происхождение - от бессмертных богов и их общего прародителя Зевса.

Древние аркадяне, подданные Аркаидов-Пеласгидов, были твердо уверены в том, что Пеласг был сыном Зевса (*Apollod. II. 1. 1; III. 8. 1*), равно как и Аркад (*Apollod. III. 8. 2; Paus. VIII. 3.6-7*). В эпосе отпрыски царских и иных знатных фамилий ахейского времени часто обобщенно именуются "диогене-

¹⁴ Молчанов А.А. Микенские истоки семейных традиций у древних греков (генеалогический и сакральный аспекты) // Социальные структуры и социальная психология античного мира. М., 1993. С. 80.

¹⁵ О степени информативности таких родословий и достоверности их отдельных компонентов, которая может варьироваться в очень широких пределах в каждом отдельно взятом случае, см.: Молчанов А.А. Генеалогические источники... С. 74 — 80.

тами" ("зевсорожденными")¹⁶. В один ряд с ними на том же основании греческая мифолого-историческая традиция ставила пришельцев-инородцев, располагавших аналогичной родословной. Такие персонажи эпических сказаний и сакральных мифов инкорпорировались в общую систему местных "диогенетов". От них вели свое происхождение некоторые известные роды, ставшие очень скоро вполне греческими.

К числу таких родов могут быть отнесены, например, аттические Эвмолпиды (Евмолпиды). Их предка Эвмолпа считали фракийцем по происхождению (Hom. Hymn. V. 154, 473-475; *Thuc.* II. 15. 1; *Apollod.* II. 5. 12; III. 15. 2; 15. 4; *Strabo.* VII. 7. 1; VIII. 7. 1; X. 3. 12; *Plut.* De exil. 17; *Paus.* I. 5. 2; 27. 4; 38. 2-3; II. 14. 2-3; *Luc.* Demon. 34). Его отцом называли бога Посейдона, а со стороны матери он якобы возводил свой род через афинских царей Эрехтеидов к Гефесту, сыну Зевса (ср.: *Apollod.* III. 14. 6-8; 15. 1-4). Руководящая роль в Элевсинских мистериях сохранялась за Эвмолпидами вплоть до позднеантичной эпохи¹⁷. Последние представители этого рода упоминаются в IV и V вв. до н.э.

Другой фракийский "диогенет", еще более популярный в древнегреческих мифах и героических сказаниях, - Орфей¹⁸. Он так же, как и его брат Лин, влился в крут ахейской знати и

¹⁶ По мнению Т.В. Блаватской, особое распространение тенденция связывать происхождение ахейских царей с богами получила в XIV-XII вв. до н.э. См.: *Блаватская Т.В.* Греческое общество II тысячелетия до н.э. и его культура. М., 1976. С. 22. Об этом явлении см. также: *Молчанов А.А.* Генеалогическая традиция у афинских эвпатридов: просопографический аспект // *Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики (информатика, подводная археология и создание компьютерной базы данных)*. М., 2000. С. 74, 75; *Он же.* Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (на примере именослова афинских эвпатридов X в. до н.э. — V в. н.э.) // *Древнейшие государства Восточной Европы. 2001 год. Историческая память и формы ее воплощения*. М., 2003. С. 141 - 142. Примеч. 3.

¹⁷ Об их роли в проведении Элевсинских мистерий см.: *Clinton K.* The sacred Officials of the Eleusinian Mysteries. Philadelphia, 1974 (там же указана соответствующая литература). Ср. также: *Сергеева С.Н.* Элевсин и Афины (с начала II тыс. до VII в. до н.э.) // *Античный мир. Проблемы истории и культуры: сб. ст. к 65-летию Э.Д. Фролова*. СПб., 1998. С. 84-108.

¹⁸ *Молчанов А.А.* Антропонимическая традиция как одно из слагаемых исторической памяти (к просопографии афинской знати античного времени) // *Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения: XII Чтения памяти В.Т. Пашуто (Москва, 18-20 апреля 2000 г.)*. Мат. конф. М., 2000. С. 196-197.

¹⁹ Об Орфее и орфизме существует большая литература. Из работ отечественных антиковедов последних десятилетий см.: *Майстренко М.И.* К вопросу о происхождении мифа об Орфее // *Иноземна филология*. Львов, 1984. Вып. 74. С. 92-98 (с основной библиографией по данной теме).

принимал активное участие в ее привычных делах - военно-морских экспедициях, отправлении культа, изречении предсказаний, сочинении религиозных гимнов, мусических состязаниях, врачевании ран и болезней (*Apoll. Rhod.* I. 23 — 34; *Apollod.* I. 3. 2; 9. 16; 9. 25; II. 4. 9; *Strabo.* VII. 18; XVI. 2. 39; *Paus.* II. 30. 2; III. 14. 5; IX. 27.2; 30.4-12; X. 7.2; *Diog. Laert.* 1.5; VIII. 8; *Hyg.* Fab. 14).

Согласно версии, которой придерживались, например, такие греческие историки V в. до н.э., как Гелланик из Митилены, Дамаст из Сигея и Ферекид из Афин, к числу огречившихся потомков Орфея принадлежал не кто иной как Гомер (*Procl. Vit. Hom.*)²⁰. Позднее наследники и преемники последнего, хосские Гомериды и самосские Креофилиды, в качестве аэдов-профессионалов продолжали традиции поэтического творчества и исполнительства в аристократическом вкусе²¹. Их авторитет оставался весьма высоким вплоть до второй половины VI в. до н.э. Например, о Пифагоре известно, что он "поехал на Самос слушать Гермодаманта, Креофилова потомка, уже старца" (*Diog. Laert.* VIII. 2; ср.: *Porph. Vit. Pyth.* 1. 15).

Античные мифографы знали не только о рассмотренных нами выше случаях заключения династических альянсов и полной культурной ассимиляции ахейцами южнобалканского иноэтнического элемента - догреческого (протофракийско-пеласгийского) или древнефракийского (по причине ближайшего соседства постоянно вступавшего в контакт с обитателями юга Балканского полуострова). Ими выдвигались версии об основании некоторых знаменитейших ахейских династий выходцами из-за моря, из далеких восточных и южных земель. Предкам микенско-арголидских Персеидов, Данаю и его зятю Линкею, приписывалось египетское происхождение. Родоначальника Атридов, Пелопса, выводили из Фригии. Кадма, основателя дома Кадмидов, царствовавшего в Фивах Беотийских, объявляли пришельцем из Финикии. При этом в качестве отдаленного прародителя всех трех перечисленных венценосных родов выступал все тот же Зевс²².

Мы не станем вдаваться в подробный анализ этих экзотических версий, явно отредактированных с поправкой на исторические реалии куда более позднего времени, нежели период расцвета микенской цивилизации. Отметим только, что их никак нельзя понимать буквально. Имеющиеся в них указания на

²⁰ *Kern O.* Orphicorum Fragmenta. Berolini, 1922. Fr. 7. От Гомера до Орфея насчитывали по прямой мужской линии 11 поколений.

²¹ Занятие поэзией в эпоху архаики оставалось у греков уделом интеллектуалов-аристократов. Ср.: *Харламова Н.О.* Симонид Кеосский: поэт и политика // *Социальная структура и идеология античности и раннего средневековья*. Барнаул, 1989. С. 30.

²² На наш взгляд, нет смысла перегружать данную статью ссылками на источники и литературу, относящиеся к этим общеизвестным мифологемам.

приход основателей видных ахейских династий издалека, если они и содержат в себе рациональное зерно, могут лишь условно обозначать запомнившуюся потомкам активную деятельность этих славных прародителей на соответствующих направлениях военно-политической и торгово-экономической экспансии Микенской Греции — в Северо-Западной Анатолии, в Леванте и на североафриканском побережье Средиземного моря²³. При этом начальные звенья всех стемм предстают и здесь в привычном для "диогенетов" виде. Весьма характерно, что как реальное, так и вымышленное инородческое происхождение того или иного (владельческого или просто знатного) семейства одинаково уравнивается в правах с чисто греческим происхождением все тем же типичным для старинной ахейской традиции способом — возведением всех задействованных родословий в конечном итоге к общему божественному прародителю, Зевсу.

Аналогичная модель идеологического обоснования равнородности эллинской и варварской знати, по-видимому, продолжала действовать по крайней мере до конца эпохи архаики. В пользу такого мнения можно привести такие исторически достоверные факты, как женитьба афинского эвпатрида Мильтиада Младшего на Гегесипиле, дочери фракийского царя Олора (*Herod.* VI. 39), или брак знатного фокейца Эвксена с Лигурийской царевной, предшествовавший основанию Массалии (*Athen.* XII. 576A-B; *Iust.* XLIII. 3. 4)²⁴.

Таким образом, достаточно лояльное отношение эллинов к варварам (во всяком случае, к поднявшимся до определенных высот цивилизации) долгое время оставалось практически неизменным²⁵. Начало же ему было положено еще в микенскую эпоху. Очевидными свидетельствами этого служат выявленные выше генеалогические связи "диогенетов" и способ их идеологической легитимизации.

²³ О том, что, например, с Атридами дело обстояло именно таким образом, можно понять из сообщения хеттских источников о продвижении военных сил Аттариисии (Атрея), царя Аххийявы, с запада на восток, а никак не наоборот.

²⁴ Ср.: *Циркин Ю.Б.* Аристотель и основание Массалии // *Античный мир и археология. Проблемы античной государственности, материальной и духовной культуры.* Саратов, 1990. Вып. 8. С. 11—21.

²⁵ Из последних работ см.: *Дандамаева М.М.* "Национализм" в античности (Об отношении греков к варварам) // *Антиковедение на рубеже тысячелетий...* С. 33 — 34. Исследователи справедливо подчеркивали, что ксенофобия начала развиваться у греков не ранее VI в. до н.э., когда стала реально назревать персидская опасность. Ср.: *Purcell N.* Mobility and the Polis // *The Greek City: From Homer to Alexander.* Oxford, 1991. P. 58; *Суриков И.Е.* Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Род Алкмеонидов в политической жизни Афин VII-V вв. до н.э. М., 2000. С. 69.

И.Е. Суриков

ЧЕРНОМОРСКОЕ ЭХО КАТАСТРОФЫ В САРДАХ

**(Персидское завоевание державы Мермнадов
и колониционная политика Гераклеи Понтийской)***

*Светлой памяти
Юрия Германовича Виноградова —
выдающегося ученого
и замечательного человека*

Малая Азия и прилегающий к ней регион Понта Эвксинского были в полном смысле слова обширной контактной зоной, где на протяжении веков происходило тесное общение и порой даже взаимопроникновение эллинского и варварского миров. Граждане греческих полисов вступали здесь в постоянное соприкосновение с представителями самых разных категорий "варваров" — от кочевников Северного Причерноморья до жителей древневосточных государств. Чрезвычайно пестрая этническая и социокультурная ситуация, к тому же часто претерпевавшая существенные изменения, порождала самые разнообразные коллизии, зачастую приводя к довольно неожиданным последствиям. Проиллюстрировать подобное положение вещей призвана настоящая работа, где будут рассмотрены несколько взаимосвязанных эпизодов из позднеархаической истории Гераклеи Понтийской — греческой колонии на южном побережье Черного моря.

Гераклею, если можно так сказать, повезло в историографическом отношении: немногим полисам рассматриваемого региона посвящена столь же обширная исследовательская литература. Тем не менее в ранней истории одного из крупнейших центров античной цивилизации на Понте, как мы увидим, и по сей день более чем достаточно "белых пятен". Одной из дискуссионных проблем является, в частности, колониционная политика Гераклеи и определение факторов, подвигнувших ее

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №03-01-00684а.

граждан уже вскоре после основания самого города приступить к выведению апойкий. Самой известной из них, бесспорно, является Херсонес Таврический. Пожалуй, именно с вопроса о времени появления последнего будет наиболее уместно начать.

Археологические, эпиграфические и источниковедческие исследования последних лет дают повод говорить о необходимости пересмотра устоявшейся в историографии даты основания Херсонеса. Эта дата (422-421 гг. до н.э.), впервые была предложена в прошлом веке Г. Шнейдервиртом и впоследствии¹ наиболее основательно аргументирована А.И. Тюменевым¹. С тех пор воспринимавшаяся как аксиома, она пришла уже в полное несоответствие с совокупностью древнейших известных вещественных памятников как с херсонесского городища, так и с ближней хоры (в том числе с Маячного полуострова², из так называемого древнего, или Страбонова, Херсонеса³). Поэтому представляется убедительной новая интерпретация нарративной традиции в согласовании с релевантным археологическим материалом, предпринятая недавно Ю.Г. Виноградовым и М.И. Золотаревым и "удревняющая" эту северо-причерноморскую колонию примерно на век. Вместе с тем если в работах начала 90-х годов XX в.³ упомянутые выше исследователи придерживались гипотезы о "двух основаниях" Херсонеса (первичная апойкия гераклеотов, возможно, при участии Синопы, возникшая в последней четверти VI в. до н.э., и δευτέρα ἱστὶς в постулированное А.И. Тюменевым время), то впоследствии они с полным основанием, на наш взгляд, перешли к отрицанию возможности совместной гераклейско-делосской колонизации в Юго-Западном Крыму в период Пелопоннесской войны.

¹ Тюменев А.И. Херсонесские этюды. I: К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса // ВДИ. 1938. № 2. С. 245-264. Последний по времени обзор историографии об основании Херсонеса см.: Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный // Древнейшие государства Восточной Европы (1996-1997 гг.). М., 1999. С. 91-129.

² См. доклад А.Н. Щеглова "Древний Херсонес Страбона" на конф. ВДИ в июле 1997 г. в: Павловская А.И., Сапрыкин С.Ю. Международная научная конференция, посвященная 60-летию "Вестника древней истории" // ВДИ. 1998. № 1. С. 328.

³ Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Древнейший Херсонес // Причерноморье VII-V вв. до н.э.: письменные источники и археология. Тбилиси, 1990. С. 48-73; Vinogradov Ju., Zolotarev M. La Chersonese de la fin de l'archaïsme // Le Pont-Euxin vu par les Grecs. P., 1990. P. 84-119 (перепечатано cum addendis et corrigendis в кн.: Vinogradov J.C. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 397-419); Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993.

Не будем повторять здесь детально развернутой ими аргументации⁴, ограничившись лишь констатацией того факта, что Ю.Г. Виноградову и М.И. Золотареву удалось убедительно показать: ни Гераклею, ни делосцам нельзя с безоговорочной уверенностью приписать организацию колонизационной экспедиции в Таврику в 422-421 гг. до н.э. Факт такой экспедиции остается лишь предположением, зиждущимся на достаточно произвольном прочтении источников и подкрепленным изрядной долей чисто умозрительных соображений. С другой стороны, не менее (а на деле - значительно более) вероятной является такая трактовка сообщения Псевдо-Скимна (стк. 826 — 831), которая влечет за собой синхронизацию основания Херсонеса с очищением Делоса афинским тираном Писистратом. В ходе его, по археологическим данным, с острова не только удалялись погребения⁵, но и сгонялись с насиженных мест его вполне живые обитатели. А коль скоро именно эта вторая возможность (и только она!) в настоящее время находит опору в археологической "летописи" Херсонеса, явно ведущей начало не от последней четверти V в. до н.э., то, стало быть, именно она во всех отношениях имеет преимущественное право на признание в качестве исторической реальности.

Полностью солидаризируясь с изложенной выше точкой зрения в ее общих, принципиальных моментах, мы позволим себе одно замечание по поводу частного вопроса, связанного с хронологией основания Херсонеса. Предельно конкретная датировка, предлагаемая Ю.Г. Виноградовым и М.И. Золотаревым, - 528 г. до н.э. - основана на посылке, согласно которой

⁴ См.: Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // Херсонесский сборник. Севастополь, 1998. Вып. 9. С. 36-46; Vinogradov J.G., Zolotarev M.I. L'ostracismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica // Minima epigraphica et papyrologica. 1999. Vol. 2. P. 111-131; Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный... passim; Vinogradov J.C. Ostrakismos als strenges Kampfmittel für Demokratie im Lichte der neuen Funde aus Chersonesos Taurike // Gab es das Griechische Wunder? Griechenland zwischen dem Ende des 6. und der Mitte des 5. Jh. v. Chr. Mainz, 2001. S. 379-386. Концепция о ранней дате основания Херсонеса приобретает все новых сторонников. См., например: Пальцева А.А. Из истории архаической Греции: Мегары и мегарские колонии. СПб., 1999. С. 204, 225; Иванчик А.И. Основание Синопы. Легенды и история в античной традиции // ВДИ. 2001. № 1. С. 149-150; Кутайсов В.А. Историческая география Северо-Западного Крыма // ВДИ. 2002. № 1. С. 42; Молев Е.А. Эллины и варвары. На северной окраине античного мира. М., 2003. С. 98-99.

⁵ Выкопанные останки были перенесены на соседний остров Ренею. Там эти следы открыты археологами. См.: Cook R.M. Thucydides as Archaeologist // Annual of the British School at Athens. 1955. Vol. 50. P. 266-270.

третья тирания Писистрата в Афинах, ознаменовавшаяся очищением Делоса (*Herod.* I. 64; *Thuc.* III. 104. 1), продолжалась только один год, с 529/8 по 528/7 г. до н.э. Однако несравненно вероятнее, что третий приход Писистрата к власти состоялся на полтора десятилетия раньше, около 546 г. до н.э.⁶ Так считает сейчас подавляющее большинство исследователей⁷, и, насколько можно судить, в данном случае имеет место не молчаливое допущение, в сущности, ни на чем не базирующееся, а, напротив, подкрепляемое свидетельствами источников и вполне закономерное мнение.

Действительно, во-первых, Геродот (I. 65) дает понять, что последняя тирания Писистрата установилась еще в правление лидийского царя Креза, судя по контексту, в его последние годы (ср.: *Herod.* I. 53 — 56 — Крез готовится к войне с Киром и ищет себе в Элладе союзников). Как бы ни датировать победу персов над Лидией и падение Креза, относить эти события к 520-м годам до н.э. нет никаких оснований⁸. Во-вторых, тот же Геродот (οὗτω δὴ Πεισιστράτης το τρίτον σχὼν Αθήνας ἐρρίξωσεν τὴν τυραννίδα - I. 64) и Аристотель (κατέτεχεν ἤδη τὴν τυραννίδα βεβαίως - *Ath. pol.* 15. 3) указывают, что, в третий раз овладев Афинами, тиран утвердил свою власть над городом уже прочно, и противопоставляют этот факт тому, что в его предыдущие пребывания во главе государства его положение еще не было достаточно устойчивым (τὴν τυραννίδα οὐ καὶ ἄρτα ἐρρίξωμένην εἶχον - *Herod.* I. 60; οὕτω δὲ τῆς ἀρχῆς ἐρρίξωμένης - *Arist.* *Ath. pol.* 14. 3). Вряд ли упомянутые авторы стали бы называть прочной и укоренившейся тиранию, продолжавшуюся лишь один год, тем более что Аристотель именно с третьим пребыванием

⁶ Приведем лишь несколько примеров: *Berve H.* Die Tyrannis bei den Griechen. München, 1967. Bd. 1. S. 51; *Bicknell P.J.* The Exile of the Alkmeonidai during the Peisistratid Tyranny // *Historia.* 1970. Bd. 19. H. 2. S. 129-131; *Sealey R.* A History of the Greek City States ca. 700-338 B.C. Berkeley, 1976. P. 128; *Hurwit J.M.* The Art and Culture of Early Greece, 1100-480 B.C. Ithaca, 1985. P. 236; *Morris I.* Burial and Ancient Society: The Rise of Greek City-State. Cambridge, 1989. P. 26; *Camp J.* Before Democracy: Alkmaionidai and Peisistratidai // The Archaeology of Athens and Attica under the Democracy. Oxford, 1994. P. 7; *Brandt H.* Pythia, Apollon und die älteren griechischen Tyrannen // *Chiron.* 1998. Bd. 28. S. 201; *Грант М.* Греческий мир в доклассическую эпоху. М., 1998. С. 85; *Суриков И.Е.* Остракизм в Мегарах и Херсонесе Таврическом // Проблемы антиковедения и медиавистики. Нижний Новгород, 1999. С. 51 — 52.

⁷ Античные источники (Диоген Лаэртский, Евсевий) относят взятие Сард к 546 г. до н.э., древневосточные ("Хроника Набонида") — к 547 г. до н.э. Как мы видим, расхождение очень невелико и не выходит за рамки 58-й олимпиады. Также высказывалось мнение, согласно которому указанное событие произошло в 545 г. до н.э. См.: *Andrewes A.* The Tyranny of Pisistratus // *CAH.* 2nd ed. Cambridge, 1982. Vol. 3. Pt. 3. P. 401.

Писистрата у власти связывает его многочисленные нововведения (разоружение демоса, ссуды аттическим крестьянам, взимание с них десятины, учреждение коллегии "судей по демам" и др.). Трудно поверить, что все эти мероприятия, представляющие, в сущности, целую программу преобразований, могли быть осуществлены в годичный срок.

Обратим внимание еще на хронологию и контекст олимпийских побед афинского аристократа Кимона, сына Стесагора, из рода Филаидов (*Herod.* VI. 103). Изгнанный Писистратом из Афин, Кимон дважды подряд победил в Олимпии в состязаниях колесниц-четверок. Вторую из этих побед он "уступил" тирану, за что получил возможность возвратиться на родину, и после этого еще раз стал олимпиоником. Перечисленные победы приходятся соответственно на 536, 532 и 528 гг. до н.э.⁸; стало быть, к 536 г. до н.э. Писистрат уже правил в Афинах. Не забудем и о том, что, по указанию Аристотеля (*Ath. pol.* 17. 1), Писистрат состарился (ἐγχετεύηρας) именно в ходе своей третьей тирании, а состариться за один год вряд ли возможно.

Наконец, еще одно (и решающее) соображение. Как известно, при третьем приходе Писистрата к власти посильную помощь ему оказал наксосский аристократ Лигдамид (*Herod.* I. 61; *Arist. Ath. pol.* 15. 2). После этого, воздавая услугой за услугу, Писистрат захватил Наксос и поставил Лигдамида его тираном (*Herod.* I. 64; *Arist. Ath. pol.* 15. 3)⁹. В свою очередь Лигдамид оказал помощь Поликрату Самосскому, когда тот овладевал властью над родным островом (*Polyaen.* I. 23. 2), а в датировке этого события 538 г. до н.э. сомнений пока не возникает¹⁰. Вся эта череда эпизодов, являющая собой, кстати сказать, один из наиболее интересных примеров "корпоративной солидарности" архаических тиранов, в своей совокупности исключает возможность датировки начала последней тирании Писистрата 520-ми годами¹¹ до н.э. и однозначно демонстрирует правомер-

⁸ *Moretti L.* Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni Olimpici. Roma, 1957. P. 72.

⁹ Об этом см.: *Robinson E.W.* The First Democracies: Early Popular Government Outside Athens. Stuttgart, 1997. P. 117.

¹⁰ Впрочем, автор недавней монографии по истории Самоса Г. Шипли считает возможным отнести начало тирании Поликрата даже к 40-м годам VI в. до н.э. См.: *Shipley C.* A History of Samos 800 - 188 B.C. Oxford, 1987. P. 74 - 80.

¹¹ В сущности, эта датировка, которую можно встретить в некоторых старых работах, основывается только на цифрах, содержащихся в дошедшем до нас тексте "Афинской политики" Аристотеля. Но, как убедительно показал Ф. Хейдбюхель, эти цифры не заслуживают решительно никакого доверия. Прежде всего, аттидографическая традиция, которой следовал автор трактата о государственном устройстве афинян, исходила из неверного

ность традиционной точки зрения о середине 40-х годов VI в. до н.э. как времени ее установления¹².

Но коль скоро это действительно так и пребывание Писистрата у власти продолжалось не год, а 17 - 19 лет, то у нас появляется значительно большая свобода для маневра при определении даты очищения Делоса (resp. основания Херсонеса). Оно, разумеется, вовсе не обязательно должно было приходиться именно на последний год правления тирана и с тем же успехом могло состояться на полтора десятилетия раньше. Последнее даже более вероятно в силу ряда причин. Известно, что Поликрат перехватил у Афин протекторат над Делосом (*Thuc.* III. 104. 1). Трудно сказать, в какой момент тирании Писистрата это случилось, но всё-таки уже а priori писистратовская акция на острове тем самым лучше укладывается на временном отрезке до 538 г. до н.э., чем после этого. Кроме того, Геродот сообщает об очищении священного острова Аполлона сразу же после рассказа о захвате Писистратом власти в Афинах и последовавшем за этим завоевании им Наксоса. Очевидно, перед нами даже не две разных экспедиции (наксосская и делосская), а составные части одного мероприятия (о других афинских морских экспедициях в третьем правлении Писистрата ничего не сообщается), осуществленного почти сразу после 546 г. до н.э. и имевшего целью достижение гегемонии в ионийской Эгеиде. Иными словами, овладев Наксосом, афинский тиран — можно говорить это с весьма большой долей уверенности — тогда же и очистил Делос, а часть его жителей, лишившись пристанища и получив благоприятный оракул из враждебного Писистрату Дельфийского оракула¹³, отправились с гераклеотами на северное побережье Понта Эвксинского.

понимания одного пассажа Геродота (V. 65. 3), а не из каких-то независимых данных. Но, что еще более важно, даже даты, предлагавшиеся аттидографами и вслед за ними Аристотелем, сохранились лишь в полностью искаженном античными переписчиками виде. В этом виде они противоречат не только более раннему и надежному источнику - Геродоту, но даже и друг другу.

Так, первое изгнание Писистрата продолжалось будто бы 11 лет (14. 3), второе - 10 лет (15. 2), а оба они в сумме - 14 лет (17. 1)! Несообразность очевидна, и это далеко не единственный пример. Подробнее см.: *Heidbüchel F.* Die Chronologie der Peisistratiden in der Attis // *Philologus*. 1957. Bd. 101, Hft. 1/2. S. 70-89.

¹² Тем, кого наша аргументация не вполне убедила, рекомендуем обратиться к ст.: *McGregor M.F.* Phormion and Peisistratos // *Phoenix*. 1974. Vol. 28, N 1. P. 18 — 21. В ней на основании комбинированных данных нарративных и эпиграфических источников буквально с математической точностью показано, что утверждение Писистрата у власти должно датироваться 546/545 г. до н.э. (архонтство Формиона).

¹³ Насколько нам известно, в настоящее время ни один серьезный исследователь, за исключением стоящего на несколько гиперкритических позициях И.А. Макарова (*Макаров И.Л.* Тирания и Дельфы в рамках поли-

Но в таком случае Херсонес был основан одновременно или практически одновременно с Каллатисом — гераклейской колонией в Западном Причерноморье¹⁴ - и, следовательно, при одинаковых обстоятельствах. При этом мы отнюдь не уверены в том, что следует, как иногда делается, противопоставлять Херсонес словно колонию изгнанных из Гераклеи демократов аристократическому "выселку" Каллатису. Строго говоря, никакими данными о государственном устройстве этих полисов на столь раннем этапе их существования мы не располагаем. В то же время есть группа источников, позволяющая смело говорить о том, что представители аристократии, по крайней мере, участвовали в выведении апойкии в землю тавров. Речь идет о херсонесских остраках, число которых к настоящему времени возросло уже почти до полусотни¹⁵. Не касаясь здесь вопроса о назначении этих надписанных черепков и об их точной хронологии, отметим лишь, что, как бы этот вопрос ни решался, очевидно одно: значительная доля прочитанных на них имен принадлежит к аристократической ономастике. Таковы, вне сомнения, имена Гиперох, Эвархид, Писистрат (!), Кретин и др., что, кстати, предполагает участие в основании Херсонеса как дорийской, так и ионийской по происхождению знати.

Как бы то ни было, мы сталкиваемся с достаточно парадоксальной ситуацией: только что основанная Гераклея за краткий

тический истории Греции второй половины VII - VI в. до н.э. // ВДИ. 1995. № 4. С. 122), не оспаривает традицию в вопросе о напряженности, существовавшей между династией афинских тиранов и дельфийским святилищем. Из обширной литературы по этому вопросу см.: *Colin G.* Le culte d'Apollon Pythien à Athènes. P., 1905. P. 1 - 19; *Parke H.W., Wormell D.E.W.* The Delphic Oracle. Oxford, 1956. Vol. 1. P. 144-150; *Kolb F.* Die Bau-, Religions- und Kulturpolitik des Peisistratiden // *JDAI*. 1977. Bd. 92. S. 99-138; *Littman R.J.* Kinship and Politics in Athens 600-400 B.C. N.Y., 1990. P. 153 - 155; *Brandt H.* Op. cit. S. 201 ff.; *Залюбовина Г.Т., Щербаков В.И.* Афины в период становления гражданской общины: афинские тираны и полисная религия // Ранние цивилизации: государство и право. М., 1994. С. 29; *Кулишова О.В.* Дельфийский оракул и тирания в архаической Греции // Античный полис. СПб., 1995. С. 17 - 19; *Суриков И.Е.* Перикл и Алкмеониды // ВДИ. 1997. № 4. С. 28.

¹⁴ Об основании Каллатиса в 540-е годы до н.э. см.: *Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И.* Херсонес изначальный... С. 123-124; *Пальцева А.А.* Указ. соч. С. 203.

¹⁵ Первые остраки из Херсонеса были опубликованы в 70 - 80-е годы XX в. См.: *Соломоник Э.И.* Некоторые группы граффити из античного Херсонеса // ВДИ. 1976. № 3. С. 121-123; *Она же.* Inedita // *Іноземна філологія*. Львів, 1987. Вып. 85. С. 112-114. Сейчас эти памятники наиболее подробно изучены в цитированных выше работах Ю.Г. Виноградова и М.И. Золотарева (с публикацией значительной их части), а также в нашей ст.: *Суриков И.Е.* Остракизм и остраконы: в Афинах и за их пределами // *Hyperboreus*. 2000. Vol. 6, Fasc. 1. P. 103 - 123.

период сама становится метрополией сразу двух новых городов. Чем же объясняется столь внезапный всплеск ее колониционной активности? В самой общей форме можно с немалой долей уверенности говорить о том, что непосредственной причиной выведения обеих апойкий явно была не стенохория, а политическая борьба. Гораздо важнее, однако, ответить на вопрос о том, какой характер имела эта борьба, по какому принципу она развертывалась. Следует ли предполагать в данном случае, как это чаще всего делается, противостояние демократической и аристократической "партий", соперничающих по поводу государственного устройства? Как минимум два обстоятельства не позволяют нам примкнуть к данной точке зрения.

Прежде всего, вся ранняя история Гераклеи вплоть до установления тирании Клеарха в IV в. до н.э. – сюжет в высшей степени темный и дискуссионный, особенно в отношении хронологии, как абсолютной, так и относительной. Пожалуй, ¹⁶нагляднее, чем кто-либо, это продемонстрировал Э.Д. Фролов¹⁶, попросту сопоставив две реконструкции внутривосточного развития гераклейского полиса, принадлежащие С. Берстайну¹⁷ и С.Ю. Сапрыкину¹⁸. Точек соприкосновения между этими реконструкциями почти не оказалось, притом что оба исследователя опирались, в сущности, на один и тот же (и весьма скромный в количественном измерении) комплекс сообщений источников, лишь по-разному интерпретируя эти сообщения и в разн¹⁹ой последовательности располагая отразившиеся в них факты¹⁹.

Наиболее ценны в античной традиции краткие упоминания о Гераклее в "Политике" Аристотеля. Важнейшее из них для интересующей нас проблемы (Polit. V. 1304b. 32) содержит информацию о том, что сразу (εὐθύς) после основания этого города в нем развернулась борьба между аристократической (οἱ γνῶριμοί²⁰) и демократической (ὁ δῆμος, οἱ δημαγωγοί) группировками²⁰. Вначале аристократы терпели поражение и уходили в изгнание, а затем (ἐλπίτα) объединились, возвратились и одер-

жали победу над противниками. Весь этот пассаж содержит очень много неясностей. Если с εὐθύς всё более или менее понятно, то под ἐλπίτα может скрываться какой угодно временной промежуток. Нет однозначного ответа и на вопрос о том, каким образом это столкновение могло повлиять на колониционную политику, поскольку здесь возможны самые разные (и даже взаимоисключающие) трактовки, в равной степени имеющие право на существование и в равной степени недоказуемые.

Наше второе возражение против прямолинейного понимания сообщения Аристотеля имеет принципиальный характер. Нам²¹уже приходилось отмечать в связи с афинским материалом²¹, что Стагирит дает в своих трудах порой упрощенную и одностороннюю картину политической жизни в греческих полисах предшествующих эпох. Он в определенной степени модернизирует ситуацию, судит о реалиях более раннего времени с помощью категориального аппарата IV в. до н.э., рассматривая их сквозь призму дихотомии "демократы – олигархи". Есть все основания полагать, что подлинная картина политической борьбы была намного сложнее такой двухпартийной схемы. В частности, как нам кажется, уже давно не нуждается в доказательстве то положение, что политические группировки даже раннеклассического периода, не говоря уже об архаическом, не были партиями в современном смысле слова. И дело даже не столько в отсутствии формальных признаков партии (программа, устав, фиксированное членство, аппарат и т.п.), сколько в том, что они базировались не на каких-либо принципиальных идейных убеждениях, а на более личностной основе, на связях и соперничестве отдельных аристократических групп и их окружения. Однако нельзя отрицать, что различие во взглядах этих группировок всё же имело место, иначе становилось бы бессмысленным само их существование. Но в таком случае это различие должно было лежать в сфере не внутренней, а внешней политики²². Отдельные знатные семьи имели тяготения или пристрастия родственного, дружеского или иного характера (часто на ксенической основе) именно во внешнеполитическом

¹⁶ Фролов Э.Д. Рождение греческого полиса. Л., 1988. С. 222–223.

¹⁷ Burstein S.M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976.

¹⁸ Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986.

¹⁹ Единственное надежно датированное (Thuc. IV. 75) событие в докларховой истории Гераклеи – пребывание на ее хоре афинского стратега Ламаха в 424 г. до н.э. Однако и из этого бесспорного факта разные исследователи выводят далеко не одинаковые импликации для внутренней борьбы в полисе.

²⁰ Характерно, что той же оппозицией ὁ δῆμος–οἱ γνῶριμοί Аристотель оперирует и применительно к афинской истории (Ath. pol. 28. 2).

²¹ Суриков И.Е. Демократия и гетерии: некоторые аспекты политической жизни Афин V в. до н.э. // Власть, человек, общество в античном мире. М., 1997. С. 95; Он же. Аттическая трагедия и политическая борьба в Афинах // Античный вестник. Омск, 1999. Вып. 4–5. С. 187–188; Он же. Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. М., 2000. С. 174 слл.

²² Ср.: McGregor M.F. The Pro-Persian Party at Athens from 510 to 480 B.C. // Athenian Studies Presented to W.S. Ferguson. Cambridge (Mass.), 1940. P. 87; Thomsen R. The Origin of Ostracism. Copenhagen, 1972. P. 123; Littman R.J. Op. cit. P. 155 ff.

плане, нередко даже за пределами греческого мира, что и определяло позицию группировок, складывавшихся вокруг них. Ключевым вопросом борьбы было отнюдь не социально-политическое устройство (аристократия, демократия, олигархия и т.п.²³), а именно внешняя ориентация, диктуемая как традицией, так и конкретной ситуацией.

После этих оговорок, призванных уточнить характер политической жизни в архаической Геракле, нам необходимо для дальнейшего уяснения ее конкретных факторов остановиться на некоторых аспектах основания этого полиса мегарянами и беотийцами, которое явилось одним из последних крупных мероприятий Великой греческой колонизации. Все предлагавшиеся датировки выведения интересующей нас апойкии находятся в пределах 50-х годов VI в. до н.э.²⁴, более конкретная дата (если ее установление вообще возможно) в данном случае для нас не важна. При этом мы склонны вслед за С.Ю. Сапрыкиным, Ю.Г. Виноградовым и М.И. Золотаревым и вопреки Д. Ашери, С. Берстайну и Э.Д. Фролову вполне доверять сообщению Страбона (XII. 3. 4. С 542) о том, что ранее на этом месте уже находилась колония милетян (вероятно, инкорпорированная в состав вновь основанного полиса с получением милетскими "старожилами" гераклеяского гражданства). Во-первых, трудно представить, чтобы милетские мореходы, активно осваивавшие южное побережье Понта уже как минимум с VII в. до н.э. и забиравшие несравненно дальше на восток, не заметили и не оценили по достоинству едва ли не единственную удобную гавань в западной части этого побережья. Во-вторых, только наличием в метропо-

²³ Аристократы, насколько можно судить, стояли во главе всех группировок, в том числе и тех, которые в современной историографии принято определять как демократические.

²⁴ О времени основания Гераклеи см.: *Ashen D. Über die Frühgeschichte von Herakleia Pontike // Forschungen an der Nordküste Kleinasien. Wien, 1972. Bd. 1: Herakleia Pontike: Forschungen zur Geschichte und Topographie. S. 9-34; Burstein S.M. Op. cit. P. 12; Legan R.P. Megara: The Political History of a Greek City-State to 336 B.C. Ithaca; L., 1981. P. 140; Robinson E.W. Op. cit. P. 111; Сапрыкин С.Ю. Указ. соч. С. 16; Фролов Э.Д. Указ. соч. С. 200; Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначально... С. 98; Пальцева А.А. Указ. соч. С. 197. Это событие датируется различными исследователями от 560 до 550 г. до н.э. К слову сказать, проблема хронологии основания Гераклеи не имеет прямого отношения к вопросу о реальном времени победы Кира над Мидией. Последняя в действительности, насколько можно судить, имела место в 550/549 г. до н.э. (по "Хронике Набонида"). См.: *Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов. М., 1998. С. 170—171.* Но дело в том, что греки этого не знали. Античные историки и хронографы относят падение Мидии к 559 г. до н.э. Именно с этой датировкой (пусть ошибочной) синхронизировал выведение колонии в Гераклею Псевдо-Скимн (стк. 972 — 975).*

лии определенного милетского элемента можно объяснить значительные ионийские вкрапления в ономастический фонд Херсонеса, как он вырисовывается по надписям на острака.

С. Берстайн предположил, что Гераклея была основана по инициативе Лидии (через посредство Дельфийского оракула, прорицание которого действительно стало непосредственным поводом к выведению этой колонии — *Iust. XVI. 3. 4—7*²⁵). Это предположение уже *prima facie* привлекает наше внимание, поскольку Мариандиния в рассматриваемый период, в царствование Креза, действительно входила в состав Лидийской державы (*Herod. I. 28*), и вряд ли без ведома ее владыки подобного рода колонизационная акция на подвластной ему территории стала бы возможной. Чтобы рассмотреть означенную возможность подробнее и сделать заключение о степени вероятности такого аспекта события, нам придется несколько отклониться от основной нити изложения и совершить небольшой экскурс в политику Креза по отношению к греческим полисам метрополии. Это тем более оправдано, что имеет самое непосредственное отношение к теме взаимодействия античного и варварского миров.

Деятельность двух последних лидийских царей — Алиатта и Креза, правивших соответственно в 617(или 605) — 560 и 560 — 546 гг. до н.э.²⁶, — в весьма неодинаковой степени получи-

²⁵ *Burstein S.M. Op. cit. P. 16.*

²⁶ Во избежание возможных недоразумений необходимо сразу оговорить, что мы придерживаемся традиционной хронологии последних Мермнадов, для которой сколько-нибудь убедительная альтернатива нам неизвестна. Эта хронология основана, с одной стороны, на достаточно надежно зафиксированной дате конца Лидийского царства (см. примеч. 7), а с другой — на точных сроках правления, указываемых Геродотом для каждого из этих царей: 14 лет для Креза (I. 86), 57 - для Алиатта (I. 25; значительная ошибка исправляется "Паросской хроникой") и т.д. Если для первых представителей династии (в частности, для Гигеса — *Herod. I. 14*) получающиеся цифры нуждаются в корректировке, порой весьма существенной (см.: *Грантовский Э.А. Указ. соч. С. 156 слл.*), то по мере приближения ко времени жизни историка они становятся ощутимо вернее и никак не могут считаться фиктивными. При этом нет необходимости считать, что Геродот, оперируя столь точными цифрами, опирался на какие-то лидийские хроники (если таковые вообще существовали). Напротив, его источник, скорее всего, греческого происхождения, но при этом достаточно надежный. На наш взгляд, таким источником с наибольшей степенью вероятности могли быть погодные записи, составлявшиеся жрецами при каком-либо из крупных ионийских святилищ (например, при храме Артемиды в Эфесе или Аполлона в Дидимах). Подобного рода записи (*υπομνήματα*) велись, например, в Дельфах уже в начале VI в. до н.э. (*Plut. Sol. 11*), т.е. примерно в ту же эпоху, и в них отмечались важнейшие события того или иного года. Восхождение на престол и смерть таких могущественных соседей, какими были лидийские цари, просто не могло не отразиться в аналогичных документах жречества Ионии.

ла отражение в античной традиции. Алиатт, в полувековое царствование которого Лидия стала одной из "великих держав" Ближнего Востока, простиравшейся от Галиса до Эгеиды, оказался фигурой, мало интересовавшей греков. Сообщения о нем крайне скудны, а ряд его деяний оказался попросту приписан Крезу — его сыну и преемнику²⁷. Последний же, хотя в свое недолгое правление он в основном пожинал плоды достижений предшественников²⁸, а окончил его и совсем уж несчастливо, стал тем не менее одним из популярнейших персонажей греческой литературы, буквально не сходящим с ее страниц²⁹. Много, конечно, сыграло здесь свою роль, в том числе трагичная судьба последнего Мермнада, внезапным падением от высот власти и богатства к положению побежденного и пленника как бы продемонстрировавшего одну из ключевых парадигм греческого религиозного сознания — идею о "зависти богов". Но нам хотелось бы обратить внимание на другой возможный фактор популярности фигуры Креза в эллинской среде, который обычно остается вне поля зрения исследователей. Дело в том, что именно он первым из лидийских владык не только вел интенсивное наступление на греков Малой Азии, но и предпринял попытку активно участвовать в политической жизни самой Балканской Греции.

Правда, в спорадические контакты с этим регионом вступали и некоторые из предыдущих представителей династии. Так, уже ее основатель Гигес обращался с запросом к Дельфийскому оракулу и затем направил в Дельфы посвятельные дары (*Herod.* I. 13-14; *Theopomp.* FGrH. 115. Fr. 193; *Strabo.* IX. 3. 8. С 421). Его примеру последовал отец Креза Алиатт. О его посольстве к оракулу, также сопровождавшемся вручением ценных даров, сообщает Геродот (1.19.25). Однако все эти акции имели скорее религиозно-культурный характер, вряд ли можно предполагать для них какое-то непосредственное политическое значение. Мало отношения к политике имеет и отсылка 300 керкирских мальчиков в Сарды к Алиатту для оскотления коринфским ти-

²⁷ *Hogarth D.G.* Lydia and Ionia // *CAH.* Cambridge, 1929. Vol. III. P. 514; *Delcourt M.* Périclès. P., 1939. P. 18; *Forrest W.G.* The First Sacred War // *BCH.* 1956. Vol. 80, N 1. P. 33 ff; *Ellis W.M.* Alcibiades. L.; N.Y., 1989. P. 1-5; *Супиков И.Е.* Гостеприимство Креза и афиняне // *Закон и обычай гостеприимства в античном мире.* М., 1999. С. 72 - 79.

²⁸ Ср.: *Schachermeyr F.* Griechische Geschichte. Stuttgart, 1960. S. 141.

²⁹ Об образе Креза в греческой литературе, начиная с Геродота, см.: *Georges P.* Barbarian Asia and the Greek Experience: From the Archaic Period to the Age of Xenophon. Baltimore, 1994. P. 169-176; *Hellmann F.* L'esposizione del logos di Cresos // *Aevum antiquum.* 1996. Vol. 9. P. 14-48.

раном Периандром (*Herod.* III. 48)³⁰. Секрет загадочных отношений Периандра и Алиатта заключается, судя по всему, попросту в том, что коринфский тиран был "агентом" лидийского царя при обращении последнего в Дельфы³¹. Ничем иным нельзя объяснить тот факт, что Периандру стало известно вещание, данное пифией Алиатту. Он, кстати сказать, не преминул этим воспользоваться в интересах своего "коллеги" Фрасибула Милетского (*Herod.* I. 20), т.е. "корпоративная солидарность" тиранов и здесь оказалась превыше долга по отношению к варварскому правителю. Вряд ли содержание запроса Алиатта и ответа оракула широко оглашалось послами. Скорее, наоборот, они держались в секрете и оказались известными Периандру отнюдь не по воле случая, а в силу того что он имел прямое отношение к передаче этой информации. Отметим также тот факт, что многие из посвящений Мермнадов в Дельфах хранились именно в сокровищнице коринфян (*Herod.* I. 14). Насколько можно судить, из-за юридической (безусловно, отнюдь не материальной) невозможности для "варваров"-лидийцев основать там собственную сокровищницу им и здесь приходилось прибегать к услугам посредников³².

Что касается Креза, то его отношения со святилищами Эллады настолько интенсифицировались, настолько превзошли усилия предыдущих царей Лидии, что можно говорить уже о переходе количества в качество. Прежде всего резко расширился географический диапазон этих контактов. Крез обращался с запросами и посвящал дары, помимо Дельф, еще в Додону, в фокидские Абы (*Herod.* I. 46), в ряд беотийских святилищ (о которых речь пойдет ниже), а также в крупнейшие храмы Ионии - в Дидимы и Эфес (*Herod.* I. 92), хотя последние не

³⁰ В одной недавней работе (*Ковалев И.В.* "Восточная" политика Периандра Коринфского: причины смены курса // *Античность: события и исследователи.* Казань, 1999. С. 39-46) предпринимается попытка нарисовать целую картину "восточной" политики Периандра, в том числе и в отношении Лидии. Картина эта, основанная на огромном количестве недоказуемых допущений, претендует даже на некоторую стройность, но разваливается, подобно карточному домику, при первой же попытке критического подхода.

³¹ Аналогичный статус посредника между лидийским царем и Дельфами имел афинский аристократ Алкмеон (*Herod.* VI. 125; ср.: *Супиков И.Е.* Гостеприимство Креза... С. 76), за что впоследствии он был буквально озолочен своим высоким покровителем. Из этого видно, сколь большое значение придавали Мермнады деятельности таких посредников. Очевидно, сами они в качестве "варваров" не могли напрямую обращаться к оракулу.

³² Ср.: *Forrest W.G.* Delphi, 750-500 B.C. // *CAH.* 2nd ed. Cambridge, 1982. Vol. III. Pt. 3. P. 318.

данном случае нас не интересуют, поскольку выходят за рамки Балканской Греции). Однако приоритетным для него оставался всё же Дельфийский оракул³³. Царь буквально осыпал богатыми подарками не только жречество Аполлона, но и весь дельфийский полис. И это возымело для него важные результаты. В ответ на благодеяния дельфийцы, как сообщает³⁴ Геродот (I. 54), несомненно, цитируя официальный документ³⁵, ἐδοσαν Κροίσῳ καὶ Λυδοῖσι προμαντήρην καὶ ἀτελεῖήν καὶ προεδρίην καὶ ἔξεῖναι τῷ βουλευμένῳ αὐτῶν γίνεσθαι Δελφὸν ἐς τὸν αἰεὶ χρόνον. Значение этого проксенического декрета (одного из первых известных вообще и уж во всяком случае первого по отношению к варварам, а кроме того, дававшего целый набор привилегий, вплоть до политии) трудно переоценить. С его помощью Крез становился полноправным членом греческого мира и получал возможность общаться с оракулом без посредников, да еще и на преимущественных правах. Отныне Дельфы действительно стали для сардского владыки инструментом по упрочению влияния среди греков, не только малоазиатских³⁵, но и европейских.

Судя по всему, именно с помощью Дельф Крез предпринял свою важнейшую политическую акцию в Греции — заключил договор о дружбе и союзе (ὀρκία ξεινῆς πέρι καὶ συμμαχίης) со Спартой (*Herod.* I. 69; ср.: *Xen.* Суг. VI. 2. 10; *Paus.* IV. 4. 3)³⁶. Рассказ Геродота об этом событии окрашен в новеллистические тона. После совета пифии вступить в дружбу с "сильнейшими из эллинов" (τοὺς δὲ Ἑλλήνων δυνατωτάτους — I. 53) лидийский царь будто бы начал разыскивать таковых (I. 56) Узнав, что в наибольшей степени эти слова можно отнести к лакедемонянам и афинянам, но последние находятся под властью тирана Писистрата, он остановил свой выбор на спартанцах. На деле Крез, конечно, был не столь наивен, как изображает в данном пассаже "отец истории". Политические дела Эллады вряд ли были для него новостью, о которой приходилось специально разуз-

³³ Специально о контактах последнего лидийского царя с этим авторитетным святилищем см.: *Parke H.W.* Croesus and Delphi // *GRBS.* 1984. Vol. 25, N 3. P. 209–232; *Osborne R.* Greece in the Making, 1200–479 B.C. L.; N.Y., 1996. P. 269 f.

³⁴ Доватур А.И. Повествовательный и научный стиль Геродота. Л., 1957. С. 28; Глушкина А.М. Дельфийский полис в IV в. до н.э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 2. С. 47. Очень подробно вопрос о контактах Креза с Дельфийским оракулом рассмотрен в недавней работе: Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 219–255.

³⁵ Ср.: *Georges P.* Op. cit. P. 24–37.

³⁶ Об этом договоре см.: *Michell H.* Sparta. Cambridge, 1952. P. 16; *Roussel P.* Sparte. P., 1960. P. 86; *Meiggs R.* The Athenian Empire. Oxford, 1972. P. 23.

навать. Да и сам Геродот (I. 69) проговаривается о том, что Крез и ранее, до заключения союза, оказывал лакедемонянам услуги.

Контакты Спарты с Лидией (правда, не политического характера) к тому времени имели уже определенную историю. Плутарх (*Aristid.* 17) рассказывает о том, что в Спарте ежегодно на празднике Артемиды Орфии устраивается "процессия лидийцев" (Λυδῶν πομπή)³⁷. Сам биограф связывает этот обряд с одним из эпизодов Платейской битвы, но такое его происхождение весьма маловероятно: наверняка ритуал имел более древние корни. И действительно, уже Алкман (*PMG.* Fr. 1. 68) в не вполне ясном контексте связывает μῦθρα Λυδία с культом Орфии. Кстати, характерна в данном случае судьба самого Алкмана. Сардский грек, перебравшийся в Лакедемон в правление то ли Ардаса, то ли Садиятта (ср.: *Suid.* s.v. Αλκμάν), может служить живым доказательством ранних спартано-лидийских связей.

Комбинируя цитировавшееся выше сообщение Геродота с данными других античных авторов (*Theopomp.* FGtH. 115. Fr. 193; *Paus.* III. 10. 8; *Athen.* VI. 232b), можно следующим образом реконструировать предысторию договора Креза со Спартой. Желая украсить золотом чтимую статую Аполлона в Амиклах, спартанцы обратились к Аполлону Дельфийскому с вопросом, где им взять требуемый драгоценный металл. Пифия направила их в Сарды к Крезу, который по прибытии спартанских послов то ли продал, то ли даже подарил им золото³⁸. И уже после этого, как следует из последовательности событий, предполагаемой Геродотом, в саму Спарту отправилось лидийское посольство, ознаменовавшееся заключением союза. Таким образом, роль Дельф в этом эпизоде была, если можно так выразиться, амбивалентной: оракул как бы ненавязчиво "выводил" Креза и Лакедемон друг на друга³⁹.

Безусловно, союз, о котором мы говорим, был в высшей степени выгоден обеим сторонам. Во внешнеполитическом положении Спарты середина VI в. до н.э. была выходом на принципиально новый этап⁴⁰. Под предводительством энергичного царя Анаксандрида и Хилона, одного из крупнейших в истории спартанского полиса государственных деятелей, занимавшего должность эфора в 556 г. до н.э. и впоследствии причисленного

³⁷ См. о ней: *Chrimes K.M.T.* Ancient Sparta. Manchester, 1952. P. 266; *Nilsson M.P.* Geschichte der griechischen Religion. 2 Aufl. München, 1955. Bd. 1, S. 488; *Надь Г.* Греческая мифология и поэтика. М., 2002. С. 352–353.

³⁸ *Лосев А.Ф.* Мифология греков и римлян. М., 1996. С. 575.

³⁹ Исходя из сказанного выше, мы решительно отвергаем высказывающиеся иногда сомнения в историчности данного спартано-лидийского союза. См., например: *Bengtson H.* Griechische Geschichte von den Anfängen bis in die römische Kaiserzeit 2. Aufl. München, 1960. S. 126.

⁴⁰ *Амт М.* Great and Small Poleis. Bruxelles, 1973. P. 129–130; *Спрогезкий В.М.* Полис и империя в классической Греции. Н. Новгород, 1991. С. 67.

к кругу Семи мудрецов, Лакедемон, приступив к организации Пелопоннесского союза, начал претендовать на гегемонию в пределах не только полуострова, но и всей Балканской Греции. Духовная поддержка со стороны Дельф, откровенно симпатизировавших спартанскому "благодетельному", была ему обеспечена. А благодаря Крезу приходило и официальное международное признание спартанской простасии среди эллинов, поскольку Лидия считалась в греческом мире весьма авторитетной внешней силой⁴¹.

Со своей стороны Крез тоже вполне мог быть удовлетворен заключенным договором. Решая по своему усмотрению, какой из греческих полисов можно считать сильнейшим, и милостиво снисходя до установления с ним отношений, царь становился в положение своего рода внешнего арбитра по отношению к Греции и ее покровителя. Если бы это не выглядело преувеличением, пожалуй, можно было бы сказать, что в какой-то мере даже предвосхищалась ситуация, почти два века спустя порожденная Анталкидовым миром, хотя, разумеется, в совершенно иных обстоятельствах и масштабах. Кроме того, на богатые дары, присланные Крезом спартанцам, последние в принципе не могли ответить равными или хотя сколько-нибудь приближающимися по ценности подарками. Они, правда, всё же попытались "отдариться", послав в Сарды колоссальный бронзовый кратер (*Herod.* I. 70). Этот сосуд так и не достиг места назначения, будучи перехвачен самосскими пиратами. Но в любом случае по своим финансовым возможностям лакедемоняне, конечно, не могли соперничать с Крезом. Таким образом, складывалась ситуация неэквивалентного дарообмена, последствия которой в свое время проследил на широком этнографическом материале Марсель Мосс⁴²: сторона, неспособная возместить дар эквивалентным даром, неизбежно оказывалась (во всяком случае, в моральном плане) в положении должника. Даритель становился благодетелем, покровителем, что давало ему, в част-

ности, право ожидать от одаренного определенных услуг вассального характера. Именно так, очевидно, воспринимали сложившиеся у них с сардским владыкой отношения и сами спартанцы: во время нападения Кира на Лидию они по первому же зову стали снаряжать на помощь Крезу морскую экспедицию (*Herod.* I. 83). Известие о молниеносном взятии персами Сард заставило их отказаться от этого предприятия. Тем не менее они всё же направили к Киру посольство и, блюдя репутацию "простатов эллинов", пытались оказывать на него давление дипломатическими средствами (*Herod.* I. 153). Насколько можно судить, лидийские цари вообще нередко прибегали именно к практике благодеяний для приобретения себе вассалов в греческом мире, и нам еще предстоит столкнуться с таким примером.

Характерно, что Крез предпочел вступить в союзные отношения именно со Спартой, а не с Афинами. Геродот связывает это с установлением в Афинах тирании Писистрата, и в данном случае его объяснение представляется вполне правдоподобным. Действительно, влияние рода Алкмеонидов, поддерживавшего интенсивные контакты с Лидией⁴³, в середине VI в. до н.э. неуклонно снижалось, и преимущество переходило на сторону Писистрата, ставшего в конце концов единоличным правителем афинского полиса. Что еще более важно, Дельфы, недружелюбно настроенные по отношению к Писистратидам (см. примеч. 12), никак не могли посоветовать Крезу вступить в союз с этой династией.

Если попытаться в целом охарактеризовать политику Креза по отношению к Греции, не может не броситься в глаза ее разительное сходство (даже в деталях) с той линией, которой придерживался его египетский современник и тоже союзник (*Herod.* I. 77⁴⁴) - фараон Амасис⁴⁵. Оба царя, с одной стороны,

⁴¹ Ср.: *Курилов М.Э.* Спартанская дипломатическая практика в VI-IV вв. до н.э.: Автореф. дис.... канд. ист. наук. Саратов, 1999. С. 8.

⁴² Классический труд М. Мосса "Очерк о даре" недавно наконец увидел свет в русском переводе в кн.: *Мосс М.* Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 83 — 222. О необходимости эквивалентности при дарообмене см.: *Семенов Ю.И.* Экономическая этнология. Первобытное и раннее предклассовое общество. М., 1993. С. 130-131. О феномене дарообмена в эллинском мире (из которого, в частности, выросла широко распространенная в классической Греции практика взяточничества) см.: *Harvey F.D.* *Dona Ferentes: Some Aspects of Bribery in Greek Politics* // *Cruix: Essays in Greek History Presented to G.E.M. de Ste Croix on his 75th Birthday*. Exeter, 1985. P. 105 ff.; *Mastrocinque A.* *Il dono nel mondo greco: dallo "status symbol" ai processi per corruzione* // *Processi e politica nel mondo antico*. Milano, 1996. P. 9-18.

⁴³ *How W. W., Wells J.* *A Commentary on Herodotus with Introduction and Appendixes*. Oxford, 1912. Vol. 2. P. 28 ff.; *Vre P.N.* *The Origin of Tyranny*. Repr. ed. N.Y., 1962. P. 64 ff.; *Davies J.K.* *Athenian Propertied Families, 600-300 B.C.* Oxford, 1971. P. 384; *Курбатов А.А.* Роль аристократии в экономическом развитии греческого полиса VIII-VI вв. до н.э. // *Античная гражданская община*. М., 1986. С. 27.

⁴⁴ По сообщению одного позднего автора (*Malal. Chron.* P. 155, *Ddf.*), лидийские послы, прибывшие от Креза в Дельфы, по приказу царя вначале прикинулись египтянами, а пифия раскрыла их обман. Может быть, следует видеть в этой информации искаженное отражение каких-то совместных, согласованных действий Креза и Амасиса по отношению к оракулу?

⁴⁵ О политике Амасиса по отношению к грекам см.: *Boardman J.* *The Greeks Overseas*. Baltimore, 1964. P. 158; *Борухович В.Г.* Египет и греки в VI - V веках до н.э. // *Учен. зап. Горьковского гос. ун-та. Серия историческая. Горький, 1965. Вып. 67. С. 78 сл.*; *Яйленко В.П.* *Архаическая Греция и Ближний Восток*. М., 1990. С. 207; *Безрученко КМ.* *Древнегреческая Киренаика в VII - IV вв. до н.э.* // *ПИФК. 1999. Вып. 7. С. 124.*

стремились подчинить своей власти близлежащие греческие полисы — как Крез покорял Ионию, так Амасис завоевал Кипр (*Herod.* II.182). С другой стороны, в случае неудачи военных мероприятий оба они шли на заключение договорных отношений: союз Амасиса с Киреной (*Herod.* II. 181) аналогичен союзу с Милетом, который заключил еще Алиатт, а затем поддерживал Крез. Далее, Амасис, как и Крез, проявил интерес и к Балканской Греции. Более того, мы и здесь находим полное совпадение в пунктах приоритетного внимания обоих монархов: это Дельфы и Спарта. Амасис сделал крупный взнос на восстановление дельфийского храма Аполлона, сгоревшего в 540-х годах до н.э. (*Herod.* II. 180)⁴⁶. Спартанцам же этот фараон послал в дар ценный льняной панцирь (*Herod.* III. 47), по иронии судьбы тоже перехваченный вездесущими самосцами.

Разумеется, сходство политики Амасиса и Креза по отношению к грекам, в том числе к грекам метрополии, определялось прежде всего общностью целей. Важнейшую роль играла при этом необходимость противостоять ширящейся персидской экспансии. В связи с этим Греция интересовала царей не в последнюю очередь как источник воинов-наемников. Насколько можно судить, выше всего ценились наемники из Пелопоннеса. Во всяком случае, именно туда Крез перед самым началом войны с Киром направил для вербовки войск эфесца Эврибата, который вместо выполнения этого поручения бежал с деньгами к Киру (*Ephor.* FGh. 70. Fr. 58). Контакты Креза со Спартой, должно быть, имели, помимо прочего, и этот аспект. Но интерес лидийского правителя к Греции, особенно на первом этапе его царствования, до возникновения непосредственной персидской угрозы, имел и иные причины.

Насколько можно судить, одной из насущных забот Мермнадов было и всегда оставалось освоение окраинных и новоприобретенных территорий, особенно приморских. Лучшим способом такого освоения, безусловно, была урбанизация, основание новых городов в этих регионах. Однако лидийцы не имели собственного урбанизационного опыта⁴⁷, и, следовательно, им приходилось опираться в этой сфере на богатые тради-

ции греков. Крез во многом пытался и сам имитировать греческие достижения, но по большей части напрасно. Так, он вооружал лидийских воинов в эллинские доспехи и порой вроде бы даже добивался таким способом успеха (*Polyaen.* VII. 8. 1), но, как известно, в конечном счете от разгрома это его не спасло. В первые годы своего правления он вынашивал идею построить лидийский флот, но впоследствии отказался от этого намерения (*Herod.* I. 27).

Подобным образом обстояло дело и с урбанизацией. Материал по этому вопросу собран в упомянутой выше статье И.С. Свенцицкой, что позволяет нам здесь ограничиться некоторыми наиболее яркими фактами. Уже по инициативе Гигеса милетянами был основан Абидос (*Strabo.* XIII. 1. 20-22. С 590-591). При этом же царе возник Даскилей (будущая резиденция персидских сатрапов Геллеспонтской Фригии), получивший название от имени отца Гигеса — Даскила. Археологические раскопки выявили значительный и, очевидно, даже преобладающий греческий элемент⁴⁸ в населении этого города с самого момента его основания⁴⁹, хотя он и не является прибрежным. В связи с этим убедительным выглядит предположение о создании его как гарнизона греческих наемников на лидийской службе. Ряд других городов зоны черноморских проливов (Кизик, Асс, Нендрия и др.) был основан греками в период владычества Лидии в этой зоне. Основателем греческого города Адрамиттия, также расположенного на северо-западе Малой Азии, источники называют Адрамита, сына Алиатта и брата Креза (*Arist.* Fr. 484, *Rose*; ср.: *Strabo.* XIII. 1. 65. С 613). В самой Вифинии (а это уже совсем близко от интересующей нас Гераклеи) Алиатт основал город, названный в его честь Алиаттой (*Steph. Byz.* s.v. "Αλύαττα), вероятно, тоже не без участия греков.

Интересы последних лидийских царей, особенно Креза, простирались и за пределы собственно азиатских земель. Отнюдь не случайной представляется помощь, оказанная Крезом тирану Херсонеса Фракийского Мильтиаду Старшему (кстати, афинянину из рода Филаидов и политическому противнику Писистрата). Когда Мильтиад был взят в плен жителями воевавшего с ним города Лампсака, лидийский царь, пустив в ход угрозы, заставил лампсакийцев отпустить его (*Herod.* VI. 37)⁴⁹. И вновь мы встречаемся с уже знакомой нам политикой благодеяний: оказав покровительство Мильтиаду, Крез имел полное моральное право видеть в нем лояльного вассала, проводника

⁴⁶ См.: Pomtow H. Die drei Brande des Tempels zu Delphi // RhM. 1896. Bd. 51, N. 3. S. 329-380; Fontenrose J. The Delphic Oracle: Its Responses and Operations. Berkeley, 1981. P. 5; Sourvinou-Inwood Chr. The Myth of the First Temples at Delphi // CIQ. 1979. Vol. 29, N 2. P. 231-251; Maass M. Die wirtschaftlichen und politischen Umstände der delphischen Tempelbauten // Ktma. 1988. N 13. S. 11.

⁴⁷ Свенцицкая И. С. Греческие города в составе Лидийского царства // ВДИ. 1978. № 1. С. 35. О так называемых лидийских "городах" см. также: Hanfmann C.M.A. From Croesus to Constantine. Ann Arbor, 1975. P. 4 ff.

⁴⁸ Hanfmann G.M.A. Op. cit. P. 18; Burstein SM. Op. cit. P. 14-15.

⁴⁹ О данном эпизоде см.: Myres J.A. Geographical History in Greek Lands. Westport, 1974. P. 239; Andrewes A. Op. cit. P. 404; Супиков И.Е. Господство Креза... С. 78.

своего влияния. Мы можем в связи с этим даже задаться вопросом, не замыслил ли последний лидийский царь "прыжка через Геллеспонт", основания своего форпоста в Европе. Отметим, кстати, еще и такой нюанс: Мильтиад, как и Крез, пользовался расположением Дельфийского оракула и, собственно, с его санкции стал правителем Херсонеса (*Herod.* VI. 34-36). Далее, Мильтиад, как отмечалось выше, был врагом Писистрата, в свою очередь враждебного Дельфам и, судя по всему, Крезу, а впоследствии дружественного персам⁵⁰. С другой стороны, в Лампсаке для чуть более позднего времени зафиксирована династия тиранов, тесно связанная как с Писистратом, так и с Персией (*Thuc.* VI. 59. 3-4)⁵¹. Как мы видим, внешнеполитические конфигурации в бассейне Эгейского моря, раз сложившись, имели тенденцию к долгосрочному существованию.

Мы оставляем открытым вопрос о причинах преимущественного внимания Мермнадов (и Креза в их числе) именно к северо-западной части своих владений. Мисия с Троадой, Вифиния с Мариандинией - вот области, о которых приходится чаще всего говорить в связи с урбанизационной политикой Лидии, осуществлявшейся, повторим, в основном руками греков. Ждали ли лидийские цари какой-либо угрозы на этом направлении (например, со стороны Фракии)? Или сами намеревались выступить такой угрозой для европейских соседей? Или просто стремились прочнее интегрировать эти земли и населявшие их племена в состав быстро разросшейся державы? Необходимо, на наш взгляд, учитывать и близость названных территорий к стратегически важным черноморским проливам. Как бы то ни было, сам факт интенсивной лидийской (а по исполнению — греческой) колонизационной политики в рассматриваемом регионе налицо.

В рамки этой политики прекрасно укладывается и основание Гераклеи Понтийской. Не касаясь здесь вопроса о внутренних причинах, побудивших Мегары и Беотийский союз осуществить это мероприятие, мы говорим о нем лишь в корреляции с интересами Лидии и Креза (если бы таковые не были задействованы, никакая колония в лидийских владениях греки основать, конечно, не смогли бы). Очевидно, предыдущая милетская апойкия в Гераклее либо пришла в определенный упадок, либо изначально была небольшой и слабой, так что не могла эффек-

тивно выполнять ожидавшейся от нее Мермнадами функции освоения Мариандинии. Помочь в этом деле первопоселенцам была призвана новая волна колонистов. С полным основанием можно утверждать, что смена в населении Гераклеи милетского преобладания на мегарское произошло абсолютно мирным путем. Милетяне вовсе не были вытеснены с обжитого ими места, а, напротив, получили равные права с вновь прибывшими гражданами, и впоследствии и те, и другие оказались в числе "отцов-основателей" Херсонеса. Удивляться такому "симбиозу" не приходится: уже давно не нуждается в доказательстве положение о тесном сотрудничестве милетян и мегарян в колонизации побережий черноморских проливов и самого Понта⁵².

Вместе с тем санкционировавший выведение апойкии оракул Дельф (за которыми должен был стоять Крез) был дан не мегарянам, а беотийцам, несмотря на то что они приняли в последовавшей акции лишь незначительное участие⁵³. Этому также можно найти объяснение. Известно, с одной стороны, что в начале VI в. до н.э. Мегары серьезно испортили отношения с Дельфийской амфикинией (*Plut.* *Moral.* 304F)⁵⁴, и последствия этой враждебности, вероятно, продолжали ощущаться еще в середине столетия. Это исключало прямые конструктивные контакты между Дельфами и мегарским полисом. Беотия же оставалась одним из столпов союза амфикиионов. С другой стороны, по точно неизвестным причинам беотийцы пользовались особым расположением Креза. Посвятительные дары этого лидийского царя хранились сразу в нескольких беотийских святилищах - в храмах Трофония в Лебадии, Амфиарая в Оропе, Аполлона Исмения в Фивах (*Herod.* I. 46, 49, 52, 92). Обращение Креза через Дельфы именно к Беотийскому союзу выглядит поэтому вполне естественным. Между Мегаридой и Беотией издавна существовали тесные дружественные отношения⁵⁵,

⁵² Дружественные отношения Мегар и Милета восходят по меньшей мере к VIII в. до н.э., ко времени Лелантинской войны, когда оба этих полиса были союзниками Эретрии. См.: *Jeffery L.H. Archaic Greece: The City-States* C. 700-500 B.C. L., 1978. P. 67.

⁵³ Роль Беотии в Великой греческой колонизации вообще была крайне невелика по вполне объективным причинам. Не ощущая стенохории на своих обширных и плодородных по греческим меркам землях, отставая по темпам социально-экономического развития от передовых полисов Греции, жители этой области долго не испытывали необходимости оттока избыточного населения. Отметим, что по тем же причинам Беотию обошел стороной и феномен старшей тирании.

⁵⁴ *Legon R.P.* Op. cit. P. 104 ff.; *Суриков И.Е.* Остракизм в Мегарах... С. 51.

⁵⁵ *Burstein S.M.* Op. cit. P. 17; *Пальцева А.А.* Указ. соч. С. 179; *Надь Г.* Указ. соч. С. 353. Ранее беотийцы принимали какое-то участие в основании мегарянами Византия и Астака.

⁵⁰ Ср.: *French A.* The Growth of the Athenian Economy. L., 1964. P. 36; *Graf D.F.* Greek Tyrants and Achaemenid Politics // *The Craft of the Ancient Historian.* Lanham, 1985. P. 98.

⁵¹ Ср.: *Молчанов А.А., Суриков И.Е.* Писистратиды - потомки отказавших в гостеприимстве // *Закон и обычай гостеприимства в античном мире.* М., 1999. С. 122-123.

что должно было облегчить осуществление совместной колонизационной акции.

Итак, если принять предположение об основании Гераклеи под эгидой последнего Мермнада (как мы видели, для этого есть серьезные основания), очевиден вывод, что направленность гераклеийской внешней политики изначально не могла не быть дружественной по отношению к Лидии. Это, безусловно, не означает, что в колонию брали только заведомых сторонников Креза, но среди политической элиты таковые должны были преобладать. Гераклеоты не могли предполагать, что дни Лидийского царства сочтены. Как же могло отразиться в таком случае на судьбе города персидское завоевание Малой Азии?

В источниках нет прямых упоминаний о том, когда и как персы установили контроль над Гераклеей, поскольку внимание Геродота, наиболее подробно писавшего о событиях этих лет, оказалось всецело прикованным к отношениям между завоевателями и греческими городами малоазийского побережья Эгейского моря⁵⁶. Тем не менее можно не сомневаться, что персидское овладение этим важным стратегическим пунктом на северо-западе полуострова не заставило себя долго ждать. Экспансия Ахеменидов на этом направлении была широкомасштабной, а их планы — очень далеко идущими⁵⁷. Ясность в интересующий нас предмет вносит находка в Гераклею головы мраморной статуи персидского сатрапа, датированной ок. 540 — 530 гг. до н.э.⁵⁸ Таким образом, к этому времени подвластность города Персидской державе налицо. Иными словами, Гераклея полностью, в том числе и хронологически, разделила участь остальных полисов на лидийской территории.

⁵⁶ В труде Геродота Гераклея вообще не упоминается.

⁵⁷ Недавно Г.А. Кошеленко, опираясь на детальный текстологический анализ ряда пассажей Диодора и некоторых согласующихся с ними данных из других источников, сделал ответственный вывод о том, что даже греческие города Боспора Киммерийского на протяжении определенного хронологического промежутка находились под персидским владычеством. См.: Кошеленко Г.А. Об одном свидетельстве Диодора о ранней истории Боспорского царства // Древнейшие государства Восточной Европы (1996-1997 гг.). М., 1999. С. 130-141. В более осторожной форме предположение о персидском влиянии на Боспор см.: Завойкин А.А. Афины — Боспор — Гераклея Понтийская (от Перикла до Клеарха) // Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000. С. 249 — 267. Возражения см.: Молев Е.А. О возможности персидского протектората над Боспором // Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Мат. междунар. конф. СПб., 2001. Ч. 1. С. 29-33.

⁵⁸ Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Херсонес изначальный... С. 102. Примеч. 57.

Оказывало ли влияние персидское завоевание на характер политической борьбы в этих полисах? Ряд фактов позволяют дать утвердительный ответ на этот вопрос. Известно, что жители ионийского Теоса, не желая подчиняться захватчикам, покинули родину и переселились в Абдеру — на южном побережье Фракии (*Herod.* I. 168). При этом, вопреки словам "отца истории", отнюдь не все теосцы оказались единодушны в этом вопросе. Другая группа беженцев из того же города отправилась значительно дальше, в Северное Причерноморье, где основала Фанагорию⁵⁹. Более того, были и такие теосские граждане, которые предпочли никуда не переселяться, а остаться дома, и их, видимо, было не так уж мало: ведь Теос как полис продолжал существовать при персидском владычестве (*Herod.* VI. 8).

Еще более захватывающей была "одиссея" фокейцев, о которой подробно рассказывает Геродот (I. 162—167). И опять же заметим, что скитания в Западном Средиземноморье, завершившиеся основанием Элеи⁶⁰, выпали на долю лишь части граждан Фокеи, а больше половины их (ὕπερμίσσεας τῶν ἀστών — *Herod.* I. 165) после мучительных сомнений решили терпеть власть персов на родине. И еще один пример, правда, относящийся к несколько более позднему времени, к началу V в. до н.э.: в ходе подавления персидским флотом Ионийского восстания жители Византии и Калхедона (как и гераклеоты, мегарские колонисты), опасаясь мести победителей, бежали в понтийскую Месембрию (*Herod.* VI. 33)⁶¹. Вновь обратим внимание на то, что ни Византий, ни Калхедон не прекратили на этом своего существования. Таким образом, и здесь речь идет о выселении только какой-то части граждан, прочие же остались на месте.

На наш взгляд, во всех перечисленных случаях эмиграция не была прямым результатом персидской агрессии как таковой. Резоннее говорить о том, что непосредственным толчком к ней стала внутрисполитическая борьба в данных полисах. Хотя

⁵⁹ Долгоруков В.С. Фанагория // Античные государства Северного Причерноморья. М., 1984. С. 77. Недавно было высказано мнение, что Фанагория была основана не непосредственно из Теоса, а из Абдеры в первые же годы ее существования. См.: Кузнецов В.Д. Метрополия Фанагории // Древности Боспора. 2001. Т. 4. С. 227-233. Для нашего исследования этот вопрос не имеет принципиального значения.

⁶⁰ См.: Циркин Ю.В. Взаимоотношения фокейских городов Западного Средиземноморья // Из истории античного общества. Горький, 1983. Вып. 3. С. 44-45.

⁶¹ Об обстоятельствах основания Месембрии см.: Пальцева А.А. Указ. соч. С. 206 слл. Вопрос о том, основали ли византийские и калхедонские беженцы эту апойкию как таковую или она в какой-то форме существовала и несколько раньше, остается дискуссионным.

сам факт такой борьбы вряд ли можно поставить под сомнение, о ее характере античные источники почти ничего не сообщают. Однако, насколько можно судить, в рассматриваемый период практически повсеместно главным политическим вопросом была именно выработка некоего *modus vivendi* по отношению к новой реальности — Персидской державе, что повело к возникновению противостоявших друг другу "проперсидских" и "антиперсидских" группировок. Такие группировки, бесспорно, присутствовали в Афинах, в то время еще достаточно отдаленных от фронта непосредственных военных действий⁶². С тем большей долей уверенности можно предположить их существование в малоазийских городах. Борьба этих группировок могла приводить к различному исходу. Одним из вариантов (и, как мы видим, не столь уж редким) оказывался полный раскол гражданского коллектива, когда симпатизировавшие персам или нейтрально относившиеся к ним граждане оставались дома, принимали тиранами персидских ставленников и переживали прочие перипетии персидской политики в Малой Азии, а решительные противники подчинения Ахеменидам покидали родные места.

Этим-то фактором, как нам представляется, можно объяснить и поведение гераклеотов в тот период, их колонизационную политику. В 40-х годах VI в. до н.э. был практически несомненно основан Каллатис и с немалой долей вероятности — Херсонес. На эти годы приходится и персидское завоевание Малой Азии, в том числе их овладение самой Гераклеей. О простом хронологическом совпадении, о том, что эти события никак не были связаны друг с другом, говорить достаточно сложно, и тем сложнее, что перед нашими глазами прошел ряд прецедентов колонизации-эмиграции именно под воздействием ахеменидской экспансии, в который практически идеально укладывается случай с гераклейским полисом и его апойкиями. Наиболее близок он реакции жителей Теоса, которые тоже основали одновременно две колонии в разных местах. Почему все желавшие эмигрировать теосцы не поселились в Абдере или в Фанагории? Об этом можно только догадываться, но, очевид-

⁶² О "проперсидских" и "антиперсидских" группировках в Афинах начала V в. до н.э. см.: *Robinson C.A. Athenian Politics, 510-486 B.C. // AJPh. 1945. Vol. 66, N 3. P. 243 - 254; Holladay J. Medism in Athens, 508 - 480 B.C. // Greece & Rome. 1978. Vol. 25, N 2. P. 174 - 191; Gillis D. Collaboration with the Persians. Wiesbaden, 1979. P. 39 ff.; Lavelle B.M. The Sorrow and the Pity: A Prolegomenon to a History of Athens under the Peisistratids, ca. 560 - 510 B.C. Stuttgart, 1993. P. 27 ff.; Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 195-200; Суриков И.Е. Из истории греческой аристократии... С. 176 слл.*

но, между самими эмигрантами произошел какой-то раскол. Если те, кто отправился на Боспор Киммерийский, считали, что Абдера — недостаточно безопасное место, то они оказались совершенно правы: несколько десятилетий спустя персы распространили свое владычество на северное побережье Эгейского моря. В то же время не исключено, что между двумя группами беженцев были разногласия какого-то иного характера, политического или социального, делавшие впредь нереальным их совместное проживание. Аналогичным образом дела могли сложиться и в Гераклее, где, как говорилось выше, доля сторонников лидийских Мермнадов (и, следовательно, противников Ахеменидов) была особенно значительной, скорее всего просто преобладающей. В таком случае одна часть гражданского населения эмигрировала в Каллатис, другая — в Херсонес (имея в виду цитировавшееся выше сообщение Аристотеля, можно с некоторой долей условности назвать их "аристократами" и "демократами"), третья, в наибольшей мере проперсидски настроенная часть подчинилась завоевателям.

В случае принятия такого предположения становится ясно, почему Гераклея долго, гораздо дольше, чем, скажем, ионийские города, даже после Каллиева мира и как минимум до понтийской экспедиции Перикла в 30-х годах V в. до н.э. сохраняла дружественные отношения с персами, не позволявшие ей вступить в Афинский морской союз (*Iust. XVI. 3. 9*)⁶³. Действительно, всё это время в городе преобладали проперсидские элементы, поскольку их противники попросту покинули Гераклею.

Весь рассмотренный нами сюжет (точнее, несколько взаимосвязанных сюжетов) в своей совокупности является интересной иллюстрацией взаимоотношений античного и древневосточного (в понимании греков — варварского) миров в столь важной контактной зоне, какой была западная часть Малой Азии. Освоение эллинами побережий этого региона; существование такого важнейшего политического фактора, как Лидийская держава Мермнадов, правители которой планомерно наращивали усилия по проникновению в греческий мир, сочетая при этом методы силового давления с достаточно плодотворным мирным взаимодействием; смена лидийского владычества над полуостровом персидским, в корне изменившая общую расстановку сил и поставившая перед греческими полисами ряд серьезнейших проблем, которые им отныне приходилось решать, — все эти факты и события являлись отнюдь не изоли-

⁶³ Ср.: *Burstein S.M. Op. cit. P. 27.*

рованными друг от друга, а тесно взаимосвязанными компонентами единого исторического процесса. Во взаимной связи их и надлежит рассматривать, учитывая специфику и разнообразие типов взаимодействия (как в синхронном, так и в диахронном аспектах), конкретные последствия для греков изменений политической ситуации в соседнем варварском мире и их реакцию на эти изменения, зачастую порождавшую результаты, которые давали о себе знать в течение долгих веков, как, например, основание новых городов.

В.И. Козловская

ФОКЕЯ И ЗАПАДНЫЙ ЛАНГЕДОК. АГАТА: ОТ ТУЗЕМНОГО ЭМПОРИЯ К ЗАПАДНОИОНИЙСКОМУ ПОЛИСУ*

Основание Агаты — это кульминация в деле упрочения господства фокейцев в зоне Галльского (Лионского) залива.

Геотопография этого греческого центра отличалась завидной выгодностью. Он был основан на небольшом мысе, имевшем одну из лучших гаваней Лангедока, поблизости от устья судоходного Эро, с равнинным побережьем, благоприятствовавшим занятиям сельским хозяйством и густо населенным лигурами с эпохи поздней бронзы¹. С древности Агата была связана с тремя основными сухопутными магистралями Юго-Западной Европы. Через это поселение пролегал Гераклов путь, а дороги, тянувшиеся по долине Эро, соединяли средиземноморское побережье Галлии с глубинными областями Кельтики, Центральной Европы и Аквитании².

Полемика об обстоятельствах возникновения Агаты насчитывает долгую историю. Идея о ее позднем основании — наряду с такими западнофокейскими колониями, как Никея, Амфиполь, Ольвия, Тавроентий, Арелата — была высказана еще Ж. Жюльеном, апеллировавшим к крайне скудным указаниям позднеантичных авторов по этому поводу³. Впоследствии эта

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 04-06-80095.

¹ Подробнее см.: *Barruol G. Agde // Gallia. 1979. 37. P. 17; Leveau F. Le Rhone romain: dynamiques fluviales, dynamiques territoriales // Gallia. 1999. 56. P. 145 sqq.; Rouillard P. Les Grecs et la Péninsule Ibérique du VIII au IV siècle av. J. - C. Madrid, 1991. P. 218 sq. и др.*

² Карту и подробное описание схемы дорог см.: *Garcia D. Le territoire d'Agde grecque et l'occupation du sol en Languedoc central durant l'Age du fer // Études Massaliètes. P., 1995. 4: Sur les pas des Grecs en Occident / Ed. P. Arcelin, M. Bats et al. P. 138 - 141 ; Idem. Entre Ibères et Ligures. Lodévois et moyenne vallée de l'Hérault protohistoriques. P., 1993. P. 167.*

³ *Jullian G. Histoire de la Gaule I. Les invasions gauloises et la colonisation grecque. P., 1920. P. 396.*

идея была поддержана Ф. Бенуа⁴ и должна была обосновываться, как заметил один из ее противников Ж. Балле, "значение колониального владычества Массалии"⁵. М. Клер, руководствуясь сведениями Псевдо-Скимна, настаивал на тезисе о раннем основании этого центра фокейцами, а на основе информации Страбона говорил о его последующем переходе во владение фокейцев-массалиотов. Он особо подчеркивал, что возникновение Агаты должно быть отнесено к начальному периоду деятельности колонистов Фокеи на западе Средиземноморья, характеризовавшемуся их обоснованием в Массалии и предшествовавшему эпохе их освоения Иберии и Лигурии⁶. Этой точкой зрения руководствуется современный исследователь фокейской колонизации зоны Галльского залива М. Бате⁷, а А. Домингес Монедеро считает ее наиболее соответствующей общей динамике массалиотской торгово-колониальной деятельности⁸. Осторожностью отличается мнение А. Грэхема. Он ограничился общим указанием на VI в. до н.э., к которому относятся наиболее ранняя ионийская керамика Агаты, и на Массалию как метрополию этого центра⁹.

В свете современной археологии Агаты, прочно связанной с деятельностью А. Никельса, можно восстановить следующий вариант истории жизни этого поселения. Культурный слой, выявленный еще в 80-х годах XX в. в ходе предварительных зондажей, содержит в своем нижнем уровне, соответствующем фазе греческого обоснования в Агате, туземную керамику, которая датируется последней третью VII - началом VI в. до н.э.¹⁰

⁴ Benoit F. Recherches sur l'hellénisation du Midi de la Gaule. Aix-en-Provence, 1965. P. 108.

⁵ Vallet G. Le cité et son territoire dans les colonies grecques d'Occident // VII Convegno di Studi sulla Magna Grecia. Tarante, 1969. P. 112 sqq.

⁶ Clerc M. Massalia. Histoire de Marseille dans l'antiquité des origines à la fin de l'Empire romain d'Occident. Marseille, 1927. P. 242, 249, 264.

⁷ Bats M. Marseille et les relais indigènes dans le trafic le long du littoral méditerranéen gaulois (VI-I s. av. J.-C.) // Études massaliètes. P., 1992. 3: Marseille grecque et la Gaule / Ed. M. Bats, G. Bertucchi, G. Coqnes et H. Tréziny. P. 270.

⁸ Dominguez Monedero A. Focea y sus colonias: a propósito de un reciente coloquio // Gerion. 1985. 3. P. 367; Idem. La polis y la expansión colonial griega. Siglos VIII-VI. Madrid, 1991. P. 266.

⁹ Graham A. The Colonial Expansion of Greece. The Western Greeks // CAH, Cambridge, 1982. Vol. III. P. 160.

¹⁰ Nickels A. La Monédière à Bessan (Hérault). Le bilan des recherches // Documents d'Archéologie Méditerranée (Далее: DocAMédit). 1989. 12. P. 52 sqq.; Gailledrat E. Céramique ibéro-languedocienne // Dictionnaire des céramiques antiques (VII s. av. J.-C. - VII s. ap. J.-C.) en Méditerranée nord-occidentale (Provence, Languedoc, Ampurdan) / Ed. M. Py. Dicocer. Lattes, 1993. P. 461-469.

К концу VI в. до н.э. относятся остатки стен жилых помещений, возведенных из формованного кирпича-сырца¹¹. Кирпич, как и везде в иберо-лангедокском мире, был произведен на месте. Его размеры обычно равнялись 42/44 x 32/33 см и при его изготовлении использовался так называемый лидийский модуль в пропорции 4:3, широко распространенный в Греции, а также в Этрурии¹². Исходя из аналогий с жилой архитектурой Великой Греции VII - VI вв. до н.э., А. Никельс даже допускает наличие у помещений каменного цоколя¹³. Он считает, что в эту же эпоху в Агате появляются прямоугольные в плане дома (как в Массалии и Эмпорионе, а также и в самой метрополии¹⁴), с внутренними перегородками, площадью 18—30 м² и с единой для каждой пары жилых строений стеной¹⁵. Ж.-П. Морель склонен интерпретировать этот тип кладки как соответствующий фокейскому¹⁶. На смену хаотичному принципу застройки приходит блочный вариант¹⁷. А. Никельс выделил также остатки архаических оборонительных стен, представлявших собой основание из базальтовых блоков и куртины с рядами кладки из необожженного кирпича, членившиеся башнями. Они были воздвигнуты перпендикулярно стене, и остатки такой башни обнаружены в одной из зондажных траншей. А. Никельс датирует стену первой половиной VI в. до н.э.¹⁸ а ее реконструкцию — второй половиной этого же столетия¹⁹.

Если судить по керамике, то разведывательные плавления греков относятся к 650/630-600-м годам до н.э. Им соответствуют четыре кружальных сосуда третьей четверти VII в. до н.э. из Агаты. В округе этого поселения найдены родосские кубки, датируемые последней четвертью VII в. до н.э., ойнохои и стам-

¹¹ Nickels A. Agde grecque: les recherches récentes // Parola del Passato (Далее: PP). 1982. P. 269 sq.

¹² Beiarre M.C. Técnicas constructivas d'època ibèrica i experimentació arquitectònica a la Mediterrània // Arqueo Mediterrània. Barcelona, 2001. 6. P. 27 sqq.

¹³ Об этом подробнее см.: Dedet B. Les maisons à abside d'époque grecque archaïque de La Monédière, à Bessan (Hérault) // Gallia. 1976. 34. P. 103. Сомнения по этому поводу см.: Moret P. Maisons phéniciennes, grecques et indigènes: dynamiques croisées en Méditerranée occidentale (de l'Hérault au Segura) // Pallas. 2002. 58. P. 334.

¹⁴ Nickels A. Agde grecque... P. 269. Из последних работ об этом см.: Dedet B. La maison de l'oppidum languedocien durant la Protohistoire: forme et utilisation de l'espace // Gallia. 1999. 56. P. 323. В этом же труде приведена новейшая литература (С. 354 сл.).

¹⁵ Подробнее см.: Dedet B. La maison... P. 323, 328.

¹⁶ Moret J.-P. A la recherche d'un territoire: le cas de Marseille // Etudes Massaliètes. 1986. 1: Le territoire de Marseille grecque. P. 482.

¹⁷ Moret P. Maisons... P. 330.

¹⁸ Nickels A. Agde grecque... P. 272.

носы этого же производственного центра, а также один фокейский стамнос конца VII – начала VI в. до н.э.¹⁹ В целом греческий импорт этого времени был незначительным как в Агате, так и в ее округе, и в общей массе керамического материала он едва заметен²⁰.

II. Ролляр считает, что при современном состоянии источниковой базы вряд ли можно с уверенностью говорить о самостоятельности ранних плаваний греков в прибрежные зоны Лангедока. Более того, он склонен квалифицировать перечисленный выше греческий импорт как "свидетельство торгово-посреднической деятельности²¹ этрусков". Сторонником этой гипотезы является и Д. Гарсия²².

Наиболее ранние этрусские амфоры Агаты датируются концом второй четверти VII в. до н.э., и их появление совпадает, с хронологической точки зрения, с импортом первых греческих изделий в Западный Лангедок, Массалию и Эмпорион. С конца VII в. до н.э. этруски²³ экспортировали в эти регионы свои тонкостенные буккеры²⁴, а с первой четверти VI в. до н.э. — и грубые по технике производства глиняные сосуды²⁵. В последней четверти VII – начале VI в. до н.э. в Западном Лангедоке появились этрусские канфары типа Gras 1/Rasmussen 3e²⁶. К рубежу VII—VI вв. до н.э. этрусский импорт достигает 40%²⁷. В некрополе Агаты обнаружены также амфоры типа 1 — 2 и 3A— 3B. Центры их производства — Вульчи и Цере, а поставлялись они через Грависку²⁸. Их находят, как правило,

в контексте с коринфской и ранней этрусско-коринфской керамикой, появление которой мы бы соотнесли со временем обоснования в Тарквиниях коринфского правителя Демарата, привезшего с родины "многочисленных ремесленников" (*Strabo*. V. 2. 2; VIII. 6.20). В таком случае они должны иметь аналогичную хронологию — 620/580-е годы до н.э.²⁹

Этрусские винные амфоры середины VI в. до н.э. составляют в Агате около 85% (если судить по результатам раскопок 80-х годов XX в.³⁰) от общего количества импортных амфор этого типа³¹. Подобное соотношение характерно также для Бессана и других туземных поселений как прибрежной, так и внутренней Галлии. Все вместе эти пункты образуют своего рода цепочку, направленную к горнорудным районам Западного Лангедока. В них найдено также более 1700 изделий из бронзы и бронзовых слитков общим весом 800 кг³². Доступ к этим районам открывала дорога, проходившая по долине Эро. Важно указать, что в этих же придорожных поселениях встречаются и западнофиникийские изделия. Это поясные пряжки типа Acébuchal конца VII в. до н.э. (они найдены, кстати, и в некрополе Агаты³³), а также амфоры, изготовленные в одной из финикийских гончарных мастерских Искии³⁴. К настоящему времени имеется более 20 конусообразных погребальных урн VI в. до н.э.: они лепные, покрыты ангобом красного цвета и, что следует подчеркнуть особо, являются туземными копиями пунийской керамики погребального назначения³⁵.

Эти факты служат красноречивыми свидетельствами торговых устремлений этрусков, финикийцев и греков. С большой долей уверенности можно говорить, что на первых порах ведущую роль в контактах играли собственники сырья, т.е. туземцы, подобно тому, как это имело место, например, в случае с Уэльвой-Тартессом³⁶. Важно принять во внимание и находку в Бессане (в 6 км к северо-западу от Агаты) статуэтки мужчины, управляющего каким-то рогатым животным. Это животное

¹⁹ Подробнее о находках наиболее ранней греческой керамики см.: *Garcia D. Le territoire d'Agde grecque...* P. 142.

²⁰ Следует указать, что в бассейне Эро (например, в Бессане и Безьере) греческая продукция даже в середине VI в. до н.э. составляла 0,17% (*Ugolini D., Olive C. La céramique attique de Béziers (VI-IV s.) // Études Massaliètes*. P.; Lattes, 1995. 4. P. 249), а в первой четверти V в. до н.э. ее количество возросло до 0,76% (*Nickels A. Les maisons à abside d'époque grecque archaïque de La Monédière, à Bessan (Hérault) // Gallia*. 1976. 34. P. 114-115).

²¹ Ее разбор и ссылки на II. Ролляра см.: *Garcia D. Le territoire d'Agde grecque...* P. 142.

²² *Villard F. La céramique grecque de Marseille (VI - IV siècle), essai d'histoire économique*. P., 1960. P. 17-18.

²³ *Bats M. Marseille archaïque. Étrusques et Phocéens en Méditerranée nord-occidentale // Mélanges d'Archeologia et d'Histoire publiés par l'Ecole Française de Rome. Antiquité*. 1998. T. 110, Fasc. 2. P. 613.

²⁴ *Gras M. Traffics tyrrhéniens archaïques*. Rome, 1985. P. 258; *Rasmussen T.B. Bucchero Pottery from Southern Etruria*. Cambridge, 1979. P. 122.

²⁵ *Garcia D. Le territoire d'Agde grecque...* P. 177; *Bats M. Marseille archaïque...* P. 623, 629.

²⁶ *Bats M. Marseille archaïque...* P. 621.

²⁷ *Ibid*. P. 613, 618.

²⁸ Об этих амфорах см.: *Py M. Les amphores étrusques de Gaule méridionale // Il commercio etrusco arcaico. Atti dell'Incontro di studio* (Roma, 1983). Roma, 1985.

²⁹ *Bats M. Marseille archaïque...* P. 632.

³⁰ *Garcia D. Le territoire d'Agde grecque...* P. 144.

³¹ *Nickels A. Agde. La nécropole du premier Age du fer*. P., 1989. P. 304, 344.

³² *Bats M. Marseille archaïque...* P. 613. Not. 9.

³³ *Metels M. Agde*. P. 344.

³⁴ Подробнее см.: *Козловская В.И. Фокейцы в Тартессиде: эмпория и ее организация // Tabularium. Труды по антиковедению и медиавистике / Отв. ред. В.В. Дементьева*. М., 2004. Т. 2. С. 3 слл.

тащит повозку, нагруженную тремя большими брусками, которые по своей форме напоминают слитки³⁵. Каким бы ни было назначение этой статуэтки³⁶, очевидно одно: она фиксирует путь транспортировки рудного сырья³⁷, привлекавший внимание торговцев Вульчи, Черветери и других центров Южной Этрурии, а также интересовавший финикийцев, которые в обмен на металлы поставляли вино в собственной таре, украшения и воинскую амуницию (вспомним находки поясных пряжек). Вполне возможно, что в район Агаты плавали финикийцы как Центрального (прямые торговые партнеры этрусков), так и Западного Средиземноморья, использовавшие — наряду со своими собственными колониями и подобно грекам — торжища и торговые стоянки иберов Пиренейского полуострова типа Ульястрета³⁸.

С начала VI в. до н.э. к грекам, этрускам и финикийцам присоединились иберы Ампурдана, в конечном счете тоже оставившие свой след в материальной культуре обитателей Западного Лангедока. В контактах с ними были заинтересованы местные военные элиты, проявлявшие интерес к оружию не только финикийцев и греков, но и иберов. В туземных укрепленных поселениях (*oppida*) бассейна Эро постоянно возрастает число таких находок, как пряжки для воинских ремней и мужские фибулы с двойной пружиной³⁹.

Стабильное обоснование греков в области Агда и конкретно в Агате произошло в первой четверти VI в. до н.э. Первоначально они поселились в прямом соседстве с туземным центром (не далее как в 100 м от него⁴⁰) с целью установления прямых торговых контактов и контроля за поставками местной продукции в свой эмпорий. Со второй трети 70-х годов VI в. до н.э. в греческой Агате фиксируется присутствие большого количества серой монокромной керамики. Ее структурный анализ показывает, что по своему происхождению она является не массалиотской, а фокейской⁴¹. Есть также находки так называемой

эолийско-фокейской керамики середины VI в. до н.э.⁴² Следовательно, архаическую Агату вполне можно считать фокейским эмпорием, возникшим позже Массалии и Эмпориона, однако до падения их общей метрополии. Он находился ровно на полпути между этими двумя крупными фокейскими эмпориями, которые в отличие от него рано переросли в полисы, и, помимо прочего, мог служить их торговцам хорошей стоянкой. В начале VI в. до н.э. в Агате обитало не более 220-280 человек⁴³.

В 525-425-х годах до н.э. количество греческих винных амфор в Агате и ее округе возросло настолько⁴⁴, что они фактически вытеснили этрускую керамику соответствующего назначения. Поскольку аналогичное соотношение было характерным также для Массалии, Эмпориона и Ульястрета, то можно допустить, что этруско-туземные связи в районе Гальского залива прерываются. С этого времени туземцы Западного Лангедока и Ампурдана почти полностью переориентировались на греков, все более отдавая предпочтение массалиотам⁴⁵. Для объяснения этой важной перемены следует принять во внимание общую ситуацию в Западном Средиземноморье, характеризовавшуюся, как известно, нарастанием противоречий между греками и их итальянскими партнерами, с одной стороны, и пунийцами и этрусками — с другой. Нельзя сбросить со счетов и ту печальную участь, которая постигла Фокею в третьей четверти VI в. до н.э. и важнейшим следствием которой явилось массовое переселение ее обитателей на запад Средиземноморья. Именно на них сделали свою ставку туземцы обширного при- и запиренейского региона. Одновременно они укрепили свои связи с торговцами западноионийских полисов Южной Италии, Сицилии и Корсики. В туземных поселениях этого времени растет количество находок сероглиняной греческой керамики местного производства типа "Лангедок-Руссильон"⁴⁶.

Новые приоритеты туземных эмпориев привели к ощутимым изменениям в урбанизме связанных с ними *oppida*, распо-

³⁵ Garcia D. Le territoire d'Agde grecque... P. 143-144.

³⁶ Д. Гарсия высказывает интересное предположение о том, что подобно найденным в Этрурии, Испании и Португалии она носила культовый характер (Ibid. P. 144).

³⁷ Об этом пути см.: Coffin A., Sion H. Les relations atlanto-méditerranéennes. Eléments pour une révision chronologique du Bronze final atlantique // Méditerranée Lisbonne, 1993. 2. P. 292.

³⁸ Moret P. Maisons phéniciennes, grecques et indigènes. P. 344; de Hoz J. Grafitos cerámicos griegos y púnicos en la Hispania prerromana // Archivo Español de Arqueología. 2002. 75. P. 83-84.

³⁹ Об этих находках см.: Garcia D. Le territoire d'Agde grecque... P. 158.

⁴⁰ Ibid. P. 147.

⁴¹ Ibid. P. 143. См. также: Moret J. — Recherches sur le territoire... P. 122.

⁴² Kerschner M. Phokaische Thalassokratie oder Phantom-Phokaer? Die Frühgriechischen Keramikfunde im Süden der Iberischen Halbinsel aus der agäischen Perspektive // Greek Identity in the Western Mediterranean. Papers in honour of Brian Shefton / Ed. K. Lomas. Leiden; Boston, 2004. P. 126.

⁴³ Методику подсчета см.: Nickels A., Marchand G., Schwaller M. Agde, la nécropole du premier Age du fer. P., 1989. P. 400.

⁴⁴ Garcia D. Le territoire d'Agde grecque... P. 144.

⁴⁵ О типологической характеристике массалиотских амфор из указанного выше региона, технике их клеймления и их использовании для транспортировки вина, масла, древесной смолы-камеди и благовоний см.: Bertucchi G. Les amphores et le vin de Marseille. P., 1992.

лагавшихся в прибрежной зоне Галльского залива общей протяженностью порядка 300 км. У них появляются фортификации в виде земляных валов и крепостных стен, организуются склады для хранения импортной продукции (например, вина и тонкостенной керамики)⁴⁷. Любопытно, что в этих приморских складах при общем обилии иноземной продукции не найдено ни одного слитка, изготовленного из туземного металла. Видимо, столь важная для заморских торговцев продукция вывозилась немедленно в пункты назначения, без складирования в туземных эмпориях.

Местные центры, находившиеся вдали от торговых путей и в неподходящих для сельскохозяйственной деятельности регионах Западного Лангедока, не подверглись сколько-нибудь заметной урбанизации, хотя следует указать, что те из них, которые с географической точки зрения были наиболее приближены к Агате (Ом, Пезен и др.), смогли увеличить свои территории и более плотно их застроить. Остальные, несмотря на то что располагались в бассейне Эро, пришли в 500-х годах до н.э. в полное запустение (Сен-Базиль, Клермон и др.)⁴⁸. Были заброшены и их некрополи⁴⁹. Можно думать, что обитатели этих центров сделали все возможное, чтобы если не обосноваться по соседству с греческими эмпориями, то хотя бы максимально приблизиться к ним и приобщиться к их деятельности, переселяясь в связанные с ними туземные центры нижнего течения Эро и его прямой округи. Те из них, которым не повезло, были оставлены их обитателями.

Начало массалиотского обоснования может быть датировано временем не ранее последней четверти VI в. до н.э. В это время в Агате появляются святилища, воздвигнутые в честь Артемиды Эфесской и Аполлона⁵⁰ — наиболее почитаемых божеств как собственно Фокеи, так и ее основных западнотерриториальных колоний Массалии, Эмпориона и Алалии⁵¹.

Интересные данные содержит архаический некрополь Агаты, раскопки которого были начаты в 80-х годах XX в. Туземный некрополь насчитывает к настоящему времени более 200 захоронений эпохи Железа I с характерным для них обрядом кремации и помещением праха в урне под невысокой на-

сыпью, сооруженной из камней. Инвентарь характеризуется единообразием, свойственным культуре полей погребальных урн. Он включает керамические сосуды, общее число которых перевалило за 50. В них помещались фибулы, булавки, пуговицы и небольшие ножи, изготовленные из бронзы или железа. Нередкими являются находки остатков мясной пищи⁵².

Ранний греческий некрополь датируется первой фазой эпохи железа. Он находится в 500 м к северо-востоку от Агаты на холме 12—14-метровой высоты. Аналогичное расположение некрополя, описанное в качестве типичного Лукианом Самосатским (*Luc. Sam. Charon.* 22), было характерно для Массалии, Эмпориона и других западнофокейских центров⁵³. Из раскопанных к настоящему времени захоронений самостоятельное значение имеют четыре могилы с греческим погребальным инвентарем, предметы которого датируются третьей четвертью VII в. до н.э. Это ойнохои, а также кубки протокоринфского и субгеометрического стилей⁵⁴. Подобная картина наблюдается и в некрополе другого крупного центра этого же времени и соседа Агаты — Сен-Жюльена⁵⁵. Кто похоронен в этих могилах — греки или филэллински настроенные туземцы? А может быть, это были эллинизированные этруски (например, выходцы из Тарквиний), торговавшие в Агате греческой продукцией? Эти вопросы пока можно только поставить⁵⁶. Если допустить, что захоронения принадлежали эллинизированным туземцам, то кто был поставщиком греческой керамики, извлекаемой археологами из их захоронений: греки или этруски, или те и другие? Как бы ни решались эти конкретные вопросы, очевидно одно: туземцы Агаты уже в VII в. до н.э. стремились к контактам с греками. Это стремление отчетливо проявлялось

⁵² *Barruol G. Agde. P. 526.*

⁵³ Об этом см.: *Bertucchi G. Nécropoles et terrasses funéraires à l'époque grecque. Billan sommaire des recherches // Marseille grecque et la Gaule / Ed. M. Bats, G. Bertucchi, G. Cognes, H. Tréziny. Lattes; Aix-en-Provence, 1992. P. 128; Rouillard P. Les Grecs et la Péninsule Ibérique... P. 259.*

⁵⁴ *Nickels A. Agde grecque... P. 278.*

⁵⁵ Подробнее об этом см.: *Giry J. La nécropole preromaine de Saint-Julien (Pézenas-Hérault) // Rivista di Studi Liguri. 1965. P. 237 sqq.*

⁵⁶ Известно, что в IV—II вв. до н.э. погребальный обряд некрополя Агаты был настолько неоднородным (ингумация со скромным инвентарем или при его полном отсутствии, ингумация детей в амфорах, кремация с разнообразным инвентарем), что изучающий его археолог А. Никельс говорит о смешанном характере многочисленных семей греческой Агаты, с одной стороны, и о серьезной эллинизации туземных семейств — с другой. Эти характеристики можно отнести и к другим фокейским центрам побережья Галльского залива — Массалии и Эмпориону (*Bertucchi G. Nécropoles et terrasses funéraires... P. 256 sqq.*), как, впрочем, и к их собственной метрополии.

⁴⁷ Подробнее см.: *Garcia D. Entre Ibères et Ligures. P. 122 sqq., 162 sqq.*

⁴⁸ *Ibid. P. 130-131.*

⁴⁹ *Nickels A. Essai sur le développement topographique de la nécropole protohistorique de Pézenas (Hérault) // Gallia. 1990. 47. P. 1-27.*

⁵⁰ О них см.: *Rouillard P. Les Grecs et la Péninsule Ibérique... P. 259.*

⁵¹ В частности, об этих культах и посвященных им святилищах см.: *Hermay A., Tréziny H. Les Cultes des cités phocéennes // Études massaliètes. P., 2000. 6. P. 11 sqq.*

в верхах их общества. И даже если в их контактах продолжали принимать участие этруски, то это были те из них, кто поддерживал тесные торгово-экономические связи с греками. Таким образом, Агата в архаический период своей истории представляла собой речной эмпорий, открытый для ведения торговли различными — с этнической точки зрения — группами торговцев.

В конце 80-х годов XX в. появились уточнения по поводу происхождения раннего греческого импорта. А. Домингес Мо-недеро высказал предположение о его связи с одним из южно-италийских производственных центров, где в качестве поставщиков выступали западные дорийцы⁵⁷. Не исключая такой интерпретации, напомним, что импортерами могли быть — наряду с ними и этрусками — также те ионийцы, которые делали остановки в западнодорийских портовых центрах Южной Италии. Там они, по условиям эмпориев, догружали свои корабли местной продукцией, поскольку вместе с протокоринфской керамикой из некрополя Агаты следует принять во внимание хиосский килик этого же времени, найденный непосредственно в округе туземного центра⁵⁸. Не являлись ли его импортерами сами хиосцы — современники и партнеры самосских мореходов — и не отражает ли килик стремление ионийцев Эгеиды установить торговые контакты с туземной элитой, как это имело место, например, в случае с самосцем Колеем и тартессиями этого же времени (*Herod. IV. 152*)? И не прибыли ли именно по их следам, как и в район Гибралтара, их прямые партнеры фокейцы? Непрерывность и непоколебленность стратиграфии туземного *oppidum* свидетельствуют, как уже было сказано, в пользу довольно стабильного присутствия фокейцев в этом регионе с рубежа VII—VI вв. до н.э. В первой половине VI в. до н.э. центр уже имел греческие укрепления (в пределах которых он существовал до V в. до н.э.), а во второй половине столетия, как считает А. Никельс⁵⁹, в прямом соседстве с ним обосновались массалиоты. Они построили собственную оборонительную стену и, следовательно, составили конкуренцию тем, кто плавал в фокейскую Агату.

О причинах столь серьезной трансформации Агаты судить рано, хотя одно можно считать несомненным: динамизм экономического развития Массалии требовал все большего количества

⁵⁷ *Dominguez Monedero A. Colonization griega y el mundo funerario indígena en el Mediterráneo Occidental. Madrid, 1987. P. II. P. 1588 sqq.*

⁵⁸ *Nickels A. Contribution à l'étude de la céramique grise archaïque en Languedoc-Roussillon // Les Céramiques de la Grèce de l'Est et leur diffusion en Occident. P., Naples, 1978. P. 249 sqq.*

⁵⁹ *Nickels A. Recherches sur la topographie de la ville antique d'Agde (Hérault) // DocAMédit. 1981. 4. P. 32 sqq.*

выходов к морю, которые находились бы в пределах подконтрольной ей территории. Одним из таких пунктов встреч греков и туземцев — наряду с Агатой — стало поселение Центрального Лангедока Латт, располагавшееся на морском побережье и одновременно в устье реки Лез. В слое VI в. до н.э. этого поселения приблизительно в одинаковых пропорциях содержится восточноионийская, массалиотская и этрусская керамика⁶⁰, из которой, начиная с третьей четверти столетия, устойчиво сохраняется лишь массалиотская⁶¹. Этот факт дает основания предположить, что туземный эмпорий, как и Агата, попадает к этому времени в сферу торгово-экономических интересов Массалии и под ее контроль.

Греческое присутствие в районе Бессана регистрируется археологией с середины VI в. до н.э. Оно документируется группой полукруглых в плане хижин, сооруженных там с целью надзора за дорогами, шедшими с севера на юг и с востока на запад. Поселение, как и сама Агата того времени, занимало небольшую площадь (3 га) и было призвано помогать ей в посреднических связях между греками и туземцами. М. Бат ставит Бессан в один ряд с другими речными эмпориями туземцев Южной Галлии, а Агату рассматривает как поселения, располагавшиеся на границе двух самостоятельных регионов — Массалии и Эмпориона⁶². В пользу подобного предположения свидетельствуют и выявленные археологическими работами 80-х годов XX в. остатки основания и кладки 2—3 нижних рядов стен сооружения, назначение которого хотя и остается пока неопределенным, однако наличие каменного пола и фундамента, аккуратность кладки и знакомство строителей с техникой возведения прямоугольного в плане сооружения — все это говорит о том, что его создатели владели основами греческой архитектуры. Не обитало ли в таком случае в их *oppidum* какое-то количество греков — эмпоров и строителей, передавших им свой опыт?

⁶⁰ О находках в этом поселении ионийских кубков типа A2 — B2 и коринфского арибалла, с одной стороны, и этруских черноглиняных буккеро — с другой, см.: *Marchand G. Essai de classement typologique des amphores étrusques, La Monédière, Bessan, Hérault // DocAMédit. 1982. 5. P. 146 sqq.*

⁶¹ *Jully J. — J. Céramiques grecques ou de type grec et autres céramiques en Languedoc méditerranéen, Roussillon et Catalogne. I. P., 1982. P. 531 sqq.; Idem. Céramiques grecques ou de type grec et autres céramiques en Languedoc méditerranéen, Roussillon et Catalogne. II. P., 1983. P. 875 sqq.*

⁶² *Bats M. Marseille, les colonies massaliètes et les relais indigènes dans le trafic le long du littoral méditerranéen gaulois (VI s. av. J. — C.) // Études massaliètes. 1994. 3: Marseille grecque et la Gaule. Actes des colloques de Marseille (Lattes; Aix-en-Provence, 1992). P. 272.*

⁶³ О них см.: *Garcia D. Entre Ibères et Ligures. P. 74 sqq.*

В решении вопроса о динамике развития Агаты и степени сохранения (или изменения) первоначальных целей ее обитателей, в тех или иных аспектах уже затрагивавшегося в нашем исследовании, необходимо принимать во внимание два основных параметра: расположенность на морском побережье при хорошей гавани и одновременно в устье реки. Оба они указывают на большую роль, которую отводили Агате восточные ионийцы (а впоследствии и массалиоты) в своей торговой деятельности. Их торговля являла собой нерасчленимую целостность эмпории и капелей, когда в роли эмпоров они выступали самостоятельно (либо в содружестве с этрусками и пунийцами), а роль капелов осуществляли туземцы. Подобная система организации "ближней" и "дальней" торговли, которая строилась на деятельности многочисленных посредников (они выполняли свои операции в пунктах с различным уровнем социально-экономического развития, но при этом всегда в таких, которые были связаны с важными морскими и речными водными артериями) и неизменно приносила немалые богатства (ее подробную характеристику см.: *Arist. Polit.* 1257a sqq.), была широко известна в средиземноморском мире как в центральных, так и западных регионах, начиная с эпохи архаики. Наиболее красноречивым, хрестоматийным примером служит вариант взаимодействия тартессиев, греков и финикийцев в Уэльве архаической эпохи⁶⁴, однако число примеров подобного рода можно множить, если вспомнить историю контактов между собой многочисленных центров Восточной Иберии, Лангедока, Прованса, Южной Сицилии, Южной Италии и Этрурии. Страницы этой истории были открыты греками благодаря восточным ионийцам еще в VIII в. до н.э.

Недра Западного Лангедока, наряду с Аквитанией и Бретанью, представляли для средиземноморских торговцев самостоятельный интерес, будучи богатыми разнообразным сырьем — медью, золотом, серебром, гранатом-альмадином, базальтом (*Strabo.* III. 4. 9— 10; 5. 1; IV. 1. 13). Феофраст говорит также о добыче смолы, канифоли, камеди и о сборе меда и ароматических трав (*Theophr.* De lapid. III. 18; VI. 34). Особое внимание фокейцев было приковано к недрам Северных Пиренеев, которые изобиловали золотом, серебром и, что особенно важно, квасцами (*Strabo.* III. 2. 8). Как сообщает Авиен, плавания массалиотов в Пирену издавна носили систематический характер (*Avien.* Ora marit. 560 — 565), а Эфор называет греков давними друзьями туземцев этого региона (*Ephor.* ap. Strabon. IV. 3. 6). Видимо,

⁶⁴ Подробнее см.: *Dominguez Monedero A.* Cerámica griega en la ciudad ibérica // *Anales de Prehistoria y Arqueología.* Murcia, 2001-2002. Vol. 16-17. P. 190-193.

неслучайно один из основателей Массалии, торговец Протис, приложил немало усилий для того, чтобы взять в жены девушку из одной из наиболее знатных туземных семей Западного Лангедока⁶⁵. Самые состоятельные из туземных элит предпочитали вести с греками самостоятельную торговлю металлами в собственном речном эмпории, располагавшемся поблизости от Нарбона (*Strabo.* IV. 1. 12).

Наибольшее значение фокейские эмпоры отводили приобретению квасцов — двойных сернокислых солей (марганца, алюминия и др.), которые употреблялись в технике как дубящее вещество (например, при изготовлении кожи, чрезвычайно широко и разнообразно использовавшейся в древности: ее обязательно квасцевали, т.е. пропитывали квасцовым раствором для прочности и эластичности), а в медицине — как дезинфицирующее средство. Известно, что родной полис фокейцев был основан в зоне залегания именно этого минерала и, как считает П. Эбнер, жители вели его добычу с целью продажи⁶⁶. Истощение местных ресурсов привело фокейцев к созданию Лампсака и к попытке обосноваться на Хиосе, который также располагал собственными запасами квасцов. Когда эта попытка не оправдала себя, фокейские торговцы направились на запад. Неудивительно, что следы их присутствия фиксируются в тех зонах Южного и Западного Средиземноморья, где имелись доступные для разработки запасы этого минерала — Египет (район Навкратиса), Иския, этрусская Вольтерра, Генуя, Сардиния, Восточные Пиренеи. Во всех этих регионах найдена ионийская, эолийско-ионийская (фокейская в собственном значении этого слова?) и коринфская керамика VI в. до н.э. Это кубки B1 и B2⁶⁷, сероглиняные буккеры, кратеры, блюда, амфоры и урны.

С другой стороны, в зоне Нима и Нарбона обнаружено множество слитков из меди и бронзы, относящихся к слою этого же столетия. М. Клавель указывает, что в раннем слое туземного поселения Ла Монедьер найден один из наиболее крупных "складов" металлических изделий — заготовок и слитков Западного Лангедока, вес которых приближается к 700 кг⁶⁸. Эти предметы были складированы скорее всего для перепродажи заморским эмпориям (*Strabo.* IV. 1. 13). Некоторые самородки достигали полуфунтового веса (*Strabo.* III. 2. 3).

⁶⁵ Разбор античной и современной историографии по поводу этого факта см.: *Bertucchi G.* Les amphores et le vin. P. 194 sq.

⁶⁶ *Ebner P.* Le monete de Velia // PP. 1966. 21. P. 121 sqq.

⁶⁷ *Clavel-Lévêque M.* Béziers et son territoire dans l'antiquité. P., 1977. P. 23, 82.

⁶⁸ *Ibid.* P. 109.

Несмотря на то что побережья рек Западного Лангедока издревле были обитаемыми⁶⁹, процесс урбанизации в этом регионе начался лишь в эпоху приобщения туземцев к заморской торговле. В долине реки Эро этот процесс характеризуется особой интенсивностью для туземного предшественника греческой Агаты, а также для Ла Монедьера (совр. Бессан), Кессеро (совр. Сен-Тибери), Сен-Жюльена (совр. Пезен), а в долине Орба — для Безьера, Ансерюна, Магаласа⁷⁰.

Свидетельством участия греков в этом процессе может служить наряду с их собственной еще и туземная, иберо-лангедокская бытовая керамика, которая на протяжении VI в. до н.э. обнаруживала все более возрастающее греческое влияние. Раскопки Ла Монедьера, которые в 70-х годах XX в. осуществил Ж. Жюли, дали весьма показательный набор керамики VI в. до н.э. — этрусские буккеры и амфоры, сероглиняную посуду, фрагменты тулова массалиотской амфоры, фрагменты ионийских кубков B1 и B2, большие фрагменты тулова и ручку аттического кубка, килик из Хиоса. Особо следует выделить крайне интересный туземный кубок конца VI в. до н.э. Он представляет собой гибрид аттичско-ионийского кубка, имевшего своим прототипом ионийский кубок B2; его близкими аналогами являются два биусеченных по форме и сильно фрагментированных по степени сохранности кубка из некрополя Сен-Жюльена и один экземпляр из Агаты⁷¹. Один из излюбленных у ионийцев элемент декора — концентрически замкнутые круги большого диаметра — также был заимствован иберами Западного Лангедока еще в VI в. до н.э., о чем свидетельствует их расписная керамика: тинаха из Ла Монедьера, сосуды из Кессеро и Ансерюна⁷². При этом во всем бассейне Ода формы, как правило, оставались типично местными, иберо-лангедокскими. Однако одна из наиболее распространенных форм — сосуды с перфорированными ручками, зафиксированные археологами повсеместно в южном междуречье Орба и Эро, — происходит от эгейских прототипов. Во внедрение этого типа в

⁶⁹ Подробнее см.: *Guilaine J. L'âge du Bronze en Languedoc occidental. P., 1978. passim.*

⁷⁰ Подробнее об археологическом изучении этих поселений см.: *Gailledret E. Les Ibères de l'Ebre à l'Hérault (VI-IV ss. av. J.-C.) // Monographies d'Archéologie Méditerranéenne 1. Lattes, 1997; Gailledret E., Poupet P., Boisson H. Nouvelles données sur l'habitat protohistorique de Mailhac (Aude) au premier âge du Fer (VII-V ss. av. J.-C.). Girona, 2000. P. 176.*

⁷¹ *Jully J.—J. Céramiques ibéro-languedociennes et ibériques classiques // Ampurias. 1977-1978. Vol. 38-40. P. 387 sqq.*

⁷² *Solier Y. La culture ibéro-languedocienne aux VI—V siècles // Ampurias. 1977-1978. Vol. 38-40. P. 226, 256.*

Западный Лангедок, как и в Восточную и Юго-Восточную Иберию, внесли свою лепту восточные ионийцы.

Известны также туземные подражания ионийскому кубку B2, глубоким мискам, ойнохоям и сероглиняным амфорам. Копировались как типология сосудов, так и их декор (полосы, концентрические круги или полукружия). Это свидетельствует о привлечении на службу ионийских ремесленников-гончаров из Массалии и Эмпориона, а также из западноэвбейских центров, где "опознавательным знаком" изделий можно считать концентрические круги и/или полукружия. Типологическое разнообразие керамической продукции — транспортная тара, емкости для хранения жидкостей, бытовая и пиршественная керамика, — изготовлявшейся этими мастерами, является еще одним убедительным подтверждением мирного сосуществования ионийцев и иберов в oppida Западного Лангедока с начала VI в. до н.э. И. Соли считает возможным говорить о локализации наиболее крупных центров местного производства в Монтлорье и Рюсино⁷³, что представляется весьма вероятным, поскольку именно из этих двух центров происходит наибольший процент находок. Эти oppida сыграли заметную роль и в урбанизации многих туземных поселений.

В конце VI в. до н.э., когда в Западном Лангедоке обосновались иберы, огнем пожарищ вытеснившие лигуров, они заставили в местных oppida прямоугольную планировку, полукруглые в плане дома восточноионийского типа, возведенные над прямоугольными в плане землянками, и керамику, выполненную в греческом стиле. Эллинизованными были не только прибрежные поселения, рано привлекавшие внимание своими гаванями и являвшиеся эмпориями (своего рода "открытыми портами"), но и те пункты, которые отстояли от моря на расстоянии 15—20 км — Ансерюн, Рюсино, Милла, Безьер, Монтлорье, Майак, Бессан, Монедьер и др. Фрагменты греческой керамики обнаружены в Каркассоне (верховье Ода, Северные Пиренеи), что как нельзя лучше указывает на географическую направленность торгово-экономических интересов ионийцев VI—V вв. до н.э. И. Соли замечает, что с приходом иберов урбанистическая картина Лангедока так изменилась, "как если бы эллинизированная цивилизация этого региона уступила дорогу варварскому миру"⁷⁴.

Подводя итоги, отметим, что в Западном Лангедоке фокейцы появились практически одновременно с обоснованием в Массалии и Эмпорионе. При современном состоянии источниковой базы трудно с уверенностью судить о механизме органи-

⁷³ *Ibid. P. 255.*

⁷⁴ *Ibid. P. 213.*

зации ими Агаты, однако наиболее адекватным представляется тот вариант, который они использовали, например, при организации Массалии, Эмпориона, а также греческой части Майнаки (совр. Малага). Он состоит в обосновании по соседству с туземным эмпорием и постепенном установлении над ним своего господства. Ионийцы сначала Фокеи, а со второй половины VI в. до н.э. уже и Массалии, придавали Агате такое большое значение в своих связях с туземными поселениями бассейна судоходной части Эро, что даже массивная иберизация Западного Лангедока едва коснулась ее. Она продолжила оставаться для греков "Ἀγᾶθη Τύχη", полисом Доброй Фортуны.

Отношения греков Агаты (и Западного Лангедока в целом) с этрусками и пунийцами можно охарактеризовать как партнерские. В ряде случаев они привели даже к мирному сосуществованию в рамках небольших совместных поселений, складывавшихся при туземных эмпориях. Нередко фиксируется использование единой метрологии, системы стандартов мер и весов.

Заинтересованность туземцев припиренейского региона (особенно их oppida, располагавшихся на побережье Галльского залива) в контактах с греками, этрусками и пунийцами способствовала большому притоку в их поселения импортной продукции и сопровождавшей ее керамики, а также разнообразной информации, связанной, например, с гончарным ремеслом, строительным делом, организацией торговли. Со временем захоронения местной знати стали в обязательном порядке содержать греческие сосуды, в ряде случаев их количество исчисляется 15 — 20 экземплярами. Эти изделия служили эталоном прижизненной привилегированности социального статуса погребенных.

Таким образом, первым этапом своей истории Агата во многом совпадает с историей фокейских полисов Великой Греции (Элея), Корсики (Алалия), Южной Галлии (Массалия) и Испании (Эмпорион). Однако иберизация Западного Лангедока и одновременно интеграция туземцев в общину Агаты, осуществившаяся в V в. до н.э., придали самостоятельность варианту ее последующей эволюции.

М.Ф. Высокий

ЭЛЛИНЫ И ВАРВАРЫ НА ХОРЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПОЛИСА: "ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ" ПОЛИТИКА АКРАГАНТА В VI - ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ V в. до н.э.*

Проблема греко-варварских отношений столь же многогранна, как сама эллинская цивилизация. В разных регионах греческой ойкумены они приобретали различные оттенки в рамках всего спектра направлений развития подобных отношений. И это вполне естественно, поскольку неэллинский мир, варварский для греческого мировосприятия, был не только неоднородным, но и неравнозначным с точки зрения политической и социальной организации, уровня общего развития, военных и экономических возможностей. Вполне определенно это видно на примере исследований по истории Великой Греции, где понятие "греко-варварские отношения" может относиться и к взаимодействию эллинов с местными племенами, и к отношениям с такими "гигантами" античного мира, как финикийцы или этруски¹. Данное исследование, ограниченное рамками одной статьи, посвящено именно взаимоотношению греков с местным населением на территории одного из крупнейших полисов Великой Греции — Акраганта.

Акрагант был основан в 580 г.² на юго-западном побережье Сицилии³, в регионе, подконтрольном сиканам. Сиканы, насе-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-01-00684а.

¹ См., например, одно из недавних обобщающих исследований, посвященных греко-финикийским отношениям первой половины V в. до н.э. на Сицилии: Sartori F. Agrigento, Gela e Siracusa: tre tirannidi contro il barbaro // Agrigento e la Sicilia Greca. Roma, 1992. В отечественной историографии подобные отношения традиционно трактуются как международные, а под определением "греко-варварские" понимаются отношения с местными племенами. См., например: Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Казань, 2000 — 2002. Ч. 1—2.

² Здесь и далее все даты — до н.э.

³ Подробнее об основании Акраганта см.: Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. Ранняя греческая тирания конца VII — середины V вв. до н.э. СПб., 2004. С. 49—50.

лявшие Западную Сицилию, вместе с сикулами, обитавшими в восточной части острова, были самыми крупными варварскими народами Сицилии. Однако, судя по данным источников, они не были родственными, и если в отношении сикулов все античные авторы сходятся в их итальянском происхождении, то для сиканов те же авторы приводят различные гипотезы, которые сводятся к двум основным версиям: сиканы — выходцы из Иберии, переселившиеся на Сицилию (*Thuc.* VI. 2. 2; *Philist.* ap. *Diod.* V. 6. 1; *Dionys.* I. 22), и сиканы — автохтонное население Сицилии (*Tim.* ap. *Diod.* V. 6. 1; Фукидид сообщает, что этой версии придерживались и сами сиканы — VI. 2. 2)⁴. Как рассказывает Фукидид, сиканы заселяли первоначально весь остров, но затем под давлением прибывших из Италии сикулов переместились в его западную часть (VI. 2. 5). Однако, по сообщению Тимея, сиканы сами покинули Восточную Сицилию из-за постоянных извержений Этны, а уже покинутые земли затем заняли сикулы (ap. *Diod.* V. 6. 3).

Вообще, Тимей — единственный античный автор, который дает хоть какую-то информацию собственно о сиканах (ap. *Diod.* V. 6. 2 — 4). По его данным, сиканы жили в поселках, а на наиболее неприступных холмах строили городки для защиты от нападения разбойников. У сиканов не было единого политического центра, равно как и крупных государственных образований, и фактически в каждом городке, т.е. укрепленном поселении на холме, был свой правитель (ср. сообщение о Тевте, правителе неприступного городка Весса в области Акраганта — *Polyaen.* V. 1.4), что, естественно, стало причиной многочисленных междоусобных столкновений "ради власти", продолжавшихся в течение длительного времени (*Diod.* V. 9. 1 — вероятно, данное сообщение также почерпнуто из труда Тимея). Кроме того, периодически происходили мелкие и крупные военные столкновения между сиканами и сикулами, прежде всего в пограничных районах; в какой-то момент был заключен договор и определена граница между этими народами. Эту границу по данным археологии проследить практически невозможно, поскольку материальная культура обоих народов практически неразличима. Тем не менее, на основании данных прежде всего нарративных источников, граница между сиканами

⁴ Подробнее об этногенезе сиканов и сикулов, а также очерк зарубежной историографии до 60-х годов XX в. по данной проблематике см.: *Ильинская Л.С.* Сиканы и сикулы. Проблема этногенеза // ВДИ. 1984. № 3. С. 94 — 111; *Она же.* Этнические и культурные контакты Западного и Восточного Средиземноморья в микенскую эпоху. Сицилия и Эгеида. М., 1983. С. 40 — 50; *Немировский А.И.* Племена Италии во II тыс. до н.э. // ВДИ. 1957. № 1. С. 102 — 121.

Хора Акраганта в V в. до н.э. (Из кн: *Micciche C.* Mesogheia. Archeologia e storia della Sicilia centromeridionale dal VII al IV secolo a. C. Caltanissetta; Roma, 1989)

и сикулами в Центральной и Юго-Западной Сицилии в целом определяется по течению реки Гимеры (совр. Сальсо) ⁵.

Греческие полисы Сицилии весьма рано, в среднем через несколько десятилетий после основания, начинали активное расширение своей хоры, и к концу VI — первой половине V в., т.е. ко времени расцвета сицилийских полисов, представляли собой крупные государственные образования со значительными территориями, на каждой из которых с различной степе-

⁵ Tusa V. Sicani ed Elimi // Kokalos. 1988-1989. Suppl. Tomo I. P. 48

⁶ Подробнее о границах хоры сицилийских полисов см.: *Высокий М.Ф.* История Сицилии в архаическую эпоху. С. 367 — 375.

нюю интенсивности шел процесс эллинизации местного населения. Все вышесказанное в полной мере относится к Акраганти — одному из крупнейших полисов Сицилии.

К V в. хора Акраганта представляла собой обширную территорию от среднего течения реки Галик (совр. Платани) с крупным сиканским поселением в Сан Анжело Муксаро на западе до долины Гимеры на востоке, а на севере акрагантские рубежи достигли районов центральной части острова, включая такие сиканские центры, как Балате Маринополи и Терравекья ди Кути⁷. На этой значительной территории активно шла эллинизация сиканов: хора Акраганта целиком располагалась в исторической области обитания сиканов, а восточная граница полиса, являвшаяся его границей с хорой соседнего полиса, Гелы, практически совпадала с сикано-сиккульским порубежьем. Наиболее полно эллинизационные процессы затронули поселения на всем протяжении долины Гимеры, поскольку именно этот регион, оказавшийся уже в VI в. ареной соперничества Гелы и Акраганта, весьма рано стал объектом греческого влияния.

На акрагантской хоре к V в. сформировались три основные модели эллинизации: полная эллинизация, частичная и культурная. Вот основные черты, характеризующие модель "полной эллинизации" местного центра: значительная иммиграция греческих колонистов; активные торговые контакты с греческими центрами на побережье, с одной стороны, и развитые торговые маршруты во внутренних районах — с другой; сосредоточение военного командования и гражданского управления практически полностью в руках эллинов; сильное культурное влияние греков на местное население, что отражается в формировании урбанистической структуры, эволюции моделей домашнего строительства и производстве ремесленных изделий по греческим образцам, а также в существенном уменьшении местных традиций в погребальных обрядах и в искусстве.

Модель "частичной эллинизации" местного центра характеризуется меньшей степенью эллинского влияния: менее интенсивный приток греческих колонистов; активные торговые

контакты с побережьем и внутренними районами; не столь сильное, по сравнению с предыдущей моделью, эллинское влияние, отражающееся только в формировании урбанистической структуры, эволюции моделей домашнего строительства и производстве ремесленных изделий по греческим образцам.

Модель "культурной эллинизации" характеризуется прежде всего культурным влиянием греков, практически не распространявшимся на иные сферы жизни: военное командование и гражданское управление остается в руках представителей местного населения; сохраняется культурная идентичность местного населения, хотя и заметно значительное влияние греческих образцов, прежде всего в керамике и декоративном искусстве; недостаточное, по сравнению с двумя другими моделями, наличие греческого импорта свидетельствует об определенной торговой изоляции.

Теперь на конкретных примерах рассмотрим данные модели эллинизации, определяемые главным образом на основании археологических свидетельств. Так, образцом модели "полной эллинизации" можно считать изначально сиканское поселение в Вассалладжи. Это крупное поселение занимает пять отдельных холмов на большом плато в долине Гимеры, около 40 км севернее устья реки. Первые свидетельства значительного греческого влияния относятся к началу VI в. и связаны с греками из Акраганта⁹. Регулярная планировка поселения в середине VI в. свидетельствует об этом вследствие, по всей видимости, акрагантской экспансии во времена Фаларида (см. ниже). Общую социально-политическую структуру поселения можно представить, изучая данные городища и некрополей. На так называемом "Холме 3" расположены жилые кварталы, имеющие строгую регулярную планировку, а дома в этих кварталах представляют собой тип, характерный для Акраганта: 5 — 6 комнат, расположенных вокруг центрального двора¹⁰. Материалы южного некрополя, охватывающего период 440 — 410 гг., демонстрируют явное преобладание эллинов уже в первой половине V в.¹¹ Часть территории поселения была занята святилищем — небольшим храмом и теменосом, окруженный стеной. Сохранившиеся планы строений и архитектурные детали имеют

⁷ Ibid. С. 373-374.

⁸ Обычно под эллинизацией подразумевается весь комплекс отношений, связанных с влиянием греков на варварский, прежде всего племенной, мир. В нашем случае речь идет в первую очередь о проникновении греков во внутренние районы острова, т.е. фактически о третьем этапе колонизации региона (после колонизации — основании переселенцами из Элады полисов, и субколонизации — последующем основании греками из этих колоний полисов на территории региона).

⁹ Orlandini P. Vassallaggi (San Cataldo). Scavi 1961: I. La necropolis méridionale // *Notizie degli Scavi di antichità*. 1971. Suppl. P. 11 - 12.

¹⁰ Cordsen A. The Pastas House in Archaic Greek Sicily // *Acta Hyperborea*. 1995. 6: Ancient Sicily. P. 115-116; *De Miro E. La casa greca in Sicilia. Testimonianze nella Sicilia centrale dal VI al II sec. a. C.* // *Φιλίας χάριν. Miscellanea di studi classici in onore di E. Manni*. Roma, 1980. Tomo II. P. 723 - 724.

¹¹ Orlandini P. Vassallaggi (San Cataldo). P. 213; автор относит некоторое количество захоронений к первой половине V в.

прямые параллели в святилищах Акраганта, а терракотовые вотивы, найденные в хранилищах некоторых строений вокруг святилища, свидетельствуют о том, что это был характерный для Гелы и Акраганта культ Деметры и Персефоны¹². Вместе с тем расположенные на "Холме 2" жилые кварталы в целом имели нерегулярную планировку явно негреческого происхождения, хотя именно в этой части поселения располагалось святилище Деметры и Персефоны¹³. Материалы северного некрополя представляют характерные для сиканов похоронные обряды и инвентарь в VI — первой половине V в.¹⁴

Таким образом, в данном поселении в первой половине V в. проживало значительное количество греческого населения, которое явно доминировало над местным практически во всех сферах жизни, в том числе и религиозной. Поселение фактически представляло собой классический фрурион на хоре Акраганта — опорный пункт, контролировавший стратегически важные районы. Поселение в Вассалладжи обычно идентифицируется с городком Мотионом¹⁵, который в 451 г. осаждал предводитель сиколов Дукетий и где к этому времени располагался акрагантский гарнизон (Μότιον φρουρούμενον ὑπὸ τῶν Ἀκραγαντίνων — *Diod.* XI. 91. 1-4), что, безусловно, подтверждает социально-политическое доминирование греков в поселении¹⁶.

Другим примером модели "полной эллинизации" является сиканское поселение в Монте Сарачено. Это поселение было расположено в 20 км от побережья на высоком холме, господствующем в окружающей долине Гимеры, и контролировало не только окружающие земли, но и пути дальнейшего проникновения в глубь острова вдоль бассейна реки. Собственно поселение охватывает три разноуровневые террасы: на вершине холма располагался акрополь, на двух других террасах — верх-

ней и нижней — жилые кварталы. В середине VII в. в Монте Сарачено появились греческие поселенцы из Гелы, и поселение стало приобретать форму городка греческого типа: на акрополе расположилось греческое святилище; жилые кварталы на верхней и нижней террасах были выстроены в соответствии с регулярным планом (ориентированным "северо-запад—юго-восток"); дома строились из бутового камня и булыжников, в технике, напоминающей жилые кварталы Гелы того времени; в некрополе периода архаики зафиксированы захоронения гелойского типа, в терракотовых саркофагах¹⁷. Значительные изменения наступили в середине VI в.: на акрополе были возведены три храма, один из которых был монументальным строением 40 x 20 м, и еще один храм был построен на нижней террасе; акрополь и верхняя терраса были окружены оборонительной стеной; жилые кварталы были сильно перестроены в соответствии с новым планом, ориентированным "восток—запад"; дома в жилых кварталах были сооружены по акрагантскому образцу (несколько комнат, расположенных вокруг центрального двора), и сама структура жилых кварталов повторяла в пропорционально уменьшенном отношении структуру, характерную для Акраганта¹⁸.

Все эти археологические данные свидетельствуют о переходе городка под контроль Акраганта и появлении в нем акрагантских поселенцев¹⁹. Датировка этих изменений серединой VI в.

¹⁷ De Miro E. Monte Saraceno di Ravanusa // *Greci e indigeni nella valle dell'Himera. Scavi a Monte Saraceno di Ravanusa*. Messina, 1985. P. 16; Denti A. Monte Saraceno di Ravanusa. Necropoli - Scavi nella necropoli occidentale (anni 1978 e 1979) // *Kokalos*. 1980-1981. XXVI-XXVII. P. 621-624.

¹⁸ Adamesteanu D. Monte Saraceno ed il problema della penetrazione rodio-cretese nella Sicilia meridionale // *Archeologia classica. Rivista dell'Istituto di archeologia dell'Università di Roma*. 1956. VIII. P. 137-138; De Miro E. Monte Saraceno di Ravanusa. P. 16-18; *Idem*. La casa greca in Sicilia. Testimonianze nella Sicilia centrale dal VI al II sec. a. C. P. 711-723; Calderone A. Monte Saraceno. Scavo dell'abitato nel biennio 1978-1979 // *Kokalos*. 1980-1981. XXVI-XXVII. P. 604-606.

¹⁹ Здесь следует отметить, что с точки зрения материальной культуры, а значит, и отдельных аспектов эллинизации местного населения, различия между материалами из Гелы и родственного ей Акраганта (субколониальные Гелы) выявить крайне сложно. Так, терракотовые расписные архитектурные детали храмов Монте Сарачено VI в., т.е. в акрагантский период жизни поселения, полностью аналогичны архитектурным деталям из Гелы (святилище в Молино ди Пьетро); святилище середины VI в. на нижней террасе имеет совершенно гелойские особенности в типологии и методах строительства (Adamesteanu P. Monte Saraceno ed il problema della penetrazione rodio-cretese nella Sicilia meridionale. P. 128-129); многочисленные алтарики (arulae), найденные в поселении, представляют собой традиционный гелойский тип (De Miro E. Le arule di Monte Saraceno // *Un arula tra Heidelberg e Naxos*. Atti del Seminario di studi Giardini (Naxos,

¹² Griffo P. Sulle orme della civiltà gelesica. Scavi e scoperte nell'antica Gela e nei territori della sua espansione. Agrigento, 1958. Pl. 59; De Miro E. La fondazione di Agrigento e l'ellenizzazione del territorio fra il Salso e il Platani // *Kokalos*. 1962. VIII. P. 143-144; Tusa V., De Miro E. Sicilia occidentale. Roma, 1983. P. 246-250.

¹³ Tusa V., De Miro E. Sicilia occidentale. Fig. 68.

¹⁴ Gullì D. Vassallaggi - Necropoli // *Da Nissa a Maktoria. Caltanissetta*, 1990. P. 57; Lauricella F. Vassallaggi. Storia e archeologia di una città greca della Sicilia interna. Caltanissetta, 1990. P. 90.

¹⁵ Manni E. Geografia fisica e politica della Sicilia antica. Roma, 1981. P. 206.

¹⁶ Нумизматические находки в Вассалладжи свидетельствуют о тесных связях с Акрагантом и во второй половине V в. См.: Vassallo S. La circolazione della moneta bronzea di Agrigento nel V sec. a. C. // *Rivista Italiana di Numismatica*. 1983. 84. P. 17-34.

указывает на их причину — экспансию Акраганта в период правления Фаларида, которую мы рассмотрим ниже. В акрагантский период поселение процветает, его размеры значительно увеличиваются²⁰. Вместе с тем сохраняются следы присутствия в Монте Сарачено сиканского населения²¹. Это говорит о том, что перед нами не греческая субколония, а смешанное поселение, существующее в условиях мощного эллинского влияния. С середины V в. поселение сильно уменьшается в размерах, и материалы второй половины столетия свидетельствуют о его упадке²². Эти данные подтверждают идентификацию Монте Сарачено с городком Какира²³, который оказался в центре боевых действий в 461/460 г. Судя по анонимному фрагменту (Охуг. Пар. 655 = FGh. 577. Fr. 1), наемники-иноземцы Дейноменидов, династии тиранов Гелы и Сиракуз, в 461 г., изгнанные из Гелы после свержения тирана Фрасибула Дейноменида, заняли небольшие поселения на хоре, Омфаку и Какиру. Против них выступили войска Гелы и Сиракуз, состоялось сражение, результат которого из текста неизвестен²⁴. Однако, судя по дальнейшим событиям (поход коалиционных войск Акраганта и Сиракуз против акрагантских изгнанников в Миное, расположенной значительно западнее реки Гимеры, на границе с Селинунтом), а также по данным из Монте Сарачено, наемники-иноземцы проиграли, Какира была взята штурмом либо сдалась, и ее население сильно уменьшилось.

Еще одним сиканским центром, соответствующим модели "полной эллинизации", является поселение в Монте Джибиль

18-19 ottobre 1990). Prato, 1993. P. 53-59); в некрополе в течение VI в. сохраняются захоронения гелойского типа — терракотовые саркофаги (*Denti A. Monte Saraceno di Ravanusa. Necropoli — Scavi nella necropoli occidentale (anni 1978 e 1979). P. 621—624*). По всей видимости, можно говорить о единой гелойско-акрагантской ремесленной традиции, распространенной на хоре, прежде всего в пограничных районах.

²⁰ *De Miro E. Monte Saraceno di Ravanusa. P. 16.*

²¹ Керамика, различные ремесленные изделия, в том числе многочисленные *agulae*, предметы архитектурного декора являются продукцией местных ремесленных мастерских. См.: *Adamesteanu D. Monte Saraceno ed il problema della penetrazione rodio-cretese nella Sicilia meridionale. P. 128-129; De Miro E. Monte Saraceno di Ravanusa. P. 18; Idem. Le arule di Monte Saraceno. P. 55.*

²² *De Miro E. Monte Saraceno di Ravanusa. P. 18.*

²³ *Adamesteanu D. Monte Saraceno ed il problema della penetrazione rodio-cretese nella Sicilia meridionale. P. 144; Orlandini P. L'espansione di Gela nella Sicilia centro-meridionale // Kokalos. 1962. VIII. P. 98; De Miro E. Monte Saraceno di Ravanusa. P. 18.*

²⁴ Подробнее об этом анонимном фрагменте сицилийской истории и о событиях 461/460 г. см.: *Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. С. 10, 248.*

Габиб. Данное поселение представляло собой укрепленную вершину холма и благодаря своему положению контролировало земли в верховьях Гимеры. В VII в. жители поселения вступили в тесные контакты с Гелой²⁵. С середины VI в. оно явно перешло под контроль Акраганта, как это мы видели на примере других поселений, что значительно усилило процесс эллинизации. Именно в этот период население городка заметно увеличилось, были построены дома, одинаково ориентированные и примерно одинакового размера, а их фундаменты из тесаного камня предполагают греческое влияние. Большая часть находок с территории поселения и из некрополя относятся к концу VI в., и главным образом греческие²⁶. В акрагантский период оно было обнесено оборонительной стеной, как и другие поселения данной модели. В некрополе выдолбленные могилы местного типа в конце VI в. заменяются захоронениями греческого типа — вырубленными в скале и перекрытыми сверху черепицей. Несколько неразграбленных могил содержат греческий инвентарь²⁷. Однако сохранились археологические следы присутствия и сиканского населения. Так, 500-метровая оборонительная стена поселения построена в местном стиле, а небольшое святилище начала VI в., сохранившееся в период возведения этой стены, было частью сиканского поселения, и находки из этого святилища²⁸ представляют собой смешанный греко-сиканский комплекс. Тот факт, что захоронения греческого типа стали доминировать в некрополе лишь в конце VI в., также свидетельствует не о вытеснении местного населения, а о его эллинизации. Таким образом, перед нами сильно эллинизированное к началу V в. поселение, где часть населения составляли греческие переселенцы, вероятно, из Акраганта.

Одним из классических образцов модели "частичной эллинизации" является поселение в Сабучине. Это поселение контролировало узкое ущелье, по дну которого протекает Гимера, а значит, и торговые пути, проходившие вдоль реки. Столь выгодное географическое положение в VII в. привлекло пристальное внимание Гелы с точки зрения расширения сферы ее торговых интересов. По всей видимости, уже в этот период в Сабучине

²⁵ *Orlandini P. L'espansione di Gela nella Sicilia centro-meridionale. P. 99-100.*

²⁶ *Adamesteanu D. Scavi e ricerche dal 1951 al 1957 nella Provincia di Caltanissetta // Notizie degli Scavi di antichità. 1958. P. 389, 400-407; Wilson R.J.A. Archaeology in Sicily 1988-1995 // Archaeological reports (London). 1996. 42. P. 100.*

²⁷ *Adamesteanu D. Scavi e ricerche dal 1951 al 1957 nella Provincia di Caltanissetta. P. 389, 396-399.*

²⁸ *Ibid. P. 389, 393-394; Bonacasa Carra R.M. Le fortificazioni ad aggere della Sicilia // Kokalos. 1974. XX. P. 101.*

чине появились немногочисленные греки-поселенцы из Гелы, о чем свидетельствует появление в VII в. в некрополе соответствующего материала²⁹. Сиканское святилище VII — начала VI вв. ("святилище А"), представлявшее собой характерное для местной архитектуры круглое каменное здание, имело следы греческого влияния: внутри здания был выстроен пронаос греческого типа, часть вотивов были выполнены по греческим образцам, равно как и λουτήριον. Это весьма показательно, учитывая традиционный консерватизм данной сферы духовной жизни. "Святилище В", построенное в том же VII в., также имело пронаос, две колонны³⁰ которого и их капители были сделаны по дорийскому образцу³¹.

Естественно, что городок, имеющий стратегическое значение в регионе, привлек внимание Фаларида, и в VI в. наступает акрагантский период жизни поселения. Торговые контакты с греками развивались, именно в VI в. были возведены внушительные оборонительные укрепления явно греческой постройки, увеличилось количество греческого населения за счет новых переселенцев из Акраганта³². Однако остальные археологические данные VI—V вв. свидетельствуют о значительном влиянии местных сиканских традиций³³. Жилые кварталы не имеют регулярного плана и представляют собой крайне хаотичную застройку деревенского типа, хотя отдельные дома несомненно построены под воздействием греческих традиций (несколько комнат, расположенных вокруг центрального двора). Керамическая продукция в Сабучине также испытывает ощутимое влияние сиканских декоративных мотивов³⁴. Святи-

²⁹ Orlandini P. L'espansione di Gela nella Sicilia centro-meridionale. P. 100; Idem. Sabucina // Archeologia classica. 1963. XV. P. 91.

³⁰ De Miro E. Ricerche archeologiche nella Sicilia centro-meridionale // Kokalos. 1980-1981. XVI-XXVII. P. 561-566.

³¹ В "святилище В" найдены два греческих граффито, конца VI — начала V в. и V в. К этому же времени относятся владельческие греческие граффито из некрополя. См.: Arena R. Isrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia. Milan, 1992. II: Iscrizioni de Gela e Agrigento. № 105-110.

³² Первый исследователь Сабучины П. Орландини считал, что поселение было эллинизировано в течение VI в. и трансформировалось в традиционный греческий φρούριον, охранявший долину верховьев Гимеры и северную границу хоры Акраганта. См.: Sabucina. Scoperte varie. La seconda campagna di scavo (1964). P. 137. Однако Э. Де Миро, исследовавший в дальнейшем Сабучину в течение многих лет, убедительно продемонстрировал определяющее присутствие в поселении характерных сиканских черт. См.: De Miro E. Ricerche archeologiche nella Sicilia centro-meridionale. P. 561—566; Idem. Forme di contatto e processi di trasformazione nelle società antiche: esempio da Sabucina (con un intervento di P. Orlandini) // Modes de contacts. 1983. P. 335-344.

³³ De Miro E. Nuovi dati del problema relativo all'ellenizzazione dei centri indigeni nella Sicilia centro-occidentale // Bulletin des arts. 1975.60. P. 123-128.

лише за пределами оборонительной стены ("святилище В"), построенное в форме шалаша в VII в., в середине VI в. было расширено за счет появления теменоса и, судя по вотивам, адаптировано в хтонический культ Деметры и Кору, но сохранило местную архитектуру с отдельными структурами греческого типа и антефиксами гелойского типа, Силена и Горгоны³⁴. В некрополе в VI в. и в течение V в. наблюдается процесс замещения захоронений сиканского типа на традиционные греческие, однако общее число захоронений по местному обряду в целом сохраняется³⁵.

В середине V в. поселение, расположенное практически на границе хоры Акраганта с Гелой, было разрушено, и причину этого разрушения следует отнести к событиям "восстания" Дукетия (см. ниже). Во второй половине V в. поселение в Сабучине было вновь отстроено, но, судя по данным некрополя, где для данного периода отмечены лишь бедные земляные захоронения, население Сабучины долго не могло оправиться от последствий разгрома³⁶.

Соседнее с Сабучиной поселение в Монте Каподарсо является любопытным примером эволюции модели "частичной эллинизации" в модель "полной эллинизации". Как и Сабучина, это поселение контролировало долину верховьев Гимеры в районе Энны, и его эллинизация так же, как эллинизация поселений в Сабучине и Джибиль Габиб, имела целью контроль над территорией и распространение влияния Акраганта в направлении Гимеры. В VI в. поселение было окружено мощной оборонительной стеной с башнями, превратившись во φρούριον³⁷. В некрополе в начале VI в. присутствуют смешанные греческие и сиканские захоронения, но уже в конце VI в. и в течение V в. материалы захоронений указывают на полностью эллинизированное поселение. О ходе процесса эллинизации в V в. свидетельствует и наличие в Каподарсо в этот период святилища Деметры³⁸.

³⁴ De Miro E. Ricerche archeologiche nella Sicilia centro-meridionale. P. 566. Подробнее об этих святилищах см.: Sedita Migliore M. Sabucina. Studio sulla zona archeologica di Caltanissetta. Caltanissetta; Roma, 1981. P. 87-97; Moïlo Mezzena R. Sabucina // Da Nissa a Maktoria. Caltanissetta, 1990. P. 37-38.

³⁵ Orlandini P. Sabucina. P. 87-88; Idem. Sabucina. Scoperte varie. La seconda campagna di scavo (1964). Rapporto preliminare // Archeologia classica. 1965. XVII. P. 135-137; Sedita Migliore R.M. Sabucina. Studio sulla zona archeologica di Caltanissetta. P. 95—97.

³⁶ Соответствующие археологические материалы см.: Orlandini P. Sabucina. P. 91-93; Idem. Sabucina. Scoperte varie. La seconda campagna di scavo (1964). P. 135; Idem. Sabucina. La terza campagna di scavo (1966). Rapporto preliminare // Archeologia classica. 1968. XX. P. 151—156.

³⁷ Bonacasa Carra M. Le fortificazioni ad aggere della Sicilia. P. 100.

³⁸ Scibona G. Monte Capodarso // BTCGL. 1992. 10. P. 287-288.

В качестве еще одного примера модели "частичной эллинизации" следует отметить поселение в Терравекья ди Кути. Поселение расположено в водоразделе между истоками Гимеры и Галика. Значительное гелойское влияние прослеживается в первой половине VI в., и данный центр становится фактически самым северным рубежом владычества Гелы. Позднее, при Фалариде, т.е. в середине VI в., поселение становится частью территории Акраганта, занимая стратегически важную позицию между хорой Акраганта и границами территории полиса Гимеры, расположенного на северо-западном побережье острова³⁹. Имеющиеся в нашем распоряжении археологические данные позволяют определить смешанный греко-сиканский характер поселения. Об этом свидетельствует местная керамика, а также граффито VI — V вв. на этой керамике, содержащие и греческие, и сиканские имена⁴⁰. Этот вывод подтверждают и другие материалы: возведенная во второй половине VI в. традиционная для поселений хоры Акраганта оборонительная стена была сооружена в технике сиканской архитектуры; в исследованных частях жилых кварталов V в. можно говорить о греческом влиянии только для некоторых домов (несколько комнат расположены вокруг центрального двора)⁴¹.

На фоне общей "смешанной" модели развития поселения резким контрастом выступает святилище V в., расположенное на расстоянии около 1 км от поселения, которое является образцом чисто греческого святилища. Богатое хранилище вотивов представляет образцы, имеющие близкие параллели в Акраганте, Геле и Камарине, а типология этих вотивов позволяет заключить, что святилище было посвящено хтоническим богиням. О значимости данного святилища говорят найденные фрагменты статуй размером в человеческий рост и более⁴².

³⁹ О значимости данного поселения для Акраганта свидетельствуют материалы бронзовой эмиссии Акраганта, выпущенной специально для торговли с центрами хинтерланда: самые ранние серии (ок. 450 г.) найдены именно в северных районах хоры, в Терравекья ди Кути и Кастеллаццо. См.: *Vassallo S. La circolazione della moneta bronzea di Agrigento nel V sec. a. C. P. 18-22.*

⁴⁰ *Arena R. Isrizioni greche arcaiche di Sicilia e Magna Grecia. II: Iscrizioni de Gela e Agrigento. N 111 - 116.*

⁴¹ *Bonacasa Carra R.M. Le fortificazioni ad aggere della Sicilia. P. 104; Vanni E.E. Terravecchia di Cuti. Campagne di scavo 1984, 1986, 1987 // Kokalos. 1988-1989. XXXIV-XXXV. P. 669-678.*

⁴² *Epifanio E., Vassallo S. Terravecchia di Cuti. Scavi nel Santuario extraurbano in Contrada Cuti (1980 e 1982) // Kokalos. 1984-1985. XXX-XXXI. P. 651-653; Vanni E.E. Terravecchia di Cuti. Campagne di scavo 1984, 1986, 1987. P. 670 — 673. По всей вероятности, данный хтонический культ был связан с Деметрой Фесмофорос. Об этом культе в Акраганте и Геле см.: *Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. С. 51-52.**

Все это свидетельствует о важной роли, которую в глазах греков играло это святилище, в том числе и в вопросе эллинизации местного населения.

К наиболее любопытным примерам модели "культурной эллинизации" следует отнести поселение в Монте Балате ди Марианополи. Оно расположено на вершине холма в междуречье притоков реки Галик. В середине VI в. поселение было обнесено оборонительной стеной, сооруженной в традиционной сиканской технике. Внутри укреплений оказалось плато, состоящее из нескольких террас. На нижней террасе располагались жилые кварталы, имевшие традиционную греческую регулярную планировку, время существования которых датируется с середины VI до середины V в. На верхней террасе находилось святилище, представлявшее собой, судя по вотивам, греческий культ, однако сами вотивы и терракотовые архитектурные детали были сделаны в сиканском стиле⁴³. Все изложенное выше свидетельствует не только о культурном влиянии греков, но и о наличии в Балате со второй половины VI в. греческих поселенцев и постепенном развитии модели "частичной эллинизации". Однако материалы некрополя в Балле Оскура (VI в. — ок. 460 г.) в первой половине V в. состоят в основном из сиканских захоронений со следами культурного греческого влияния⁴⁴, что свидетельствует о сохранившейся сиканской социальной структуре и о развитии модели "культурной эллинизации". Следует отметить, что в некрополе Балате из импортных изделий встречается исключительно аттическая чернофигурная керамика, в то время как в соседних центрах, в Вассалладжи и Сабучине, встречается в основном аттическая краснофигурная керамика. Это говорит о прекращении торговых отношений между Балате и соседними центрами, находящимися под властью Акраганта⁴⁵. Вполне вероятно, что причиной подобного разрыва отношений является некий конфликт между сиканами в Балате и греками где-то в начале V в., в результате чего сиканы Балате вышли из подчинения Акраганта и, судя по данным некрополя, изгнали греков из своего поселения. Косвенным подтверждением данной гипотезы можно считать тот факт, что именно в первой половине V в. поселение в Вассал-

⁴³ Материалы последних археологических исследований поселения см.: *Fiorentini G. Marianopoli // BTCGI. 1991. 9. P. 362-363.*

⁴⁴ Погребальный ритуал в целом сиканский, инвентарь также местного производства, греческое влияние ощущается главным образом в декоре и формах сосудов. См.: *Lauricella F. Στοιχειὰ καὶ φάτραι. La società greca nella Sicilia centrale in età arcaica e classica. Le stele di Monte Balate di Marianopoli. Luglio, 1997. P. 22.*

⁴⁵ *Ibid. P. 23.*

ладжи значительно укрепляется и в нем сильно увеличивается доля греческого населения. Однако укрепление Вассалладжи имело целью не противостояние продвижению Сиракуз в данном регионе, как полагал Д. Адаместеану⁴⁶, а охрану хоры Акраганта в условиях конфликта с сиканскими в Балате, в результате чего хора Вассалладжи превратилась в пограничный район.

Таким образом, греко-сиканские отношения в Балате регрессировали из модели "частичной эллинизации" обратно в модель "культурной эллинизации". В середине V в. данное поселение, судя по прекращению функционирования некрополя в Балле Оскура около 460—450-х годов, было опустошено, по всей видимости, в ходе событий, связанных с осадой Дукетием в 451 г. Мотиона (Вассалладжи) и с последующими действиями в этом районе коалиционных сил Акраганта, Сиракуз и Гелы (*Diod.* XI. 91. 1-4; Охуг. Рар. 655 = FGrH. 577. Fr. 1). Войска Акраганта, вероятно, с помощью союзников, вернули под свой контроль поселение в Балате. Во второй половине V в. в этом поселении проживало значительное количество греков, и, судя по многочисленным надписям на стеллах, найденных на акрополе, в теменосе большого греческого святилища, гражданское и военное управление находилось в руках эллинов⁴⁷, что свидетельствует об активном развитии модели "частичной эллинизации".

Другим примером модели "культурной эллинизации" можно считать расположенное в 10 км от Балате поселение в Монте Кастеллаццо ди Марианополи. Это поселение расположено в долине у самых истоков реки Галик, на северных рубежах территории Акраганта. Судя по данным некрополя, о его эллинизации можно говорить лишь с IV в.⁴⁸ Археологически выявлены две фазы существования поселения, VI/V и IV/III вв. Данные некрополя, очевидно, относятся ко второй фазе, в то время как степень эллинизации поселения в VI в. остается неясной: надежных данных греческого присутствия не зафиксировано, но возведение оборонительной стены поселения датируется серединой VI в. и определяется эллинским влиянием, поскольку она сооружена из тесаного камня, характерного для аналогичных греческих построек⁴⁹. Другим подтверждением значительного

греческого влияния в Кастеллаццо является появление самых ранних серий бронзовых монет Акраганта, выпущенных специально для развития торговли с подобными центрами хинтерланда (см. примеч. 39). Таким образом, можно констатировать, что в данном поселении имело место культурное (в широком смысле) и экономическое влияния эллинов, которое лишь к IV в. эволюционировало в модель эллинизации. Это в свою очередь свидетельствует о том, что именно в районе Кастеллаццо проходила граница территории Акраганта.

Отдельные признаки существования модели "культурной эллинизации" наблюдаются в сиканском поселении в Монте Полиццелло ди Муссомелли. В этом крупном сиканском центре⁵⁰, расположенном у истоков реки Галик, находилось важное общесиканское святилище, поэтому в нем превалируют сиканские традиции во всех сферах жизни⁵¹, хотя четко прослеживается и греческое культурное влияние⁵². Сложно сказать, входило ли поселение в Полиццелло в хору Акраганта, однако очевидно, что оно было одним из важнейших центров этого приграничного района.

Развитие и взаимная эволюция моделей эллинизации местного населения является в большинстве случаев следствием определенных политических событий, поэтому в дальнейшем мы рассмотрим политику Акраганта в отношении сиканских центров вплоть до середины V в., поскольку именно к этому времени утверждается основная конфигурация греко-сиканских отношений на хоре Акраганта, и следующий этап их развития начинается много позже, в IV в.

Как сам процесс основания Акраганта в 580 г., так и первые годы существования апойкии были для эллинских колонистов весьма тяжелыми из-за частых войн с враждебными сиканскими греки "переселились на Сицилию и там, воюя с некоторыми варварами, основали полис (Акрагант. — *M.B.*)" (*Schol. Pind. Ol. II. 14—15*). Очевидно, самый пик военных действий приходится на время основания города. Трудно сказать, кто был их инициатором — сиканы, воспротивившиеся поселению на своей территории большого количества эллинов, или греки, сразу же начавшие претендовать на территорию соседей. Так или иначе, война была тяжелой, греки понесли в ней большие поте-

⁴⁶ *Adamesteanu D. L'ellenizzazione della Sicilia e il movimento di Ducezio // Kokalos. 1962. VII. P. 186.*

⁴⁷ Материалы из раскопок некрополя и надписи на стеллах см.: *Lauricella F. Σταλαί και φάτραι. La società greca nella Sicilia centrale in età arcaica e classica. P. 24, 28—44.*

⁴⁸ *Fiorentini G. Recenti scavi a Marianopoli // Kokalos. 1984—1985. XXX-XXXI. P. 467-474.*

⁴⁹ *Bonacasa Carra R.M. Le fortificazioni ad aggere della Sicilia. P. 107.*

⁵⁰ Полиццелло был одним из основных сиканских центров, наряду с Сан Анжело Муксаро, еще с доколониционных времен. См.: *Tusa V. Sicani ed Elimi. P. 49.*

⁵¹ *Wilson R.J.A. Archaeology in Sicily 1988 - 1995. P. 90 - 92.* Не исключено, что крупное греческое святилище Деметры в Терравекия ди Кути (см. выше) было сооружено именно в противовес общесиканскому святилищу в Полиццелло.

ри (Schol. Pind. Ol. II. 16b). Первым результатом этих конфликтов стало, как нам кажется, завоевание греками территории города и хоры благодаря победе в войне и уничтожению или вытеснению местных сиканов. Подтверждение подобному предположению обнаруживается в археологических данных. Рядом с Акрагантом находится обширное сиканское кладбище, которое обычно датируют концом VII в., выдвигая предположение о каком-то бедствии, постигшем местное население⁵². С учетом трудности точной датировки археологических памятников (и особенно некрополей, так как в них датирующим материалом в основном является керамика) в пределах столь узкого периода, как 10—20 лет (что отмечают и сами исследователи), представляется возможным отнести это кладбище к периоду основания Акраганта и считать захороненных на нем сиканов жертвами войны с эллинами. Видимо, оставшиеся в живых местные жители были вытеснены, а их земли колонисты поделили между собой.

Фаларид, пришедший к власти всего через 9—10 лет после основания полиса, продолжил завоевательную политику в отношении сиканов. Он столкнулся с рядом небольших туземных общин (*Digd.* V. 6), которые завоевывал по очереди (*Polyaen.* V. 1. 3—4)⁵³. Одним из них стала достаточно крупная по местным масштабам сиканская община Весса, о захвате которой Фаларидом рассказывает Полнен. Фаларид отправил к правителю города Тевту посольство с предложением жениться на его дочери. Когда тот согласился, Фаларид послал невесте подарки, а сопровождать их под видом служанок отправил, "посадив на парные повозки, безбородых воинов (*στρατιώτας ἀγένειους*), одетых в женское платье", которые ночью открыли ворота для войска Фаларида (*Polyaen.* V. 1. 4). Идентификация Вессы с каким-либо конкретным поселением, известным по данным археологии, весьма затруднительна, но вероятно, что речь идет об одном из населенных пунктов восточнее или северо-восточнее Акраганта, в долине Гимеры.

Достаточно сложно определить положение, в котором находились захваченные греками сиканские общины. Их население скорее всего не вытеснялось. В некоторых центрах появлялись греческие поселенцы, а для других все ограничивалось

выплатой дани Акраганту. Последний вариант, видимо, представлен в другой новелле Полиена. Когда Фаларид не смог взять городок сиканов (хлеба у осажденных хватало, а на штурм Фаларид, вероятно, не слишком надеялся), он заключил с этими сиканами мирный договор, согласно которому обязался передать сиканам весь имеющийся в его лагере хлеб в обмен на урожай, который сиканы соберут в будущем году. Затем Фаларид подкупил стражей амбаров в этом городке, и те разобрали у амбаров крыши, открыв зерно осадкам. В результате все хлебные запасы городка сгнили, а зерно нового урожая сиканы по договору уже отдали Фалариду. Ввиду угрозы голода сиканы без сопротивления подчинились Фалариду (*Polyaen.* V. 1. 3; Front. III. 4. 6).

Этот рассказ весьма информативен. Видимо, Фаларид в случае необходимости заключал официальные соглашения с пограничными городками сиканов. В новелле речь идет о мирном договоре после войны (Полнен употребляет вполне определенный термин *συνθήκας*), но вполне возможно, что заключение подобного договора без предварительных военных действий было обычной практикой. Вероятно, те граждане Акраганта, кто сватал за Фаларида дочь Тевта в Вессе (*Φάλαρις... ἐπέμψεν τοὺς μνηστῆρας αὐτῇ*...), были посланы именно для заключения подобного договора. Судя по тексту новеллы (V. 1.3), жители сиканского городка добровольно, не начиная военных действий, подчинились власти Акраганта (*ὕλην οὐσαν αὐτῇ*). Это также могло быть оформлено каким-либо договором.

Основными направлениями экспансии Акраганта в первой половине VI в. были восточное и северо-восточное, в то время как в западном направлении, судя по археологическим данным, акрагантцы начали продвижение ближе к концу VI в.⁵⁴ Земли аборигенов, расположенные к востоку от Акраганта вплоть до границ территории Гелы,⁵⁵ подверглись массовой экспансии со стороны Фаларида, хотя первоначально в этом районе прослеживалось влияние Гелы. Так, например, на прибрежном пути между полисами доминировали два поселения аборигенов — Пьяно делла Читта и Кастеллаццо ди Пальма, которые

⁵⁴ De Miro E. Agrigento e l'ellenizzazione del territorio fra il Salso e il Platani P. 146-151.

⁵⁵ Свои завоевания Фаларид, по всей видимости, начал с захвата поселения в Монте Кальтафарачи (расположенного в районе Фавара), которое доминировало над долиной реки Акрагант. См.: Castellana C. Ricerche nel territorio di Palma di Montechiaro e nel territorio di Favara // Kokalos. 1984-1985. XXX-XXXI. Vol. II/1. P. 525. Подчинение данного центра создало необходимые предпосылки для дальнейшего продвижения в восточном и северо-восточном направлении.

⁵² Boardman J. The Greeks Overseas. Harmondsworth, 1973. P. 184.

⁵³ Суда называет Фаларида *τυραννεύσας δῆς Σικελίας*. Э. Манни предложил поправку на *δῆς Σικανίας* и заострил внимание именно на этой конъюнктуре, вполне справедливо считая, что она отражает систему отношений, сложившихся между Акрагантом и миром сиканов. См.: Manni E. Imera nella leggenda e nella storia // Annali del Istituto italiano di Numismatica. Roma, 1971. Suppl. 16-17. P. 100.

в правление Фаларида полностью входят в сферу влияния Акраганта⁵⁶.

В связи с распространением акрагантского влияния на пограничный с Гелой район следует особо остановиться на взаимоотношениях Акраганта с его метрополией. Любопытные сведения об этом имеются у Диодора, сообщающего о холме Экномос, который был крепостью Фаларида и располагался на западном берегу Гимеры (XIX. 108. 1). Этот холм традиция связывает с быком Фаларида: считается, что он находился именно в этой крепости, о чем, как отмечал Диодор, свидетельствует сам топоним "Εκνωμος" - "беззаконный", "несправедливый"⁵⁷. На противоположном берегу реки находилась другая крепость, которая также принадлежала Фалариду, на что указывает ее название — Фаларион⁵⁸. Таким образом, Фаларион являлся самым восточным пунктом хоры Акраганта, явно вклинившейся на территорию Гелы: судя по археологическим данным, поселение в Монте Дезузино с первой половины VII в. находилось в сфере влияния Гелы⁵⁹, и если согласиться с довольно убедительной идентификацией Монте Дезузино с Фаларионом, то получается, что при Фалариде акрагантцы захватили это поселение⁶⁰ и переименовали его. При дальнейшем изучении археологических свидетельств становится очевидным, что захват Акрагантом гелойских поселений был не единичной акцией.

История рассмотренных выше сиканских поселений позволяет нам определить, что экспансионистские устремления Акраганта последовательно распространялись вдоль долины Гимеры. Это объясняется не только важностью торговых пу-

⁵⁶ De Miro E. Agrigento arcaica e la politica di Falaride // Parola del Passato. 1956. 11. P. 266-268; Adamesteanu D, Castellazzo di Palma di Montechiaro // Enciclopedia dell'arte antica, classica e orientale (Roma). 1966. 7. P. 269-270; Idem. Piano della città // EACO. 1966. Vol. 7. P. 274.

⁵⁷ Большинство исследователей идентифицируют Экномос с Ликатой - поселением у устья Гимеры на берегу моря. См.: Dunbabin T.J. The Western Greeks. Oxford, 1948. P. 317; Griffo P., Matt L. von. Gela. A Sicilian Town Founded by the Greeks. Genova, 1963. P. 90; Manni F. Geografia fisica e politica della Sicilia antica, s.v. "Εκνωμος".

⁵⁸ Обычно Фаларион идентифицируется с Монте Дезузино. См.: Adamesteanu D. Note di topografia siceliota // Kokalos. 1963. IX. P. 30; Manni E. Geografia fisica e politica della Sicilia antica. P. 216. Однако П. Гриффо и Л. фон Матт считают, что Монте Дезузино - это не Фаларион, а сиканский городок, который находился в зоне влияния Гелы, начиная с первого периода ее экспансии, т.е. с первой половины VII в. См.: Griffo P., Matt L. von. Gela. P. 66. Not. 43.

⁵⁹ Griffo P., Matt L. von. Gela. P. 66. Not. 43
⁶⁰ Adamesteanu D. Sicilia. Topografia storica // EACO. 1966. Vol. 7. P. 263; Griffo P. Aspetti archeologici della provincia di Caltanissetta. Agrigento, 1955.

тей, пролегающих по долине и ведущих в глубь острова, но и исключительным плодородием речной долины — она была одним из ведущих районов производства зерновых на всем острове⁶¹. Начав с установления контроля над устьем реки и ее долиной в нижнем течении, где основным центром было захваченное Фаларидом поселение в Монте Сарачено, акрагантские войска продвинулись в районы среднего течения Гимеры, установив контроль над поселениями в Джибиль Габиб и Сабучине, а затем присоединили земли верховьев реки, подчинив поселение в Терравекья ди Кути. Все эти поселения до середины VI в. находились под контролем и в сфере влияния Гелы, так что сложившаяся картина так или иначе наводит на мысль о войне Фаларида с Гелой⁶².

В ходе этого триумфального расширения хоры Акраганта Фаларид установил контроль и над теми сиканскими поселениями в районе междуречья верховьев Гимеры и Галика, которые ранее сохраняли свою независимость. Но прежде всего Фаларид усилил свое влияние в Вассалладжи - древнем Мотионе, который находился в сфере интересов Акраганта еще с начала VI в., - заселив туда значительное количество греческих переселенцев. В результате Вассалладжи-Мотион превратился в опорный пункт, катализировавший военные, торговые и сельскохозяйственные устремления Акраганта в регионе. Используя его как основную базу, Фаларид подчинил крупные сиканские поселения в Монте Балате ди Марианополи и в Монте Кастеллаццо, а также, вероятно, присоединил важное в стратегическом отношении поселение в Монте Каподарсо.

После свержения Фаларида политика Акраганта, направленная на расширение подконтрольной территории в верховьях

⁶¹ Castellana G. Nota sul bacino del Salso (Himera) e il surplus di grano dall'antichità ai nostri caricatori marittimi // Sicilia Archeologica. 1985. 18. P. 87-90; Idem. La produzione del grano nel basino della valle dell'Himera meridionale nell'antichità // Homo edens. Regimi e pratiche dell'alimentazione nella civiltà del Mediterraneo. Verona, 1989. P. 131 - 140.

⁶² Т. Данбэбин считает, что Экномос был изначально гелойским поселением, но Фаларид захватил его, укрепил против гелойцев, а затем выдвинул на другой берег реки передовой пост. См.: Dunbabin T.J. The Western Greeks. P. 317. Такая схема развития событий предполагает войну Акраганта с Гелой. Э. Манни также согласен с тем, что между Фаларидом и Гелой произошло военное столкновение и Фаларид возвел Экномос в антигелойских целях. См.: Manni E. "Indigeni" e colonizzatori nella Sicilia preromana // Assimilation et resistance a la culture greco-romaine dans le monde ancien. Trauvau du VI Congres International d'Etudes classiques. Bucuresti; P., 1976. P. 189. Оба исследователя пришли к подобному заключению, опираясь только на фрагмент Диодора. Подробнее о конфликте Фаларида с Гелой см.: Высокий М.Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. С. 66.

ях основных рек региона, не изменилась: в конце VI в. в верховьях Гимеры было захвачено важное в стратегическом отношении поселение в Монте Фагариа⁶³, а в начале V в. — контролирующее часть речной долины поселение в Коццо Музузино⁶⁴, в результате чего северная граница хоры Акраганта переместилась севернее Терравекья ди Кути, практически соприкасаясь с южной границей хоры Гимеры. Вместе с тем продвижение греков в долине Галика было не столь стремительным. Только в конце VI в. акрагантцы подчинили находящееся в междуречье верховьев Галика поселение в Монте Раффе⁶⁵, продвигаясь с севера или востока, т.е. со стороны Балате ди Марианополи, либо, что более вероятно, со стороны Вассалладжи. Районы среднего течения и устья реки оказались под контролем Акраганта также в конце VI — начале V в.: среднего течения Галика акрагантцы достигли в конце VI в., а к началу следующего столетия присоединили к своей территории сиканский крупный населенный пункт в Сан Анжело Муксаро, а также поселения в Монте Джудика, Сан Биаджо Платани и др.

По всей вероятности, эти завоевания имели место до прихода к власти в Акраганте тирана Ферона Эмменида⁶⁷. Видимо, Ферон в отношении с сиканами придерживался тактики исключительно мирного сосуществования. Диодор пишет, что Ферон отличался φιλάνθρωπία, причем οὐ μόνον τῶν πολιτῶν, ἀλλὰ καὶ τῶν Σικελιωτῶν (X. 28. 3). Конечно, нельзя не учитывать того, что Диодор преувеличивал достоинства Ферона, противопоставляя положительного и справедливого отца (Ферона) беззаконному и жестокому сыну — наследнику Ферона, тирану Фрасидею⁶⁸. Однако следует отметить тот факт, что Ферон так и не предпринял попыток вернуть под контроль Акраганта стратегически важный сиканский центр в Балате ди Марианополи, вставший на путь конфронтации с греками в начале V в.

Середина V в., которую Акрагант встретил уже демократическим полисом, привнесла новые политические реалии. Боль-

шая война греков, прежде всего Сиракуз, с сикулами, известная как "восстание" Дукетия⁶⁹, затронула Акрагант только краем. В 451 г. Дукетий, τῶν Σικελικῶν ἡγεμῶν (*Diod.* XI. 76. 3), укрепившись в области Сиракуз, двинулся в сторону территории Акраганта и осадил Мотион (совр. Вассалладжи). Коалиционные войска Акраганта и Сиракуз выступили против Дукетия, но были побеждены, и лишь летом следующего года они смогли выбить Дукетия из Мотиона (*Diod.* XI. 91. 1 — 4). Видимо, почувствовав вкус к силовым действиям, акрагантцы, вероятно, с помощью союзников-сиракузян, помогавших возвращению под контроль Акраганта также городка Миной (Охуг. Пар. 665= FGrH. 577. Fr. 1), вернули под свой контроль поселение в Балате ди Марианополи, в результате чего это поселение было опустошено. Продолжая расширять границы хоры в северо-западном направлении, акрагантские войска⁷⁰ попытались захватить городок Краст в верховьях реки Галик⁷¹. Но этому воспротивились жители Гимеры, так как граница их хоры проходила недалеко от Краста и они, вероятно, сами претендовали на этот городок. В результате коалиционные войска Гимеры и Гелы, вошедшей в антиакрагантский союз с Гимерой, появились у Краста и дали сражение акрагантцам (Охуг. Пар. 665= FGrH. 577. Fr. 1). Результат сражения остается неизвестным из-за конспективности текста источника⁷¹, однако очевидно, что район Краста стал северо-западной границей хоры Акраганта.

Таким образом, к середине V в. хора Акраганта представляет собой весьма значительную территорию с большим количеством сиканских поселений, где действовали различные модели эллинизации. Эти модели, постепенно эволюционирующие в сторону полной эллинизации местного населения, способствовали укреплению власти полиса на всей подконтрольной территории. Именно на развитие подобного доминирования, равно как и на расширение пределов подвластных земель, была направлена вся территориальная политика Акраганта за 130 лет.

⁶³ Vassalo S. S. Caterina Villarmosa. Firenze, 1990. P. 119.

⁶⁴ Vanni E. E. Terravecchia di Cuti. Campagne di scavo 1984, 1986, 1987. P. 669—678; Vassalo S. S. Caterina Villarmosa. P. 49—69, 119.

⁶⁵ De Miro E. La fondazione di Agrigento e l'ellenizzazione del territorio fra il Salso e il Platani. P. 149—150.

⁶⁶ De Miro E. La fondazione di Agrigento e l'ellenizzazione del territorio fra il Salso e il Platani. P. 146—151; Palermo D. S. Angelo Muxaro. Saggi di scavo sulle pendici meridionali del Colle Castello // Cron. Arch. 1979. Vol. 18. P. 50—58.

⁶⁷ Подробнее см.: Высокий М. Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. С. 88—89.

⁶⁸ Ibid. С. 119.

⁶⁹ Подробнее о "восстании" сикулов под предводительством Дукетия см.: Rizzo F. P. La repubblica di Siracusa nel momento di Ducezio. Palermo, 1970.

⁷⁰ Античный Краст идентифицируется с современным Кассаром. В Красте на рубеже VI—V вв. были возведены укрепления, не исключено, что в целях обороны от Акраганта. См.: Di Stefano G. Attività della soprintendenza regionale per i beni culturali e ambientali di Palermo // Kokalos. 1988—1989. XXXIV—XXXV. P. 615.

⁷¹ Подробнее об этом фрагменте сицилийской истории, приписываемой Филисту, см.: Высокий М. Ф. История Сицилии в архаическую эпоху. С. 10.

О.Л. Габелко, Л.Л. Селиванова

"ОРАКУЛ ФАЗННИС" (Zosim. II. 36-37) И ПЕРЕХОД ГАЛАТОВ В АЗИЮ*

Нашествие кельтов на Элладу в 80 — 70-е годы III в. до н.э. осталось в памяти современников и последующих поколений как одно из наиболее впечатляющих столкновений эллинов с варварами, совпавшее к тому же по времени с началом новой эпохи, названной И.Г. Дройзеном периодом эпигонов. Темой, которая никогда не перестанет интересовать историков-антиковедов, остается и такой его эпизод, как вторжение галатов в Малую Азию¹. К сожалению, крут источников, связанных с

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №03-01-00684а.

¹ См. основную литературу: *Stahelin F.* Geschichte der Kleinasiaten Galater. Leipzig, 1907; *Launey M.* Études d'histoire hellénistique. I: Un épisode oublié de l'invasion galate en Asie Mineure (278/7 av. J. — C.) // REA. 1944. T. XLVI, N 3-4. P. 217-236; *Morau P.* L'Etablissement des Galates en Asie Mineure // IM. 1957. Bd. VII. P. 56-75; *Wörde M.* Antiochos I, Achaïos der Ältere und die Galater: Eine neue Inschrift in Denizli // Chiron. 1975. Bd. 5. S. 59-87; *Nachtergaele C.* Les Galates en Grèce et les Sôtéria de Delphes. Bruxelles, 1977; *Mitchell S.* Anatolia. Land, Men and Gods in Asia Minor. Oxford, 1993. Vol. I: The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule; *Ellis P.B.* Celt and Greek. L., 1996. В последние годы историей Галатии плодотворно занимается немецкий историк К. Штробель: *Strobel K.* Die Galater im hellenistischen Kleinasien: Historische Aspekte einer keltischen Staatenbildung // Hellenistische Studien. Gedanksschrift für Herrman Bengtson. München, 1991; *Idem.* Galatien und seine Grenzregionen. Zu Fragen der historischen Geographie Galatiens // AMS. Bd. XII: Forschungen in Galatien / Ed. E. Schwertheim. Bonn, 1994. S. 29-65; *Idem.* Keltensieg und Galatersieg // Ibid. S. 67-96. Особо должна быть отмечена его монография: *Idem.* Die Galater. Geschichte und Eigenart der keltischen Staatenbildung auf dem Boden des hellenistischen Kleinasien. B., 1996. Bd. 1: Untersuchungen zur Geschichte und historischen Geographie des hellenistischen und römischen Kleinasien I. Из работ отечественных историков можно назвать лишь небольшие статьи: *Жигунин В.Д.* Галлы и эллинизм в III в. до н.э. // XIV Междунар. конф. антиковедов социалистических стран: тез. докл. Ереван, 1976. С. 76 - 82; *Моисеева Т.А.* Переселение кельтов в Анатолию и договор Никомеда Вифинского с галатами // Норция. Воронеж, 1978. Вып. 2. 1978. С. 71 - 82; *Она же.* Галатия между Западом и Востоком // Проблемы античной истории и культуры: докл. XIV Междунар.

этим событиями, ограничен почти исключительно скухими сведениями письменной традиции и весьма немногочисленными археологическими и эпиграфическими данными. Это обстоятельство заставляет вновь и вновь обращаться к анализу уже, казалось бы, основательно изученных нарративных материалов, с тем чтобы попытаться выявить в них содержание, не получившее еще убедительного истолкования или вообще оставшееся вне поля зрения историков. К числу таких источников должен быть отнесен и "оракул Фазннис"², текст которого приведен в труде Зосима "Новая история"³.

Нельзя сказать, что это пророчество не привлекало внимания исследователей. Оно было довольно обстоятельно прокомментировано в двух изданиях труда Зосима — Л. Мендельсо-

конф. античников социалистических стран "Эйрене". Ереван, 1979. С. 171 - 184; *Широкова Н.С.* Переселения кельтов (к вопросу о роли миграций и войн в становлении раннеклассового общества) // Город и государство в древних обществах. Л., 1982. С. 44 — 56. См. также краткое изложение событий в монографии: *Жигунин В.Д.* Международные отношения эллинистических государств в 280 — 220 гг. до н.э. Казань, 1980. С. 64 — 67.

² В передаче этого имени мы следуем русскому переводу Павсания СII. Кондратьевым, хотя более правильными были бы формы "Фазннида" или "Фазэнно"; ср. с французским и английским переводами.

³ Жизнь и творчество Зосима, последнего писателя, придерживающегося традиционного античного мировоззрения и ярко выраженных антихристианских идейных позиций, остаются малоизученными. Его труд во многом был основан на сочинении более раннего писателя Евнапия, но сохранился значительно лучше. Чаще всего Зосима относят уже к представителям не позднеримской, а ранневизантийской исторической мысли. Ему посвящена лишь одна монография: *Paschoud F.* Cinq études sur Zosime. P., 1975. См. также: *Idem.* Zosimus (8) // RE. 1972. Bd. X. Sp. 794-841; *Ridley R.T.* Eunapius and Zosimus // Helicon. 1969-1970. Vol. 9-10. P. 574-592; *Idem.* Zosimus the Historian // BZ. 1972. Bd. 65. P. 277-302; *Scavone B.C.* Zosimus and His Historical Models // GRBS. 1970. Vol. 11. P. 57-67; *Goffart W.* Zosimus, the First Historian of Rome's Fall // AHR. 1971. Vol. 86. P. 412 — 441. Исследования на русском языке еще малочисленнее: *Розенталь Н.Н.* Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир. М., 1962. С. 611—617; *Козлов А.С.* Некоторые аспекты "проблемы варваров" в "Новой истории" Зосима // АДСВ. Свердловск, 1977. № 14. С. 52 — 59; *Она же.* Социальные симпатии и антипатии Зосима // Там же. Свердловск, 1978. № 15. С. 23-42; *Болтов Н.Н.* Зосим - историк поздней античности // Сб. науч. трудов преподавателей и аспирантов. Белгород, 1995. Вып. 2. С. 106—112 (авторы выражают признательность Н.Н. Болгову за устную консультацию и предоставленные библиографические справки); *Жуков К.В.* Падение Римской империи (Зосим и его североамериканские интерпретаторы): Автореф. дис.... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2000. Следует отметить, что Зосим при всем своем стремлении следовать Полибию далеко не всегда придерживается столь же рациональной трактовки событий. В его труде оракулы неслучайно занимают весьма важное место. Подробнее см.: *Paschoud F.* Zosimus. Sp. 825 — 831.

ном в 1887 г.⁴, Ф. Пашу в 1971 г.⁵, а также более сжато — в английском переводе Р. Ридли в 1984 г.⁶ Ему же посвящена отдельная статья одного из ведущих специалистов по греческой оракулярной практике Х.В. Парка, где был высказан ряд весьма ценных замечаний⁷. Наконец, в целом ряде работ по политической истории эллинизма указывалось на то, что этот оракул имеет отношение к переходу галатов в Малую Азию⁸, хотя попытки углубленного изучения его оставались единичными — во многом, вероятно, из-за специфики столь своеобразного литературного памятника и связанных с этим трудностей его интерпретации. На данный момент исследователи согласны в том, что это пророчество представляет собой *vaticinatio ex eventu* (*post eventum*)⁹ и к тому же состоит из двух самостоятельных прорицаний (второе начинается со стк. 15)¹⁰. Этим практически и исчерпывается его общая характеристика.

Между тем "оракул Фаэннис" содержит в себе целый пласт информации, которая, будучи сопоставлена с сообщениями других источников, может позволить выявить важные и интересные детали драматических событий, разыгравшихся на берегах Боспора Фракийского и Геллеспонта в 280 — 277 гг. до н.э. При этом, на наш взгляд, необходимо подходить к обеим частям прорицания как к логически целостному фрагменту Зосимова труда, восходящему, с большой вероятностью, к одному и тому

⁴ *Zosimi comitis et exadvocati fisci Historia nova* / Ed. L. Mendelssohn. Lipsiae, 1887.

⁵ *Zosimus. Histoire nouvelle* / Texte ét. et trad. par F. Paschoud. P.: Les Belles Lettres, 1971-1979. Т. 1-3.

⁶ *Zosimus. New History* / A Translation with Commentary by Ronald T. Ridley. Canberra, 1984. P. 39—40. Перевод данного отрывка текста австралийским историком, однако, не отличается точностью и существенно искажает некоторые принципиально важные моменты, что будет показано ниже.

⁷ *Parke H. W. The Attribution of the Oracles in Zosimus. New History. 2. 37// CQ. 1982. Vol. 32. P. 441 — 444.* К сожалению, исследователь ограничился лишь выявлением "авторства" оракула, не уделив должного внимания воссозданию политической обстановки, вызвавшей к жизни его появление. Предпринятые им в этом направлении попытки заслуживают весьма критической оценки. Так, им практически не используется произведение Мемнона — важнейший источник по рассматриваемым событиям.

⁸ Впервые эта замечательная догадка была высказана Л. Мендельсоном: *Zosimi...* P. 93. См. также: *Mitchell S. Op. cit.* P. 15. Несколько более внимательно анализирует этот источник К. Штробель. См.: *Strobel K. Die Galater. Geschichte...* S. 240-241.

⁹ См. некоторые примеры отражения важнейших политических событий эпохи эллинизма в такого рода пророчествах: *Феррари Ж.-Л.* Восток и Запад "ойкумены" от Александра Великого до Августа: история и историография // ВДИ. 1998. № 2. С. 43-44.

¹⁰ См. издание Л. Мендельсона: *Zosimi...*

же источнику. Тщательный анализ показывает, что возможность механического соединения Зосимом (или позднейшими переписчиками?) двух независимых друг от друга прорицаний близка к нулю. Появление двух данных оракулов неразрывно связано между собой и восходит к одним и тем же событиям, прочно запечатлевшимся в памяти современников. Кроме того, весьма перспективным выглядит сопоставление данных прорицаний с другими типологически близкими им источниками, что еще не было сделано в полной мере другими исследователями.

Наиболее ценные сведения содержатся в первом оракуле, однако и вторую часть пророчества можно использовать для воссоздания обстановки, сложившейся в результате галатского вторжения во Фракию и Анатолию. Интерес представляет также специфика процедуры предоставления оракула, которая выявляется при анализе соответствующих строк второго пророчества. Чтобы заставить источник "заговорить", необходимо: 1) определить, кем именно был дан оракул; 2) выяснить, кому и в каких условиях он предназначался; 3) дать филологический и семантический комментарий текста пророчества; 4) воссоздать особенности международной обстановки, так или иначе отраженные в пророчестве.

* * *

Текст Зосима¹¹, связанный с интересующим нас сюжетом, имеет смысл воспроизвести целиком, снабдив его русским переводом:

Zosim. II. 36

(1) Καί μοι πολλάκις ἐπῆλθε θαυμάσαι πως εἰς τοσούτο της Βυζαντίων πόλεως ἡῤῥημένης ὡς μηδεμίαν ἄλλην εἰς εὐδαιμονίαν ἢ μέγεθος αὐτῇ παραβάλλεσθαι, πρόρρησις ἐκ θεῶν οὐδεμία περὶ της εἰς ἀμείνονα τύχην αὐτῆς ἐπιδόσεως τοῖς προ ἡμῶν ἀνθρώποις. (2) Καὶ ταύτην ἐκ πολλοῦ την ἐννοιαν ἔχων, πολλὰς τε βίβλους ἱστορικὰς καὶ χρησμῶν συναγωγὰς ἀνελίξας, χρόνον τε ἐν τῇ περὶ τούτων ἀπορεῖν δαπανήσας, ἐνέτυχον μόλις χρησμῷ τινὶ Σιβύλλης εἶναι λεγομένῳ της Εὐρυθραίας ἢ Φαεννοῦς της Ἡπειρώτιδος (καὶ αὕτη γὰρ γενομένη κάτοχος ἐκδεδωκέναι χρησμούς λέγεται), φεπειθότα Νικομήδην τον Προυσίον καὶ προς το δοκούν λυσιτελεῖν ἐρμηνεύοντα πόλεμον ἀρασθαι προς τον πατέρα Προυσίαν, Ἀττάλῳ πειθόμενον ἔχει δέ το λογιον οὕτως.

II. 37

(1) Ὁ βασιλεῦς Θρηκῶν, λείψει πόλιν ἐν προβάτοις αὐξήσας δὲ λέοντα μέγαν, γαμψώνυχα, δεινόν

¹¹ Мы в основном следуем изданию Ф. Пашу; в переводе и комментарии учитываются также наиболее важные эмэндации, сделанные Л. Мендельсоном.

- δς ποτε κινήσει πατρίας κειμήλια χώρας,
γαῖαν δ' αἰρήσει μόχθων ἄτερ. Οὐδέ σέ φημι
5 σκηπτούχοις τιμαῖσιν ἀγάλλεσθαι μάλα δηρόν,
ἐκ δέ θρόνων πεσέειν, οἳοι κύνες ἀμφίς ἔχουσι.
Κινήσεις δ' εὖδοντα λύκον γαμφώνυχα, δείνον
οὐδ' ἐθέλοντι γάρ αἰνόν ὑπὸ ζυγόν αὐχένα θήσει.
Δῆ τότε Βιθυνῶν γαῖαν λύκοι οἰκήσουσι
10 Ζηνός ἐπιφροσύναισι. Τάχος δ' ἐπιπέσσειται ἀρχή
ἀνδράσιν οἱ Βύξαντος ἔδος καταναιετάουσι.
Τρις μάκαρ Ἑλλήσποντε, θεόκτιτα τείχεά τ' ἀνδρῶν,
(...) θείαισιν ἐφετμαῖς
ἦν λύκος αἰνόλυκος πτήξει κρατερῆς ὑπ' ἀνάγκης.
15 Οἷμε γάρ εἴσασιν τε ἐμόνναίοντες ἔδελον,
οὐκέτι σιγήσω πατρός νόον, ἀλλ' ἀναδείξω
ἀθανάτων λογίων θνητοῖς εὖσημον αἰοιδήν.
Θρήσσα κύει μέγα πημα, τόκος δέ οἱ οὐκέτι τηλοῦ,
σπεῖραν παῖδα, κακόν (ποτε γη) και τηδε φέρουσαν
20 τρηχὺ γαρ ηπειρίου πλευράς ἐπινίσσεται ἔλκος,
καὶ μέγ' ἀνοιδήσει, ταχὺ δέ ὀαγὲν αἰμοροήσει.

(2) Τοῦτο τό λόγιον πάντα μέν ὡς εἰπεῖν, ὑπεμφαῖνον δντως καὶ ἐν αἰνίγμασι, λέγει, τά τε ἐσόμενα Βιθυνοῖς κακὰ δια τὴν τῶν ἐπενεχθέντων αὐτοῖς ἐς τὰ μετὰ ταῦτα φόρων βαρύτητα καὶ ὡς ἡ ἀρχὴ ἐπιπέσσειται ἀνδράσιν οἱ Βύξαντος ἔδος καταναιετάουσι· τό δέ μετὰ χρόνον οὐκ ὀλίγον τὰ προρρηθέντα ἐκβῆναι μὴ λαμβανέτω τις εἰς τό περί ἑτέρου τινός λέγειν τὴν πρόρρησιν πας γάρ χρόνος τφ θεῷ βραχύς ἀεὶ τε ὄντι και ἐσομένῃ-ταῦτα δη οὖν ἐκ τε τῶν τοῦ χρησμοῦ βημάτων και ἀπὸ τῶν ἐκβάντων ἐτεκμηράμην εἰ δέ τφ τό χρησθέν ἑτέρως ἔχειν δοκεῖ, ταύτη νοεῖτω.

Π. 36

(1) "И часто мне случалось удивляться, как в городе византийцев, столь прославленном, что ни один другой не может сравниться с ним в благополучии или величии, не было дано людям до нас ни одного предсказания от богов о преуспевании его [на пути] ключшей судьбе. (2) И вот, так как эта мысль занимала меня долгое время, прочитав множество исторических книг и собраний оракулов и проведя время в сомнениях обо всем этом, я с трудом наткнулся на один оракул, приписываемый Эритрейской Сивилле или Фаэннис Эпирской (в самом деле, говорят, что и она давала оракулы, становясь одержимой¹²), поло-

¹² Отличительной особенностью сивилл вообще было именно прорицание в состоянии иступления, одержимости. Сивилла, ощущая бога внутри себя, напрягалась, металась, тяжело дышала, менялось выражение

жившись на который и истолковав его в смысле, кажущемся выгодным для себя, Никомед, сын Пруссия, начал войну против своего отца Пруссия по совету Аттала. Вот это предсказание:

Π. 37

- (1) Царь фракийцев¹³, ты город¹⁴ покинешь, но среди овов
Вырастишь мощного, страшного льва, что с кривыми когтями.
В оное время возьмет он сокровища отчего края
И без труда завладеет землей. И тебе говорю я:
5 Скиптродержавным почетом недолго тебе красоваться,
С трона ж падешь ты, коего псы с двух сторон окружают.
Спящего грозного волка с кривыми когтями разбудишь:
Он нехотящему выю под страшное иго поставит.
Волки тогда совершенно заселят вифинскую землю
10 По промыслению Зевса. Власть же достанется скоро
Людам, которые землю теперь населяют Византа.
О, Геллеспонт три счастливый! И стены людские, что боги
Строили по указаньям божественным (...)
Волк его в ужас повергнет по воле сурового рока¹⁶.

и цвет лица, резко изменялся тембр и высота голоса. Яркую картину рисует Лукан: "Пеан проник в члены жрицы и изгнал прежний ее разум и заставил ее человеческую природу уступить ему всю ее душу. Неистово мечется безумная по пещере, уже не управляя своим горлом, и ленты бога и Фебовы гирлянды, разбросанные, кружит она, с всклоченными волосами, вращая головой, по пустому пространству храма, и, несущаяся, опрокидывает мешающие на пути треножники, и вспыхивает великим огнем, вместившая тебя гневного, о Феб" (*Lucan. Phars. V. 165-174*). Ср. ее описание у Вергилия: "лютю беснуется в пещере пророчица" (*Aen. VI. 77-78*). Древнейшее свидетельство пророческой мании сивиллы принадлежит Гераклиту Эфесскому (Fr. 92D-K): "Сивилла, устами безумными, смеха лишённые, неумашенные речи вещающая, голосом тысячу лет достигает чрез бога того".

¹³ Перевод Р. Ридли "king of Thrace" неточен (см. примеч. 39). Ср. с верным пониманием этого нюанса К. Штробелем, переводящим эти слова как "König der Thraker". См.: *Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 241*.

¹⁴ Слово "твой", употребленное Ф. Пашу и Р. Ридли, в оригинале отсутствует, что может иметь важное значение: едва ли с именем вифинского царя Никомеда I мог связываться город, основанный его отцом (возможно, относительно недавно) и названный в его же честь (см. примеч. 39).

¹⁵ Английский перевод Р. Ридли "Who will put the yoke on *your* (курсив наш. - О.Г., Л.С.) unwilling neck" искажает смысл оракула: в нем не говорится прямо, что именно Никомед потерпит какой-либо урон от "льва и волка".

¹⁶ Р. Ридли так переводит сткк. 12-14: "Thrice-blessed Hellespont, walls built for men by the gods / At the god's behest, / Before whom the terrible wolf must submit, compelled by necessity". Очевидно, здесь допущено несколько серьезных ошибок: 1) Геллеспонт отождествляется со "стенами", тогда как

- 15 Знают меня же и те, кто мою населяют святыню,
Более воли отца я не скрою и вот объявляю
Смертным бессмертных оракулов песню, звучащую ясно.
Бедствием сильным чревата фракиянка, роды уж близко;
В кольца свернувшийся плод принесет и земле этой горе:
- 20 Ибо жестокая язва должна поразить побережье,
Сильно набухнет, но скоро прорвется же, кровью истекши.

(2) Этот оракул, в сущности полный недомолвок и загадок, предвещает, так сказать, все беды, которые поразят вифинцев из-за тяжести налогов¹⁷, каковыми они будут обременены в будущем, а также то, что власть скоро достанется "людям, которые землю теперь населяют Византа". Что же до того, что предсказанные события проявляются спустя немалое время, то пусть никто не толкует это обстоятельство в том смысле, будто предсказание это вещает что-то другое: ведь всякий период времени короток для бога, который существует и будет существовать вечно. Итак, именно таким образом я это истолковал по словам оракула и на основании сбывшегося; если кто-нибудь полагает, что предсказание имеет иной смысл, то пусть себе так и думает"¹⁸.

1. ПРОБЛЕМА АТРИБУЦИИ ОРАКУЛА

Зосим сообщает, что это пророчество принадлежит Эритрейской Сивилле или Фаэннис Эпирской. Очевидно, "кандидатура" Эритрейской Сивиллы должна быть отвергнута, а упоминание ее греческим историком следует объяснить тем, что именно с ней в античной традиции чаще всего связывались те прорицания, чье происхождение было не вполне ясным¹⁹. О Фаэннис же Павсаний сообщает (X. 12. 10), что она родилась и жила в то время, когда только вступил на царство Антиох, по-

из греческого текста видно, что о них ведется речь по отдельности; 2) проигнорирована лакуна в стк. 13; 3) сказано, что "волк должен подчиниться богу" (глагол "submit", видимо, употреблен в пассивном значении), хотя текст оракула недвусмысленно указывает, что "ужасный волк" сам должен "повергнуться в ужас" кого-то согласно некоей необходимости. Все это делает невозможным адекватное понимание данного пассажа. Верно трактует его Х.В. Парк: "O thrice blessed Hellespont, and the divinely-built walls of men ... by divine commands which [city] the dreadful wolf will frighten under mighty compulsion". См.: *Parke H.W. The Attribution...* P. 442.

¹⁷ Р. Ридли не сомневается, что здесь идет речь о "тяготах" (burdens), хотя источник не дает для этого надежных оснований и вопрос о том, не следует ли понимать эти слова буквально, не столь прост (см. примеч. 38).

¹⁸ Авторы благодарят Г.А. Тароняна за ценные замечания по переводу и интерпретации текста.

¹⁹ Ср.: *Parke H.W. Op. cit.* P. 441.

сле того как был взят в плен Деметрий (μετά του Δημητρίου ἁλῶναι)²⁰, и была дочерью тогдашнего царя хаонов, одного из эпирских племен. Ей он приписывает оракул о переходе кельтов в Азию, данный на целое поколение раньше, чем это произошло²¹ (X. 15. 2-3):

«Узкий пролив Геллеспонта пройдя, станет дерзко-надменным
Войско галатов, несущее гибель; оно беззаконно
Азию будет громить; еще большие беды²² назначит
Бог для живущих по берегу моря²³ в ближайшее время.
Скоро, однако, воздвигнет Кронион защитника в бедах
Милого сына быка, возросшего волею Зевса:
Смерти и гибели день принесет для всех он галатов.

Под именем сына быка она разумеет здесь пергамского царя Атталы; его же (другое) вещание именует: "С рогами быка"²⁴ (*Пер. С.П. Кондратьева*).

Эта информация довольно противоречива. В самом деле, воцарение Антиоха I произошло в 280 г. до н.э., т.е. всего за год,

²⁰ Отметим неудовлетворительность перевода этого пассажа С.П. Кондратьевым: "...в то время, когда только что вступил на царство Антиох, после того как он взял в плен Деметрия". Здесь содержится явная ошибка, так как Деметрий Полиоркет в 285 г. до н.э. был взят в плен не Антиохом I, а Селевком Никатором.

²¹ Со временем проявилась четкая тенденция к "удревнению" прорицаний, что использовалось в целях как религиозных, так и политических. Так, в 1-й песне "Книг Сивилл" (287-290), в которой рассказ ведется от лица самой пророчицы, сивилла заявляет о себе как о жене сына Ноя. Подобная древность прорицаний придавала им значительный авторитет, особенно в связи с целями прозелитизма. Ведь получается, что пророчица, находившаяся во время всемирного потопа в Ноевом ковчеге, знала о будущих важнейших событиях мировой истории, в том числе и о рождении Христа.

²² В том, что "еще большие беды" постигнут жителей побережья Азии уже после перехода галатов через Геллеспонт, видится точная передача фактов: группа кельтов во главе с Леоннорием, переправленная через Боспор Никомедом I, была более многочисленной и соответственно более опасной для греков (подробнее см. ниже).

²³ Согласно Ливию, прибрежные области Геллеспонта после переправы галатов в Азию были предоставлены для грабежа трокмам, а Иония и Эолида - толистобогиям (XXXVIII. 16. 11 - 12). Это, видимо, отражает порядок перехода кельтских племен в Азию. См.: *Mitchell S. Op. cit.* P. 16. Not. 38.

²⁴ Это прорицание, в котором Аттал I назван ταυρόβιερος, передано Дидором (XXXV. 13) и Судой (s.v. "Ἀττάλος"). Комментарий см.: *Parke H.W., Wormell D.E.W. The Delphic Oracle. Oxford, 1966. Vol. II. P. 173. N 431; Fontenrose J. The Delphic Oracle. Its Responses and Operations with a Catalogue of Responses. Berkeley; Los Angeles, L., 1981. P. 348. N 245.*

а отнюдь не поколением раньше галатского нашествия на Грецию²⁵. Вероятно, Павсаний, широко использовавший источники малоазийского происхождения, воспроизвел здесь еще один "образчик пергамской пропаганды"²⁶, направленной на укрепление престижа династии Атталидов, ядро которого представляло собой реальное прорицание Фаэннис. Что же касается информации о времени жизни эпирской пророчицы и ее происхождении, то она могла быть почерпнута из текстов ее собственных прорицаний: сивиллы часто сообщали подобные сведения о себе²⁷.

Таким образом, упоминание Зосимом имени эпирской прорицательницы далеко не случайно. Однако углубленное исследование пророчества показало, что Фаэннис вряд ли может считаться его автором. Важный вклад в решение данной проблемы внес Х.В. Парк. Он убедительно доказал, что переданный Зосимом оракул не следует связывать с кем-либо из сивилл. Содержащаяся в начале второго оракула речь от первого лица указывает, что прорицание было дано не сивиллой, а в каком-то из аполлоновских святилищ, поскольку пророчица, называя Зевса своим отцом, явно вещает от имени самого Аполлона. Это весьма ценное наблюдение, поскольку сами эллины четко различали высказывания оракулов и прорицания хреспологов, пифию и сивиллу, и противопоставляли "изречения Сивиллы и пифийские пророчества" (*Diod.* I. 49. 3). Хреспологи прорицали в состоянии "божественной инспирации и интуитивных прозрений", предсказывая события далекого будущего, но не указывая при этом времени своих пророчеств²⁸. Их вещания нередко начинались словами "Будь осторожен!", "Обдумай!", "Остерегайся!" - Φράξε²⁹. В данном случае мы видим нечто похожее. Поэтому логично считать данное пророчество вышедшим из

²⁵ Приводимая Павсанием хронология может относиться только ко времени царствования Аттала I, одержавшего знаменитые победы над кельтами в 238/7 г. до н.э. Прорицание Фаэннис также расценивается Х.В. Парком как *vaticinatio post eventum*. См.: *Parke H.W. Sibyls and Sibylline Prophecy in Classical Antiquity* / Ed. by B.C. McGin. L.; N.Y., 1988 P. 126.

²⁶ *Феррари Ж.-Л.* Указ. соч. С. 43; ср.: *Strobel K. Keltensieg...* S. 86-87.

²⁷ Правда, Павсаний говорит, что Фаэннис не называли сивиллой (X. 12. 10), но Х.В. Парк не исключает вероятности именно такого наименования в других источниках. См.: *Parke H.W. Sibyls...* P. 126-127. Исследователь считает, что это пророчество было найдено Зосимом в каком-либо "сборнике оракулов" (*Parke H.W. The Attribution...* P. 442), а информацию о личности Фаэннис он почерпнул из труда Павсания (*Parke H.W. Sibyls...* P. 127).

²⁸ *Приходько Е.В.* Двойное сокровище. Искусство прорицания Древней Греции: мантика в терминах. М., 1999. С. 274.

Там же. С. 277.

святилища Аполлона Хрестерия в Калхедоне³⁰ - городе, находившемся в самом центре событий, о которых иносказательно повествуется в приводимом Зосимом тексте. Последнее обстоятельство позволяет дополнить аргументацию Х.В. Парка. В самом деле, если Фаэннис жила в Эпире³¹, то едва ли она имела возможность дать исчерпывающе точное "прорицание" о том, что происходило в весьма удаленном от нее регионе на Боспоре: на отправку запроса к ней и получение ответа у Никомеда I должно было уйти слишком много времени. Причина ошибки Зосима вполне понятна: поскольку Фаэннис, видимо, прославилась своими предсказаниями о галатском нашествии в Азию, то и это прорицание как имеющее отношение к кельтскому нашествию могло быть приписано именно ей³².

В калхедонском святилище Аполлона Хрестерия, как и в большинстве подобных ему, прорицания давались, вероятно, по тому же типу, что и дельфийские³³: их давала пророчица³⁴, пребывающая в состоянии божественного вдохновения, и общими были форма, образы и словесные формулы речения.

³⁰ Нарративные и эпиграфические свидетельства об этом святилище: *Dion. Byz.* 67; *Lucian. Alex.* 10; *SEG. IV. 720*; *SEG. XXIV. N 1091*; *Syll.* 550. См. также: *Parke H.W. The Oracles of Apollo in Asia Minor.* L.; Sydney; Dover, 1985. P. 179-180; *Rigsby K. Asyilia. Territorial Inviolability in the Hellenistic World.* Berkeley; Los Angeles; L., 1996. P. 164-166. О большом значении оракула Аполлона Хрестерия для Калхедона говорят изображения омпала и треножника на монетах города и важная роль пророка среди его магистратов. См.: *Robert L. A travers l'Asie Mineure.* P., 1980. P. 395. Not. 6.

³¹ Х.В. Парк не исключает вероятности того, что она прорицала в Додонском святилище; возможно, именно о ней как о Феспотской Сивилле сообщают некоторые источники (*Clem. Alex. Strom.* I. 21. 398. P. 127; *Suid. s.v. Σιβυλλὰ Θεσπρωτίς*), а в Додоне, как и в Дельфах, сложилась традиция о связи сивилл с этим святилищем. См.: *Parke H.W. Sibyls...* P. 127; *Idem. The Oracles of Zeus. Dodona. Olympia. Ammon.* Cambridge, 1967. P. 76; *Quantin Fr. Gaia oraculaire: tradition et realties* // *Metis.* 1992. Vol. 7. P. 179-199. Вновь нужно подчеркнуть, что данный пассаж Павсания (X. 12. 10) в переводе С.П. Кондратьева ("что касается Фаэннис, дочери тогдашнего царя хаонов, и Пелий, то и они, по божественному наитию, пророчествовали у жителей Додоны") не дает возможности прийти к заключению, что Фаэннис действительно была связана с оракулом Зевса: как явствует из греческого текста (Φαεννίς δὲ θυγάτηρ βασιλεύσαντος αὐδρὸς ἐν Χαοσί καὶ αἱ Πέλειαι παρὰ Δωδωνίοις ἐμαντεύσαντο μὲν ἐκ θεοῦ καὶ αὐταί), здесь идет речь только о Пелиях. Это адекватно передано в английском переводе В.Х.С. Джонса: "Phaennis daughter of a king of the Chaonians, and the Peleiae (Doves) at Dodona also gave oracles under inspiration of a god".

³² *Parke H.W. The Attribution...* P. 442; *Idem. Sibyls...* P. 127.

³³ *Fontenrose J. Op. cit.* P. 228-230.

³⁴ Правда, в святилище Аполлона в Кларосе предсказания давал жрец, выбираемый из милетских родов. Но основательницей оракула была дева Манто, дочь слепого прорицателя Тиресия и его поводырь. Способ

2. КОМУ И ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ БЫЛО АДРЕСОВАНО ПРОРОЧЕСТВО?

Зосим дает недвусмысленный ответ на этот вопрос (II. 36. 2). Однако историк вновь допустил путаницу, смешав обстоятельства получения двух пророчеств.

Приводимая здесь фраза может быть истолкована достаточно легко. Речь идет о событиях 148 г. до н.э., когда вифинский царевич Никомед, будущий царь Никомед II Эпифан, при поддержке Аттала II Пергамского поднял мятеж против своего отца Прусия II, лишил его власти и убил (*App. Mithr.* 7; *Diod.* XXXII. 21; *Iust.* XXXIV. 4. 4-5; *Zon.* IX. 28). Очевидно, в ходе этих событий Никомед также обращался за консультацией к оракулу. Им было получено прорицание от одного из авторитетнейших общеэллинских святилищ - храма Аполлона Дидимского³⁵.

Указание на это содержится в "Периэгесисе" Псевдо-Скимна, созданном, вероятнее всего, в конце II в. до н.э. и посвященном вифинскому царю Никомеду III Эвергету. В этом произведении отмечено, что отец нынешнего царя также прибег когда-то к помощи дидимского оракула по делам царства:

55 διό τη προθέσει σύμβουλον ἐξελεξάμην
τον συγκаторθώσαντα και τω σω πατρί
τα της βασιλείας πρότερον ὡς ἀκούομεν,

вдохновения жреца, однако, был схожим: он, как и пифия, пил воду из священного источника и давал ответы в стихотворной форме. Как и в Дельфах, профессия эта была опасной, так как вода источника была вредной для организма. Поэтому прорицатели, как и пифии, были недолговечны (*Plin.* HN. II. 232). Ср., однако, с точкой зрения Э.Р. Доддса, полагавшего, что традиция пророческого неистовства в Греции архаичнее религии Аполлона, и в некоторых случаях (в Патаре в Ликии) экстатические пророчества имеют собственный, а не дельфийский источник. См.: *Доддс Э.Р. Греки и иррациональное*. СПб., 2000. С. 108.

³⁵ Любопытно, что Прусий II в начале своего правления направил в Дидимское святилище дары (CIG. 2853, 2855; см. также: *Schenkungen hellenistischer Herrscher an griechische Städte und Heiligtümer*. В., 1995. Т. I: *Zeugnisse und Kommentare* / Hrsg. v. K. Bringmann und H. v. Steuben. N 288-290), что, судя по всему, все же не помогло ему в 148 г. до н.э., раз оракул был истолкован его противником Никомедом в благоприятном смысле. Псевдо-Скимн тоже едва ли упомянул бы сам факт обращения Никомеда II в Дидимское святилище, если бы полученный царевичем ответ не удовлетворил его. Причину этому, возможно, следует искать в случаях святоотцовского отношения Прусия к некоторым греческим храмам в ходе вифинско-пергамского конфликта 156-154 гг. до н.э. (*Polyb.* XXXII. 27. 1 — 13; *Diod.* XXXI. 35; *App. Mithr.* 3), что нанесло серьезный урон его популярности в эллинском мире.

παρά σοί τε βασιλεῦ γνησίως τιμωμένον
κατά πάντα, τον Απόλλωνα τον Δίδυμη λέγω,
60 τόν καί θεμιστεύοντα και μουσηγέτην,
οὔ δὴ σχεδόν μάλιστα και πεπεισμένους
προς σὴν κατά λόγον ἦκα, κοινὴν γὰρ σχεδόν
τοῖς φιλομαθοῦσιν ἀναδέδειχας ἐστίαν
θεός δε συνεφάψαιτο τη προαιρέσει.

Ps.-Skymn. 55-59 = GGM. I. P. 197³⁶

"Вот почему я в решении избрал советником того, кто, как я слышал, ранее помог и твоему отцу правильно вершить дела царства, [кто] и у тебя, царь, истинно почитается всегда. Я разумею Аполлона Дидимского, прорицателя и мусажета, коему более всех я, пожалуй, послушен, по речению [кого] пришел я к твоему простому жилищу, ведь ты распахнул [двери его] для взыскующих знания. Бог да поможет [тебе] в свершении желанья".

Х. Хабиخت предполагает, что поводом к отправке запроса в святилище для Никомеда послужила именно необходимость заручиться моральной поддержкой³⁷ в осуществлении переворота, и она, вероятно, была получена. С этим прорицанием Зосим, видимо, и спутал оракул, данный святилищем Аполлона Хрестерия Никомеду I, что легко объяснимо из-за сходства имен двух вифинских царей.

К. Штробель, однако, предлагает иную версию, объясняющую упоминание Зосимом Никомеда II. По его мнению, оракул, полученный первоначально Никомедом I, был в дальнейшем адаптирован применительно к конфликту между Прусием II и его сыном. На это указывает появление в тексте пророчества обращения βασιλεῦ Θρηίων, в котором отражен факт тесных политических³⁸ связей между Прусием и царем фракийцев-кенов Диэгилом. Тем не менее такая интерпретация сомнительна. Во-первых, характеристика вифинского монарха середины II в. до н.э. как "царя фракийцев" выглядит явным ана-

³⁶ Комментарий см.: *Parke H.W.* The Oracles of Apollo... P. 204; *Fontenrose J.* Didyma. Apollo's Oracle, Cult and Companions. Berkeley; Los Angeles, L, 1987. P. 191 - 192. N 16.

³⁷ *Habicht Ch.* Prusias (2) // RE. 1957. Bd. XXIII, 1. Sp. 1123-1124.

³⁸ *Strobel K.* Die Galater. Geschichte... S. 240. Anm. 388. Отметим, что этот тезис мог бы быть усилен еще одним аргументом — упоминанием о возложенных на вифинцев "тягчайших налогах" (φόρων βαρύτητα), что можно связать с сообщением о попытках Прусия добиться отмены выплаты контрибуции, возложенной на него римлянами после войны с Атталом II, и ростом его непопулярности у подданных (*App. Mithr.* 4).

хронизмом³⁹, а союз между Диэгилом и Прусием едва ли может считаться достаточным основанием для ее появления. Во-вторых, не сохранилось никаких свидетельств о том, что Прусий в 148 г. до н.э. получал прорицания от какого-либо святилища, а именно это, по мнению К. Штробеля, будто бы подразумевается в тех строках, где говорится о кратком предстоящем сроке правления царя, которому был дан оракул.

Таким образом, первую часть оракула, без сомнения, следует связывать с личностью Никомеда I Вифинского, а ситуация, в которой прорицание было получено, определилась в результате переправы кельтов через Боспор Фракийский в 278/7 г. до н.э. Более детальное изучение текста пророчества позволит датировать его даже с большей точностью.

3. СЕМАНТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

А) Первый оракул

Сток. 1. "Царь фракийцев" — см. примеч. 39.

Сток. 1. "Ты город покинешь". Не вполне понятно, о каком городе здесь идет речь. Вероятно, имеется в виду столица Вифинии. Таковым в начале III в. до н.э. был, скорее всего, основанный Зипойтом I город Зипойтион у горы Липера (*Memn.* Fr. 12. 5; *Steph. Byz.* s.v. Ζιποῖτιον), об исторической судьбе которого ничего не известно⁴⁰. Маловероятно, чтобы тут подразумевался какой-либо из городов, возвращенных Никомедом Гераклею и предположительно захваченных его братом Зипойтом Вифинном: Мемнон характеризует вифинского царевича как ος της Θυνιαχῆς ἐλπίρηι Θραιχῆς (*Memn.* Fr. 9. 5), ничего не говоря о его

³⁹ Греческие авторы V — начала IV в. до н.э. (или пишущие об этом времени) довольно часто называют вифинцев азиатскими фракийцами, вифинскими фракийцами и т.д. (*Herod.* 1.28; III. 90; VII. 75; *Thuc.* IV. 75; *Xen. Hell.* I. 3. 2; III. 2. 2; *Xen. Anab.* VI. 2. 17; VI. 4. 1; *Diod.* XIV. 38; *Plut.* Alkib. 37; *Scyl.* Per. 92 = GGM. I. P. 67). Тем не менее употребление этнонима "вифинские фракийцы" Аррианом (*Arr.* Anab. I. 29. 5) уже выглядит архаичным как для его эпохи, так и для описываемого им периода последней трети IV в. до н.э. См.: *Meyer Ed. Bithynia* // *RE.* 1898. Bd. III. Sp. 510; *Bosworth A.B. A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander.* Oxford, 1980. Vol. I. P. 176. Появление обращения "царь фракийцев" в тексте пророчества тоже довольно неожиданно, но может быть объяснено специфическим архаизирующим стилем этого произведения.

⁴⁰ Существует мнение, что Зипойтион даже был оставлен населением после основания Никомедии. См.: *Fol A. Paralleles thraco-bithyniens de l'époque preromanie. I: Le régime de la propriété* // *Études historiques.* Sofia, 1970. T. 5. P. 180.

господстве над Киером и Тиосом. На этом основании выглядит неприемлемым мнение⁴¹ о включении указанных городов в состав владений Зипойта.

Сток. 1. "Среди овец". Л. Мендельсон убирает колон после проβάτοισιν, что дает перевод: "Ты покинешь свой город как будто пастбище для овец". Он приводит параллели из других источников (*Or. Sib.* VIII. 41; *Herod.* VIII. 4. 8), однако Ф. Пашу обоснованно считает эти примеры неудачными. Овны — послушные подданные. Артемидор говорит: "Ведь овцы подобны людям: потому что они слушаются пастуха, собираются в стада, а также означают продвижение вперед и к лучшему в соответствии со своим именем" (II. 2).

Сток. 2. "Вырастись... льва". Семантика льва как символа власти вообще и царской в частности широко известна. Так, афинский тиран Гиппарх в ночь накануне гибели услышал во сне такие слова (*Herod.* V. 56):

Сердцем, о лев, терпеливым терпи нестерпимую муку.

О рождении коринфского тирана Кипсела оракул гласил (*Herod.* V. 92):

В скалах примет во чреве орел, но льва породит он
Мощного и сыродца: сокрушит он многим колени.

Матери Перикла Агаристе перед родами приснилось, что она родила льва (*Herod.* VI. 131). Филиппу Македонскому во сне привиделось, что он запечатал чрево жены печатью с изображением льва. Прорицатель Аристандр из Тельмесса предсказал, что у Олимпиады родится сын, который будет обладать отважным, львиным характером (*Plut.* Alex. 2). С другой стороны, угрожающий лев означает опасного врага, мужественного, грозного и свободолюбивого (*Artemid.* II. 12; IV. 56). В данном случае все исследователи сходятся на том, что здесь имеется в виду галатский вождь Леоннорий или Лонорий (*Liv.* XXXVIII. 16. 2; *Memn.* Fr. 11. 3; *Strabo.* XII. 5. 1), имя которого в греческой транскрипции прямо соотносится со львом.

Сток. 6. "Кого псы с двух сторон окружают". По мнению Ф. Пашу, это те же самые галаты, которые в стк. 9 названы волками, так как, будучи вначале союзниками Никомеда, они буд-

⁴¹ *Geyer F. Nikomedes (3)* // *RE.* 1936. Bd. XVII. Sp. 493; *Дзагурова В.П. Гераклея Понтийская в эпоху ее автономии: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1946. С. 109-110; Леви Е.М. Гераклея Понтийская: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1947. С. 92; Моисеева Т. А. Переселение... С. 75; Она же. Галатия... С. 182. Примеч. 13.*

то бы обратились против него⁴²; ранее на основании указания Зосима, что адресатом оракула является Никомед II, предполагалось, что под собаками надо понимать римлян⁴³. Оба мнения, однако, неубедительны. Помимо того, что они не соответствуют известной по другим источникам исторической ситуации, ни в мифологии, ни в фольклоре собаки никогда не смешивались с волками. Согласно Артемидору, разъяренные, лающие псы означают врагов; в то же время сторожевые псы могут связываться с близкими, домочадцами, а также с рабами и слугами (*Artemid. II. 11*)⁴⁴. Так, Кимон перед своим последним походом увидел сон: лающая собака предсказала ему, что он скоро станет ей другом. Это означало, что он скоро умрет, так как стать другом врагу значит умереть (*Plut. Cim. 18*). Ласкающиеся собаки предвещают безопасность, благополучие и наоборот (*Ps.-Dan. Oneir. 291, 292, 315*; ср.: *Hom. II. XXII. 66-71*). Обращает на себя внимание очень близкий пассаж из "Пророчеств Сивилл":

...собака догонит губителя стада,
Льва, и скиптра лишенный, пойдет он в царство Аида.

Or. Sib. VIII. 158-159⁴⁵

Здесь налицо совпадение сразу четырех символов: стадо, лев, знаки царской власти и собака, что позволяет трактовать оба эти топоса в сходном смысле: и в "пророчестве Фаэннис", и в "Пророчествах Сивилл" (VIII. 158-159) собаки выступают как охранники стада, и поэтому в первом случае они могут быть отождествлены с верными Никомеду людьми, его соратниками и придворными.

Отвлечемся на время от непосредственного анализа текста прорицания и зададимся принципиальным вопросом: вправе ли мы ожидать от оракула, данного калхедонским святилищем, достаточно адекватного отображения событий, происходив-

ших в Вифинии? От того, насколько обоснованным окажется такое предположение, зависит степень доверия к источнику и, следовательно, возможность использовать его для воссоздания подробностей внутривосточной обстановки в Вифинском царстве после смерти Зипойта I. Факты показывают, что вероятность этого весьма велика, а наиболее яркий пример тому представляет анализируемый здесь пассаж 6-й строки пророчества.

По нашему мнению, в этих словах следует видеть не только весьма распространенную в греческой оракулярной практике семантическую фигуру; в них может быть отражено известное современникам Никомеда I и сохранившееся в традиции конкретное обстоятельство — любовь этого царя к охотничьим собакам⁴⁶. Четкое указание на это увлечение царя содержится в труде Иоанна Цеца "Хилиады", причем, что особенно важно, этот пассаж представляет собой фрагмент "Вифиниаки" Арриана Флавия — уроженца Вифинии, хорошо знакомого с ее историей⁴⁷ (*Tetz. Chil. III. 950-984 = An. Bithyn. FGrH. 156. Fr. 29*)⁴⁸. Отдельные "зарисовки из жизни вифинского двора" содержатся и в других источниках (Ос. In Verr. II. 5. 27; *Plin. HN. VIII. 65. 5*). Особенно интересны три свидетельства Афиней (*Athen. I. 7d-f; XI. 94. 496DE; XIII. 83. P. 606B*); последние два из них весьма ценны тем, что они восходят к труду калхедонского историка Никандра, который, по мнению Ф. Якоби, назывался "Περὶ τῆς αἰωνίου Βιθυνίας βασιλείας" (FGrH. 700. Fr. 1, 2) и представлял собой, судя по всему, сборник анекдотов. Для граждан Калхедона, исторически и географически тесно связанного с Вифинией, положение дел в соседнем царстве являлось предметом далеко не праздного интереса⁴⁹, причем привлечь внимание калхедонских историков могли не только важные военнополитические события, но и незначительные на первый взгляд детали из жизни вифинских монархов. Необходимо подчеркнуть, что именно с Никомедом I следует связать упоминание

⁴² *Paschoud F. Notes // Zosime. Histoire nouvelle. T. 1. P. 239. Not. 50.* Идя на поводу у этой версии, французский исследователь переводит стк. 6: "...mais tu tomberas du trône, toi que des chiens pressent des deux côtés", хотя текст источника в этом месте вполне нейтрален и ни о какой угрозе, исходящей царю от собак, в нем не говорится. Вряд ли можно искать подтверждение этому тезису в запутанном сообщении о войне, которую будто бы вели галаты против Антиоха и Никомеда (*Trog. Proleg. XXV*). Очевидно, Трог имел здесь в виду все ту же войну с Зипойтом.

⁴³ *Paschoud F. Notes. P. 239. Not. 50.*

⁴⁴ Ср. с греческой поговоркой "каковы господа, таковы и слуги (дословно: собаки)" (*Diog. Laert. V. 93*).

⁴⁵ Комментаторы считают, что здесь может подразумеваться гибель римского императора Нерона, убитого своим слугой. См.: Книги Сивилл. М., 1996. С. 240.

⁴⁶ Как известно, вифинский царь Прусий II также любил охоту и даже получил за это прозвище Κυνήρις (*App. Mithr. 2*).

⁴⁷ Любопытно, что "оракул Фаэннис" также приведен в "Хилиадах" Цеца (VII. 548-550; IX. 820-822), правда, в несколько ином контексте. Х.В. Парк не сомневается, что оба пассажа восходят к труду Зосима. См.: *Parke H.W. Sibyls... P. 130. Not. 4*. Однако Цец в первом случае говорит о связи этого пророчества с победой парфян над римлянами, что может свидетельствовать об использовании им какого-то иного источника - быть может, все того же "собрания оракулов".

⁴⁸ До некоторой степени здесь уместна параллель с Гераклеей Понтийской, в исторической традиции которой отражение событий в Вифинии занимало весьма существенное место. Подробнее см.: *Габелко О.А.* Мемнон об истории Вифинского царства // *Античный вестник. Омск, 1995. Вып. 2. С. 108-115.*

Афиняе о пребывании одного из вифинских царей, носивших это имя, в Скифии (*Athen.* I. 7d — f), поскольку греческий писатель воспроизводит здесь цитату из комедии афинского драматурга Эвфрона, жившего в середине III в. до н.э. Весьма вероятно, что подобного рода сообщения могли быть запечатлены в каком-либо из калхедонских исторических сочинений уже в это время, а позднее они подверглись обработке и систематизации в труде Никандра. Показательно также, что произведения Никандра, Арриана, Цеца и Зосима имеют некоторые точки соприкосновения, обусловленные не в последнюю очередь именно их обращением к вифинской тематике и имеющие основную местную (видимо, достаточно аутентичную) традицию⁴⁹.

Стк. 7. "Спящего... волка". Волк — другой галатский вождь, Лутурий или Лутарий (*Liv.* XXXVIII. 16. 2; *Memn.* Fr. 11)⁵⁰. Семантика волка совершенно определена: он означает "врага злобного, хищного, наглого и нападающего открыто" (*Artemid.* II. 12; *Ps.-Dan.* Oneyr. 323), а также разбойника и грабителя (*Artemid.* IV. 56).

Стк. 8. "Он нехотящему выю под страшное иго поставит". "Нехотящему" не очень удачный, но буквальный перевод οὐδέ ἐθέλοντι — *participium praes. act. in dat. incommodi* — "тому, кто не согласен, кто принужден, против воли, насильно". Очевидно, здесь подразумевается, что непокорное население Вифинии будет подчинено после прихода Лутурия в Азию. "Иго" — ζυγόν ("ярмо"). Ср. Or. Sib. XIV. 308: "Шею рабским ярмом оденет властитель"; и пророчество хресполога Бакида о войне с персами, данное эвбейцам (*Herod.* VIII. 20).

Стк. 9. "Волки тогда совершенно заселят Вифинскую землю". Имеется в виду, что Вифиния будет захвачена галатами; это, как будет показано далее, фактически и произошло в ходе войны Никопада с Зипойтом Вифином. Вероятно, с этими строками следует связывать и упоминание о возложенной на вифинцев φόρων βαρύτητα (*Zosim.* II. 37. 2), что, видимо, представляет собой эвфемизм, подразумевающий многочисленные бедствия, связанные с войной. Источники очень часто сообщают о том, что кельты обыкновенно вносили дань с покоренных народов или с тех, кто хотел от них откупиться (*Polyb.* IV. 46. 3; *Liv.* XXXVIII. 16. 3, 11-13; *Iust.* XXIV. 4. 7; *Memn.* Fr. 11. 1; ср.

⁴⁹ О взаимовлиянии придворной вифинской историографии (к произведениям которой, весьма вероятно, имел доступ Арриан) и исторической традиции близлежащих полисов см.: *Rostovtzeff M.I.* SEHNW. Vol. I. P. 567; *Дзагурова В.П.* Комментарий. С. 286.

⁵⁰ Х.В. Парк полагает, что греки могли произносить его имя не только как Λουτάριος, но и в форме Αυχάριος, вызывающей явные ассоциации с волком. См.: *Parke H.W.* The Attribution... P. 442.

также *Memn.* Fr. 11. 5, где говорится о добыче, полученной галатами в Вифинии⁵¹).

Стк. 11. "Землю теперь населяют Византы". Эти строки также следует относить к галатам, которые довольно длительное время находились в окрестностях Византии. Именно это место пророчества дало повод Зосиму и Евнапию увидеть в оракуле предсказание великого будущего Константинополя⁵², хотя, как видно, понимание этой фразы ими искажено. Неверным, однако, было бы понимать эти слова буквально и связывать их, например, с образованием византийских владений в Азии, где ими была подчинена часть вифинцев⁵³: это произошло еще в 416 г. до н.э.

Стк. 12. "О, Геллеспонт трисчастливый!" Ср. Or. Sib. V. 336: "О, Геллеспонт разнесчастный!" См. также приведенный Павсанием оракул Фаэннис (*Paus.* X. 15. 3). Очевидно, в оракуле Фаэннис, данном жителям Азии, Геллеспонт, через который переправлялись галаты, тоже мог быть обозначен как "разнесчастный"; но для Византии, с которого, наконец, была снята осада, Геллеспонт — "трисчастливый". Обращает на себя явная смысловая перекличка между двумя этими пассажами: в них принято во внимание именно первое появление кельтов в Азии.

Стк. 12-13. "И стены людские, что боги строили..." Ф. Пашу относит эти строки к Византию, мотивируя это тем, что ἡρ μπορεί вполне относиться к Βυζάντιον⁵⁴, употреблявшемуся ино-

⁵¹ См.: *Pachoud F.* Notes. P. 241. Not. 50.

⁵² Визант — мифический основатель Византии (*Hesych.* Mil. Patria Const. 5-20).

⁵³ *Pachoud F.* Notes. P. 240. Not. 50.

⁵⁴ Так, К. Штробель вслед за К. Хабиштом (*Habicht Ch.* *Gottmenschen und Griechische Städte.* München, 1956. S. 116) датирует оформление византийской Переи 279 г. до н.э., хотя и не ищет подтверждения этому в строках оракула. См.: *Strobel K.* Die Galater. Geschichte... S. 193, S. 256. Anm. 458. Ю.Г. Виноградов высказал предположение, что владения в Вифинии, на южном берегу Астакского залива, были возвращены византийцам Птолемею Филадельфом в ходе так называемой "войны за вифинское наследство" в 254 г. до н.э., когда они могли быть захвачены домогавшимся вифинского трона Зиэлом, а затем отняты у того египетским царем. См.: *Vinogradov Ju.C.* Der Staatsbesuch "Isis" im Bosphorus // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia.* 1999. Vol. V, N 4. S. 291-292. Эта версия, однако, оставляет открытыми два вопроса: 1) когда и как данная область была приобретена гражданами Византии первоначально; 2) в какой момент византийцы смогли овладеть областью Триглии на южном берегу Пропонтиды. Поэтому имеет смысл обратиться к прежней гипотезе о одновременном приобретении Византием азиатских территорий. См.: *Gabelko O.L.* Zur Lokalisierung und Chronologie der Asiatischen Besitzungen von Byzanz // *Orbis Terrarum.* 1996. N 2. S. 121 - 128.

⁵⁵ *Gabelko O.L.* Op. cit.

⁵⁶ *Pachoud F.* Notes. P. 240. Not. 50.

гда в женском роде. Легенда о том, что стены Византия были построены богами — позднейшая выдумка или этимологическая комбинация⁵⁷. Бесспорно, имеется в виду Илион, стены которого воздвигли Аполлон и Посейдон (*Hom. II. XXI. 441 - 457*)⁵⁸; поэтому лакуна в стк. 13 перевода может быть дополнена словами "для Илиона" (от восстановления греческого текста мы воздержимся). Данные строки являются парафразом эпизода галатского вторжения в Анатолию, изложенного греческим историком Гегесианактом и известного в передаче Страбона (FGrH. 45. Fr. 3 = *Strabo. XIII. 1. 27*)⁵⁹. Таким образом, время создания пророчества можно определить с достаточной точностью - это, вероятно, конец 278 - начало 277 г. до н.э., решающий период вифинской междоусобицы, когда в нее уже вмешались и Леоннорий, переправленный Никомедом, и Лутарий, перешедший в Анатолию самостоятельно.

Стк. 14. "По воле сурового рока". Ср. с упомянутым выше пассажем Страбона: "Галаты, переправившись из Европы, пришли в город (Илион. - *О.Г., Л.С.*), нуждаясь в укрепленном месте, но тотчас же покинули его, так как он не имел укреплений"⁶⁰. Очевидно, галаты Лутария в какой-то момент, пребывая под Илионом, подверглись серьезной опасности, но от кого она могла исходить, остается только гадать. Ситуация несколько напоминает эпизод 216 г. до н.э., когда Троаду терроризировали галаты-эгосаги (*Polyb. V. 111. 1 - 7*). К.П. Джоунз даже полагает⁶¹, что Страбон подразумевает именно эти события. Ученый, однако, игнорирует рассматриваемый нами источник, который, как нам кажется, исключает такую возможность, так как недвусмысленно ставит пребывание кельтов под Илионом в контекст их первой переправы в Азию. Итак, галаты действительно не тронули Илиона, который, если можно так выразиться, отделался более или менее легким испугом.

Б) Второй оракул

Стк. 15. "Знают меня же и те..." εἰσαίον - эпич. аорист от глагола εἶδω, который также может переводиться как "слушают,

⁵⁷ *Miller J. Byzantion // RE. 1897. Bd. III. Sp. 1128.*

⁵⁸ Аргументацию см.: *Parke H. W. The Attribution... P. 442. Not. 6.*

⁵⁹ Подробнее см.: *Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 244-246. Н.С. Широкова* понимает это сообщение как указание на то, что "кельты стояли лагерем на развалинах Трои" (*Широкова Н.С. Указ. соч. С. 53*), чему, как мы видим, в источниках нет никакого подтверждения.

⁶⁰ Вопрос о том, были ли Илион в это время укреплен, рассматривается К. Штробелем. См.: *Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 245. Anm. 408.*

⁶¹ *Jones C. P. The Decree of Ilium in Honor of a King Antiochus // GRBS. 1993. Vol. 34, N LP. 92.*

понимают, постигают". Х.В. Парк на основании этой строки считает, что пророчество было дано оракулом Аполлона Хрестерия самим гражданам Калхедона; он принимает конъектуру Л. Мендельсона ὁ Μεγαρήϊον ἄστυ, полагая, что под этим "мегарским городом" следует понимать именно Калхедон⁶². С этим предположением, однако, трудно согласиться. Во-первых, в этом случае непонятно, почему Зосим связывает это пророчество с исторической судьбой Византия, если в данном оракуле, в отличие от первого⁶³, на нее нет ни малейшего намека. Во-вторых, упоминание Фракии в тексте пророчества трудно соотнести с Калхедоном, находившимся в Азии. Наконец, даже если принять чтение Л. Мендельсона, выражение "мегарский град" с тем же успехом может относиться к Византию - тоже мегарской колонии. Все это заставляет принять точку зрения Л. Мендельсона⁶⁴, Ф. Пашу⁶⁵ и К. Штробеля⁶⁶, полагающих, что второе пророчество подразумевает Византий.

Стк. 15. "Кто мою населяют святыню". Вряд ли здесь имеются в виду "первые лица Византия, к которым обращается Аполлон"⁶⁷; столь же маловероятно видеть здесь и граждан самого Калхедона, как, видимо, полагает Х.В. Парк: слово εθεῶν, согласно словарю Лиддл-Скотта-Джоунза, имеет наиболее распространенное значение "shrine", что исключает возможность того, будто здесь идет речь обо всех гражданах полиса. Эти строки могут быть сопоставлены с упоминанием Страбона о жрецах, которые жили при храме и перелагали прозаические ответы в стихи (IX. 3. 5)⁶⁸. В Дельфах это были профеты и хосии (*Plut. De def. or. 51*)⁶⁹. Данные слова говорят о "прямом" оракуле, который понятен не только жрецам, но и присутствующим. Плутарх в трактате "О том, почему пифия более не прорицает стихами" говорит, что в древние времена, когда прорицания да-

⁶² *Parke H. W. The Attribution... P. 443.*

⁶³ Х.В. Парк гиперкритически подходит к трактовке стк. 11 оракула, считая ее коррумпированной (*Ibid. P. 444*), для чего, видимо, нет достаточных оснований.

⁶⁴ *Zosimi... P. 94.*

⁶⁵ *Pachoud F. Notes. P. 240. Not. 50.*

⁶⁶ *Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 240. Anm. 388.*

⁶⁷ *Pachoud F. Notes. P. 240. Not. 50.*

⁶⁸ Составлением оракулов занимались также поэты, которые работали в святилище, но не принадлежали к жреческому персоналу, так как Плутарх отзывался о них с пренебрежением (*De Pyth. or. 25*). Ср.: *Fontenrose J. Op. cit. P. 212 ff.*

⁶⁹ А.В. Никитский видел в οἱοί жреческих представителей дионисийского культа, объединившегося в Дельфах с аполлоновским. Он полагал, что не профеты, а именно хосии должны были понимать, а затем облекать

70
вались в стихах⁷⁰, не требовалось толкователей; в дальнейшем же "божество стало говорить с вопрошающими, как законы говорят с государствами, как цари встречаются с народами, как ученики слушают учителей", т.е. без неясностей и прикрас (De Pyth. or. 24).

Сток. 17. "Песню, звучащую ясно". Здесь как раз и идет речь о "прямой песне", хотя ко времени Зосима, она, кажется, уже была не всем понятна (Zosim. II. 37. 2). По словам Плутарха (De Pyth. or. 24), в древние времена, когда пифия прорицала стихами, не требовалось толкователей: «Что теперь понимают немногие, тем когда-то владели все: "и пасущие овец, и пахари, и птицеловы"». По словам Пиндара, Кадм слышал от Аполлона "прямые напевы" (Pind. Hymn. 32). Ясных оракулов у Локсия (Кривой, Двусмысленный)⁷¹ вообще было немало.

в надлежащую форму "звуки пифии"; пророк же передавал ответ вопрошавшему. См.: Никитский А.В. Дельфийские эпиграфические этюды. Одесса, 1894-1895. I—VI. С. 147-150. Традиционный взгляд на пророков как толкователей оракулов (Латышев В.В. Очерки греческих древностей. Богослужбные и сценические древности. СПб., 1997. С. 185; Глускина Л.М. Политическая роль Дельфийского оракула (Из истории Дельф VI в. до н.э.): Дис.... канд. ист. наук. Л., 1948. С. 7 и др.; Parke H.W. Greek oracles. P. 31) ныне подвергается пересмотру. Так, Е.В. Приходько считает пророков всего лишь храмовыми служителями. См.: Приходько Е.В. Указ. соч. С. 212. О.В. Кулишова не видит принципиальной разницы между понятиями "жрец" и "пророк", добавляя при этом, что "госии, очевидно, принимали участие и в процедуре прорицания". См.: Кулишова О.В. Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII-V вв. до н.э.). СПб., 2001. С. 112-117. Лиза Маурицио приходит к выводу, что вообще "роль помощника-мужчины была ограничена подготовкой пифии, но никак не переложением изречений". См.: Maurizio L. Anthropology and Spirit Possession: A Reconsideration of the Pythia's Role at Delphi // JHS. 1995. N 125. P. 86.

70
Изобретение гексаметра традиция приписывала первой пифии Фемонное (Paus. X. 5. 7). О поэтических оракулах в Дельфах см.: Parke H.W. Apollo and the Muses, or prophecy in Greek verse // Hermathena. 1981. N 130—131. P. 99 - 112; Maurizio L. Delphic Oracles as Oral Performances: Authenticity and Historical Evidence // Classical Antiquity. 1997. Vol. 16, N 2. P. 308-334.

71
Е.В. Приходько справедливо замечает, что в современном понимании культовое имя Аполлона получает искаженный оттенок ("косой", "кривой", "двусмысленный"). Такое уничижительное толкование было неприемлемо для грека даже в период скептицизма. Образный язык оракула служил одеянием высшему знанию: "Локсий - Сокровенно Возвещающий". См.: Приходько Е.В. Указ. соч. С. 130—131. Двойственность, загадочность, метафоричность (что Аристотель называл энигмой) — характерная особенность оракульного стиля вообще. Как удачно заметили Х.В. Парк и У. Вормелл, парадоксы постоянно порождали своего рода кеннинги, столь часто встречающиеся в простой поэзии греков и находившие свое естественное место в прорицаниях. См.: Parke H.W., Wormell D.E.W. Op. cit. Vol. II. P. XXVII-XXVIII.

72
Parke H.W., Wormell D.E.W. Op. cit. Vol. II. P. XXVIII; Fontenrose J. Op. cit. P. 236-238.

Сток. 15—17 подтверждают мнение о том, что вопрошающий присутствовал лично во время экстаза пифии и мог, в случае ясных оракулов, сам понимать и толковать ответы без помощи посредников-пророков, равно как и контролировать возможные поэтические вольности в передаче пророчества. Х.В. Парк излишне преувеличивает влияние пророков в Дельфах⁷⁴; оставаясь в плену старой теории о руководстве оракулом (В. Дж. Форрест, А. Моммзен)⁷⁵, он утверждает, что оракулы, в конце концов, давал мужчина⁷⁷, а пифию будто бы приводили в нужное состояние гипнозом⁷⁷. Иная точка зрения сводится к

73
Селиванова А.А. О дельфийской мантике // Античность Европы. Межвуз. сб. Пермь, 1992. С. 73. Как пишет Л. Маурицио, "пифия самостоятельно давала прорицания, и... клиенты могли ее видеть и слышать". См.: Maurizio L. Anthropology... P. 86.

74
Плутарх как к клевете относился к слухам, что "вокруг прорицалища в Дельфах засели какие-то люди, которые перехватывают ответы оракула и втискивают их, словно в сосуды, в сочиненные наспех стихи" (De Pyth. or. 25). Полностью отрицает влияние пророков на мантическую процедуру Е.В. Приходько. См.: Приходько Е.В. Указ. соч. С. 205.

75
Mommson A. Delphika. Leipzig, 1879. S. 97-98; Forrest W.C. Colonisation and the rise of Delphi // Historia. 1957. 6. P. 160-175. Из современных отечественных ученых эту точку зрения разделяет О.В. Кулишова. См.: Кулишова О.В. Процедура прорицания в Дельфах: к характеристике оракульной практики в Древней Греции // Античное общество: Проблемы политической истории. СПб., 1997. С. 36—54. Мы не считаем, что наши выводы находятся в противоречии с мнением И.Е. Сурикова, придерживающегося якобы традиционной точки зрения. См.: Кулишова О.В. Дельфийский оракул... С. 106. В своей монографии "Из истории греческой аристократии позднеархаической и раннеклассической эпох. Роль Алкмеонидов в политической жизни Афин VII—V вв. до н.э." (М., 2000) И.Е. Суриков говорит лишь о дружественных связях афинского рода с дельфийскими жрецами, что было обычным для Дельф. Однако нигде у автора мы не находим выводов о каком-либо влиянии на процедуру дивинации. Напротив, осторожный и взвешенный подход к источникам дает И.Е. Сурикову полное право справедливо заметить: "Всех богатств Алкмеонидов, безусловно, попросту бы не хватило на то, чтобы подкупить жречество богатейшего в Греции святилища" (С. 148). А.Ф. Лосев, в целом принимавший возможность жреческих спекуляций, все же указывал, что "сводить все на одну спекуляцию было бы вульгаризмом". См.: Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 320. Л.М. Глускина, говоря о борьбе различных государств и политических деятелей за влияние в Дельфах, связывает это с деятельностью их сторонников в Дельфах, но не со жречеством. См.: Глускина Л.М. Дельфийский полис в IV в. до н.э. // Античная Греция. М., 1983. Т. 2. С. 46-47.

76
Parke H.W. Greek Oracles. L., 1967. P. 31. Критику этого взгляда см.: Селиванова А.А. Указ. соч. С. 68—69; Она же. Сестра-супруга Аполлона: об одной мифологеме близнеца мифа // Адам и Ева. Альманах тендерной истории. М., 2001. № 1. С. 191-221.

77
Parke H.W., Wormell D.E.W. Op. cit. Vol. I. P. 39. О самовнушении пифии говорит Э.Р. Доддс, сравнивая ее состояние с шаманской одержимостью. См.: Dodds E.R. The Greeks and the Irrational. Los Angeles, 1963.

тому, что пифия была носителем "двойного сокровища пророческого дара", являясь мантисом и профетом одновременно. Восседа на треножнике, она воспринимала «при посредстве оракула (а этот "дух" Земли усиливал ее экстрасенсорные способности) откровения Аполлона и — внешне вполне спокойно, а не в припадке неистовства, всегда лично, а не через посредников, когда в стихах, когда в прозе, — возвещала приходящим в святилище ответы на волновавшие их вопросы». "Поднимающаяся снизу энергия геоактивной точки земли, собранная, сконцентрированная треножником, открывала ее духовное зрение и помогала ее сознанию пересечь границу зримого мира". Эта довольно экстравагантная точка зрения высказана в недавно⁷⁸ вышедшей монографии, посвященной дельфийской мантике.

Стк. 18. "Фракиянка". В этом женском образе персонифицирована Фракия. Подобная персонификация страны или города известна еще в Ветхом Завете: "сойди и сядь на прах, девица, дочь Вавилона" (Ис. 47. 1); "разорю я дочь Сиона, красивую и изнеженную" (Иер. 6. 2); "отступница, дочь Израилева" и "вероломная сестра ее Иудея" (Иер. 3. 6—12). Очевидно, здесь имеется в виду именно европейская Фракия. Хотя фракийское происхождение вифинцев нередко подчеркивалось греческими авторами (см. примеч. 39), саму Вифинию Фракией называет только Ксенофонт (Anab. VI. 2. 17—19; 4. 1; Hell. I. 3. 2; III. 2. 2)⁷⁹; возможно, это связано с присущими ему особенностями литературного стиля. Говоря о "Финийской Фракии" Мемнона (Memn. Fr. 9. 5), мы должны иметь в виду, что эта местность была известна под таким именем, вероятно, только в гераклейской традиции. Подобное словоупотребление могло быть вызвано и тем, что Финией (Финиадой) называлась также часть европейской Фракии (Διτταί εἰσι Θυνίαι, ἡ μὲν ἐπὶ τῆς Ἑυρώπης, ἡ δὲ ἕτερα καθ' ἡμέραν ἐπὶ τὸν Βόσπορον καὶ ἐπὶ τὸ στόμα τοῦ Πόντου — Schol. Ap. Rhod. II. 177; ср.: Strabo. XII. 3. 3)⁸⁰. Кроме того, имеется указание на бедствия Фракии, связанные именно с га-

Р. 64 — 75. Х.В. Парк и У. Вормелл считают, что в самовнушении не было необходимости, так как приемами гипноза владели профеты (Ibid.).

⁷⁸ Приходько Е.В. Указ. соч. С. 371, 267.

⁷⁹ Ср. также с весьма двусмысленным пассажем Юстина: Inde Thraciae ac deinceps Heracleae bellum intuderat (Iust. XVI. 3. 3), где, возможно, речь идет о войне Лисимаха против Вифинии. Впрочем, во многих рукописях вместо "Thraciae" стоит "Asiae", а по смыслу оба слова одинаково вписываются в контекст повествования.

⁸⁰ Хотя сохранилось упоминание о проживании вифинов в Европе уже после переселения большей части их в Азию (Strabo. XII. 3. 3), устойчивого определения типа "европейская Вифиния" в источниках не существует. Лишь в I в. н.э. в Восточной Фракии фиксируется местность Вифи-

латским нашествием (хотя и с несколько более ранним этапом его):

**Фракия, горе тебе — рабынею жалкою станешь:
Время наступит, галаты набег совершат на Элладу.**

Or. Sib. III. 508

Видимо, и в "Пророчествах Сивилл", и в оракуле калхедонского святилища идет речь практически об одних и тех же событиях.

Стк. 19. "В кольца свернувшийся плод..." Так мы переводим σπεῖραν παῖδα, исходя из значения ἡ σπεῖρα — извилина, извив, вообще все вьющееся, витое, например, "извивы змей". Ф. Пашу переводит это место как "un jeune serpent", Р. Ридли — "a serpent child". Самое общее значение змеи — враг (Artemid. II. 13). Однако семантика этого образа настолько многолика, что Артемидор даже предлагает для упражнения в рассуждениях истолковать сон беременной женщины о том, что она родила змеею (IV. 67). Во всех разбираемых случаях сон означал разное в зависимости от статуса женщины. Наиболее показателен, пожалуй, сюжет о рождении Октавиана Августа: его мать заснула однажды в храме Аполлона и к ней приполз змей. С тех пор на теле у нее появилось несводимое пятно в виде змеи, и по этой причине родившийся спустя девять месяцев Август был признан сыном Аполлона (Suet. Aug. 94. 4). Поэтому и "фракиянка" должна породить могущественного отпрыска — царство галатов, на жестокость и воинственность которого указывает также и то, что змея является символом неотразимого нападения (Apollod. II. 85), а хтонизм змеи говорит о бедствиях на местной почве (о змеях, родящихся из земли, см.: Plut. Quaest. conv. II. 3). Так, змееногим был афинский автохтон (т.е. буквально "землерожденный") Эрихтоний (Apollod. III. 14. б)⁸¹. А змееность древнего аттического царя Кекропа объяснялась тем, что он "из хорошего царя превратился в тирана дикого, как змей" (Plut. Ser. Num. 6). В связи с этим интересно и зафиксированное Геродотом представление о змее, убивающей при рождении мать (III. 109).

Стк. 20. "Жестокая язва..." Словарь Лиддл-Скотта-Джонса дает также значение "укус водяной змеи" (ελκος ὕδρου) (Hom. II. II. 723), что по смыслу хорошо подходит к данному пассажи. Укус водяной змеи причинял ужасные страдания. Такова

нида (Mela. II. 98; ср.: Rav. 184. 17: Tab. Peut. 8. 5), о которой практически ничего не известно.

⁸¹ Змея как хтоническое животное указывает на древность культа и местное происхождение какого-либо явления. См.: Dowden K. The Uses of Greek Mythology. L.; N.Y., 1992. P. 95-96.

⁸² Ковалева И.И. Эрихтоний: миф в структуре Панафиней // ВДИ. 2004. № 4. С. 129-135.

незаживающая зловонная рана Филоктета, которую он получил во время жертвоприношения эллинов Аполлону: с алтаря сползла водяная змея и укусила героя (*Apollod.* III. 27). По Артемидору, гидры означают врагов на воде или благодаря воде (III. 13). Змеи тесно связаны с Аполлоном. По Аполлодору (Ер. V. 18), троянец Лаокоон, жрец Аполлона, был задушен вместе с сыновьями змеями, посланными этим богом с моря. Как священное животное Аполлона змея особенно почиталась в Дельфах⁸³. В Эпире богу были посвящены змеи, считающиеся потомками Пифона⁸⁴, которого бог победил в Дельфах, — с их помощью давались предсказания (*Ael. De nat. an.* XI. 2).⁸⁵ В змеином облике выступал и сам Аполлон (*Artemid.* II. 67 — 68).

Стк. 20. "Побережье". Ср. с упоминанием Ливия о бесчинствах галатов на фракийском побережье (XXXVIII. 16. 3) и с оракулом Фаэниис (*Paus.* X. 15. 3), где говорится о бедствиях городов, расположенных на берегах Азии. С этим согласуется и стк. 21, где говорится о крови, которая затопит побережье (αἰμόρορῃσι).

4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ВО ФРАКИИ И СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ МАЛОЙ АЗИИ НАКАНУНЕ И ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ КЕЛЬТОВ В АНАТОЛИЮ

Один из основных вопросов, возникающих при обращении к тексту оракула, таков: почему в нем говорится о потере Никомедом царского трона? Можно ли видеть здесь нечто большее, чем весьма распространенное в образцах данного жанра "сгущение красок", придающее пророчеству больший драма-

⁸³ Как известно, после победы над персами при Платеях в 479 г. до н.э. греки посвятили в Дельфы золотой треножник на трехголовом змее, от которого сохранилось только основание с верхней частью — витой, так называемой Змеиной колонной — и голова змеи, ныне находящаяся в музее Стамбула. Змеиная подставка имела особое значение: она символизировала победу, как бы вырастающую из Аполлона. См.: *Ridgway B.S. The Plataian Tripod and the Serpentine Column // AJA.* 1977. Vol. 81, N 3. P. 374-379.

⁸⁴ Жителей Локриды, небольшой области в Центральной Греции по соседству с Фокидой, называли пахучими из-за Пифона, тело которого, по местной легенде, прибило волнами к этой земле, где он и сгнил (*Plut. Quaest. Graec.* 15).

⁸⁵ В конце IV в. до н.э. дельфийский монетный двор выпускал серию серебряных статов, драхм и триоболов, изображающих на аверсе Деметру, а на реверсе — сидящего на омфале Аполлона. См.: *Raven E.J.P. The amphictionic coinage of Delphi, 336-334 B.C. // Numismatic chronicle and Journal of the Royal numismatic society.* L., 1950. N 10. P. 1-22. Однако известны и триоболы с изображением на реверсе не Аполлона, а змеи на омфале. См.: *Raven E.J.P., Bommelaer J.-F. Guide de Delphes. Le site // École française d'Athènes.* P., 1991. Sites et monuments-VII. P. 35, 37. Fig. 2f-2h.

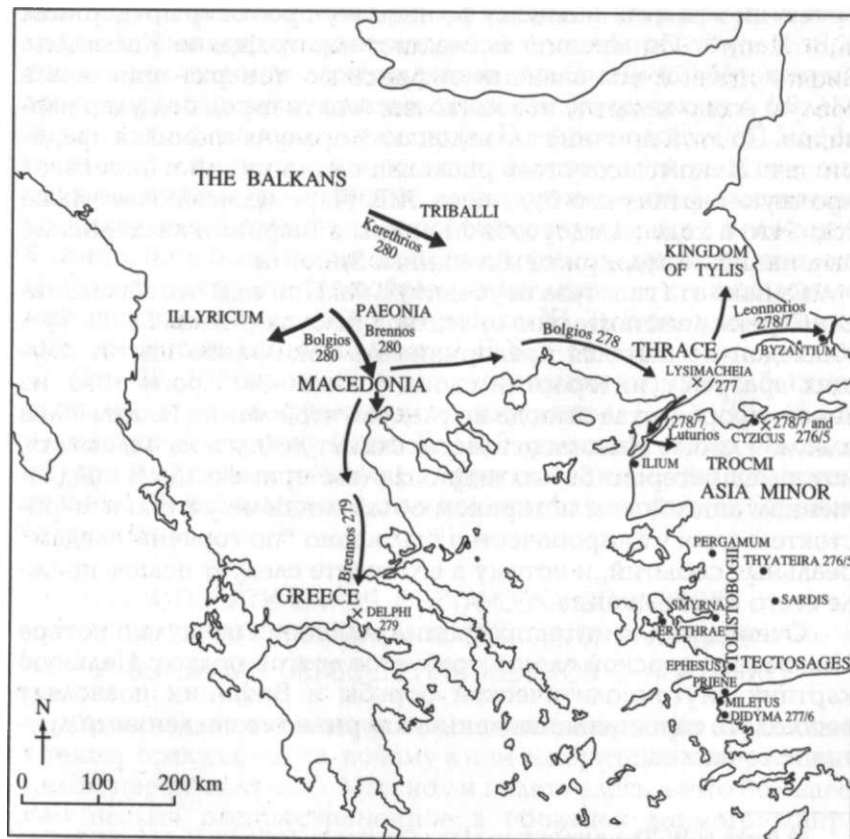
тический эффект? Попытку решить эту проблему предпринял Х.В. Парк⁸⁶. По мнению исследователя, граждане Калхедона были встревожены планами вифинского монарха привлечь в Малую Азию кельтов, что могло поставить город под удар варваров. По этой причине калхедонский оракул стремился предостеречь Никомеда от столь рискованных действий и нарисовал мрачную картину его будущего. Х.В. Парк не исключает даже того, что в ходе междоусобной войны в Вифинии калхедоняне склонились к поддержке мятежника Зипойта.

Однако эта гипотеза неубедительна. При том, что малоазийские греки действительно опасались галатов (*Memn.* Fr. 11. 4)⁸⁷, Калхедон не пытался предпринимать каких-либо шагов, идущих вразрез с интересами своих союзников. Кроме того, из текста пророчества отнюдь не следует, что именно галаты ("лев и волк") лишат Никомеда власти: акцент делался на бедствиях, которые претерпят от них вифинцы (см. примеч. 15). В предложенном английским историком объяснении не учтено и то обстоятельство, что пророчество было дано "по горячим следам" реальных событий, и потому в его тексте следует искать прежде всего их отражение.

Очевидно, для интерпретации сообщения оракула о потере Никомедом царской власти требуется другой подход. Цельную картину внутривнутриполитической борьбы в Вифинии позволяет воссоздать сопоставление данного отрывка со сведениями других источников.

⁸⁶ *Parke H.W. The Attribution of the Oracles in Zosimus.* P. 444; см. также предположение К. Штробеля в: *Strobel K. Die Galater. Geschichte...* S. 240. Anm. 388.

⁸⁷ Не исключено, что по крайней мере один эксцесс между галатами и калхедонянами действительно произошел: кельтами было разграблено святилище Зевса Урия на азиатском берегу Боспора (*Dion. Byz.* 92), принадлежащее в тот момент скорее всего именно Калхедону. См.: *Габелко О.А. Дионисий Византийский о некоторых событиях политической истории региона Боспора Фракийского // Античность: история и историки. Межвуз. сб. Казань, 1997.* С. 35 — 36. К. Штробель считает, что это произошло во время войны Родоса и Вифинии против Византии в 220 г. до н.э., а под галатами здесь имеются в виду кельтские наемники Пруссия I (о которых Полибий, впрочем, не упоминает). См.: *Strobel K. Die Galater. Geschichte...* S. 235. Anm. 363. Однако контекст сообщения Дионисия Византийского — Тиерон... был разграблен галатами, как и многие другие местности Азии" — заставляет связывать это событие со временем первых походов кельтов в Анатолию. Сомнения исследователя в аутентичности латинского перевода данного пассажа текста Дионисия II. Жиллиусом малообоснованны: насколько можно судить по переводу в целом, он вполне надежен. Очевидно, именно для предотвращения подобных инцидентов Никомед особо оговорил в договоре с галатскими вождями пункт о безопасности своих греческих союзников (и калхедонян в том числе) (*Memn.* Fr. 11.2).

Вторжение галатов в Грецию и Малую Азию (Из кн: *Mitchell S. Anatolia. Land, Men, and Gods in Asia Minor. Vol. 1: The Celts in Anatolia and the Impact of Roman Rule. Oxford, 1993. P. 14. Map 2)*

Первоочередную ценность представляет собой информация Мемнона Гераклейского. Он сообщает, что, заключив договор с Никомедом (279 г. до н.э.), опасавшимся наступления Антиоха I, гераклеоты вернули себе Тиос, Киер и Финийскую область, истратив на это много денег (*Memn.* Fr. 9. 4). Вероятно, возвращение за выкуп отнятых Зипойтом I у Гераклеи территорий было одним из принципиальных условий дальнейших согласованных действий⁸⁸. Однако этому воспротивился владев-

⁸⁸ *Schmitt H.H. Die Staatsverträge des Altertums. München, 1969. Bd. III: Die Verträge der Griechisch-Römischen Welt von 338 bis 200 v. Chr. N 465.* Мнение о том, что Киер и Тиос до перехода к Гераклее не принадлежали Вифинии, а были подвластны каким-то местным правителям, подобным Эвмену в Амастрии (*Corradi G. Studi ellenistici. Torino, 1927. P. 112; Burstein S.M. Outpost of Hellenism: The Emergence of Heraclea on the Black Sea. Berkeley, 1976. P. 144. Not. 58*), не подтверждается сообщениями источников.

ший Финийской Фракией младший брат Никомеда Зипойт Вифин. Его выступление было поддержано тем населением, которое не желало переходить в подчинение гераклеотам по условиям договора. Это и привело к столкновению Зипойта с греками: сначала ему сопутствовала удача, но после того, как к его противникам подошла союзная помощь (συμμαχίδος δὲ δυνάμεως τοῖς Ἡρακλεώταις ἐπελθούσης)⁸⁹, мятежный вифинский царевич был разбит, а граждане Гераклеи получили то, из-за чего шла война (*Memn.* Fr. 9. 5) — Финийскую Фракию.

Поскольку о возвращении Киера, Тиоса и Финийской области говорится как о одновременном действии (ὅτε δὲ τοὺς αὐτοὺς χρόνους), следует предположить, что между юридическим (*Memn.* Fr. 9. 4) и фактическим (*Memn.* Fr. 9. 5) установлением власти гераклеотов над спорными территориями прошло не слишком много времени. Нанесенное Зипойту поражение можно датировать тем же 279 или началом 278 г. до н.э.⁹⁰, а связывать его с окончательным разгромом правителя Финийской Фракии и его гибелью после перехода галатов в Азию (278/7 г. до н.э.), как это делают некоторые исследователи⁹¹, невозможно ввиду неустраиваемых хронологических и логических несообразностей⁹².

Итак, в 279 г. до н.э. кризис не разрешился окончательно. Как можно заключить из контекста рассказа Мемнона, после

⁸⁹ Это могли быть как контингенты союзных полисов, так и войска самого Никомеда. См.: *Леви Е.Н. Указ. соч. С. 88; Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 131. Примеч. 14.*

⁹⁰ *Habicht Ch. Zipoites (2) // RE. 1972. Bd. 10a. Sp. 457.*

⁹¹ *Дзагурова В.П. Мемнон. О Гераклее. Комментарии // ВДИ. 1951. № 1. С. 297. Примеч. 1; Моисеева Т.А. Галатия... С. 182. Примеч. 13; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 51.*

⁹² Действительно, в этом случае было бы необходимо признать, что Мемнон (или, что более вероятно, Фотий при сокращении его текста) допустил дублирование изложения событий не только во фрагментах 9. 3 и 10. 1 — 2, но также и во фрагментах 9. 5 и 11. 5. Однако если в первом случае это практически не нарушает логики повествования (Никомед заключает союз с гераклеотами, возвращает им за выкуп их прежние владения и использует их флот), то во втором дело обстоит иначе. Переправа галатов через Босфор и начало их борьбы с Зипойтом должны почти совпасть по времени с передачей Гераклее ее бывших владений и таким образом оказываются практически синхронными началу войны между Антигоном Гонатом и Антиохом I, которое, по общему мнению, датируется концом 280 - началом 279 г. до н.э. (*Will Ed. Histoire politique du monde hellénistique (323-30 av. J.-C). Nancy, 1979. T. I. P. 142-143; Buraselis K. Das Hellenistische Makedonien und die Ägäis. Forschungen zur Politik des Kassandros und drei ersten Antigoniden in Ägäischen Meer und in Westkleinasien. München, 1982. S. 110 ff., 152 ff.; Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 205. Anm. 202*), что явно нереально.

потери Финийской Фракии Зипойт продолжал борьбу⁹³, и его поддерживала немалая часть населения Вифинии, куда Никомед и направил вскоре первый удар галатов (*Memn.* Fr. 11. 5). Не подлежит сомнению тот остающийся⁹⁴ не вполне понятным факт, что Никомед I — законный царь⁹⁵, старший из сыновей Зипойта I, энергичный воин и дипломат — явно чем-то настроил против себя значительную часть своих подданных. Каковы могут быть причины этого? В источниках не содержится прямого ответа на данный вопрос, но наиболее обоснованным кажется следующее объяснение. Взятый Никомедом курс на союз с греками, поддерживаемый даже ценой компромиссов и территориальных уступок, был, вероятно, крайне непопулярен среди вифинцев, не приемлющих филэллинской ориентации своего царя. Действия Никомеда явно противоречили общественному мнению вифинцев, издавна отличавшихся враждебностью к эллинам и воспитанных на победах Зипойта I. В сложных обстоятельствах начала 70-х годов III в. до н.э. естественным продолжателем дела первого вифинского царя населению страны (первоначально — Финийской области) казался не Никомед, а его младший брат⁹⁵. То, что вифинское общество столь болезненно восприняло поворот в политике своего царя, должно было поставить Никомеда в критическое положение в условиях продолжавшейся войны с Антиохом⁹⁶. Выход из столь затруднительной ситуации Никомед обнаружил благодаря воз-

⁹³ На это обратил внимание еще Б. Низе. См.: *Niese B. Geschichte der Griechischen und Makedonischen Staaten seit der Schlacht bei Chaeronea. Göttingen, 1899. Bd. II. S. 76.*

⁹⁴ Текст Мемнона явно противоречит мнению Т.А. Моисеевой, полагающей, будто в ходе этих событий "было неясно, кто — законный наследник, а кто — узурпатор". См.: *Моисеева Е.А. Галатия... С. 178–179.*

⁹⁵ Ср. с удачным замечанием Дж. Витуччи: Зипойт Вифин "...заботился только о том, чтобы расширить свои владения за счет Гераклеи". См.: *Vitucci C. Op. cit. P. 21–22.*

⁹⁶ О возможности союза между Зипойтом и Антиохом см.: *Дройзен И.Г. История эллинизма. М., 1893. Т. II. С. 374; Niese B. Op. cit. Bd. II. S. 76; Corradi G. Op. cit. P. 114; Жигунин В.Д. Указ. соч. С. 60; Strobel K. Die Galater in hellenistischen Kleinasien... S. 115; Idem. Die Galater. Geschichte... S. 239; Ellis P.W. Op. cit. P. 113. Более сдержанную оценку см.: *Grainger J.D. Seleukos Nikator: Constructing a Hellenistic Kingdom. L.; N.Y., 1990. P. 103; Vinogradov Yu.G. Op. cit. S. 286. Противоположное мнение см.: Vitucci G. Il regno di Bitinia. Roma, 1953. P. 22. Если верна предложенная нами трактовка событий, то можно считать, что эффективного военного и политического сотрудничества между вифинским царевичем и сирийским царем, видимо, не существовало. Ведь Зипойт, бежавший после первого поражения в восточные области царства (см. далее), мог бы воспользоваться поддержкой Антиоха, ведущего наступление именно с этой стороны, что судя по всему, не имело места.**

можности использовать в своих интересах галатов, опустошивших уже к тому времени Македонию, часть Греции и Фракии и подошедших к Боспору Фракийскому.

Переправа галлов в Азию (середина 278 г. до н.э.) представляет собой яркий пример хорошего взаимодействия всех членов Северной лиги, как называют в историографии союз Вифинии с Гераклеей, Византием и Калхедоном. Первым из них с нашествием варваров столкнулся Византий. Его владения были опустошены, а сам город осажден. Галаты неоднократно пытались переправиться в Азию, но византийцы всякий раз препятствовали этому (*Memn.* Fr. 11. 2), вероятно, заботясь о безопасности союзников⁹⁷. Те в свою очередь оказали им действительную помощь (*Memn.* Fr. 11. 1). План Никомеда переправить варваров через Босфор был радикальным решением проблемы: с Византии была снята осада, а Северная лига получила в свои руки⁹⁸ мощное оружие для войны как с Антиохом, так и с Зипойтом⁹⁹.

О переходе Леоннория и Лутария в Азию наиболее подробно и обстоятельно рассказывает Ливий. Галаты, подойдя к Византию, спустя некоторое время отошли к Геллеспонт и там разделились: Леоннорий вернулся обратно к Византию, а Лутарий, обманом захватив несколько небольших кораблей, переправился через пролив. Вскоре большая часть кельтов, последовавшая за Леоннорием, была переведена в Азию Никомедом, а затем обе⁹⁹ группы галатов соединились в Вифинии (XXXVIII. 16. 4–8).

Вмешательство галатов позволило Никомеду покончить с Зипойтом и полностью подчинить всю территорию страны (*Memn.* Fr. 11. 5; *Liv.* XXXVIII. 16. 8). Рассказ Мемнона тем не менее оставляет возможность для различных интерпретаций. Некоторые ученые считают, что за фразой источника: *Νικομήδης δὲ κατὰ Βιθυνῶν πρῶτον... τοὺς βαρβάρους ἐξοπλίσας, τῆς τε χώρας ἐκράτησε καὶ τοὺς ἐνοικοῦντας κατέχοιψε* стоит указание на какие-

⁹⁷ *Moraux P. Op. cit. P. 69. Not. 37.*

⁹⁸ *Ibid.* P. 69; *Моисеева Т.А. Договор... С. 76; Санрыкин С.Ю. Гераклея... С. 131. Вряд ли можно полагать, что Леоннорий сам заключил с Византием мир, к которому затем присоединился Никомед (Жигунин В.Д. Международные отношения... С. 67), очевидно, инициатором соглашения с варварами выступил вифинский царь.*

⁹⁹ Переправа галатов Лутария (по мнению К. Штробеля (*Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 238*), это были трокмы, тогда как Леоннорий возглавил толистобогиев) упомянута также Павсанием (I. 4. 5; VII. 6. 8). Следует отметить, что Лутарий переправился в Азию первым, так что до момента его встречи с Леоннорием в Вифинии прошло не слишком много времени.

то боевые действия в Финийской области¹⁰⁰, но она к этому времени уже была подчинена гераклеотами (*Memn.* Fr. 9.5); и нет никаких оснований отвергать сообщение Мемнона об этом. По мнению П. Моро, удар галатов был направлен против населения тех районов Вифинии, которые были захвачены Антиохом¹⁰¹, однако в этом случае остается непонятным упоминание об истреблении жителей этих областей: маловероятно, чтобы значительная часть вифинцев переметнулась на сторону Селевкида. Между тем фраза Мемнона не оставляет сомнений в том, что Никомед овладел всей страной, т.е. Вифинией в полном территориальном объеме. Поскольку Мемнон четко разделяет собственную Вифинию и Финийскую Фракию, сомнительно, чтобы во фрагментах 9. 5 и 11. 5 он имел в виду одни и те же территории. Очевидно, в какой-то момент Никомед потерял контроль над своей страной. Этому можно дать лишь одно объяснение: после поражения, понесенного в Финийской Фракии, Зипойт бежал в коренные вифинские земли (долину Сангария?), где получил поддержку недовольного Никомедом населения, вероятно, возмущенного участием жителей Финийской Фракии и союзом Никомеда с греками. Царь же, скорее всего, использовал в качестве опорных пунктов западные районы страны, где он мог в полной мере пользоваться помощью партнеров по Северной лиге.

Эта вторая стадия гражданской войны в Вифинии отличалась, судя по всему, особым ожесточением, коль скоро Никомеду пришлось прибегнуть к суровым репрессиям против своих подданных¹⁰². Исход ее в течение долгого времени оставался

¹⁰⁰ *Stahelin F.* Op. cit. S. 6; *Strobel K.* Die Galater in Hellenistischen Kleinasien. S. 117. В своей новой работе К. Штробель подходит к этой проблеме несколько по-иному. Он отмечает, что Fr. 9. 5 Мемнона может содержать изложение хода войны против Зипойта до прихода галатов (*Strobel K.* Die Galater. Geschichte... S. 213. Anm. 246), а в другом месте монографии связывает Fr. 11. 5 с окончательным покорением области *Зипойта* (курсив наш. — О.Г., А.С.). Историк исходит при этом из предположения, что война между гераклеотами и Зипойтом велась лишь за восточную часть Финийской Фракии, якобы принадлежавшую гераклеотам ранее (S. 194. Anm. 152; S. 213, 243), но это не подтверждается источниками. Сомнительно, чтобы борьба за совсем небольшую область заняла часть 279, весь 278 и, возможно, часть 277 г. до н.э. Подробнее о Финийской Фракии, ее границах и статусе см.: *Габелко О.А.* Гераклея Понтийская и Вифиния в раннеэллинистический период: политико-географический аспект // ВДИ. 1999. № 2. С. 114-126.

¹⁰¹ *Morau P.* Op. cit. P. 71.

¹⁰² Возможно, что под упомянутыми здесь Мемноном *Βιθυνοί* следует понимать не подчинившихся Никомеду представителей знати, противопоставивших его власти какие-то архаичные племенные институты, на которые мог опираться Зипойт Вифин. Об этом см.: *Габелко О.А.* Статус Вифинии в составе державы Митридата VI в 88-85 гг. до н.э. // Античность: события и исследователи. Казань, 1999. С. 93.

совершенно неясен¹⁰³. Вероятно, именно в ходе этих событий Никомед и был фактически лишен трона¹⁰⁴. Поэтому можно согласиться с Х. Хабихтом, считающим, что Зипойт мог добиваться не только создания собственного княжества в пределах Финийской области, но даже царской власти во всей Вифинии¹⁰⁵. Неслучайно намеки на это содержатся только в оракуле из калхедонского святилища и у Мемнона, хорошо осведомленного о вифинской истории. Ливий, уделяющий в своем труде первоочередное внимание обстоятельствам перехода галатов в Азию и не заинтересованный в передаче деталей внутренней смуты в Вифинии, излагает сокращенную версию событий: "Затем галаты соединились вновь и помогли Никомеду в войне с Зибетом, который владел частью Вифинии. Главным образом благодаря их помощи Зибет был побежден, а вся Вифиния перешла во владение Никомеда" (*Coeunt deinde in unum rursus Galli et auxilia Nicomedi dant adversus Ziboetam, tenentem partem Bithyniae, gerenti bellum. Atque eorum maxime opera devictis Ziboeta est, Bithyniaque omnis in dicionem Nicomedis concessit* — *Liv.* XXXVIII. 16. 8)¹⁰⁶. Борьба с Зипойтом завершилась скорее всего только в конце 278 или даже в 277 г. до н.э.¹⁰⁷

Таким образом, тем строкам пророчества, где говорится о потере Никомедом царской власти, не нужно давать никакого иносказательного толкования: дело, по сути, именно так и обстояло! Данные Зосима и Мемнона здесь полностью подтверждают друг друга.

¹⁰³ Если дословно следовать тексту прорицания, то можно заключить, что сил Леоннория оказалось явно недостаточно для победы над мятежниками: Никомед "пал с трона" уже после прибытия "льва" в Вифинию.

¹⁰⁴ Еще О. Буше-Леклерк высказал догадку, что Никомед был изгнан Зипойтом из Вифинии. См.: *Bouché-Leclercq A.* Histoire des Séleucides (323-64 av. J.-C.). P., 1913. T. I. P. 62.

¹⁰⁵ *Habicht Ch.* Zipoites (2). Sp. 456.

¹⁰⁶ Строго говоря, строки Ливия тоже ничуть не противоречат тому, что Зипойт Вифин в какой-то момент установил власть почти над всей Вифинией: первоначально "владеть" ее частью — Финийской Фракией — он мог на вполне законных основаниях. См.: *Габелко О.А.* Некоторые особенности царской власти в Вифинии (К проблеме взаимодействия фракийских и общееллинистических традиций) // ВДИ. 1995. № 3. С. 165—166. Именно это и могло быть как-то отражено источником Ливия (Полибием?) и самим римским историком.

¹⁰⁷ *Habicht Ch.* Zipoites (2). Sp. 456; *Ellis P.W.* Op. cit. P. 114. Вместе с Зипойтом был уничтожен еще один из младших братьев Никомеда (*Memn.* Fr. 12. 6). М. Лоней считает, что гражданская война в Вифинии длилась до 276 г. до н.э. (*Launey M.* Op. cit. P. 233), но его попытка увязать вифинские события с борьбой Кизика против галатов выглядит искусственной.

Что же касается второго пророчества, то оно, как справедливо замечает Х.В. Парк, гораздо менее конкретно, нежели первое¹⁰⁸. Это вполне объяснимо: в данном прорицании пророчица дает византийцам, так сказать, долгосрочный политический прогноз, строящийся вокруг важнейшего фактора, который теперь определяет положение византийцев, — присутствия кельтов во Фракии. Следует отметить, что именно "галатская тема" объединяет оба прорицания, почему они и были приведены Зосимом вместе (как, вероятно, и в его источнике). Необходимо согласиться с К. Штробелем, что под "змеенышем"¹⁰⁹ имеется в виду складывающееся Тикийское царство галатов¹⁰⁹. Рассматриваемый оракул важен тем, что может косвенно указывать на приблизительное время и обстоятельства образования этого государственного объединения.

Фраза стк. 19, καὶ ὅν (ποτὲ γῆ) καὶ τῆδε φέρουσαν, как нам кажется, указывает на то, что это прорицание почти синхронно пророчеству, данному Никомену I. В ней явно подразумевается факт, что до Фракии бедствия от галатского нашествия претерпела какая-то другая страна — вероятно, именно Вифиния, о чем сказано в первом прорицании. Это позволяет с определенной долей гипотетичности утвердительно ответить на поставленный М. Домарадским вопрос, не произошло ли во Фракии встречи между галатами Комонтория, обосновавшимися поблизости от Византия и создавшими вскоре Тикийское государство, и их соотечественниками, возглавляемыми Леоннорием и Лутарием¹¹⁰. Данный вывод, в свою очередь, требует некоторой корректировки традиционного мнения, согласно которому Тикийское царство оформилось уже после перехода части галатов в Азию.

Ж. Нахтергель, исходя из этого общепринятого тезиса, полагает, что Комонторий возглавил галатов, уцелевших после разгрома Болгия при Лисимахии (*Iust.* XXV. 1. 1-2, 7; *Trog. Proleg.* XXV; *Polyaen.* IV. 6. 17; *Diog. Laert.* II. 141 - 142)¹¹² однако эта точка зрения отвергалась еще Ф. Штелином¹¹², а в послед-

¹⁰⁸ Parke H.W. The Attribution... P. 443-444. Исследователь не исключает даже того, что появление второго пророчества могло быть не связанным с галатским нашествием.

¹⁰⁹ Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 240. Anm. 388. Об этом царстве см.: Домарадски М. Кельты на Балканский полуостров. София, 1984. С. 78 — 88; Лазаров Л. О кельтском государстве с центром в Тиле при Каваре // ВДИ. 1996. № 1. С. 113 - 123 (с полной библиографией); Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 229-236.

¹¹⁰ Домарадски М. Указ. соч. С. 81.

¹¹¹ Nachtergaele G. Op. cit. P. 170. Not. 202; ср.: Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 180.

¹¹² Stahelin F. Op. cit. S. 5. Anm. 1.

ние годы — С. Митчелом и К. Штробелем¹¹³. Немецкий исследователь, наиболее тщательно разрабатывающий вопрос об образовании Тикийского царства, не поясняет, откуда пришли кельты Комонтория и почему их переход через долину Гебра к Византию следует датировать именно 277 г. до н.э., а это оставляет возможность для выдвижения новой гипотезы.

Определенные факты свидетельствуют в пользу того, что государственное образование кельтов во Фракии с центром в Тиле стало складываться непосредственно во время пребывания галатов в округе Византия¹¹⁴. Подтверждение этому можно найти в строках Полибия: "Эти галаты (под предводительством Комонтория подошедшие к Византию. — О.Г., Л.С.) покинули родину вместе с Бренном. Избегнув гибели в Дельфах и явившись к Геллеспонту, они не переправились в Азию (εἰς μὲν τὴν Ἀσίαν οὐκ ἐπεραιώθησαν), но остались тут же, потому что их пленили окрестности Византия, одержали победу над фракийцами (κρατήσαντες τῶν Θρακῶν), Тилу обратили в царскую резиденцию и стали угрожать византийцам великими опасностями" (IV. 46. 1. *Пер. Ф.Г. Мищенко*). Данный отрывок показывает, что в Азию перешла лишь часть галатов, в то время как другая группа их осталась в Европе; с упоминанием бедствий Фракии, предрекаемых оракулом, перекликается и сообщение Полибия о нанесенном кельтами фракийцам поражении.

О том, что кельты уже обосновались вблизи Византия к моменту соединения Леоннория и Лутария в Вифинии, говорится и в стк. 11 первого оракула, причем в ней подразумевается, что оставшиеся во Фракии галаты могут представлять угрозу и для Вифинии — может быть, их численность была более значительной, нежели 20 тыс. человек у Леоннория и Лутария (*Liv.* XXXVIII. 16. 2, 9)¹¹⁵. Не противоречат данному предположению

¹¹³ Mitchell S. Op. cit. P. 14. Not. 12 (при этом, однако, исследователь отмечает, что кельты Комонтория в любом случае были до своего прихода во Фракию вытеснены из Македонии, т.е. эти события происходили уже после первого появления галатов у Византия); Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 232-233.

¹¹⁴ Видимо, такого же мнения придерживается Л. Лазаров, хотя он не акцентирует внимания на хронологическом аспекте событий. См.: Лазаров Л. Указ. соч. С. 113.

¹¹⁵ К. Штробель оценивает общую численность переправившихся в Анатолию кельтов в 30-35 тыс. человек. См.: Strobel K. Die Galater. Geschichte... S. 246. Ср. также с расчетами С. Митчелла. См.: Mitchell S. Op. cit. P. 15. Возникает даже соблазн предположить, что неясный намек на угрозу, исходящую от оставшихся во Фракии кельтов для Вифинии, был вызван тем, что Никомену не удалось договориться с ними о совместных действиях и потому они продолжали оставаться потенциально опасными.

и "Прологи" Трога, где сообщается, в частности, о том, "как галлы переправились в Азию и вели войну с Антиохом и с Вифинией"¹¹⁶, какие области захватили тилены" (*Trog. Proleg. XXV*). Отсюда вполне можно заключить, что эти события были синхронными¹¹⁷.

Возможно, что Комонторий входил в число находившихся под Византием семнадцати галльских вождей, упомянутых Мемноном (Fr. 11. 3); после отбытия в Азию двух верховных предводителей руководство над остальными кельтами перешло именно к нему. Едва ли случайным представляется и почти полное совпадение двух денежных сумм — "подарков", выплачиваемых, согласно Полибию, византийским галатам Комонтория при их первых вторжениях (3, 5, а иногда и 10 тыс. золотых) (*Polyb. IV. 46. 3*), и денежной помощи, оказанной осажденным варварами византийцам по их просьбе со стороны гераклеотов (4 тыс. золотых) (Memn. Fr. 11. 1); весьма вероятно, что здесь идет речь не просто о близких по времени и характеру, но об одних и тех же событиях.

Можно резюмировать, что сопоставление данных всех имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет отнести начало формирования Тилийского царства уже к зиме 279/78 г. до н.э. — времени первого появления галатов у Византия.

* * *

"Оракул Фаэннис", таким образом, представляет собой во многих отношениях поистине уникальный исторический источник. Его ценность состоит прежде всего в точности информации, переданной в этом *vaticinatio ex eventu*. Детали перехода кельтов в Анатолию изложены здесь с поразительными подробностью и обстоятельностью¹¹⁸, совершенно неожиданными в произведении такого рода.

¹¹⁶ См. примеч. 42.

¹¹⁷ Хронология событий здесь несколько нарушена, так как, по Трогу, победа Антигона Гоната над галатами предшествует переправе кельтов через Боспор (*Trog. Proleg. XXV*). В действительности же она была одержана в первой половине 277 г. до н.э.

¹¹⁸ Х.В. Парк полагает, что приводимый Зосимом оракул "мало связан с историей эллинистического Византия". См.: *Parke H.W. The Attribution...* P. 444. Р. Ридли видит в нем прежде всего "ответ Зосима на христианскую интерпретацию Византия". См.: *Zosimus. New History*. P. 160. Not. 87. Однако, независимо от того, какой смысл вкладывал в приращение сам греческий историк, переданные в пророчестве конкретные факты воссоздают картину событий первой трети III в. до н.э. с большой точностью.

Мы можем говорить о ряде принципиально важных моментов политической обстановки, сложившейся в 279 — 277 гг. до н.э. в районе черноморских проливов и получившей вполне адекватное, хотя и иносказательное, описание в оракуле. В ткань рассказа о бедствиях населения Вифинии и Фракии вплетаются конкретные факты, которые находят подтверждение (по меньшей мере, частичное) и в других источниках: 1) сообщение о потере Никомедом "города" — вероятно, вифинской столицы; 2) передача имен галльских вождей; 3) верное изложение последовательности их переправы в Азию¹¹⁹; 4) упоминание собак в связи с Никомедом I; 5) намек на утрату вифинским царем реальной власти в стране; 6) эпизод с пребыванием галатов Лутария в районе Илиона; 7) приблизительное время складывания кельтского царства во Фракии. Мы вполне допускаем, что дать строкам оракула однозначную интерпретацию чрезвычайно трудно, если вообще возможно. Своеобразное обаяние этого пророчества таково, что оно волей-неволей побуждает исследователя вновь и вновь толковать его строки в поисках скрытого смысла, и здесь вполне возможны (если не неизбежны) ошибки и неточности. Однако трудно представить, что все предложенные здесь реконструкции являются только лишь следствием произвольной и предвзятой трактовки сведений источника.

Действительно, у оракула калхедонского святилища была возможность говорить о вторжении кельтов с позиции современника и даже его непосредственного очевидца. Участие Калхедона в Северной лиге и соответственно в организации перехода галатов в Азию было далеко не самым активным — пальму первенства здесь надлежит отдать гораздо более сильным Вифинии, Византию и Гераклею. Вместе с тем отнюдь не стоит исключать вероятности того, что, к примеру, калхедонские корабли тоже были задействованы в перевозке галлов через Боспор Фракийский. Граждане этого полиса, как, очевидно, практически все балканские и малоазийские греки того времени, в полной мере осознавали огромную историческую важность происходящих на их глазах деяний. По той же причине в Гераклею Понтийской галатской теме¹²⁰ уделит значительное внимание в своих работах Нимфид¹²⁰, чьи сочинения

¹¹⁹ Как отмечалось выше, первыми через Геллеспонт перешли трокмы(?) Лутария, но в Вифинии раньше оказались толистобогии(?) Леоннория, что и отражено в тексте пророчества.

¹²⁰ О Нимфиде и галатской тематике в его трудах см.: *Desideri P. Studi di storiografia eracleota. I: Promathidas e Nymphis // SCO. 1967. Vol. XVI. P. 366-416; Габелко ОА. Мемнон... С. 109-110.*

впоследствии были активно использованы Мемноном. Поэтому же в тесно связанном с Калхедоном Византии историк Деметрий¹²¹ создал труд "Γαλατῶν διάβασις ἐξ Εὐρώπης εἰς Ασίαν" в 13-ти книгах (*Diog. Laert.*¹²² V. 83), послуживший, возможно, источником для Полибия¹²³ и через посредство последнего — для Тита Ливия. А калхедонский оракул Аполлона Хрестерия запечатлел происходящее в своеобразном виде — в форме двух пророчеств, данных союзникам Калхедона, Вифинии и Византию.

Первое из них несомненно было дано уже *post factum*, но оказалось вполне востребованным современниками и последующими поколениями ввиду своей "точности", дополненной к тому же несомненными художественными достоинствами, высоким эмоциональным накалом и драматичностью. Второе прорицание носит иной характер: в нем без излишней детализации переданы главные черты нового *status quo*, сложившегося в начале 270-х годов до н.э. в Юго-Восточной Фракии, и воссоздана ничуть не менее мрачная обстановка, несущая грекам и фракийцам недвусмысленную угрозу. Возьмем на себя смелость утверждать, что, как показывает проведенный анализ, оба эти пророчества, несмотря на небольшой объем и органически присущую им двусмысленность и недосказанность, практически не уступают в ценности тем фрагментам трудов Полибия, Ливия, Мемнона, Павсания и других источников, где речь ведется о галльском вторжении, а кое в чем даже и превосходят их.

Другая интересная особенность оракула — то, как в нем переданы отношения эллинов с варварами и восприятие первыми последних. Аполлоновские святилища, как известно, отнюдь не страдали пренебрежением к негрекам, которые могли получать прорицания в них на тех же условиях, что и сами эллины. Однако рассматриваемое пророчество и в данном смысле представляет особый интерес. В нем говорится о совершенно "разных" варварах — вифинцах и галатах. Едва ли можно согласиться с Х.В. Парком в том, что ответ оракула свидетельствует о некотором недостатке уважения к царскому достоинству вифинского монарха Никомеда¹²³. Этот царь с самого начала и до конца своего долгого правления придерживался четко выраженной филэллинской ориентации, оказывал грекам (и калхедонянам в том

¹²¹ О Деметрии и его сочинении как отражении роли Византия в связанных с переправой галатов в Азию событиях см.: *Schwartz E. Demetrius* (76) // *RE*. 1901. Bd. IV. Sp. 2806.

¹²² *Stahelin F.* Op. cit. S. 7. Anm. 1.

¹²³ *Parke H.W.* The Attribution... P. 444.

числе) многочисленные услуги¹²⁴, и потому, вероятно, в прорицании отчетливо слышно искреннее небезразличие к состоянию дел в Вифинии. В первую очередь его можно объяснить исторической и географической близостью Калхедона и Вифинии и даже определенной зависимостью полиса от соседнего царства. Вполне естественно, что калхедонское святилище стремилось предостеречь Никомеда от столь рискованного шага, как привлечение кельтов в Азию. Однако в данном случае тонкий политический расчет опытного государственного деятеля перевесил "волю божества": именно галаты помогли Никомеду и его греческим союзникам решить самые острые внутри- и внешнеполитические проблемы. Так или иначе, самими эллинами в лице гераклейских историков Нимфида и Мемнона было признано, что Никомед "укрепил царство вифинцев (ἐκράτυνε... τὴν Βιθυνῶν ἀρχήν) больше всего тем, что помог галатам переселиться в Азию" (*Memn.* Fr. 12. 6). В отношении же малоазийских греков приводится такой парадоксальный аргумент: "Сначала считали, что этот переход галатов в Азию приведет ко злу для ее жителей (ἐπὶ κακῶι τῶν οἰκητόρων προελθεῖν). Исход дела показал, что этому предприятию суждено было принести им пользу (το συμφέρον). Ибо в то время, как цари старались уничтожить демократию в городах, варвары еще более усиливали ее, противостоя нападающим"¹²⁵ (*Memn.* Fr. 11. 4. *Пер. В.П. Дзагуровой с уточнениями*). Как это ни парадоксально, до нас не дошло никаких содержащихся в традиции упреков вифинскому царю за перевод галатов в Азию — если, разумеется, не считать "оракула Фаэннис".

Прямо противостоят созданным в прорицании образам Никомеда и вифинцев (а также в определенной мере и фракийцев во втором оракуле), которым, безусловно, выражено сочувствие из-за грядущих бедствий, фигуры кельтских вождей Леоннория и Лутария и галатов в целом. Они отождествляются с наиболее опасными и агрессивными животными — львом,

¹²⁴ См., например: *Paus.* V. 12. 7; *Plin.* HN. VIII. 12; XXXVI. 21. Доказательства тому, что именно Никомед I упоминается Плинием в связи с его желанием выкупить у кнудян статую Афродиты в обмен на оплату их долгов, приведены в работе: *Corso A. Nicomede I, Dedalsa e le Afroditi nude al bagno* // *Numismatica e Antichita classiche. Quaderni ticinesi*. 1990. T. XIX. P. 135-160. Правда, эти события наверняка относятся к более позднему времени.

¹²⁵ Конечно, так могли считать только граждане полисов — участников Северной лиги. Остальным малоазийским грекам переселение галатов принесло неисчислимые бедствия и страдания. Подробнее об этом фрагменте Мемнона см.: *Orth W. Königlicher Machtanspruch und städtische Freiheit. München*, 1977. S. 43. Явно упрощенную трактовку этого сообщения см.: *Мусеева Т.А.* Галатия... С. 178.

волком, змеей. Такие представления о галатах несколько не противоречат сложившемуся среди греков в III в. до н.э. отношению к ним как к самым грубым, бесчеловечно жестоким, коварным и воинственным варварам¹²⁶. Эти клише вполне подтверждались самой жизнью: противостояние кельтов с греками малоазийского и фракийского побережий и молодыми эллинистическими монархиями надолго осталось одним из ведущих факторов международной обстановки в регионе. И оракул калхедонского святилища сумел в полной мере отразить это обстоятельство.

В.П. Яйленко

ОЧЕРКИ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СКИФИИ В IV в. до н.э.*

1. МИГРАЦИЯ АГАФИРСОВ И БУДИНОВ НА РУБЕЖЕ V-IV вв. до н.э.¹

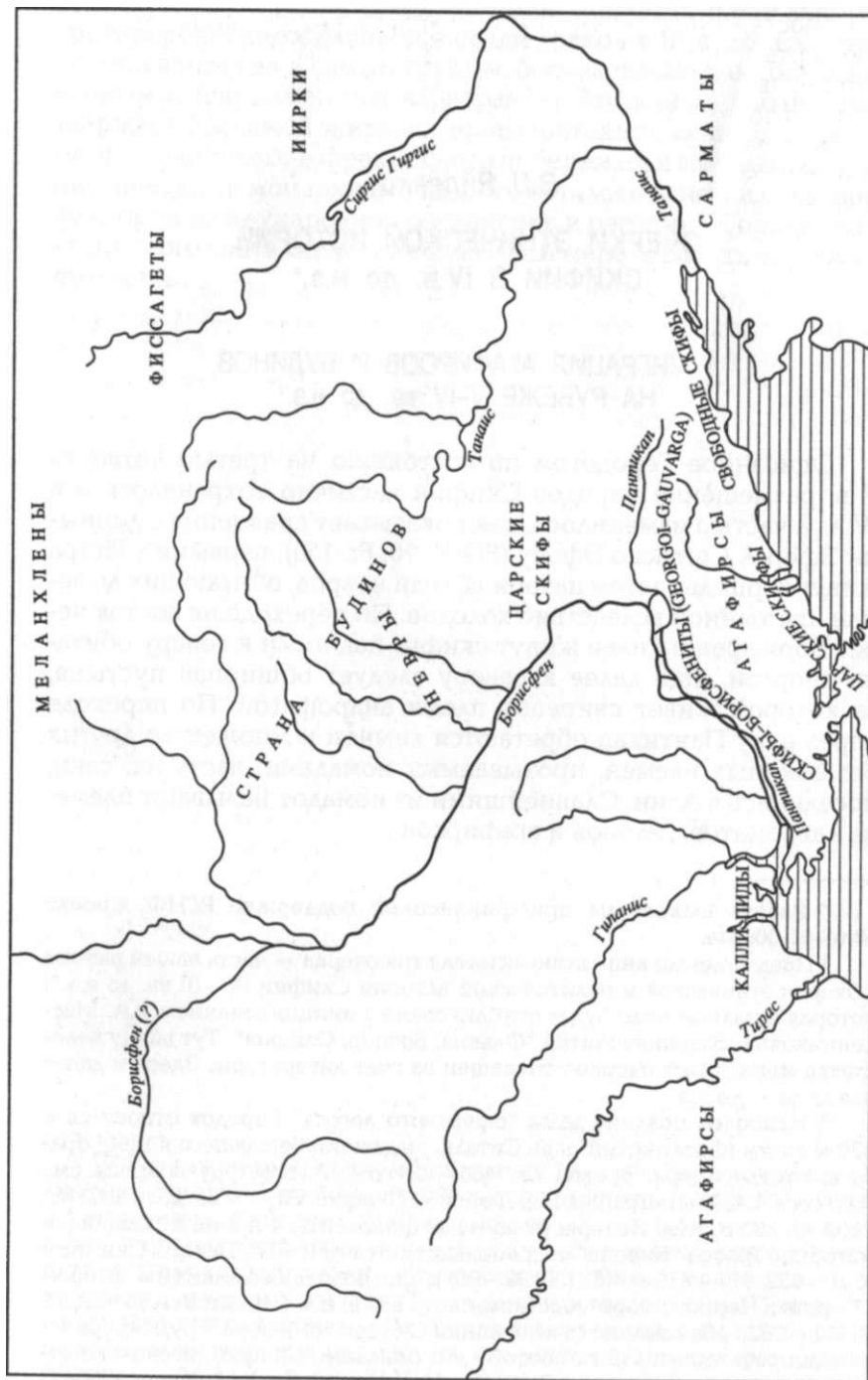
Описанное Геродотом по состоянию на третью четверть V в. размещение народов Скифии частично сохранялось и в IV в., а частью изменилось, как показывает сравнение с данными Эфора². Согласно Эфору (FGrH. 70. Fr. 158), первыми у Истра живут карпиды, затем пахари вблизи невров, обитающих до земли, пустынной вследствие холодов. По переходе на восток через Борисфен в Гилее живут скифы, над ними к северу обитают георгои, еще далее к северу следует обширная пустыня, за которой живет свирепое племя андрофагов. По переходе через реку Пантикап обретаются лимнеи и множество других безымянных племен, прозываемых номадами; часть их, саки, поселились в Азии. Славнейшими из номадов называют племена савроматов, гелонов и агафирсов.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №03-01-00684а.

¹ Предлагаемые вниманию читателя три очерка — часть нашей работы "Очерки этнической и политической истории Скифии IV—III вв. до н.э.", которая в полном виде будет опубликована в инициированном А.А. Масленниковым сборнике статей "Ольвия, Боспор, Скифия". Тут ввиду недостатка места текст очерков сокращен за счет литературы. Здесь и далее все даты — до н.э.

² Наиболее поздние даты "скифского логоса" Геродот относится к 430-м годам (фракийский царь Ситалк, выдавший бежавшего к нему брата скифского царя, правил ок. 440-424 гг.). Литературу вопроса см.: Алексеев А.А. Хронография Европейской Скифии VII - IV вв. до н. э. СПб., 2003. С. 222 и след. Интересующие нас фрагменты 4-й книги "Всеобщей истории" Эфора "Европа" сохранены писателем II—I в. Псевдо-Скимном (841-852, 874-885 = SC. I. P. 89-90) и еще полнее безымянным автором "Перипла Черного моря", составленного в V в. н.э. (Ps.-Arr. Per. 75 = SC. I. P. 281-282): оба ссылаются в описании Скифии на Эфора. Труд Эфора завершён событиями 340 г., поэтому его описание Скифии, несколько отличное от геродотовского, даёт её этнический состав для середины IV в.

¹²⁶ Вот как, например, характеризует их Диодор: «Издrevле галлы отличались страстью к разбою, вторгаясь в чужие страны и относясь ко всем с презрением... Из-за присущей им дикости галлы крайне нечестивы и в своих жертвоприношениях: продержав злодеев в заключении в течение пяти лет, галлы подвергают их мучениям в честь богов и приносят в жертву наряду с другими "начатками", соорудив огромные костры. Приносят в жертву богам и пленников... убивают не только людей, но и захваченных на войне животных или сжигают их, или уничтожают, подвергая другим мучениям» (V. 32. 4 - 6. Пер. О.П. Цыбенко).

Сопоставление информации Эфора и Геродота дает следующую картину (рис. 1). На левобережье Нижнего Дуная фигурируют неизвестные Геродоту карпиды, в системе Эфора занявшие место алазонов (их Геродот помещал перед пахарями); им принадлежат западно- и восточноподольская группы скифских археологических памятников⁴. Последние отличаются временной дифференциацией: курганы и поселения Западного Подолья относятся к VI—V вв., а в Восточном Подолье одни курганы и городища относятся к VII—V, другие к IV—III вв.⁵ Отсюда следует вывод о некоторой смене населения местных ранних центров другим населением того же скифского круга на рубеже V—IV вв.

Описание народов левобережного Поднепровья у Эфора в основном повторяет данные Геродота, но с примечательными отличиями. Живущие на левобережье Нижнего Днепра к северу от Гилеи георгои Эфора — те же георгои Геродота, которых он называет также скифами-борисфенитами, обитающими над Гилеей. Ввиду того что Эфор в описании населения днепровского левобережья опирается на данные Геродота, его безымянные "скифы", населяющие к востоку по переходу через Борисфен так называемую Гилею" равнозначны скифам-борисфенитам Геродота. Последний отмечает, что георгои живут к северу от Гилеи, из чего можно сделать вывод, что они не жили в Гилее (в другом месте он же указывает, что георгои обитают между Борисфеном и Пантикапом, который течет через Гилею, — IV. 18, 54). Во времена Геродота Гилея входила в состав территории Ольвийского полиса, однако, по Эфору, в Гилее обитают скифы; следовательно, в промежутке между геродотовской и эфоровой традициями, т.е. между 430 — 340-ми годами, Гилея была отнята у ольвиополитов скифами-борисфенитами. Опустевшая с начала V в., хора Ольвии возрождается с начала IV в., и там появляются скифские памятники.

Дальнейшие сведения Эфора лишь частично могут быть согласованы с данными Геродота. Его номады, обитающие к востоку от Пантикапа, соотносятся с номадами Геродота (IV. 19), кочевавшими к северу от "свободных скифов" между Пантика-

³ Методику интерпретации данных Геродота по этногеографии Скифии выработал Б.А. Рыбаков (Геродотова Скифия. М. 1979), системно сопоставивший археологические культуры скифского времени с известиями Геродота о размещении скифских народов. На основе его методики и при учете полученных им твердых результатов нами была предложена скорректированная идентификация археологических культур и народов геродотовой Скифии (Яйленко В.П. К вопросу об идентификации рек и народов геродотовой Скифии // Советская этнография. 1983. № 1. С. 54 и след., С. 57 (карта, с которой и сопоставляются здесь известия Эфора).

⁴ Яйленко В.П. К вопросу об идентификации... С. 60 — 61.

⁵ Иллінська В.А., Тереножкін О.І. Скіфський період // Археологія Української РСР. Київ. 1971. Т. 2. С. 94 — 100.

пом и Танаисом, т.е. между верхним течением Конки и низовьями Северского Донца⁶. Однако Эфор дает более полные сведения о номадах — в его представлении к их числу принадлежат саки, поселившиеся в Азии, а "славнейшими из номадов" были савроматы, гелоны и агафирсы. Савроматов он размещает там же, где и Геродот — в Азии, за Танаисом; видимо, и гелоны, которые, согласно Геродоту, жили в земле будинов, у Эфора не изменили своего места обитания (гелонам и будинам принадлежат посольская и северскодонецкая группы скифских памятников). Что до агафирсов, то, если буквально придерживаться текста, они как составная часть номадов располагаются к востоку от Пантикапа. Это противоречит указаниям Геродота на трансильванско-южнокарпатскую локализацию агафирсов — в их стране течет река Мареш (IV. 48), они соседи невров, т.е. волынцев (IV. 100, 125). Однако мы располагаем еще одной основательной традицией, которая размещает агафирсов к востоку от Борисфена и к северу от Меотиды. Развивающая героотовские и эфоровские представления об этногеографии Скифии, эта традиция представлена несколькими фрагментами какого-то сочинения о Скифии, сохраненными Плинием Старшим и Мелой. Рассмотрим эти фрагменты.

Плиний пишет (HN. IV. 88): "От Тафр вглубь материка обитают авхеты, у которых начинается Гипанис, невры, у которых (начинается) Борисфен, гелоны, фиссагеты, будины, базилиды и темноволосые агафирсы. Над этими — номады, затем антропофаги, от Бука же над Меотидой (живут) савроматы и исседоны". Здесь в героотовско-эфоровскую в целом картину размещения народов для их локализации впервые вводятся в качестве географического репера Тафра (Перекоп) и Бук (Сиваш)⁷. Бук служит географическим репером и в другом фрагменте, уточняющем локализацию агафирсов (*Mela*. II. 2): "Её (Меотиды) изгиб пересекает река Бук, обходят агафирсы и савроматы, называемые гамаксобиями, ибо вместо домов (они) пользуются телегами"⁸. Сюда же примыкают пассажи Плиния (HN. IV. 84)

⁶ Яйленко В.П. К вопросу об идентификации... С. 59.

⁷ Детализованность географического описания Скифии не позволяет согласиться с М.В. Скржинской (Северное Причерноморье в описании Плиния Старшего. Киев, 1977. С. 49 и след.) в том, что данный отрывок восходит к догероотовской традиции. Его датировка определяется послегероотовской и близкой Эфору последовательностью расселения племен, которые, как и реки (Гипанис, Борисфен), перечисляются с запада на восток.

⁸ Здесь изгиб Меотиды, пересекаемый рекой Бук, — это Сиваш с впадающей в него в древности рекой Молочной-Буком (*Plin.* HN. IV. 84; *Ptol.* Geogr. III. 5. 3 — 4). Во фрагменте Плиния Бук и Меотида служат реперами для локализации савроматов и исседонов, во фрагменте Мелы вместо последних фигурируют агафирсы. Тут нет противоречия: исседоны — обитатели Задонья, а агафирсы и сарматы живут у северного побережья Меотиды.

и Мелы (II. 4), аналогичные по содержанию и, следовательно, выписанные из одного и того же источника. Судя по содержанию приведенных фрагментов, наш анонимный источник выбрал в себя героотовскую традицию о составе народов Скифии и новые представления об их локализации, впервые представленные у Гиппократов и Эфора, а также неизвестные этим предшественникам детали этногеографии Скифии. В приведенных фрагментах к эфоровской традиции относятся общая схема локализации скифских народов, размещение агафирсов и савроматов к востоку от Пантикапа, а также описание нравов упоминаемых народов¹⁰. Однако данные фрагмен-

⁹ *Mela*. II. 4: "Затем море подходит к берегу и до расстояния 5000 шагов от Меотиды, постоянно следуя за удаляющимися берегами, придает вид почти острова местности, занятой сатархами и тавриками. Местность между Болотом и заливом называется Тафра, а залив Каркинитским. При нем лежит город Каркина, омываемый двумя реками Герром и Гипакар, которые вливаются одним устьем, но вытекают из разных источников и в разных местах — Герр течет между базилидами и номадами, а Гипакар по земле номадов"; *Plin.* HN. IV. 84: "Море выдвигается большим заливом так, что от Меотиды отстоит всего на 5000 шагов, и омывает обширные пространства и земли многих народов. Этот залив называется Каркинитским. Здесь же река Пакирис, города Навар и Каркина. Само озеро Бук скалистым хребтом отделяется от Корета, залива Меотийского озера. Оно принимает реки Бук, Герр и Гипанис, текущие с разных сторон; именно Герр отделяет базилидов от номадов, а Гипанис течет через земли номадов..." (SC. II. P. 120, 173). Базилиды упоминаются также у Мелы (II. 11) в рассказе о нравах народов Скифии. На общность всех упомянутых фрагментов Мелы (II. 2, 4, 11) и Плиния (HN. IV. 84, 88) указывает то, что только здесь царские скифы называются базилидами, именно здесь впервые введены в качестве географических реперов Скифии Бук и Тафра (реку и озеро Бук упоминают помимо Мелы и Плиния лишь поздние авторы — Птолемей, Маркиан, Валерий Флакк, Тафра - Стефан Византийский, племя тафриев — историк времени Митридатовых войн Каллистрат и Страбон). Укажем основные общие моменты названных фрагментов Плиния и Мелы: IV. 88 и II. 2, также IV. 84 и II. 4 - обе группы связаны между собой упоминанием базилидов, Бука и Тафра; фрагмент II. 11, как сказано, примыкает к обеим группам, так как в нем названы базилиды.

¹⁰ Обрисовав этногеографию Скифии, Мела дает характеристику нравов ее народностей (II. 9 — 15), в чем безусловно следует Эфору, у которого книга "Европа" завершалась именно таким образом (FGH. 70. Fr. 158 = *Ps.-Arr.* Per. Ponti Eux. 49; *Ps.-Scimn.* w. 835-836). Перечислив народы Скифии от карпиан до андрофагов (что мы изложили в начале статьи), Эфор продолжает (SC. I. P. 89): "По ту сторону Пантикапа живет племя лимнеев и многие другие безымянные, прозываемые номадами; они весьма благочестивы, ни один из них никогда не нанесет обиды живому существу" и т.д. Это пересказывает и Страбон (VII. 3. 9). Свидетельства об описании Эфором нравов скифских народов позволяют думать, что соответствующий раздел сочинения Анонима, приведенный у Мелы (II. 9—15), в определенной мере заимствован у Эфора, за исключением неизвестных Эфору сатархов, асиаков и базилидов.

ты не принадлежат Эфору, поскольку упоминают неизвестных ему базилидов и вводят отсутствующие у него географические реперы; вместо расплывчатой эфоровской локализации агафирсов Аноним точно размещает их у северного побережья Меотиды. На наш взгляд, базилиды появились на левобережье Нижнего Поднепровья сразу после 339 г. (см. § 3), что, наряду с зависимостью от Эфора, дает основание видеть в авторе данного сочинения его младшего современника (в дальнейшем будем именовать его Анонимом эфоровского круга)¹¹.

Выселение агафирсов, точнее их части, из очерченного Геродотом ареала увязывается с археологическими данными. Им принадлежит группа позднегальштатских памятников VI — VBB.: Бырешты-Фериджиле в Трансильвании, Молдавии, южном и восточном Прикарпатье, также на Подолии; в основном они существовали с 550 по 450 г. По хронологии А. Вульпе, к завершающему этапу относятся три субфазы¹² — вторая половина V в., конец столетия и время около 400 г. Конец культу-

¹¹ На наш взгляд, этот Аноним — Тимонакт, о котором схолиаст к "Аргонавтике" Аполлония Родосского (ad IV. 321-322) сообщает: «55 народов Скифии описал Тимонакт в первой книге (сочинения) "О скифах"». Далее схолиаст приводит выписку из этого сочинения: "У Синдской равнины Истр разделяется на рукава и одним впадает в Адриатику, а другим в Черное море". Эта схолия сделана к упомянутому Аполлоном синдам в перечне прочих народов Нижнего Подунавья — сигиннов, гравкенов, смешанных фракийцев и скифов. Полукровки от смешения фракийцев и скифов могли появиться после прихода скифов Атея в Добруджу в первой половине IV в. (см. § 2), что и объясняет появление тут синдов и перенесенного из Синдики названия "Лаврийская равнина", также упоминаемого в "Аргонавтике". Подробнее см.: Яйленко В.П. Вотив Левкона I из Лабриса // Древности Боспора. М., 2004. Т. 7. С. 440 и след. Тимонакт — писатель IV — III вв., ему принадлежат также сочинения "Скифика" и "Сикелика", от которых сохранились фрагменты (FGrH. 842 (Т. III С. Bd. 2. Leiden, 1958. S. 928 - 929) = SC. I. P. 888). Фрагмент о Лаврийской равнине в Синдике (= Schol. ad IV. 321) Ф. Якоби ошибочно отнес к Гелланику (FGrH. 4. Fg. 69), в действительности он принадлежит Тимонакту. См.: Яйленко В.П. Вотив Левкона I... С. 440. Примеч. 4. С. 441. Примеч. 4. Знание Тимонактом подробностей географической номенклатуры Скифии (Лаврийская равнина в Синдике) соответствует введению новых названий в Скифии нашим Анонимом. Менее вероятно отождествление Анонима с Теопомпом (377 — 320 гг.), интересовавшегося варварскими народами. Однако сведения о Скифии в его "Истории Филиппа" скудны — упоминаются только Гермонасса, народ аханы близ Скифии и напиток скифов гиппака (SC. I. P. 371). Это выдает в Теопомпе знатока скифских реалий, но их немного.

¹² Vulpe A. Necropola Halstattiana de la Ferigile. Bucuresti 1967. P. 205; Idem. Archaeologischen Forschungen und historische Betrachtungen über das 7 bis 5 Jh. im Donau-Karpatenraum // Memoria antiquitatis. Acta Musei Petrodavensis. 1970. Т. 2. P. 169; Mihailescu-Bîrliba V. The Akinakai of Moldavia. A New Discovery // Thraco-Dacica. Bucuresti, 1976. P. 116. Согласно А. Вульпе, агафирсы по происхождению иранцы, поначалу обитавшие

ры агафирсов на рубеже V — IV вв. датирует уход части их из региона. Новое место их обитания указывают Эфор и наш Аноним — у Перекопа, рек Молочной, Конки и северного побережья Азовского моря.

Еще два отличия описания Скифии у Эфора от Геродота — отсутствие будинов и царских скифов. Это обстоятельство могло быть обусловлено как действительным их отсутствием в труде Эфора, так и тем, что Псевдо-Скимн опустил их по каким-то соображениям в своей парафразе его труда. Однако в таком случае придется признать, что Псевдо-Скимн и безымянный автор "Перипла Евксинского Понта" в согласии друг с другом почему-то игнорировали их, а это делает подобное предположение неприемлемым. Решение вопроса дают иные источники, которые показывают, что будины и царские скифы действительно выселились из Скифии и их уход был важным обстоятельством для исторических судеб региона. Этот вопрос мы исследуем далее (см. § 3), здесь же рассмотрим свидетельства источников, подтверждающие выселение будинов из Посулья и верховьев Северского Донца в Нижнее Подунавье. Миграция будинов, вероятно, была следствием натиска сармат, начавших переселение на правый берег Танаиса не позднее первой трети IV в.¹³

Меотида как граница скифов и сармат, Европы и Азии, известна Геродоту и Гиппократу, однако савроматы, по словам

в Северном Причерноморье, но вытесненные скифами на запад: в культуру Бырешты-Фериджиле основные элементы культуры скифские, как и на Подолии, в Молдавии, в бассейне Мареша; культуре Бырешты-Фериджиле очень близки памятники Подолии и куштановицкой культуры Закарпатья. В румынской литературе исчезновение археологических памятников агафирсов объясняется ассимиляцией их гетами ко времени Геродота и окончательно — к рубежу V—IV вв. (Vulpe A. Necropola... P. 208), а в трансильванском Семиградье на Мареше, согласно В. Васильеву, около 450 г. (Vasiliev V. Scitii agatirsi pe teritoriul Romaniei. Cluj. 1980. P. 174). Свидетельства Эфора и Анонима его круга указывают, что историческая судьба агафирсов Трансильвании, Южных Карпат и Молдавии была сложнее — часть их инкорпорировалась в местное гетское население, другая часть ушла в Северное Причерноморье на рубеже V — IV вв. Что не все агафирсы ушли, свидетельствует, к примеру, прозвище "Агафирс" у рабов и вольноотпущенников трансильванского происхождения, начиная со времени Августа. См.: Колосовская Ю.К. Агафирсы и их место в истории племен Юго-Восточной Европы // ВДИ. 1982. № 4. С. 48 - 49. Вероятно, часть их некогда перешла во Фракию: согласно Стефану Византийскому (s.v. Ἀγαθίρσοι), "агафирсы - народ (обитающий) ближе к Гему" (совр. Стара Планина в Болгарии). О перекочевках гелонов см. далее.

¹³ Обзор литературы и источников см.: Мошкова М.Г. Краткий очерк истории савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 154 и след., 162 и след.; Максименко В.Е. Сарматы на Дону. Азов, 1998. С. 74 и след.

Гиппократ, "обитают около озера Меотиды... в Европе" (De flatibus. 20, 24 = SC. I. P. 57, 59). В согласии с Гиппократом часть сармат размещает в Европе и Псевдо-Скилак, также отмечающий, что "народ сирматы и река Танаис разделяют Азию и Европу" (Per. 68 = SC. I. P. 85. Мы даем перевод без учета излишней конъектуры Г. Нибура). Эти известия означают, что между 410 — 370 гг. часть сармат, называемая сирматами, перешла Танаис и обосновалась на правом берегу Нижнего Дона. Дальнейшему их продвижению в глубь Скифии, видимо, воспрепятствовали агафирсы, что можно понять из сообщения Анонима эфоровского круга об обитании у Меотиды агафирсов и савроматов. К северу от сирматов, по Северскому Донцу, жили будины, сюда же доходили владения царских скифов (*Herod.* IV. 20), так что выселение будинов и царских скифов может быть связано с начальным передвижением сирмат.

Рассмотрим данные о миграции будинов. Согласно Геродоту (IV. 21, 108, 109), кочевые будины и проживавшие в их стране оседлые эллино-скифы гелоны занимали лесистые земли к северу от савроматов; как уже было сказано, археологически стране будинов соответствует территория распространения посульской и северскодонской групп памятников. В эфоровском описании Скифии будины отсутствуют, но зато есть гелоны. Памятью указание Геродота (IV. 109) о том, что греки называют будинов гелонами (хотя, по его мнению, это неправильно), отсутствие у Эфора будинов при наличии гелонов можно объяснить взаимозаменяемостью имен этих народов, тем более что Аноним его круга упоминает и будинов, и гелонов. Однако умолчание Эфора о будинах находит объяснение в сообщении Аристотеля (Fr. 321/3 = *Ael.* De nat. anim. XVI. 33 = SC. I. P. 605) о том, что будины обитают в местности около Куриска — это кастель Куриска (или Секуриска) в Нижней Мезии. Позднейшие авторы также локализуют здесь будинов и гелонов: по Вергилию, гелоны перекочевывают на Родопы и в гетские пустыни (*Georg.* III. 461-463), по Евстафию (comm. ad Dion. Per. 310 = SC. I. P. 196), гелоны и агафирсы живут к северу от Истра. Также у Птолемея будины и гелоны локализованы рядом с карпианами, обитавшими в низовьях Днестра¹⁴. Автор IV в. н.э. Вибий Секвестр упоминает "гелонов во Фракии, татуирующих часть тела" (SC. II. P. 390). Таким образом, данные источников I в. до н.э. и последующего времени поддерживают засвидетельствованную аристотелевским фрагментом локализацию будинов и

гелонов в Нижнем Подунавье. Поскольку нет определенной датировки данного фрагмента Аристотеля, следует заключить, что миграция будинов и гелонов в Подунавье имела место до 322 г. (дата его смерти). Датировка может быть удревнена до 340 г. при отсутствии будинов в сочинении Эфора, упоминающего только гелонов в Скифии.

Упоминание Эфором гелонов в Скифии, а Анонимом — будинов и гелонов, предполагает, что переселение затронуло лишь часть населения, и это соответствует данным материальной культуры. Археологически депопуляция страны будинов не прослеживается — скифские городища и селища Северского Донца существуют с VI по III в. Но в посульской группе скифских памятников отмечено существенное снижение числа погребений IV — III вв.¹⁵ Это означает, что из страны будинов эмигрировала только часть населения, другая часть осталась на прежнем месте. Посульский некрополь имеет ярко выраженный дружинный характер — это захоронения воинов с оружием¹⁶. Следовательно, на Дунай переселилась дружина, вышедший слой гелано-будинов, что подтверждается сообщением Вергилия (*Georg.* II. 115) о "татуированных гелонах": во Фракии татуировка была признаком знатности (*Herod.* V. 6), и гелано-будины, таким образом, переняли местный обычай.

Итак, до середины IV в. часть будинов и гелонов откочевала из посульского ареала в Нижнее Подунавье. Имея в виду их союзные отношения с царскими скифами (лишь они и савроматы поддерживали их в войне с Дарием — *Herod.* IV. 119), можно предполагать, что их передвижение шло одновременно с миграцией в Нижнее Подунавье царских скифов.

2. ЦАРСКИЕ СКИФЫ АТЕЯ И ИХ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ В ДОБРУДЖУ

Отсутствие царских скифов в описании Скифии у Эфора находит разъяснение в сведениях Страбона о царе Атее и северочерноморских скифах, где говорится об их передвижении в Нижнее Подунавье. Все, что известно о царстве Атея, связано с нижнедунайской Малой Скифией — свидетельства античных авторов и монеты, за исключением ценного известия Страбона: "Атей, кажется, властвовал над большинством здешних вар-

¹⁴ *Georg.* II. 5, 10 (здесь имя гелонов дано в испорченной форме "гевиноны", точнее, контаминировано с известным германским этнонимом). Обитание карпиан (карпидов) у Нижнего Дуная засвидетельствовал уже Эфор (см. выше).

¹⁵ Из 120 курганов Посулья с раскопчной документацией 80 относятся к VI в., 31 к V в. и лишь 9 к IV—III вв. См.: *Ильинская В.А.* Скифы Днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968. С. 181.

¹⁶ *Ильинская В.А.* Указ. соч. С. 187; *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия VII—III вв. до н.э. Киев, 1983. С. 316.

варов" (*Ἀτεας δὲ δοχεῖ τῶν πλείστων ἀρξαι τῶν ταύτη βαρβάρων* — VII. 3. 18). Из этого свидетельства Э.И. Соломоник, Б.Н. Граков и другие исследователи делали вывод о некоем могущественном, рабовладельческом по характеру скифском государстве Атея, границы которого простирались от Танаиса до Добруджи. Это вызвало возражения других специалистов, прежде всего Д.П. Каллистова, который вслед за зарубежными историками (Г. Глотцем, А. Момильяно и румынскими учеными) считал Атея всего лишь вождем отдельного скифского племени, перешедшего из Северного Причерноморья в Добруджу. Критика Д.П. Каллистова зиждется на двух основных аргументах: во-первых, в сообщении об Атее Страбон употребил оговорку *δοχεῖ*, которая присутствует у него в основном при рассказах о мифологических либо сомнительных событиях, но никогда при изложении исторических сведений; во-вторых, посчитав "царя истриан", с которым Атей вел малоудачную войну, тираном города Истрии, Д.П. Каллистов заключил, что силы Атея были незначительны. Д.Б. Шелов не согласился с этими доводами, но противопоставил им лишь известие Страбона. П. Александреску отметил, что свидетельство Страбона о масштабах власти Атея нельзя игнорировать, однако тоже склонился к мнению об Атее как о племенном вожде: его потеснил царь истриан, а Филипп разбил в одном лишь сражении¹⁷. Суть проблемы состоит в определении границ власти Атея и, на наш взгляд, содержание упомянутого параграфа "Географии" Страбона позволяет это осуществить.

Д.П. Каллистов дал подробный анализ контекста 3-й главы VII книги "Географии", содержащей в § 18 известие об Атее, и установил характер источников Страбона — он использовал труд какого-то автора, органически связанного с традицией о Филиппе и Александре Македонском¹⁸. Отдавая должное анализу Д.П. Каллистова, мы видим иное решение вопроса об источниках для § 18. Тематически он продолжает предыдущий § 17, где говорится о варварском населении на территории между Истром и Танаисом; рассказав об образе жизни кочевников, в § 18 Страбон повел речь о суровом климате страны, в особенности самых северных областей — междуречья Борисфена и Танаиса. Географ отмечает, что самым холодным климатом отличается приморская территория между Нижним Днепром и устьем

¹⁷ Каллистов Д.П. Свидетельство Страбона о скифском царе Атее // ВДИ. 1969. № 1. С. 125-126; Шелов Д.Б. Царь Атей // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. Вып. 2. С. 19 и след.; Alexandrescu P. Ataias // Studii clasice. 1967. Т. 9. Р. 90 f.

¹⁸ Каллистов Д.П. Рабство в Северном Причерноморье в V—III вв. до н.э. // Рабство на периферии античного мира. Л., 1968. С. 205 — 211.

Меотиды, т.е. Керченским проливом. В подтверждение этого он приводит ряд фактов, в том числе случай с лопнувшей от замерзшей воды гидрией в Пантикапее. Рассуждениям о климате очерченной территории посвящены три четверти параграфа, далее следуют четыре короткие фразы — первые три с вводными словами "говорят", "сообщается", а последняя — об Атее — "кажется". Основной текст параграфа — о климате — не имеет подобных оговорок и представляет собой выписку из "Географии" Эратосфена. Д.П. Каллистов напрасно отрицал это, поскольку Страбон указал (II. 1. 16), что случай с пантикапейской гидрией он заимствовал из труда Эратосфена (климатическим поясам посвящена вторая книга этого труда). Но последние четыре фразы параграфа, сопровождаемые безличными отсылками "говорят" и т.п., заимствованы из иных источников. Две фразы содержат естественнонаучную информацию — о закапывании лозы зимой на Боспоре и о так называемых ложных солнцах, другие две историческую — о победе полководца Митридата Евпатора Неоптолема над скифами и об Атее. Сообщения о закапывании лозы и победе Неоптолема Страбон уже приводил ранее (II. 1. 16), и там они тоже стоят рядом, откуда следует, что это блок фактов почерпнут из сочинения какого-то историка Митридатых войн. Это сочинение Страбон использовал и в § 17, передавая известие о победе другого митридатова полководца Диофанта над таврическими скифами и их союзниками роксоланами, обитавшими между Танаисом и Борисфеном. Следовательно, в искомом труде о Митридатых войнах содержались сведения о народах Тавриды, Боспора и Днепро-Донского междуречья, их обычаях и природных условиях страны, что играет свою роль в военном деле и потому обычно присутствует в сочинениях о войнах. Поскольку сообщение об Атее следует непосредственно за выпиской из искомого труда, оно происходит из того же источника, и краткость известия о царе обусловлена краткостью предыдущих выписок оттуда. В 4-й главе Страбон вновь упоминает скифских царей Палака и Скилура в связи с их войной против полководцев Митридата и называет свой источник — Посидония (VII. 4. 3). Страбон широко пользовался его трудами, в том числе "Историей", которая служила одним из главных источников также историкам Митридатых войн, в частности Аппиану¹⁹. В этом сочинении Посидония особое внимание уделено ре-

¹⁹ Об использовании Страбоном трудов Посидония см.: Грацианская Л.И. "География" Страбона. Проблемы источниковедения // Древнейшие государства на территории СССР. 1986. М., 1988. С. 81 и след. "Истории" Посидония как источнику по Митридатых войнам посвящено введение О.И. Савостьяновой к переводу сочинений Аппиана. См.: Аллиан. Митридатых войны. Сирийские дела // ВДИ. 1946. № 4. С. 234 и след.

гиональной истории, включая различные этно- и географические экскурсии, в том числе относящиеся к Скифии. В частности, Страбон упоминает данные Посидония о расстоянии от Меотиды до Каспия, приводит и его догадку о походах кимвров вплоть до нее, поскольку-де Боспор Киммерийский назывался Кимврским (VII. 2. 2; XI. 1. 5). В числе известий "Истории" Посидония об интересующем нас регионе упомянем сообщение политического свойства — о подчинении народов Меотиды и Понта Митридату, явно параллельное сообщению о подчинении их же Атею (ар. Athen. V. 50. 213d). Сообщение Посидония об Атее скорее всего восходит к "Истории Филиппа" Теопомпа, которая непременно должна была содержать рассказ о войне Филиппа с Атеем.

Таким образом, в § 17 и 18, посвященных описанию народов и природных условий территории между Борисфеном и Танаисом, в особенности Тавриды и Боспора, Страбон, закончив в начале § 17 изложение перипла, обратился к выпискам из Эфора (см. § 9: Эфор описал Скифию и обычаи тамошних народов), Эратосфена (большая часть § 18: о климате) и Посидония (часть § 17 и конец § 18). Способ краткого изложения тут известий Посидония, предваряя их вводными словами, указывает, что Страбон скорее всего цитировал их по памяти — манера, уже отмеченная в литературе²⁰. Страбон обыкновенно упоминал в рассказах о варварских народах их выдающихся правителей. Так, в этой же 3-й главе, говоря о гетах, он дал справки об их наиболее известных вождях Беребисте и Дромихете (§ 11 и 14). Точно так же, перейдя к скифам, обитавшим между Борисфеном и Танаисом, он не преминул назвать их прославленных царей Палака, Скилура, Тасия в § 17, а в § 18 — Атея: "Атей, кажется, властвовал над большинством здешних варваров" (Ατέας δὲ δοχεῖ τῶν πλείστων ἀρξαι τῶν ταύτης βαρβάρων).

Установив источник и характер контекста сообщения об Атее, можно перейти к основному вопросу — о пределах его царства. Данные § 18 позволяют их очертить — речь идет о территории между Нижним Днепром и Керченским проливом (τῶν ἐπὶ θαλάττῃ τῶν τῶν μεταξὺ Βορυσθένους καὶ τοῦ στόματος τῆς Μαϊώτιδος). Названы следующие географические объекты: устье Борисфена, Каркинитский залив, Тафры (Перекоп), территория Большого Херсонеса, устье Меотиды и проч., которые безусловно показывают, что под ταύτη заключительной фразы этого параграфа подразумевается территория от Нижнего Дне-

пра до Керченского полуострова, т.е. Атей властвовал над большей частью варваров этого ареала. Но ведь именно эта территория, согласно анализу данных Геродота, была исконной землей царских скифов²¹. Согласно другому сообщению Страбона (VII. 4. 5), она называлась Малой Скифией. Таким образом, Атей был владыкой царских скифов, и именно в этом смысле известия Страбона — Посидония о его господстве над большей частью тамошних варваров, т.е. степного населения от левобережья Нижнего Днепра до Приазовья включительно.

Между концом V — серединой IV в. царские скифы во главе с Атеем покинули свой исконный "дом" и перешли в Добруджу, область между нижним течением Дуная и морским побережьем. Об этом переселении сообщает Страбон, видимо, заимствовавший рассказ из того же источника, откуда он взял сообщение об Атее (VII. 4. 5): "И называется вся эта область [т.е. степной Крым], а также почти вся местность за перешейком до Борисфена Малой Скифией. Вследствие того, что множество людей переправлялось за Тирас и Истр и заселяло тамошнюю землю, также и небольшая часть той области прозвалась Малой Скифией. Ее уступили фракийцы, подчиняясь силе и по причине дурных свойств той земли, болотистой по преимуществу". Судя по этому сообщению, переселению скифов Атея в Добруджу предшествовали эпизодические перемещения туда отдельных групп скифского населения, чему соответствуют отдельные находки скифских вещей VI²² V вв. в степном Днестро-Дунайском междуречье и Добрудже²².

На территории Добруджи известны памятники атрибутируемой агафирсам культуры Бырсешты-Фериджиле (см. выше), что ставит вопрос об отношениях между агафирсами и царскими скифами. В эпоху персидского нашествия на Скифию они были недружественными. Агафирсы, как и большинство скифских народов, отказали царским скифам в поддержке и для предупреждения вторжения скифов в свою страну выставили на границе войско (*Herod. IV. 119, 125*). Около середины V в. царь агафирсов Спаргапиф коварно умертвил владыку царских скифов Ариапифа (*Ibid. IV. 78*). Смежность владений агафирсов и царских скифов приводила к пограничным конфлик-

²¹ Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 114—115; Яйленко В.П. К вопросу об идентификации... С. 59—60.

²² Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. М., 1979. С. 111—113, 118—119. Скифские памятники IV в. сосредоточены в междуречье Днестра и Дуная и могут принадлежать скифам Атея. См.: Vasiliev V. Op. cit. P. 174; Андрух С.І. До питання про перебування скифів у Північно-Західном Причорномор'ї // Археологія. 1991. № 1. С. 20 и след.

²⁰ Грацианская Л.И. Место политической истории Боспора в "Географии" Страбона // Древнейшие государства на территории СССР. 1975. М., 1976. С. 15; Она же. "География" Страбона. С. 136.

там²³. Известны периодические вторжения скифов на периферию страны агафирсов (в конце VI в. скифское войско прошло по Добрудже на Фракийский Херсонес, ок. 440 — 430 гг. здесь сошлись одрисское и скифское войска — Ibid. IV. 80, 133—134; VII. 40), которые также не способствовали мирным взаимоотношениям сторон. Именно это наряду с давлением сармат, вероятно, было причиной выселения царских скифов из своего северочерноморского домена и вселения туда агафирсов. Возможно, с этими обстоятельствами связан и уход будинской дружины в Нижнее Подунавье, куда отправились и царские скифы. Имея в виду враждебность агафирсов царским скифам и союзнические отношения с последними будинов (Ibid. IV. 119, 120), не исключено, что уход будинов и царских скифов и поселение агафирсов на земле последних были результатом военного столкновения, закончившегося победой агафирсов. Может быть, это сражение подразумевалось Аррианом в рассказе о настолько чувствительном поражении, нанесенном фракийцами скифам²⁴, что те оставили оседлый образ жизни и стали кочевниками²⁵.

Каковы бы ни были причины миграций трех народов, есть основания полагать, что они происходили одновременно, т.е. этиологически все же были связаны (см. § 3). Мы постараемся тут выяснить продолжительность пребывания царских скифов в Добрудже. Атей погиб в 339 г. в возрасте свыше 90 лет (*Luc. Macrob.* 10). Его правление могло длиться 70 лет, и так как лишь он известен нам в качестве царя Малой Скифии, предшественников там у него могло и не быть. На это и на уход царских скифов из Северного Причерноморья в Добруджу указывает хронологическое распределение царских курганов в Северном Причерноморье — после сооружения в конце V в. кургана Солоха на протяжении некоторого времени монументальные курганы не возводились. Это означает, что после смерти

²³ *Vulpe A. Die Westgrenze Skythiens bei Herodot // Thracia Pontica. Sofia, 1991. Т. 4. С. 183.* Найденные в последнее время два десятка монет с именем Скила, правившего царскими скифами около 430-х годов, очерчивают ареал его области в Северо-Западном Причерноморье — Нижнее Поднестровье. См.: *Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 77.* Это часть так называемой Древней Скифии, простиравшейся от Истра до Керкинитиды (*Herod. IV. 99*), о которой см.: *Марченко К.К., Бахтина М.Ю. "Древняя Скифия" и Северо-Западное Причерноморье // Hyperboreus. 1997. Т. III, 1. С. 179 и след.*

²⁴ *Fr. 54, Roos = SC. I. P. 201; ср.: Arr. Ind. Fr. 7. 2.* Евстафий (*ad Dion. Per. 549 = SC. I. P. 198*) отмечает, что это случилось "с близкими к ним (меотам) скифами". Как раз Меотида была границей владений царских скифов, на ее северном побережье располагался их пограничный город Кремны (*Herod. IV. 20*). Сами царские скифы — кочевники, но в их земле были города, что могло породить позднейшее представление об их оседлости.

владыки царских скифов в конце V в. престол занял Атей²⁵. На продолжительность пребывания Атея в Добрудже указывает ряд обстоятельств. Он чеканил тут серебряную монету от своего имени, хотя и редкую, но двух серий. Для выпуска собственной монеты в скифском царстве Добруджи должны были возникнуть необходимые экономические предпосылки. Другое свидетельство — дети, рожденные от смешанных браков (или соитий) скифов, греков и фракийцев. Эти косвенные данные о долговременности пребывания скифов Атея в Нижнем Подунавье указывают на появление их здесь не менее чем за три-четыре десятилетия до 339 г., времени разгрома их Филиппом Македонским, т.е. не позднее 380 — 370 гг. Ряд иных аргументов позволяет отодвинуть время перехода царских скифов в Добруджу к рубежу V—IV вв. (см. § 3).

Дальнейшая судьба скифов определялась поражением 339 г. Часть скифов осталась в Добрудже, но их господствующее положение тут было подорвано. Другая часть перешла на нижнедунайское левобережье, где их пребывание еще в начале нашей эры засвидетельствовал Страбон (VII. 3. 17); в Гетике известны монеты III — II вв. с той же эмблематикой, что и на монетах Атея. Третья часть царских скифов вернулась в свой родовой домен на Нижнее Поднепровье. Об этом свидетельствует упоминание базилидов Анонимом эфоровского круга, что мы рассмотрим в следующем очерке.

3. ХРОНОЛОГИЯ МИГРАЦИЙ, ИХ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Сведем воедино приведенные выше данные письменных и археологических источников о передвижениях агафирсов, будинов и царских скифов для получения цельной картины. Переход агафирсов из Трансильвании и Прикарпатья в Северное Причерноморье и противоположная по направлению миграция будинов, согласно письменным источникам, укладывается в промежуток между геродотовской и эфоровской традициями, т.е. 430 — 340-е годы. Прекращение захоронений в принадлежащей агафирсам культуре Бырсешты-Фериджиле уточняет их миграцию концом V в. Резкое сокращение погребений IV в. в посульской группе памятников сравнительно с VI—V вв. указывает на уход будинской дружины в том же конце V или начале IV в. Очевидно, что обе миграции синхронны и приходятся на рубеж V—IV вв. Появление царских скифов Атея в

²⁵ *Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 228, 230, 259 и след.*

Добрудже, судя по косвенным данным (врастание в местную экономику, выпуск собственной монеты, образование смешанных групп скифо-фракийского и скифо-греческого населения), имело место не менее чем за три-четыре десятилетия до разгрома 339 г., т.е. не позднее 380 — 370 гг.; ничто не препятствует удревнению на 20 — 30 лет этого перехода царских скифов из Поднепровья в Добруджу до того же рубежа V—IV вв. (Атей мог править 70 лет). Не исключено выселение их одновременно со старыми союзниками — будинами. В любом случае ввиду враждебных отношений царских скифов и агафирсов в V в. вселение последних в Северное Причерноморье не могло не вызвать противодействие, тем более что агафирсы заняли часть территории царских скифов (см. ниже). Имеются также иные указания на изменение этнической карты Скифии на рубеже V—IV вв. Это происшедшая в то же время смена населения в западно- и восточноподольской группах скифских памятников; между 410 — 370-ми годами часть сармат перешла из Задонья на правый берег Танаиса. В конце V в. сооружается царский курган Солоха, после чего в течение некоторого времени царские курганы не возводятся.

Все эти передвижения, как видно, произошли на громадной степной территории от Добруджи до Нижнего Дона. Фактически вся степная и частично лесостепная Скифия оказались ареной этнических передвижений. Катализатором этой волны миграций, скорее всего, стал переход нижнедонских сирмат на правый берег Танаиса, который поглотил тамошние владения гелонбудинов и царских скифов, что, вероятно, и стало толчком последовавших во всей степной и частично лесостепной (Посулье, Подолия) Скифии переселений. Очень возможно, что все эти передвижения произошли в конце V — начале IV в. Хорошим индикатором завершения этого краткосрочного миграционного процесса служит возрождение с рубежа V—IV вв. ольвийской хоры, почти век остававшейся в запустении. Сельские поселения ольвиополитов и оседлого туземного населения Нижнего Побужья на протяжении IV в. покрыли густой сетью берега Днепр-Бугского, Березанского и Тилигульского лиманов, на севере достигнув района современного Николаева. Этот феномен сам по себе служит показателем изменения этнополитической ситуации в степи — исчезновения враждебного кочевого окружения.

С уходом царских скифов и будинов степное пространство между Нижним Днепром и Азовским морем заняли, как уже было сказано, агафирсы, что сыграло важную роль в экономической и политической жизни Северного Причерноморья. Если прежние хозяева степи — царские скифы — в силу замкнутого характера своего общества воздерживались от чужеземных обычаев и активного экономического взаимодействия с грече-

скими центрами Северного Причерноморья и даже служили барьером на пути торгового обмена лесостепной Скифии с греками, то обычаи агафирсов были иные. По отзыву Геродота (IV. 104), агафирсы "в высшей степени склонны к роскоши и золотолюбивы". Отношение же царских скифов к роскоши и золоту вполне поясняется ремаркой Помпея Трога (ар. Iust. IX. 2. 15), что после поражения, нанесенного скифам Атея, победители не нашли у них золота и серебра. Склонность агафирсов к роскоши вполне объясняет, почему в степной Скифии IV в. произошли существенные изменения в составе и характере инвентаря погребений, а также их типологии. Погребения IV в. в степи наполнены изделиями из золота и предметами роскоши, составляя контраст с умеренными в этом отношении погребениями VI—V вв. Постепенно снова появляются "царские" погребения. Около 400 — 375/70 гг. к центральному погребению Солохи добавлено вторичное, со знаменитым золотым гребнем, в первой или второй четверти века сооружен большой Бердянский курган и Двугорбая могила, далее в 350 — 340 гг. сооружены Толстая, Чмырева, Гайманова могилы, курган Цимбалка. В ремесленные мастерские Боспора, Ольвии и их метрополии Ионии пошло сырьевое золото Алтая и Фракии, возвращавшееся в степь в виде роскошных изделий торевтики, ювелирной бижутерии, оружейного дела, а также массовой продукции, предназначенной для широких слоев скифского общества.

Открытость агафирсов дала интенсивный импульс экономическим связям скифской лесостепи с греческими центрами Северного Причерноморья, которые и в предшествующую эпоху были готовы к широкому торговому обмену, сдерживавшемуся царскими скифами. Значительный скифский спрос стал стимулом развития ремесленного производства в греческих городах Северного Причерноморья. Неслучайно их высший экономический подъем приходится именно на IV—III вв., когда функционировал большой скифский рынок. Их связи со Скифией значительно усилились сравнительно с VI—V вв. Это было время наибольшего торгового обмена между греческим и скифским мирами как по валу, так и по номенклатуре изделий и статей торговли. Увеличился не только объем торговли, но и ее ареал. Так, если в VI—V вв. античный импорт зафиксирован округленно на 100 скифских поселениях, некрополях, вкладах, то в IV—II вв. примерно на 200. Основные статьи греческого импорта в Скифию — амфорная тара с вином, столовая посуда, бронзовое защитное вооружение, гориты и ножны мечей с золотой обкладкой, посуда из золота, электра, серебра, бронзы, различные украшения и ювелирные изделия, резная кость, деревянные саркофаги с декорацией из золотых и костяных пластин и многое другое. Основной поток античного импорта шел

в степное Поднепровье, где в курганах скифской знати найдены наиболее значительные вещи.

В степной зоне Северного Причерноморья количество скифских курганов существенно увеличивается сравнительно с V в. Это явление удовлетворительно не объяснено; теперь, ввиду изложенного выше об агафирсах, можно говорить о вселении дополнительного населения. Одновременно появляется новый обряд захоронения, что объясняется точно так же. Если в предшествующее время скифские ямные погребения преимущественно впускались в насыпи курганов бронзового века, а собственно скифские курганы редки, то в IV в. образуются уже скифские курганные группы. Рядовые могилы были в основном катакомбные, с насыпью высотой до 1,5 м, диаметром до 25 м. По инвентарю такие захоронения принадлежат простым и зажиточным скифам. В IV в. к роскоши в той или иной мере причастны почти все слои скифского общества, что указывает на высокий стандарт жизни.

Таким образом, мы обозрели в самых общих чертах состояние Скифии и ее экономических связей с греческими центрами Северного Причерноморья в IV — III вв. Это достаточно длительный период, который состоял из нескольких фаз развития, и к их характеристике мы перейдем далее. Не следует полагать, что расцвет Скифии этой эпохи обязан исключительно поселению агафирсов в Поднепровье — процесс ее развития был достаточно сложным, по-видимому, господствующие этнические группы сменялись. Однако начало эпохе расцвета, на наш взгляд, все же было положено вселением агафирсов в срединную часть Скифии, их открытостью для внешних контактов и склонностью к роскоши. Они подавали пример окрестным народам своим уровнем жизни, задавали тон в тяге к материальным достижениям греческой цивилизации.

Агафирсы господствовали в степи, по-видимому, около полувека. В середине — третьей четверти IV в. имел место новый период дестабилизации. Он фиксируется в греческих центрах Западного и Северного Причерноморья от Истрии до азиатского Боспора, подвергшихся разрушению или обнесенных оборонительными сооружениями. Лучше всего это прослежено на памятниках Крыма. В середине IV в. в Керкинитиде возведена новая фортификационная система, тогда же обустроены крепостными стенами городище Чайка, Калос Лимен²⁶ а поселение Панское I в Западном Крыму погибло в пожаре²⁷. По-

²⁶ Подробнее см.: *Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н.* Образование территориального херсонесского государства // *Эллинизм: экономика, политика, культура*. М., 1990. С. 322; *Кутайсов В.А.* Античный город Керкинитиды. Киев, 1990. С. 51, 153 и след.

скольку наиболее вероятная причина гибели Панского I — нападение скифов²⁷, не будет большой натяжкой предположение, что те же самые нижнеднепровские скифы могли угрожать тогда и Ольвии, которая примерно в это время обзавелась оборонительными стенами²⁸. Около середины IV в. так же поступила и Тира²⁹. Подверглась разрушениям Истрия. Оборонительные сооружения были возведены на хоре европейского Боспора³⁰. Перисад незадолго до 328 г. вел войну со скифами (*Ps.-Dem.* XXXIV. 8). Большая или меньшая синхронность всех упомянутых событий и мероприятий, затронувших Северо-Западное Причерноморье и европейский Боспор, позволяет связать их воедино в качестве звеньев одного исторического периода середины — третьей четверти IV в., причем сама протяженность региона указывает на скифскую угрозу как единственно возможный фактор принятия защитных мер местными греческими центрами.

Эта угроза не могла исходить от агафирсов, на протяжении предшествующего полустолетия проводивших политику активных связей с греческими городами. Это были иные скифы, потеснившие агафирсов и остальных экономически связанных с греками скифов настолько, что смогли дестабилизировать обстановку во всем Северном Причерноморье. Долго искать этого "возмутителя спокойствия" не приходится, он уже встречался нам в описании скифских народов у Анонима эфоровского круга — на наш взгляд, это базилиды (см. § 1). Аноним упоминает базилидов между будинами и агафирсами, что само по

²⁷ *Щеглов А.Н.* Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978. С. 119 и след.

²⁸ Вскрытая в районе Западных ворот Ольвии сырцовая оборонительная стена датируется "по наиболее поздним материалам первой половины — серединой IV в. до н.э." (чернолаковая керамика, фасосские и гераклеийские клейма I и II групп, по И.Б. Брашинскому). Комплекс сырцовых стен погиб в пожаре, который "возник не ранее второй половины IV в. до н.э. и не позднее третьей четверти — последней трети IV в. до н.э." См.: *Крыжичский С.Д., Лейпунская Н.А.* Комплекс Западных ворот Ольвии // *Античные древности Северного Причерноморья*. Киев, 1988. С. 17 и след. Не очень ясная датировка возведения стен и пожара может быть уточнена косвенными показаниями ольвийской эпиграфики. Проведенная нами и еще не опубликованная работа по хронологии ольвийских проксе-ний начала IV — первой четверти III в. показала, что на первую половину и середину IV в. приходится девять актов, на период 345 — 325 гг. всего один, на остальное время тоже девять, т.е. налицо провал в экономических связях Ольвии в третьей четверти столетия.

²⁹ *Карышковский П. О., Клейман И.Б.* Древний город Тира. Киев, 1985. С. 46.

³⁰ *Масленников А.А.* Эллинистическая хора на краю Ойкумены. М., 1988. С. 185 и след.

себе возвращает нас к событиям полувековой давности, так как базилиды — потомки царских скифов. На это указывает гентильный суффикс *-ida* в их этнониме (*Basilidae* Плиния и Мелы — это латинская транскрипция формы *Βασιλίδαι* их греческих источников). При этом суффикс *-ida* может означать не только потомков, но применяться также для наименования выселенцев какой-либо этнической группы. Например, Дионисий называет амазонок, выселившихся из своей страны на Термодонте, амазонидами (Per. 655 sq. = SC. I. P. 183, с комментарием Евстафия ad l.c. = SC. I. P. 199). Данное значение вполне подходит к этнониму базилидов, поскольку мы помним, что царские скифы откочевали в Добруджу, где были разбиты Филиппом в 339 г., после чего одна их группа перешла на левобережье Нижнего Дуная. Размещение Анонимом базилидов — потомков царских скифов — к востоку от Борисфена означает возвращение их в прежний ареал обитания. Что они просто вернулись домой, явствует из понимания базилидов Мелой (II. 4), который в парафразе из показаний Геродота (IV. 19—20) о Герросе как границе номадов и царских скифов вместо геродотовских *βασιλῆοι Σκύθαι* употребил как равнозначную форму *Basilidae* (далее, в II. 11 он говорит об их царских нравах). Материальным подтверждением возвращения царских скифов в Нижнее Поднепровье служит упоминание их в Протогеновском декрете из Ольвии (IOSPE. I². № 32) под их иранским прозвищем *Σάοι* (от среднеиранского *xšāya* — "царский").

Когда же базилиды возвратились в Нижнее Поднепровье? Контекст сообщения Анонима — размещение их среди будинов, агафирсов и номадов — хорошо соответствует времени после разгрома 339 г. Поскольку мы не располагаем точной датировкой сочинения Анонима (после Эфора и до использовавших его Мелы и Плиния), необходимы и другие аргументы в пользу 330-х годов. Упоминание саев Протогеновским декретом предполагает, что их возвращение имело место не позднее конца III — начала II в., к которому относятся описанные в нем события³¹. В III в., однако, этническая номенклатура Нижнего Поднепровья была совсем иной, нежели та, в контекст которой поместил базилидов Аноним — в том же Протогеновском декрете фигурируют не Геродотовы и Эфоровы номады, борисфениты, "свободные" скифы и прочие, а савдараты, скиры, гала-

³¹ Обычно декрет относят ко второй половине III в. По нашему мнению, его выработка имела место в 80 — 70-х годах II в., а описанные в нем события происходили с конца III в. См.: Яйленко В.П. Материалы к "Корпусу лапидарных надписей Ольвии" // Эпиграфические памятники древней Малой Азии, античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 164 и след.

ты, фисаматы и другие народы, появившиеся тут в III в., после коллапса Скифии около 275 г. Следовательно, наш Аноним со своими эфоровскими и постэфоровскими чертами (см. § 1) дал описание скифской этногеографии по состоянию на период после Эфора (около 340 г.) и до коллапса 275 г. Однако последняя четверть IV и первая четверть III в. характеризовались стабильным состоянием Скифии, достигшей тогда наивысшего подъема, что свидетельствует против возможности вторжения базилидов в этот период. Напротив, такие данные налицо для третьей четверти IV в., времени всеобщей дестабилизации Северного Причерноморья. Наконец, самое существенное указание на время возвращения базилидов дает поход Зопириона в Скифию в 331 г., который, по нашему мнению, был направлен именно против царских скифов³².

Таким образом, совокупность обстоятельств указывает на то, что приход базилидов в Нижнее Поднепровье произошел после разгрома 339 г. и до Зопирионова похода 331 г.³³ Они вклинились в свой исконный ареал на днепровском левобережье между номадами и будинами, однако их земли на нижнеднепровском левобережье у Меотиды были заняты агафирсами, о чем свидетельствует Аноним эфоровского крута — изгиб Меотиды обходят река Бук (Молочная) и агафирсы (см. в § 1 сохранный Мелой фрагмент). На соседство базилидов и агафирсов указывает фрагмент того же Анонима, сохранный Плинием: "...будины, базилиды и темноволосые агафирсы". Это означает, что вернувшиеся базилиды смогли отвоевать часть своей исконной территории, но не вытеснили оттуда агафирсов. Неизбежным следствием возвращения царских скифов и их соседства с агафирсами должна была быть война. От-

³² Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 249 и след.

³³ С такой датировкой согласуется атрибуция курганов Чертомлык и Огуз. В Чертомлыке, датируемом по материалу третьей четвертью IV в., найден серебряный кубок с надписью ААТАА, в которой некоторые усматривают имя Атея и которая позволяет считать курган его могилой. См.: Болтрик Ю.В., Фялко О.Е. Могилы скифских царей второй половины IV ст. до н. э. // Археология. 1995. № 2. С. 3 и след. Ср.: Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии. С. 268. Курган Огуз по материалу близок Чертомлыку, Ю.В. Болтрик и О.Е. Фялко предположительно связывают его с захоронением сына Атея. Ср.: Алексеев А.Ю. Указ. соч. С. 269. Соответствие надписи ААТАА имени *Αχαίας*, *Ατέας* нуждается в специальном исследовании с этимологической стороны и с точки зрения греко-иранской фонетической транскрипции, которое покажет степень надежности такого сопоставления и атрибуции Чертомлыка как могилы Атея. Ср.: Абаев В.И. Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. М., 1979. С. 291.

сюда, видимо, следует, что после 339 г. основные силы царских скифов вернулись в свой нижнеднепровский домен, на части которого они закрепились в войне с занявшими его полустолетием ранее агафирсами. Эти военные действия затронули всю степную Скифию и угрожали греческим городам настолько, что Боспор даже вел войну с какой-то частью скифов. Однако, поскольку вся последняя треть или четверть IV в. была периодом стабильного развития Скифии в целом, можно заключить, что к началу 20-х годов IV в. до н.э. военные действия прекратились и противоборствовавшие стороны нашли взаимоприемлемый модус сосуществования.

С.Ю. Сапрыкин

ЭТЮДЫ ПО СОЦИАЛЬНОЙ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА*

1. ЦАРСКАЯ И ПОЛИСНАЯ ЗЕМЛЯ НА СПАРТОКИДОВСКОМ БОСПОРЕ

За последние годы благодаря планомерным археологическим раскопкам городов и сельской территории античного Боспора все отчетливее вырисовывается картина аграрных отношений, а также развитие сельских поселений и усадеб в различные периоды времени, характер деятельности обитателей сельской периферии. Если до середины 60-х годов XX в. об аграрной округе боспорских городов можно было говорить лишь приблизительно, то сейчас представляется возможным определить уровень заселенности земель, степень застройки сельской территории, очертить районы хоры, которые принадлежали полисам Боспора, и выделить земли, находившиеся в собственности его властителей — архонтов, династов и царей. Исследования последних лет создали основу для классификации усадеб и поселений в различные эпохи истории царства — архаическую, классическую, эллинистическую и римскую, а это позволило разработать подробную типологию сельских поселений¹. Боспорское государство представляло собой объединение греческих полисов и включало обширные земли, населенные местными племенами. На протяжении почти всей его истории это государство находилось под властью верховных правителей — сначала Археанактидов, затем Спартокидов, которых сменили понтийские Митридатиды, а в римское время у власти стояли преемники последних, их отдаленные потомки, получившие римские родовые имена Тибериев Юлиев. Поэтому возникает такой важный вопрос, как в этих условиях осуществлялось соотношение царского и полисного землевладения, поскольку на Боспоре на протяжении всего времени его сущест-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-01-00684а.

¹ Масленников А.А. К типологии боспорских поселений // СА. 1989. № 2. С. 66 — 78; Он же. Еволюція організації сільської території європейського Боспору // Археологія. 1992. № 2. С. 69 — 84.

ования были земли, прилежавшие к городам — греческим общинам граждан, откуда династы управляли государством, — и обширный массив земель, который не принадлежал городам, а находился под властью верховных правителей².

Бытует мнение, что деление сельской территории на полисную и царскую восходит к V в. до н.э., точнее к 480 г. до н.э., когда греческие полисы Боспора объединились в политический союз, положивший начало Боспорскому царству, или к 438 г. до н.э., когда к власти пришли Спартокиды³. Определить, насколько это утверждение правомерно для классического и эллинистического периодов, — задача настоящей работы.

В VI в. до н.э. на берегах Керченского пролива, в древности называвшегося Боспором Киммерийским, были основаны греческие города Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Фанагория, Гермонасса и Кепы⁴. На протяжении столетия или чуть более они существовали самостоятельно и, согласно общеэллинским канонам становления и развития полисов, непременно должны были обладать сельской округой. Ведь основой благоприятного функционирования любой эллинской гражданской общины была собственность на землю. Как выглядела их хора в раннее время, точно сказать невозможно. Выдвигалось мнение, что все поселения в северо-восточной части Керченского полуострова (а это в основном так называемые "малые" города Мирмекий, Тиритака, Парфений, Порфмий, Зенонов Херсонес, Гермисий, возможно, Гераклий) могли принадлежать Пантикапею, крупнейшему полису в этой части Таврики, да и всего Северного Причерноморья, а поселения к юго-западу за Чурубашским озером — Нимфею⁵. Однако следует заметить, что

² Saprykin S.J., Maslennikov A.A. Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors. Part I // *Ancient Civilizations from Scythia to Siberia*. 1996. Vol. 3, N 1. P. 1-15; Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 66.

³ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 160; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI—IV вв. до н.э. // *Древнейшие государства на территории СССР*. 1984. М., 1985. С. 159; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 46 и след.

⁴ Gajdukevic V.F. Das Bosporanische Reich. Berlin; Amsterdam, 1971. S. 29, 32-49; Koshelenko G.A., Kuznetsov V.D. Greek Colonisation of the Bosporus // *The Greek Colonisation of the Black Sea Area. Historia Einzelschriften* 121. Stuttgart, 1998. P. 257 ff.

⁵ Виноградов Ю.А. К проблеме полисов в районе Боспора Киммерийского // АМА. 1993. № 9. С. 91; *Он же*. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. 1995. № 3. С. 154; Масленников А.А. Некоторые проблемы ранней истории Боспорского государства в свете новейших археологических исследований в Восточном Крыму // ПИФК. 1996. Вып. 3. С. 66-67.

часть этих поселений фактически не исследовалась и неизвестно даже, где с точностью локализуются такие городки, как Гераклий и Гермисий. На азиатском Боспоре "малые" города появились в эпоху поздней архаики и ранней классики. Это Корондама, Ахиллий, Патрей, Тирамба и, может быть, азиатский Киммерик. В источниках упоминается еще Стратоклея, но где она находилась, неизвестно. Были ли все они основаны в ходе Великой греческой колонизации или их вывели на хору крупнейших полисов региона в результате вторичной колонизации, пока неясно. Скорее всего они появились вследствие активного освоения округа Фанагории и Гермонассы жителями этих ведущих городов азиатской половины Боспора Киммерийского. Меньше оснований думать об участии в этом процессе Кеп, поскольку этот город соседствовал с Фанагорией и пространственное развитие его хоры на запад было невозможно, так как ее блокировала соседняя хора фанагорийцев. Можно было бы предполагать экспансию Кеп в район современного Фонталовского полуострова, бывшего в древности островом и носившего, по всей видимости, название Киммерида, если бы не было известно об освоении его Патреем, который был основан на северном берегу Таманского залива в третьей четверти VI в. до н.э. Нельзя исключать из этого процесса и Киммерик, также возникший в VI в. до н.э. Греческие источники называют в этом районе еще Тирамбу, которую локализуют на окраине современного поселка Пересыпь. Однако она появилась не ранее конца VI—начала V в. до н.э., и ее расцвет пришелся только на IV—III вв. до н.э.⁶, поэтому Тирамба не могла подчинить себе окрестные земли. Сам факт того, что она возникла позднее основания крупных полисов Тамани, заставляет относить начало распространения власти этих городов-государств на окрестные земли к VI в. до н.э. и связывать его с так называемой вторичной колонизацией.

Если взглянуть на археологическую карту Таманского полуострова, то легко заметить, что в VI—V вв. до н.э. и на протяжении почти всей античной эпохи самым крайним пунктом к вос-

⁶ Десятчиков Ю.М., Долгоруков В.С. Патрей // *Античные государства Северного Причерноморья*. М., 1984. С. 86; Абрамов А.П., Паромов Я.М. Раннеантичные поселения Таманского полуострова // БС. 1993. Вып. 2. С. 28. Временем основания Патрея иногда называют 580-560 гг. до н.э. См.: Koshelenko G.A., Kuznetsov V.D. *Op. cit.* P. 255.

Завойкин А.А. Киммерида — полис на Киммерийском Боспоре // ПИФК. 1997. Вып. 4. С. 130-136.

⁷ Коровина А.К. Тирамба (городище и некрополь). Итог археологических работ экспедиции ГМИИ им. А.С. Пушкина за 1959, 1961—1963 и 1969 годы // СГМИИ. 1968. IV. С. 54; *Она же*. Тирамба // *Античные государства Северного Причерноморья*. С. 87.

току—северо-востоку от Кеп было поселение Ахтанизовская-4, которое датируется серединой VI в. до н.э. — III в. н.э.⁹ Оно связано с Фанагорией дорогой и указывает на то, что в организации этого не столь удаленного от Кеп района определенную роль могли сыграть фанагорийцы¹⁰. Любопытно сообщение Псевдо-Скилака (*Ps.-Scyl.* 70), что в стране синдов находятся эллинские города Фанагория, Кепы, Синдская гавань, Патус (Патрей? или скорее Баты). Эти сведения датируются не позднее IV в. до н.э., и они попали в перипл в результате компиляции разновременных источников, в том числе и тех, которые относятся еще к VI в. до н.э.¹¹ Городок Патус некоторые считают Патреем, а другие — искаженным названием городка Баты на месте современного Новороссийска, что более справедливо. Упоминание этого местечка, а также Кеп и Фанагории (и Гермонассы, выпавшей позднее, как полагают, при переписке или редактировании перипла Скилака)¹² предполагает самостоятельное существование этих городов, во всяком случае, до переименования Синдской гавани в Горгиппию во второй — третьей четверти IV в. до н.э. В настоящее время твердо установлено, что при Сатире I в последней декаде V в. до н.э. Кепы уже принадлежали Спартокидам, правившим в Пантикапее с 438 г. до н.э.¹³, тогда как Фанагория, чеканившая до 389 г. до н.э. свою монету, им еще не подчинялась¹⁴. Это означает, что сведения перипла Псевдо-Скилака отражают период до присоединения Фанагории, Синдской гавани (Горгиппии?) и Патуса (Патрея или Бат?) к Спартокидам, значит, они должны относиться ко време-

⁹ *Абрамов А.П., Паромов Я.М.* Указ. соч. С. 71; *Паромов Я.М.* Ахтанизовская "батарея" (укрепленное поселение на Таманском полуострове) // БС. 1994. Вып. 4. С. 175-177.

¹⁰ *Паромов Я.М.* Археолого-топографический план Фанагории // БС. 1993. Вып. 2. С. 142; *Он же.* Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху: Автореф. дис.... канд. ист. наук. СПб., 1994. С. 6-8.

¹¹ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 23-25. Хотя М.И. Ростовцев отрицал раннюю дату сведений перипла о Понте, не выводя их за первую половину IV в. до н.э., их все же сейчас уверенно датируют 508-500 гг. до н.э. См.: *Baschmakoff A.* La synthèse des périple pontiques. P., 1948. P. 14, 22.

¹² *Тохтасьев С.Р.* Из ономастики Северного Причерноморья. I // Проблемы античного источниковедения. М; Л., 1986. С. 72-76.

¹³ Это подтверждается бегством Гилона, предавшего Нимфей боспорским тиранам, в Кепы под защиту правителей Боспора. См.: *Жебелев С.А.* Северное Причерноморье. М; Л., 1953. С. 186; *Соколовский Н.И.* Кепы // Античный город. М., 1963. С. 102.

¹⁴ *Кобылина М.М.* Фанагория. М., 1989. С. 58; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора VI-IV вв. до н.э. Н. Новгород, 1997. С. 65-67; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 30.

ни до конца V — начала IV в. до н.э. К этому времени Кепы, выделенные в перипле отдельно, были еще независимы от Боспора, т.е. в VI — конце V в. до н.э. это был самостоятельный эллинский полис. Фанагория, Патус-Баты или Патрей, Синд-Синдик или Синдская Гавань, впоследствии Горгиппия, были также еще независимыми, т.е. перипл рисует нам обстановку на Боспоре к концу V — началу IV в. до н.э., когда еще сама Синдика не была подвластна боспорским царям. В таком случае Фанагория, Патрей или Баты, Гермонасса, Синдская Гавань должны были иметь свои сельские округа. Хора Фанагории и Гермонассы, а также, очевидно, Патрея, охватывала острова Синдику, Фанагора и Киммериду (совр. Фанталовский п-ов).

Независимость эллинских полисов азиатского Боспора и наличие собственной хоры косвенно подтверждается тем, что многие из них выпускали свою монету, по крайней мере, в V в. до н.э., а Фанагория даже и в начале IV в. до н.э.¹⁵ Свои монеты в 490-470 гг. до н.э. чеканила также Гермонасса¹⁶. Что до монет с надписью ΣΙΝΔΩΝ, то мы выступаем категорически против точки зрения, что они выпущены Синдским царством или царями синдов, в частности царем Гекатеем¹⁷, поскольку их легенда и типология полностью противоречат традициям чекана монет царями или царствами, тем более варварскими¹⁸. Это полисный чекан, скорее всего Синдской Гавани, будущей Горгиппии, и его начало совпадает с выпуском редких монет Гермонассы, а окончание — с вводом в обращение автономных монет Фанагории. Не лишено интереса предположение о возможности выпуска этих монет союзом-симмахией греческих полисов Синдики, включая Гермонассу, Фанагорию, Синдик-Синд-Синдскую Гавань¹⁹, но это пока только гипотеза, не подтверждаемая источниками. Монеты отчеканены в Синдике, в городе Синд-Синдская Гавань²⁰, для обслуживания торгово-экономических связей с синдами и меотами, что обусловило их довольно обильный выпуск сравнительно с чеканом Гермонассы

¹⁵ *Шелов Д.Б.* Монетное дело Боспора VI-II вв. до н.э. М., 1956. С. 49-51; *Анохин В.А.* Монетное дело... С. 139; *Завойкин А.А.* О времени автономной чеканки Фанагории // БС. 1995. Вып. 6. С. 92.

¹⁶ *Анохин В.А.* История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 21.

¹⁷ О различных точках зрения и полемике по поводу атрибуции этих монет см.: *Фролова Н.А.* Корпус монет синдов (первая половина — конец V в. до н.э.) // ВДИ. 2002. № 3. С. 71-84.

¹⁸ Нашу позицию по этим монетам см.: *Сапрыкин С.Ю.* Боспорское царство: от тирании к эллинистической монархии // ВДИ. 2003. № 1. С. 25-26.

¹⁹ *Завойкин А.А., Болдырев С.И.* Третья точка зрения на монеты с легендой ΣΙΝΔΩΝ // БС. 1994. Вып. 4. С. 43-47.

²⁰ См.: *Анохин В.А.* Монетное дело... С. 138.

и Фанагории. Но и это, к сожалению, пока лишь предположение. Во всяком случае, нумизматический материал V в. до н.э. из Пантикапея и городов азиатской половины Боспора противоречит заключению о присоединении полисов азиатской стороны к Боспорскому царству при Археанактидах и ранних Спартокидах и уж тем более идее о создании могущественной симмахии греческих городов Боспора в 480 г. до н.э., объединившихся в царство. При Археанактидах этот союз не выходил за рамки Пантикапея и входившего в состав его хоры Мирмекия, о чем мы уже подробно говорили. Монеты всегда являлись индикатором самостоятельности гражданской общины, а поскольку эта самостоятельность обуславливалась собственностью коллектива граждан на землю, то они служат косвенным признаком наличия полисной хоры.

И только с приходом к власти Сатира I, преемника первого из Спартокидов Спартака I, Кепы, очевидно, первыми из прежде независимых городов Тамани встали на сторону новой династии, власть которой не распространялась до этого дальше европейского Боспора. После подчинения сначала Нимфея, а позднее Феодосии и открытой экспансии Спартокидов при Левконе I на азиатский Боспор, когда он приступил к подчинению Синдики, Фанагория, Патрей и, возможно, Гермонасса, перешли на сторону новых властителей Боспора. Это могло быть вызвано возросшей агрессивностью меотов и синдов, проявившейся в конце правления Сатира, когда обозначилось стремление новой династии закрепиться на обеих сторонах пролива. К этому времени относятся события в легенде о царице меотов Тиргатао и синдском царе Гекатее (*Polyaen.* VIII. 55) — война, которую вели меоты и иксоматы под ее предводительством против синдов и Сатира, что создавало угрозу эллинским полисам в Синдике. Недавно найденная посвятельная надпись из Семибратнего городища (предполагаемой крепости Лабрита) показывает, что после завоевания Феодосии Левкон I начал активно присоединять внутренние районы Синдики²¹. Это нельзя было сделать, не укрепившись на северо-западе страны синдов и меотов, т.е. на берегах Керченского пролива на азиатской стороне. В таком случае уже к началу правления Левкона I и, видимо, до окончательного подчинения Феодосии в 60-х годах IV в. до н.э. греческие полисы на Тамани могли признать власть Спартокидов, что согласуется с датой прекращения чекана автономной монеты Фанагорией.

²¹ Блаватская Т.В. Посвящение Левкона I // РА. 1993. Вып. 2. С. 34–41; Виноградов Ю.Г. Левкон, Гекатей, Октамасада Горгипп // ВДИ. 2002. № 3. С. 3–23; Яйленко В.П. Вотив Левкона I из Лабриса // ДБ. 2004. Т. 7. С. 425–442.

Тираннический по характеру, а значит, полисный по сути, режим Археанактидов и Спартокидов, официально называвших себя "архонтами", вызрел в недрах Пантикапея. При них будущая столица Боспорского государства энергично расширяла земельные владения, что создавало экономическую базу тираннии. Естественно, получив земли на азиатской стороне пролива, Спартокиды и здесь содействовали сохранению полисного землевладения, в частности в Кепях²². Известно, что Гилон, бежавший из Нимфея (*Schol. ad Demosph.* VIII. P. 18, *Dind.* = SC. I. 2. P. 369), в награду за передачу этого так называемого владения афинян тиранам Боспора (*Aeschin.* III. 171), получил в управление Кепы — "какие-то местечки" (τόπους τινάς), которые, по убедительному предположению Н.И. Сокольского, означают сельскохозяйственную округу Кеп. Одно из сельских поселений этой округи VI — V вв. до н.э. было обнаружено В.В. Веселовым и получило в науке обозначение "Кепы-1". Кепам принадлежала территория, с севера ограничивавшаяся низиной и тянувшаяся от северо-восточного угла Таманского залива на восток. С юга городские земли отделялись полосой от юго-восточного угла этого залива и простирались на восток до южного склона горы Цимбалка. Предполагают, что в этом месте проходила граница между хорой Кеп и хорой Фанагории²³. Измену Гилона датируют концом V в. до н.э.²⁴, тогда Фанагория еще не подчинялась Спартокидам, поэтому Кепы вместе с окрестной территорией могли представлять собой первый оплот Спартокидов на азиатском Боспоре, и отсюда началось распространение их власти на соседние города и земли.

Передача Кеп Гилону по распоряжению Сатира I не означает, что город и округа являлись "царским" владением Спартокидов. Гилон как не боспорец, а афинянин, получил от Сатира и, возможно, его соправителя — по боспорской традиции это мог быть один из сыновей тирана, т.е. либо Метродор, погибший чуть позднее в Синдике от рук Тиргатао, либо старший сын Горгипп (*Polyaen.* VIII. 55), также тесно связанный с Синди-

²² Сокольский Н.И. К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // VI Conference internationale d'études classiques des pays socialistes. Sofia, 1963. P. 14. Название города Кепы ("Сады") подразумевает не только наличие фруктовых садов, но и виноградников на его сельской территории уже с момента его возникновения в VI в. до н.э. См.: Сокольский Н.И. Виноделие в азиатской части Боспора // СА. 1970. № 2. С. 77. О хоре Кеп см.: Сокольский Н.И. Кепы. С. 103.

²³ Веселов В.В. О "Киммерийском вале" на Таманском полуострове // СА. 1957. № 3. С. 252–254. Рис. 1; Сокольский Н.И. Кепы. С. 103. Примеч. 21.

²⁴ Брашинский И.Б. Афины и Северное Причерноморье в VI — II вв. до н.э. М., 1963. С. 81—85; Блаватская Т.В. Очерки политической истории Боспора в V–I вв. до н.э. М., 1959. С. 71; Шелов-Коведяев Ф.В. Указ. соч. С. 113.

кой, либо сам будущий династ Левкой I, не менее остальных братьев занимавшийся делами меотов и синдов (ср. *tύραννοι* у Эсхина и *δύνασται* у схолиаста к Демосфену) — боспорское гражданство, может быть, даже с правом приобретения земли и дома. На это косвенно указывают выражения в схолиях к Демосфену — "получил на пропитание так называемые Кепы," и у Эсхина — "получил в дар так называемые Кепы". Пояснение в первом из них, что Гилон получил *Κῆτους, τόπους τινάς*, может означать, что он стал обладателем земельного участка на хоре, т.е. садов или виноградников на сельской территории, давших название городу, в подчинении у которого эти самые сады и находились. Бывший афинянин не получил от Спартокидов на новом месте жительства никаких официальных должностей, по-видимому, он стал частным гражданином, облагодетельствованным властью тем, что получил право проживать в одном из городов Боспора, стать членом его гражданского коллектива, а значит, иметь какой-то имущественный, т.е. земельный, ценз.

Случай с Гилоном, как его описывают схолии к Демосфеновому корпусу и Эсхин, сходен с изложением у Плутарха политической карьеры Фемистокла, изгнанного в Персию. Царь Артаксеркс дал ему три города "на хлеб, вино и рыбу" — Магнесию, Лампсак и Миунт, — а по сообщению некоторых историков, еще два города, Перкоту и Палескепсис, "на постель и на одежду" (*Plut. Them. XXIX. 7*). Эту уступку в современной науке понимают как дар персидского царя афинскому полководцу, назначенному правителем Магнесии и соседних городов вместе с их хорой. Как знак особого расположения все доходы и налоги, прежде поступавшие в царскую казну, были направлены на поддержку Фемистокла и его семьи²⁵. Выдвигалось предположение, что Гилон был назначен правителем или наместником Сатира в Кечах и над окрестными землями наподобие эпимелета, чтобы взимать налоги и часть их использовать на свои нужды. Поэтому был сделан вывод о том, что в основе административно-территориального деления на Боспоре при ранних Спартокидах был полис, находившийся под жестким контролем центральной власти²⁶. Даже если Гилон жил в Кечах под опекой Сатира и был его наместником, он все равно пользовался для "пропитания" ресурсами городской хоры Кеп или окрестных

²⁵ *Man J.L. Don't Take It Literally: Themistocles and the Case of the Inedible Victuals // CQ. 1994. Vol. 44, 2. P. 536-539.*

²⁶ *Кошеленко Г. А., Усачова О. Н. Плон і Кепи // Археологія. 1992. № 2. С. 54; Saprykin S.Ju. Chora and Polis in the Kingdom of Bosphorus in the Classical and Hellenistic Periods // Chora und Polis. Schriften des Historischen Kollegs. Kolloquien 54. München, 2004. P. 202.*

земель, прилегавших к этому полису, ибо других в тот момент у боспорских тиранов еще не было.

Итак, Кепы изначально могли иметь в подчинении земли, как принято говорить, полисные, в том числе и в начале IV в. до н.э. Однако затем, но до присоединения к Спартокидам, город вместе с хорой мог войти в состав Фанагорийского города-государства. Во время обострения отношений с варварами на рубеже V—IV вв. до н.э. Кепы вновь стали самостоятельными и затем вошли в состав Боспора. Нельзя исключить, что после подчинения Спартокидам Фанагория начала осваивать Фанталовский полуостров, а Гермонасса приступила к расширению своей хоры на восток и юго-восток. В таком случае "малые" города Тирамба, Ахиллий, Корокондама выполняли на азиатском Боспоре такие же функции, какие на европейском были возложены на Мирмекий, Тиритаку, Китей, Акру, Зефирий, Киммерик и некоторые другие. Ведь не случайно, что, по сообщению Псевдо-Скимна, азиатский Киммерик был основан боспорскими тиранами (*Ps.-Scymn. 896-899*), т.е.²⁷ он мог быть реколонизован заново не ранее IV в. до н.э., как и большинство других "малых" городов Боспора. Это делалось для усиления боспорского влияния на хоре, ее расширения и выгодного использования ресурсов, поэтому "малые" города иногда называют "аграрными", основанными для дальнейшего освоения сельской территории.

Для поздней архаики и ранней классики (середина — конец VI и начало V в. до н.э.) наибольшее количество сельских поселений приходится на азиатский Боспор, причем на Таманском полуострове их количество достигает шестидесяти трех. К сожалению, они не раскапывались, их датируют только по материалам разведок. Сельские поселения возникают в это время по берегам Гипаниса (совр. Кубань), в прибрежной полосе и во внутренних районах. Все они по структуре экономики тяготеют к Фанагории и Гермонассе²⁸, на основании чего можно

²⁷ *Завойкин А. Л. Киммериды. С. 134; ср.: Усачева О. Н., Кошеленко Г. А. Об одной загадке боспорской историографии // РА. 1994. № 3. С. 65-70.*

²⁸ *Паромов Я. М. Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском п-ве в античное и средневековое время // Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990. С. 56-69; Воронов А. А., Паромов Я. М. Планировочные принципы расселения на Таманском п-ве в античную эпоху // Архитектурное наследие. М., 1990. 37. С. 3-11; Абрамов А. П., Паромов Я. М. Указ. соч. С. 71; Паромов Я. М. Материалы к археологии Таманского п-ва // Причерноморье в VI—V вв. до н.э. Тбилиси, 1990. С. 122-123; Он же. Очерк истории археолого-топографического исследования Таманского п-ва // БС. 1992. Вып. 1. С. 133. Подробнее об археолого-топографической ситуации на азиатском Боспоре см.: Паромов Я. М. Основные этапы... С. 6-8.*

сделать вывод, что они относились к городской хоре. К концу VI — началу V в. до н.э. общее число глубинных поселений на Тамани возрастает, что определенно связано с развитием этих полисов. Для подчинения окрестных земель полисным центрам в конце VI в. до н.э. создаются крупные поселения типа "аграрных городков", в частности Тирамба²⁹, а также большие поселения Голубицкая-2 и Ахтанизовская-4²⁹. Нельзя исключать вероятности того, что это были центры административно-хозяйственных округов на хоре крупных полисов.

На европейском Боспоре картина несколько иная: здесь насчитывается не более пяти-шести поселений, которые можно отнести к архаической эпохе. Во второй четверти VI в. до н.э. возник Мирмекий, и не столько вследствие "вторичной колонизации", как считалось ранее, сколько в целях закрепления окрестных земель за Пантикапейским полисом³⁰. Это подтверждается чеканкой монет с изображением муравья — "говорящей" эмблемы Мирмекия³¹ и легендами PAN и АПОА на монетном дворе Пантикапея³¹. Из сельских поселений второй четверти VI в. до н.э. известны Героевка-1, Южно-Чурубашское, Чокракский родник, Андреевка Южная, ранний Порфмий (в окрестностях Пантикапея), а также Айвазовское, Фронтное, Новопокровка, Журавка близ Феодосии. Некоторые из них чисто греческие по облику (Героевка-1, Южно-Чурубашское, Порфмий, Андреевка Южная), другие — явно смешанного эллино-скифского характера (Чокрак, Фронтное, Журавка). Выделяются поселения, относящиеся к хоре Пантикапея (Андреевка Южная, Порфмий, Чокрак), Нимфея (Героевка-1, Южно-Чурубашское, Героевка-2, возможно, Киммерик-Холм А), Феодосии (Айвазовское, Журавка, Новопокровка)³². Большая часть поселений классической эпохи концентрируется к северу, северо-востоку и западу от Пантикапея, охватывая северо-восточную оконечность Керченского полуострова в пределах современных населенных центров Багерово, Глазовка, Войково, создавая как бы замкнутое пространство в прямоугольнике

²⁹ Паромов Я.М. Принципы выявления эволюции системы расселения (на примере Таманского п-ва) // КСИА. 1993. Вып. 210. С. 25-34; Абрамов А.П., Паромов Я.М. Указ. соч. С. 71. О Тирамбе см.: Коровина А.К. Древняя Тирамба // ВДИ. 1963. № 3. С. 127 и след.

³⁰ Виноградов Ю.А. Некоторые дискуссионные проблемы... С. 156; Он же. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 101.

³¹ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора середины VI-V вв. до н.э. // РА. 1996. № 2. С. 34-69.

³² Кругликова И.Т. Сельская территория // Античные государства Северного Причерноморья. С. 72-77. Карта 7; Она же. Сельское хозяйство... С. 26-31; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 37-42.

по линии оз. Чокрак-Багерово-Пантикапей (Керчь). И.Т. Кругликова считает, что хора столицы Боспора в VI—V вв. до н.э., особенно в V в. до н.э., простиралась не менее чем на 10 км к западу, включая усадьбы V-IV вв. до н.э. у с. Октябрьское и Андреевка Южная. К северу хора боспорской столицы могла проходить западнее Мирмекия, а на юге доходила до Тиритаки³³. По результатам новейших исследований хору Пантикапея на востоке можно теперь расширить до оз. Чокрак, где раскапывалось поселение конца VI — первой половины V в. до н.э., которое получило название "Чокракский родник". Возможно, что поселение на мысе Зюк, известное как Зенонов Херсонес, также входило в округу позднеархаического и раннеклассического Пантикапея, вместе с Тиритакой, Порфмием и Мирмекием очерчивая ее границы. Хотя полагают, что Тиритака могла иметь свою округу, А.А. Масленников относит ее вместе с Мирмекием и Порфмием к числу тех³⁴, которые можно считать пограничными на хоре Пантикапея³⁴.

Археологические раскопки на Керченском полуострове показывают, что многие из ранних поселений вокруг Пантикапея были разрушены на рубеже первой - второй четвертей V в. до н.э. Полагают, что это могло случиться в результате политических катаклизмов в связи с приходом к власти Археанактидов и кратковременным вторжением скифов³⁵. Археологические данные также свидетельствуют, что уже вскоре после установления власти Археанактидов во второй четверти - середине V в. до н.э. большая часть ранее разрушенных поселений возрождается, а на северном побережье Керченского полуострова появляются новые. Возможно, к их числу относятся те, которым принадлежат могильники Ак-Таш и Стоячий Камень, где встречается греческая керамика V в. до н.э. Находки античной посуды второй - третьей четверти V в. до н.э. зафиксированы на мысу Чокракского озера, на вершине скалистого холма близ поселения Генеральское Западное, на месте позднейшей сельской усадьбы хоры Пантикапея Андреевка Южная, где известны даже остатки каких-то строений этого

³³ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 30.

³⁴ Масленников А.А. Древние греки в Крымском Приазовье // ВДИ. 1995. № 2. С. 82; Он же. Эллинская хора. С. 37-38.

³⁵ Vinogradov J. Die historische Entwicklung der Poleis des nördlichen Schwarzmeergebietes im 5. Jh. v. Chr. // Chiron. 1980. 10. S. 80-83; Толстиков В.П. К проблеме образования Боспорского государства // ВДИ. 1984. № 3. С. 24-48. Данное обстоятельство стало основанием для утверждения о союзе или мощной симмахии городов Боспора уже при Археанактидах. Ср.: Григорьев Д.В. К вопросу о военно-политической ситуации на Боспоре в конце VI - первой половине V в. до н.э. // ПИФК. 1998. Вып. 5. С. 38-40.

времени³⁶. На поселениях Зенонов Херсонес (м. Зюк) и Киммерик-Холм А со второй четверти V в. до н.э. фиксируются долговременные постройки, например, на горе Опук (Киммерик). Здесь выявлен целый блок помещений вокруг хозяйственного двора, что говорит о функционировании полномасштабного поселения, вероятно, городского типа. На месте боспорского "малого" города Акра также обнаружены находки этого времени³⁷.

На хоре Нимфея во второй четверти V в. до н.э. восстанавливаются многие сельские поселения и усадьбы, в частности Героевка-1 и Южно-Чурубашское. Однако, за исключением небольших пожаров на поселениях Героевка-1 и Героевка-2, масштабных следов разрушений ни на хоре Нимфея³⁸, ни на хоре Феодосии все же не выявлено. В округе последней в равнинной ее части в начале V в. до н.э. возникают неукрепленные сельские поселения или усадьбы³⁹, что явно диссонирует с точкой зрения о серьезной скифской угрозе в Восточном Крыму. Получается, что больше всего разрушений в это время испытывала только сельская округа Пантикапея, причем особенно пострадали Мирмекий, Тиритака, Порфмий и Зенонов Херсонес⁴⁰.

Таким образом, материалы археологии показывают следующее: на рубеже VI—V вв. до н.э. исключительно в округе Пантикапея происходит разрушение поселений, причем страдают главным образом те, которые являлись более или менее крупными и располагались по границам предполагаемой хоры этого полиса. Одновременно в самом Пантикапее наблюдается рост городской территории и ведется активное строительство, в том числе и на акрополе; в первой половине V в. до н.э. появляются монеты совместного чекана Пантикапея и Мирмекия, что указывает на подчинение Мирмекия пантикапейской общиной;

³⁶ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 12-45; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 36-40; Он же. Сельские поселения... С. 86.

³⁷ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 28-30; Масленников А.А. Зенонов Херсонес - городок на Меотиде // Очерки археологии и истории Боспора. М., 1992. С. 126-131; Он же. Сельские поселения... С. 86.

³⁸ Зинько В.Н. Хора Нимфея в VI-V вв. до н.э. // ДБ. 1998. Т. 1. С. 100-103; Он же. Хора боспорского города Нимфея // БИ. 2003. IV. С. 40; ср.: Масленников А.А. Сельские поселения... С. 84.

³⁹ Гаврилов О.В. Ольська округа Феодосии у V-II ст. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. Кшв, 1999. С. 6-8.

⁴⁰ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935-1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 72 и след.; Виноградов Ю.А. Мирмекий. С. 106-107; Бахтина М.Ю., Виноградов Ю.А. Еще раз о ранней фортификации Боспора Киммерийского // БФ. 2001. Ч. 1. С. 43; Зинько В.Н. Хора боспорского города Нимфея. С. 40.

строительство оборонительных стен Пантикапея и Мирмекия в указанный отрезок времени могло быть вызвано не столько скифской угрозой, сколько урбанистическими процессами и концентрацией населения в самих Пантикапее и Мирмекии; в означенное время в Пантикапее к власти приходит тираннический режим Археанактидов, начавший активную строительную деятельность и расширение сельской округи города. Сохранение в целостности городских земель Феодосии и Нимфея свидетельствует, во-первых, об отсутствии серьезной скифской угрозы для греков в Восточном Крыму, во-вторых, о сохранении полисных земель Пантикапеем, Нимфеем и Феодосией. В-третьих, разрушения и пожары могли иметь место только в пределах пантикапейской хоры, следовательно, они были вызваны не скифской угрозой, а активной политикой тиранов, которые стремились увеличить полисные земельные владения.

По сообщению Страбона, тираны Боспора ранее владели лишь небольшой полоской земли близ устья Меотиды и у Пантикапея вплоть до Феодосии, которая была границей владений боспорцев и тавров, и от нее на восток лежали плодородные земли до Пантикапея (*Strabo*. VII. 4. 4). Это доказывает, что при Археанактидах и ранних Спартокидах земли на Керченском полуострове принадлежали греческим полисам Феодосии и Пантикапею, а также Нимфею, если присовокупить к этим сообщениям археологические материалы с его хоры. Царских земель здесь в этот период⁴¹ не было, так как города сохраняли свои собственные владения. Не было и могущественного союза-симмахии греческих полисов по обоим берегам пролива, поскольку в состав понятия "Боспор" при Археанактидах входили только Пантикапей и Мирмекий, а позднее городки на северо-востоке полуострова - Тиритака, Порфмий, Зенонов Херсонес, разрушенные, по всей вероятности, не скифами, а в ходе расширения социально-экономической базы пантикапейского полиса, проще говоря, во время расширения хоры будущей столицы Боспорского царства при Археанактидах. Это в общих чертах напоминает процессы урбанизации и внутренней колонизации в периферийных эллинских полисах, например, в Ольвии, Херсонесе Таврическом, Истрии, Каллати-

⁴¹ О том, что разрушения в Мирмекий не согласуются с прямым нападением скифов см.: Виноградов Ю.А., Тохтасьев С.Р. Ранняя оборонительная стена Мирмекия // ВДИ. 1994. № 3. С. 61. О полисном характере земельных владений на Керченском полуострове см.: Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 56-59; Сапрыкин С.Ю. Боспорское царство... С. 24; Сапрыкин S. Polis Chora in the Kingdom of Bosphorus // Problemi della chora colonial dall'Occidente al Mare Nero. Taranto, 2001. P. 658; *Idem*. Chora and Polis... P. 191.

се, Синопе и Гераклея Понтийской. Твердо засвидетельствовано, что как раз в то же самое время в Ольвии, как и в Пантикапее, происходил процесс редукции хоры, расширение городской застройки, а затем новый этап освоения сельской округи.

В настоящее время ведутся споры о том, где правила Археанактиды: против традиционной точки зрения, что симмахия под их властью охватывала с 480 г. до н.э. европейский и азиатский Боспор, выдвигаются весьма убедительные аргументы, позволяющие ограничить их владения исключительно европейским Боспором, даже узким берегом пролива и Меотиды⁴². Если их власть действительно распространялась только на европейский Боспор, то она должна была замыкаться исключительно на хоре Пантикапея, а возникшие заново или реконструированные в начале V в. до н.э. поселения могли тогда относиться к городской хоре столицы Боспора, существенно расширившейся на запад, поскольку ее распространение на юг ограничивалось господством Нимфея на землях южнее Тиритаки и оз. Чурубаш⁴³. А.А. Масленников считает, что греки вряд ли основывали поселения в Крымском Приазовье ранее первой — второй трети V в. до н.э. Нельзя исключать, что это были поселения варваров-скифов или оседлого населения, близкого обитателям крымских предгорий, оставивших могилы в виде грубых каменных ящиков с кольцевыми обкладками⁴⁴. Не случайно, что на восточном и западном склонах горы Опук, где предполагают самое раннее поселение, обнаружена керамика варварского стиля, напоминающая кизил-кобинскую⁴⁵. Если это верно, то сельские поселения, возродившиеся или возникшие заново в начале V в. до н.э., особенно западнее м. Зюк, с большой долей вероятности можно причислить к городской хоре Пантикапея, которая увеличилась под властью Археанактидов. В это же время, как отмечалось выше, активно развивались полисные земли и на азиатском Боспоре. Поэтому, согласно полисной тираннической основе власти новых правителей, аналогичным образом должна была расширяться и хора Пантика-

⁴² Васильев А.Н. К вопросу о времени образования Боспорского государства // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 120 и след.; Завойкин А.А. Βόσπορος-Κιζιεύριος-Βόσπορος // ПИФК. 1994. Вып. 1. С. 64–69; Григорьев Д.В. Указ. соч. С. 38–42.

⁴³ Масленников А.А. Древние греки... С. 82–84; Он же. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху: Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1993. С. 13; Он же. Эллинская хора... С. 40–43.

⁴⁴ Масленников А.А. Этническая принадлежность погребений в каменных ящиках Восточного Крыма // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 19–22.

⁴⁵ Кругликова И.Т. Киммерик в свете археологических исследований // МИА. 1958. № 85., С. 226–234.

пея, крупнейшего города Боспора, резиденции тиранов Археанактидов, а впоследствии Спартокидов. Этот процесс характерен для тираннической власти не только на Боспоре, но и для других государств, которые основывались на полисных принципах объединения в архэ под автократичной властью правителя-тирана. Мы можем видеть это на примере Гераклеи Понтийской, где с установлением тирании Клеарха значительно расширились ее полисные земли, в состав которых⁴⁶ вошли даже другие города, ранее Гераклея не подчинявшиеся⁴⁷. О сходстве социальных и политических признаков власти на Боспоре и в Сиракузах при Дионисии уже неоднократно говорилось и хотелось бы в связи с этим отметить, что именно при тиранах Дионисии Старшем и Дионисии Младшем существенно расширилась их полисная держава в Сицилии, основанная на сочетании полисных принципов организации хоры, основных в этом государстве, и монархических методов правления⁴⁸.

К югу от так называемого Тиритакского вала очерчивается сельская округа Нимфея, до конца V в. до н.э. самостоятельно-го полиса, не подчинявшегося тиранам в Пантикапее. Она охватывала земли по побережью между оз. Чурубаш и оз. Тобечик до балки Глубокая на западе, имела около 6 км в окружности и общую площадь 35 км²⁴⁹. Возможно, Нимфею принадлежало и раннее поселение на холме А древнего Киммерика, где обнаружены фрагменты керамики VI–V вв. до н.э. Поселения и усадьбы Героевка-1, Васильевка, Южно-Чурубашское во второй половине VI — первой половине V в. до н.э. бесспорно входили в округу Нимфея, со второй четверти V в. до н.э. там появились скифские могильники, что было следствием дружественных отношений со степняками Восточного Крыма. Это должно было обезопасить независимый Нимфей от угрозы нападений скифов⁴⁹. Не исключено, что и правившие в Пантика-

⁴⁶ Сапрыкин С.Ю. Тирания в припонтских государствах // Проблемы социально-политической организации и идеологии античного общества. Л., 1984. С. 86–90; Он же. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 105 и след.

⁴⁷ Виноградов Ю.Г. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. М., 1983. Т. 1. С. 413 и след.; Фролов Э.Д. Предэллинизм на греческом Западе (к проблеме отношений полис — монархия и эллины — варвары) // ПИФК. 1996. Вып. 3. С. 53 и след.

⁴⁸ Зинько В.Н. Хора Нимфея в VI–IV вв. до н.э. С. 87; Он же. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. 1996. V. С. 12–15; Он же. Хора боспорского города Нимфея. С. 26 и след.; О ранних поселениях хоры Нимфея см.: Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 30–32; Она же. Сельская территория. С. 72–74; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 42.

⁴⁹ Скуднова В.М. Скифские памятники из Нимфея // СА. 1954. XXI. С. 306–318.

пее Археанактиды также поддерживали нормальные отношения со скифами, во всяком случае, курганы скифской знати, существовавшие в V в. до н.э. в его окрестностях⁵⁰, позволяют сделать такое заключение.

Хора Феодосии в VI—III вв. до н.э. простиралась на северо-запад и северо-восток в пределах 20 км от города (самыми крайними являлись поселения Гоголевка и Старый Крым на северо-западе и поселения Батальное и Батальное III на северо-востоке)⁵¹. Таким образом, в VI — начале V в. до н.э. большая часть сельской территории в Восточном Крыму была поделена исключительно между эллинскими городами Пантикапеем, Нимфею и Феодосией, а значит, прилегающие к их стенам земли составляли их ближнюю хору. Аграрные поселения на этих землях располагались в основном по побережью, не простираясь далеко в глубь полуострова.

Такая система у греков в Восточной Таврике отличалась от той, которая сложилась в дельте Кубани, где с самого начала заселялись глубинные сельские районы. Это объясняется тем, что в отличие от азиатского Боспора, где отношения варваров и греков изначально были мирными, в Восточном Крыму эллинам пришлось столкнуться с враждебностью и даже определенным давлением со стороны степных племен, главным образом скифских⁵². Однако изучение поселений и могильников на Керченском полуострове показало, что в VI—V вв. до н.э. автохтонного населения там было явно недостаточно для того, чтобы угрожать эллинским колониям и их владениям. К тому же местные племена степной зоны Восточной Таврики зависели от царских скифов⁵³, поэтому отсутствию в архаическую эпоху сельских усадеб и поселений греков во внутренних районах полуострова, скученности и рассредоточению городов и населенных пунктов вдоль побережья следует дать иное объяснение. На помощь приходит сообщение Стефана Византийского, что

⁵⁰ *Виноградов Ю.А.* Курганы варварской знати V в. до н.э. в районе Боспора Киммерийского (Опыт интерпретации) // ВДИ. 2001. № 4. С. 83.

⁵¹ *Петрова Э.Б.* Греки и "варвары" античной Феодосии и ее округа в VI—II вв. до н.э. // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 146-147; *Кругликова И.Т.* Сельская территория. С. 74; *Гаврилов О.В.* Указ. соч. С. 5-8.

⁵² *Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 44; *Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К.* Развитие взаимоотношений местного населения Северного Причерноморья с греческим миром в VII—IV вв. до н.э. // Местные этно-политические объединения Причерноморья в VII—IV вв. до н.э. Тбилиси, 1988. С. 31-32.

⁵³ *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в VI—II вв. до н.э. М., 1981. С. 26-28; Он же. Некоторые проблемы... С. 63; Он же. Каменные ящики Восточного Крыма (К истории сельского населения Европейского Боспора в VI—I вв. до н.э.) // БС. 1995. Вып. 8. С. 60-61.

при основании Пантикапея сын Аэта получил место для города от скифского царя Агаэта (s.v. Παντιάλαον). Благодаря этой легенде, восходящей ко времени Великой греческой колонизации, когда в самом начале VI в. до н.э. был основан город Пантикапей, можно сделать вывод, что греки получили землю для основания колонии от местных скифских племен "по договору"⁵⁴, как это нередко случалось при выведении апойкий. Так было, в частности, при выведении колонии в Гераклею Понтийскую и в некоторые сицилийские города⁵⁵. Следовательно, земельные владения раннего Пантикапея фиксировались рамками договора со скифами, поэтому любое расширение его земельной округи могло происходить либо вооруженным путем, либо через заключение нового соглашения, так как должно было осуществляться за счет земель окрестных варваров, в основном скифов-земледельцев, плативших дань царским скифам. Вот почему греческие полисы в Восточном Крыму в ранний период имели столь незначительную хору, которую можно охарактеризовать как "прилежащую к полису".

На рубеже первой — второй четвертей V в. до н.э. на хоре Пантикапея появились новые "аграрные городки" Зенонов Херсонес, Парфений, Зефирий, Гермисий, Гераклий, не позднее конца V в. до н.э. — Китей и Акра⁵⁶. Это стало следствием разных причин; во-первых, означенные городки появились или были восстановлены при расширении городской хоры Пантикапея и Нимфея; во-вторых, их появление на хоре крупных боспорских городов связывают с тем, что в условиях тесного соседства со скифами и при постоянных скифских миграциях, о чем говорит Геродот, с их помощью было легче обороняться от варваров, тогда как простые сельские поселения-комы, как правило неукрепленные, в такой обстановке представлялись

⁵⁴ О возможном соглашении греков со скифами при основании Пантикапея говорил еще В.Ф. Гайдукевич. См.: *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955. С. 95.

⁵⁵ *Сапрыкин С.Ю.* Гераклея Понтийская... С. 33; *De Angelis F.* The Foundation of Selinus: overpopulation or opportunities? // The Archaeology of Greek Colonisation. Oxford, 1994. P. 90.

⁵⁶ *Молев Е.А.* Боспорский город Китей // Археолог. 1986. № 54. С. 33-46; Он же. Археологические исследования Китея в 1970—1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 59. О Парфении см.: *Кастанаян Е.Г.* Археологическая разведка на городище Парфений в 1949 г. // МИА. 1958. № 85. С. 254-265. О локализации Порфмий и Парфения см.: *Шургая И.Г.* Порфмий // Античные государства Северного Причерноморья. С. 69; *Федосеев Н.Ф.* Переправа через Боспор Киммерийский // ВДИ. 1997. № 4. С. 100. О "малых" городах Боспора в целом см.: *Масленников А.А.* Некоторые проблемы... С. 66.

неэффективными⁵⁷. Возникновение и функционирование "малых" городов в Восточном Крыму должно было закрепить полисный характер земель, прилегавших к греческим апойкиям европейской стороны Боспора. Одновременно на ближайшей к ним хоре стали появляться новые сельские поселения и усадьбы. Так, на хоре Нимфея возникло девять новых поселений (Тобечик-3, Тобечик-8, Тобечик-9, Огоньки-1 и др.), а старые, например, Героевка-1, ближе к последней четверти V в. до н.э. расширяются и перестраиваются. Одновременно появляются курганные погребения скифской знати, что говорит о распространении хоры в западном направлении, когда Ортельская балка превратилась в новую западную границу земельных владений Нимфейского полиса. Поскольку отношения Нимфея и местного населения, включая носителей кизил-кобинской культуры и скифов, с самого начала были достаточно хорошими, то расширение его сельской⁵⁸ округи не могло происходить без согласия соседних варваров⁵⁹. Находки греческой керамики V в. до н.э. на побережье Меотиды западнее м. Зюк свидетельствуют о проникновении в этот район греков в результате возможного расширения хоры Пантикапея, что происходило путем включения новых земель, прежде принадлежавших скифам. Приращение к Нимфею и Пантикапею аграрных территорий шло параллельно и независимо друг от друга. Поэтому Псевдо-Скилак, перечисляя эллинские города в европейской части Боспора, пишет, что Феодосия, Китей, Нимфей, Пантикапей и Мирмекий расположены на землях скифов (*Ps. -Scyl.* 68).

Символично, что на хоре Пантикапея в подвластном ему Мирмекии в конце первой четверти V в. до н.э. произошли какие-то разрушения⁶⁰, многие сельские поселения также подверглись разгрому и прекратили свое существование⁶¹. Во второй четверти V в. до н.э. фиксируется граница двух ранних слоев на городище Зенонов Херсонес⁶¹, что говорит о смене устойчивого образа жизни, может быть, не без влияния внешней опасности. Ранее считалось, что поселение Героевка-1 на хоре Нимфея было разрушено в начале V в. до н.э., однако проведенные исследования доказали, что никаких следов пожаров и раз-

⁵⁷ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 30; Виноградов Ю.Л. Некоторые дискуссионные проблемы... С. 154—156; Он же. Мирмекий. С. 101; Масленников А.А. Некоторые проблемы... С. 61 и след.

⁵⁸ Зинько В.Н. Становление Нимфейского полиса // БФ. 2001. Ч. 1. С. 103.

⁵⁹ Виноградов Ю.Л. Мирмекий. С. 106—107; Он же. Исследования на западной окраине Мирмекии // КСИА. 1991. Вып. 204. С. 76.

⁶⁰ Масленников А.А. Эллинская хора... С. 184.

⁶¹ Масленников А.А. Зенонов Херсонес — городок на Меотиде. С. 127-129.

рушений этого времени там нет, его жители лишь на какое-то время, приблизительно между второй четвертью — концом V в. до н.э., покинули свои дома⁶². Скифские погребения этого времени в окрестностях города показывают, что взаимоотношения со скифами были стабильными, так что расширение полисной хоры могло протекать без серьезных осложнений. Пантикапею, напротив, пришлось, вероятно, вооруженным путем добиваться расширения своей территории, на что указывают остатки так называемого Тиритакского вала, датируемого не позднее первой половины V в. до н.э.⁶³, погребения с оружием в раннем некрополе Пантикапея⁶⁴ и следы пожаров и разрушений на окрестных сельских поселениях. О независимом функционировании хоры Нимфея может свидетельствовать прохождение через нее вблизи города одного из путей миграции кочевых скифов из Приднепровья в Предкавказье (*Herod.* IV. 28). Поскольку одна из переправ через пролив находилась близ Нимфея и Акры и на азиатской стороне выходила к Корокондаме, то зимние кочевья скифов вряд ли осуществлялись без согласия Нимфея пропустить их через свою территорию⁶⁵. А это значит, что город был заинтересован в союзе со скифами против усиливавшегося Пантикапея и для защиты своей сельской округи.

Освоение хоры на азиатской стороне на протяжении V в. до н.э. продолжалось еще интенсивнее, чем раньше: расширялись в глубь полуострова владения Фанагории и Гермонассы, большая часть поселений продолжала энергично функционировать, возникло много новых населенных пунктов, общее количество которых достигло восьмидесяти одного. Значительное сравнительно с европейским Боспором, где у власти встали Археанактиды и ранние Спартокиды, число сельских поселений объективно свидетельствует в пользу независимости азиатского Боспора от тиранов Пантикапея и устойчивости греко-варварских отношений

⁶² Горончаровский В.А. Новые данные для изучения боспорской хоры в VI—II вв. до н.э. // Древнее Причерноморье. Одесса, 1991. С. 23—24. Ср.: Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 31.

⁶³ Масленников А.А. Еще раз о боспорских валах // СА. 1983. № 3. С. 19.

⁶⁴ Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI—IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. 1959. № 69. С. 260 и след.

⁶⁵ Бахтина М.Ю., Виноградов Ю.Л., Горончаровский В.А. Некоторые вопросы греческой колонизации Крыма // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Тбилиси, 1979. С. 77; Он же, Рогов Е.Я. Об одном из маршрутов военных походов и сезонных миграций кочевых скифов // ВДИ. 1980. № 4. С. 151; Федосеев Н.Ф. Указ. соч. С. 110.

в регионе, когда каждый из полисов независимо осваивал округу и выстраивал отношения с варварами. Это означает, что в V в. до н.э. сельская территория Боспора функционировала исключительно как полисная. Конфликтная ситуация на хоре Пантикапея, в отличие от сравнительно мирной на хоре Нимфея, может указывать на то, что власть Археанактидов в качестве социальной и экономической базы использовала ресурсы полисных земель и, вероятно, не обеспечила преемственности условий соглашения со скифами о разграничении земельных владений, заключенного при основании Пантикапея. Именно этим мы готовы объяснить разрушения и пожары на северо-западе, севере и северо-востоке Керченского полуострова в начале V в. до н.э. Затем взаимоотношения пантикапейских Археанактидов со скифами улучшились, и это подготовило почву для экспансии Пантикапея в сторону Нимфея. Что касается хоры Фанагории и Гермонассы, то слабая изученность окрестных сельских поселений не позволяет пока уверенно говорить о мирной или напряженной обстановке на аграрной периферии. Можно только констатировать, что в самой Фанагории в конце VI в. до н.э. имели место какие-то разрушения и пожары. Это могло затронуть и хору, однако последовавший вскоре расцвет строительства в городе в самом начале V в. до н.э. может косвенно подтверждать такой же всплеск строительства на хоре полиса⁶⁶.

Следующий этап в развитии хоры Боспора связан с политикой первых Спартокидов. Приблизительно в последней декаде V в. до н.э. они подчинили Нимфей, затем началась борьба за Феодосию, завершившаяся в конце первой — начале второй четверти IV в. до н.э. Одновременно Сатир I и чуть позднее Левкон I активизировали усилия по расширению владений в Синдике, что, как мы отмечали выше, сказалось на состоянии хоры. В самом начале IV в. до н.э. хора Нимфея переживала подъем, даже несмотря на подчинение династам Боспора. По данным раскопок и разведок, в начале IV в. до н.э. и вплоть до начала III в. до н.э. на его сельской территории появилось 35 поселений. В последней четверти V в. до н.э. на поселении-усадебе Героевка-1 возникает большое здание, а в первой половине IV в. до н.э. строятся укрепления — квадратная башня, внеш-

лые усадебные комплексы стали теперь центрами небольших районов на городской хоре с подчиненными им небольшими индивидуальными хозяйствами типа поселения Героевка-2 — маленького хутора с землянками жилого и хозяйственного назначения. Продолжали функционировать поселения, которые появились в более раннюю эпоху — Южно-Чурубашское, Чурубаш-9, Героевка-6 и др. Они показывают, что сельская округа Нимфея представляла собой сложившийся административно-хозяйственный организм с развитой инфраструктурой, характерной для полисных земель. Организация хоры Нимфея напоминает структуру аграрных территорий Ольвии и Херсонеса Таврического⁶⁷.

Возникновение Китея и Акры южнее Нимфея связано, вероятно, с подчинением последнего Спартокидам. Их могли вывести как Нимфей, так и Пантикапей, заметно расширивший свои владения сначала на север, а затем на запад и на юг. После захвата Феодосии в 70-е годы IV в. до н.э. в Восточном Крыму в целом сложилась традиционная для греческих полисов система поселений и усадеб, построенная на административном, военном и хозяйственном делении территории по округам с подчинением мелких поселений более крупным, на хозяйственных отношениях неукрепленных усадеб и деревень с основными военными крепостями. Для этого периода известны мелкие хозяйства-ойкосы (Пустынный берег) из однокамерных построек с двором или без него, "усадебь царских наместников" (Чокрак), "центры царского землевладения" (по терминологии А.А. Масленникова) и торговые фактории (Генеральское Западное), усадебь с наделами (Андреевка Южная, Бакланья Скала, Октябрьское), селища местного земледельческого населения (Ак-Таш, Золотое плато, Кошара и др.), расположенные в глубинных районах Восточного Крыма. Считается, что усадебь типа Андреевка Южная, Октябрьское, Бакланья Скала могли относиться к хоре столицы Боспора и принадлежали индивидуальным владельцам. Укрепления по побережью типа Генеральского Западного и Чокрака располагались не на полисной, а на царской хоре⁶⁸, находившейся в непосредственном подчинении Спартокидов. К IV—III вв. до н.э. четче стали обрисовываться

⁶⁷ О хоре Нимфея см.: *Зинько В.Н.* Некоторые итоги... С. 16; *Он же.* Хора... С. 87–89; *Соловьев С.Л., Бутягин А.М.* Землянки на хоре Нимфея // РА. 1998. № 2. С. 138; *Зинько В.Н., Соловьев С.Л.* Раскопки на поселении Героевка-2 в 1992 г. // БС. 1994. Вып. 4. С. 159; *Зинько В.Н.* Хора боспорского города Нимфея... С. 55 и след.; *Масленников А.А.* Сельские поселения европейского Боспора... С. 87.

⁶⁸ Об этом см.: *Кругликова И.Т.* Сельское хозяйство... С. 58; *Масленников А.А.* Сельская территория... С. 12 и след.; *Он же.* О типологии сельских поселений Боспора // СА. 1989. № 2. С. 72 и след.; *Он же.* Эллинская хора... С. 46–66.

⁶⁶ Античные государства Северного Причерноморья. С. 77–78.

границы хоры Феодосии, охватившей окрестную территорию в радиусе 10 — 20 км. В ее прибрежной зоне преобладали усадьбы постройки классического греческого типа, а во внутренних районах основным видом поселений стали селища местного населения (Виноградное, Отважное, Боевое, Тамбовка, Журавка, Новопокровка, Владиславовка, Фронтное, Батальное, Семисотка, Ячменное, Холмогорка, ряд поселений на Ак-Монайском перешейке). Поселения местного населения располагались в районе Старого Крыма за р. Чуруксу⁶⁹. Общее число сельских поселений в округе города достигло пятидесяти трех, многие из них появились вследствие оседания скифов на земле. Мы можем предположить, что в указанный период хора Феодосии состояла из территории, "прилегающей к полису", размежеванной на участки с усадьбами граждан полиса, и из земли, которую условно называют "подвластной полису." На ней основным типом поселений были селища-комы, где обитало местное земледельческое полузависимое население.

На азиатском Боспоре период с начала IV в. и до конца первой четверти III в. до н.э. считается временем наивысшего расцвета сельской округи Гермонассы и Фанагории, где разведками и мелкими раскопками зафиксировано 185 поселений, из которых 2/3 были небольшими новообразованными поселениями или отдельно стоящими усадьбами. Они появились вследствие так называемого уплотнения ближней хоры полисов. Одновременно увеличилось число⁷⁰ прибрежных поселений и "деревень" в глубинных районах. В связи с основанием Горгиппии в первой половине IV в. до н.э. начинает формироваться ее ближняя хора⁷¹, активно застраивавшаяся усадьбами со второй половины столетия⁷².

Археологические и нарративные материалы позволяют с высокой степенью уверенности заключить, что система расселения на хоре Боспора с самого раннего времени создавалась на базе полисных земель крупнейших городов. Но только с начала IV в. до н.э. этим полисам, особенно Пантикапее и Феодосии, подчинялось значительное число селищ местного земле-

⁶⁹ Корпусова В.М. Про населения хори антична Феодосия // Археолог. 1972. № 6. С. 41 — 55; Кругликова И.Т. Разведки в Старо-Крымском районе в 1956 г. // КСИИМК. 1959. Вып. 74. С. 71; Петрова Э.Б. Указ. соч. С. 147; Гаврилов О.В. Указ. соч. С. 6.

⁷⁰ Паромов Я.М. Археологическая карта Таманского полуострова. М., 1992. С. 40 и след.; Он же. Основные этапы... С. 8 — 9; Горлов Ю.В., Лопанов Ю.Л. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 1995. № 3. С. 131.

⁷¹ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 41 — 43.

⁷² Новичихин А.М. Раскопки античного поселения в Андреевской Щели близ Анапы // ВС. 1994. Вып. 4. С. 172.

дельческого населения, расположенных на так называемой дальней хоре. Это было результатом активной завоевательной и градостроительной политики первых Спартокидов, когда стало создаваться государство, впоследствии известное как Боспорское царство. Обширные сельские районы, где обитали скифы-земледельцы, служили источником огромных поступлений зернового хлеба, который шел на экспорт в Афины и другие государства Восточного Средиземноморья. Поскольку доходы от этой торговли принадлежали династам Боспора, главным экспортёрам боспорской пшеницы, принято считать, что зерно привозили с так называемой царской земли, находившейся в собственности правителей государства. Но возникает вопрос, правомерно ли выделять в это время на Боспоре "царскую" хору.

Некоторые исследователи дают на него положительный ответ, полагая, что сельские районы в глубине Керченского полуострова, в Крымском Приазовье и к западу от хоры Нимфея относились к царским землям Спартокидов⁷³. Основные аргументы тех, кто считает Спартокидов собственниками царской земли на Боспоре, сводятся к сообщениям двух письменных источников: характеристике Демосфеном Левкона I как "хозяина боспорского хлеба" (*Dem. Adv. Lept. 31*) и указанию Поллена (VI. 9. 3) о назначении Левконом I эпимелетов в деревни-комы во время войны с Гераклеей Понтийской. Между тем определение боспорского владыки как "хозяина хлеба" всего Боспора совсем не означает, что земли, на которых его выращивали, принадлежали исключительно правящей династии. Свидетельство Демосфена о Левконе на самом деле отражает ситуацию, когда все доходы от продажи зерна поступали в боспорскую казну, находившуюся в распоряжении тиранов — верховных правителей в государстве. Пшеницу могли собирать и с городских земель, например, с сельской территории вокруг Зенонова Херсонеса, обладавшего своей, пусть и небольшой, хорой. Подобные сельские округа находились в распоряжении других "малых" городов, для того и созданных, чтобы удерживать обширные земельные владения больших полисов — Пантикапея, Нимфея, Феодосии, Фанагории, Гермонассы, Горгиппии. Ведь эти города составляли ядро так называемого Боспора, архонтами которого величали себя Спартокиды. Изучение терминологии, которой античная традиция пользовалась для характери-

⁷³ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 160; Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI — IV вв. до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М., 1985. С. 159; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 46 и след.; Русяева А.С., Зубарь В.М. Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев, 1998. С. 34.

стики этих "малых", или "аграрных", городков, показывает, что она изменялась в зависимости от перемен в их административно-хозяйственном статусе, тогда как крупные полисы сохраняли свой статус в постоянно изменявшихся условиях⁷⁴. Существование у боспорских "малых" городов собственной сельской округи нисколько не противоречит тому, что вся эта земля официально считалась принадлежащей либо Пантикапею, либо Нимфею, поскольку в Херсонесе, к примеру, городские хоры Прекрасной гавани и Керкинитиды входили в состав земель Херсонесского государства — классического полисного образования. Так что урожай зерновых могли снимать со всех земель Боспорского государства, а именно: с округи "малых", или "аграрных", городов, с территорий вокруг крупных укреплений типа Генеральского Западного, считавшихся "подвластными полисам" и обрабатывавшихся местными полузависимыми земледельцами, которые жили в комах — неукрепленных деревнях, сельских общинах, — и с хоры собственно греческих городов, т.е. с земли, "прилегающей к полису". Но все эти земли подпадали под юрисдикцию тиранов Пантикапея, которые изначально являлись его архонтами. Спартокиды, чья власть была тираннической⁷⁵, официально назывались архонтами, верховными правителями государства, а значит, управляли и всеми землями в этом государстве. Но поскольку они, а ранее Археанактиды, получили власть в Пантикапее как его архонты и должны были вести дела от лица его граждан (об этом говорит практика созыва — правда, очень редкая — Народного собрания граждан Пантикапея, как при Евмеле), то все земельные приобретения, начиная с Мирмекия и округи и кончая землями в окрестностях Нимфея, де-факто и де-юре являлись собственностью пантикапейской общины, а не личным или частным владением ее архонтов. Владения у них, конечно, имелись, и в немалом объеме, но они обуславливались полисными рамками земельной собственности. Вот почему тираны Пантикапея вынуждены были сохранить эту форму собственности у вошедших впоследствии в состав государства других полисов, которые и составили понятие "Боспор". Гражданские коллективы Феодосии, Фанагории, Гермонассы, Горгииппии, Нимфея, чья окрестная хора находилась у их граждан, сохранили ее, но право владеть ею было опосредовано верховной властью тиранов Пантикапея. Это давало последним прерогативу чеканить монету от имени Пантикапея, а не какого-либо другого полиса, и

⁷⁴ Завойкин А.А. Боспор: территориальное государство и полис // БФ. 2001. Ч. 1. С. 28.

⁷⁵ Сапрыкин С.Ю. Тирания... С. 88; Он же. Боспорское царство... С. 29-31.

официально именоваться "архонтами Боспора и Феодосии" (сначала Боспора, и лишь позднее Феодосии, когда она была завоевана после очень тяжелой войны с Гераклеей и оттого ее выделили в самостоятельную в административном отношении полисную единицу). Полисный характер власти Спартокидов проявился даже в том, что тотчас после покорения Синдики Левкон I стал называть себя "архонтом всей Синдики"⁷⁶. Земли в Синдике впоследствии были упорядочены согласно нормам, принятым в Боспорском царстве: полисные владения стали подпадать под общее понятие "Боспор", а вошедшие в состав государства племена меотов и синдов сохранили свои земли, но называли себя подданными Спартокидов, которые приобрели официальный статус царей указанных племен. Но это не означало, что земли синдо-меотов находились в царской собственности спартокидовской династии, так как управление ими в качестве "царей" только закрепило племенное деление в этой части государства, не обеспечив особой прочности власти. Последнее приводило к спорадическим выходам отдельных племен из числа подданных тиранов.

Таким образом, выстраивается целая цепочка полисных отношений и вырисовывается характер земельной собственности: индивидуальная собственность граждан полисов — собственность коллектива граждан полисов — власть тиранов Пантикапея, архонтов Боспора, получавших со всех земель доходы в виде налогов и пошлин от торговли зерном, а не личную ренту в качестве собственников земли. Спартокиды могли иметь земельные участки, но только как граждане Пантикапея или почетные граждане других боспорских полисов, что регулировалось рамками гражданской общины городов.

Однако желающие видеть в Спартокидах крупных земельных собственников на царской, а не на полисной земле, причисляют к царской хоре даже территорию Киммерийского острова (совр. Фонталовского п-ва). В основу тезиса о царской земельной собственности на Спартокидовском Боспоре обычно кладут сообщение Исократу о некоем Сопее, одном из приближенных Сатира I, который "начальствует над большой областью и имеет подечение о всех его (Сатира. — С.С.) владениях" (*Isocr.* Трап. 3)⁷⁷. Но из этого пассажа "Банкирской речи" ни-

⁷⁶ Соколова О.Ю., Павличенко Н.А. Новая посвятельная надпись из Нимфея // *Hyperboreus*. 2002. Т. 8, № 1. С. 99 - 121.

⁷⁷ Маслеников А.А. "Царская" хора Боспора на рубеже V—IV вв. до н.э. // ВДИ. 2000. № 1. С. 181. Об этом же см.: Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Указ. соч. С. 133. Авторы полагают, что основной единицей царских земель при Левконе I были комы, объединенные в области, подобные той, которой управлял Сопей. Однако кома не обязательно является атрибутом

как не следует, что Сопей управлял именно царской землей или был распорядителем царской земельной собственности. Исократ пишет буквально следующее: *πολλῆς μὲν χώρας ἀρχειν, ἀπάσης δὲ τῆς δυνάμεως ἐπιτελεῖσθαι τῆς ἐκείνου* — "править всей областью, осуществлять всю полноту его (Сатира) власти". Глаголы *ἀρχω* и *ἐπιτελεῖσθαι* имеют оттенок значения "управлять", "руководить", но не своей или чужой собственностью, и тем более не владеть чем-либо; они означают попросту "руководить" или "попечительствовать" (особенно *ἐπιτελεῖσθαι*) в качестве ответственного лица или чиновника администрации, в данном случае — Сатира I, тирана Боспора, архонта, верховного правителя. Сопей мог быть чиновником администрации в статусе полисного магистрата либо назначенного тираном наместника на подвластной территории или ее части независимо от того, царская она или полисная. Ведь и полисные земли делились на административно-хозяйственные и военно-стратегические округа, находившиеся в ведении полисных чиновников — эпимелетов⁷⁸. Назначение Левконом I эпимелетов в деревни-комы подтверждает, что эти общины не относились к царским земельным владениям, а всего лишь признавали власть Спартокидов и потому были вынуждены принять их уполномоченных, которыми собственно и являлись эпимелеты. Следовательно, нет оснований считать, что Сопей владел землей, подаренной ему в собственность Спартокидами из состава их доменов, или что он правил как наместник на царских землях, которые находились в их собственности. Он попросту попечительствовал над определенной областью как наместник Сатира. Согласно установившемуся при Спартокидах правилу, один из членов правящего дома (чаще всего это был старший сын здравствующего правителя или его младший сын, если этот правитель умер) получал в управление земли на азиатской стороне Боспора⁷⁹. Повто-

царской земли, очень часто деревенские общины-комы располагались на землях полисов, как, например, в Приене (OGIS. 1), Кизике (JHS. 1904. № 24. N 4), Стратоникее (OGIS. 441). Подробнее см.: Голубцова Е.С. Сельская община Малой Азии. М., 1972. С. 10 и след.; Она же. Община, племя, народность в античную эпоху. М., 1998. С. 105.

⁷⁸ Об эпимелетах как магистратах, которые контролировали какие-либо отдельные вопросы управления строительством или сбором налогов см.: Roussel P. Les epimeletes aitolienes à Delphes // BCH. 1926. 50. P. 124—134; Stauber J. Die Bucht von Adramytteion II // Inschriften griechischer Städte aus Kleinasien. Bonn, 1996. Bd 51. S. 20-23; Salomon N. Le cleruchie di Atene. Pisa, 1997. P. 159—162 (эпимелеты предводительствовали афинянами при выведении клерухий). Об эпимелетах как управляющих от лица городской общины см.: IG. XII. 8. 5 (IV в. до н.э.).

⁷⁹ Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 76-80; Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. Л., 1949. С. 221.

рим, что власть Спартокидов, как и их предшественников Археанактидов, была по сути тираннической и не выходила за рамки полисного правления, поэтому подчинявшиеся им земли в IV — начале III в. до н.э. попадали под понятие "полисных". Так что нет причин искать владения Сопея, якобы полученные им из состава царских земель, где-либо на Керченском полуострове, на Тамани или на одном из островов русла Кубани, где все земельные владения были не царскими, а подчинялись городам.

До правления Перисада II (284 — ок. 245) боспорские Спартокиды титуловались как архонты Боспора и Феодосии, цари синдов, всех меотов и, согласно порядку подчинения других племен, в то или иное время как цари досхов, торетов, дандариев, псессов (КБН. С. 840—843). Их официальная титулатура отражала полисную сущность их власти и появилась в таком виде потому, что на Керченском и Таманском полуостровах и в районе Горгиппии существовали обширные полисные структуры, скрывавшиеся под политико-административным понятием с географическим оттенком "Боспор" (земельные владения Пантикапея и Нимфея в Восточном Крыму и Фанагории, Гермонассы, Горгиппии на азиатской стороне). Она включала также административно-правовой термин "Феодосия", который относился к землям Феодосийского полиса, и распространялась на территории азиатской половины государства, населенные местными племенами, признававшими власть Спартокидов как царскую. Так что если уж искать "царские" земли Спартокидов, то на самой дальней периферии Боспорского царства, в древней Меотике, области расселения местных племен, весьма слабо эллинизованных и даже не всегда подчинявшихся пантикапейским владыкам, как, например, псессы, и где эллинских городов практически не было. Но и там вряд ли прижилось так называемое царское землевладение, так как эти земли всего лишь признавали власть Спартокидов, по местной традиции еще со времени скифских и синдо-меотских царей отождествлявшуюся с царской.

Поэтому к полисным землям нужно относить Керченский полуостров и Тамань, а обширные владения Боспора в Крымском Приазовье, во внутренних районах Восточной Таврики, где были многочисленные селища, сельские усадьбы и крупные укрепления эллинского типа, следует с полным правом считать "дальней хорой" Пантикапея. Поселение Генеральское Западное, учитывая его большие размеры, нельзя относить к категории тех, что находились на царских землях, поскольку аналогичные или близкие по характеру поселения этого же времени известны на хоре Херсонеса, например, Чайка, Кульчук, Маслины и Караджинское. А они принадлежат к разряду полисных,

подвластных херсонесской общине. Столь обширная аграрная округа одного полиса кажется на первый взгляд очень необычной, но ведь это была столица Боспора, самый большой по размерам и очень значительный по влиянию город Северного Причерноморья. Неслучайно только Пантикапей получил при Спартокидах с 379 г. до н.э. право чеканить свою монету, что продолжалось вплоть до падения этой династии в конце II в. до н.э.⁸⁰ До 379 г. до н.э. свои монеты выпускали Фанагория, Нимфей, Феодосия, но только до того как они вошли в состав Боспора. Следовательно, тиранническая власть Спартокидов базировалась на политико-экономической и правовой структурах столицы Боспора — основы их державы, получившей поэтому наибольшее количество земельных владений, хотя и при сохранении некоторыми ведущими полисами собственных аграрных структур. Аналогичный прецедент — Херсонес Таврический, где организация территорий была во многом схожей с Пантикапеем, включая, если следовать присяге, и право торговать хлебом только через порт самого Херсонеса (как, надо полагать, в Пантикапее и Феодосии, отсюда большая заинтересованность в этой торговле архонтов-тиранов, получивших у греков прозвище "хозяев хлеба").

Во второй четверти — середине III в. до н.э. поселения, селища и усадьбы на европейском Боспоре погибают, очевидно, под натиском местных племен, вызванным активизацией сарматов в междуречье Дона и Днепра и образованием Скифского царства в Таврике. Вслед за исчезновением селищ и неукрепленных усадеб, захирением укреплений и крепостей по побережью Меотиды меняется структура хоры. Появляются новые укрепленные поселения, которые отличаются от прежних тем, что теперь это либо небольшие крепости-центры подвластной округи, как, например, Порфмий и Золотое Восточное, либо большие укрепленные усадьбы или комплексы вилл (Крутой берег, Новоотрадное). Возникают и пригородные усадьбы, построенные в соответствии с нормами греческого сельского домостроительства, как, например, одна усадьба в округе Мирмекия, принадлежавшая хоре Пантикапея⁸¹. Характерна судьба классической греческой усадебной постройки прямоугольного типа с двором в Крымском Приазовье, вошедшая в науку под названием "Бакланья Скала". Она активно функционировала в первой половине III в. до н.э., а около середины столетия обита-

тели ее оставили⁸². Налицо явное изменение хозяйственного профиля; виноделие, главный вид деятельности жителей, стало нерентабельным, так как производство такого рода отныне концентрировалось поближе к городам, не на дальней, а на ближней хоре. На дальней хоре появились крупные крепости, основной задачей которых было не только оборонять подступы к столице, но и взимать форос с местного населения. Существенно сократилось количество поселений и усадеб на хоре Нимфея, там продолжали действовать только усадьбы Героевка-1, Огоньки, Чурубашское⁸³, причем большинство доживает только до конца II в. до н.э.⁸⁴ Такие же катаклизмы пережила хора Феодосии, где полностью исчезли варварские и полуварварские селища и остались только усадьбы на ближней хоре. Зато на юго-западе, на границе феодосийской хоры, стали появляться новые укрепленные поселения, призванные защищать полис и одновременно юго-западные рубежи царства (Биук-Янышар, Коклюк, Тепе-Оба)⁸⁴. Такие же укрепления по берегам Меотиды были выстроены для защиты хоры Пантикапея и, вероятно, Нимфея.

Картина распространения сельских поселений на азиатском Боспоре другая. В начале второй четверти III — конце первой четверти I в. до н.э. там существовало наибольшее число населенных пунктов — 203 (по данным Я.М. Паромова, 3 крупных, 7 средних, остальные малые), почти весь Таманский полуостров был размежеван на наделы. Шло уплотнение хоры в тех же границах, что и ранее⁸⁵, а значит, развивалась именно полисная хора Гермонассы и Фанагории. Появилось святилище "Таманский толос", и, может быть, другие комплексы, связанные с культом Афродиты Апатуры. Следовательно, в III—I вв. до н.э. земельные владения на азиатском Боспоре по-прежнему могли принадлежать городам, не выпадая из категории полисных, а также таким храмовым центрам, как Апатур. Стабильность сельской округи в этом районе резко контрастировала с явным уменьшением дальней полисной хоры на европейской стороне, что произошло не без угрозы скифов и сарматов. В середине III в. до н.э. начались кризисные явления в экономике Боспора, что бы ни говорили противники этой точки зрения. Произошли из-

⁸⁰ Анохин В.А. Монетное дело... С. 140 и след.

⁸¹ Масленников А.А., Староверов А.А. Исследование античных памятников в Крымском Приазовье // БС. 1994. Вып. 4. С. 169—171; Он же. Сельская территория... С. 15; Он же. Эллинская хора... С. 89.

⁸² Масленников А.А. Исследования памятников боспорской хоры в Крымском Приазовье // Археологические исследования в Крыму. Симферополь, 1994. С. 195 и след.

⁸³ Горончаровский В.А. Указ. соч. С. 23-24; Зинько В.Н. Некоторые итоги... С. 16-18.

⁸⁴ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 72; Петрова Э.Б. Указ. соч. С. 151.

⁸⁵ Паромов Я.М. Основные этапы... С. 9—10.

менения в титулатуре Спартокидов, которые со времени Спартака III и Перисада II стали именовать себя не архонтами Боспора и Феодосии, как раньше, а царями (КБН. 20, 21, 75, 1044). Это отразилось и в монетной чеканке, где наряду с полисной монетой Пантикапея появились монеты с царской титулатурой. Однако основы тираннической власти Спартокидов, а значит, и полисная сущность их правления, не претерпели серьезных изменений. Не произошло кардинальных перемен в характере землевладения и в социально-экономических отношениях, так как полисная структура земельных владений сохранилась.

Принятие Спартокидами царского титула было данью традиции, именно так поступили диадохи и эпигоны Александра Македонского. Им вторили и более мелкие правители, в частности гераклейский тиран Дионисий, который провозгласил себя царем в конце IV в. до н.э. Спартокиды сделали это чуть позднее, чтобы встать вровень с эллинистическими правителями и достойно представлять себя на международной арене. Это также могло быть результатом углубления экономического и финансового кризиса, за которым последовали некоторые политические изменения для Пантикапея, обусловленные внешним давлением со стороны сарматов и ростом могущества Скифского царства в Крыму. Этнические передвижения в степи коснулись и азиатских владений, где в непосредственном соседстве с греками обитали племена, признававшие Спартокидов царями, что было близко их образу жизни и менталитету. С целью защитить полисные владения, укрепить власть путем сокращения социально-экономической базы тираннии Спартокиды по примеру эллинистических царей решили усилить контроль за аграрными территориями — главной составляющей их благополучия. В Восточной Таврике и в Предкавказье они взяли под защиту исконные полисные земли, юридически подпадавшие под понятие "Боспор" в раннем, так называемом "полисном" варианте их титулатуры. В связи с участвовавшими вторжениями варваров — скифов, но главным образом сарматов — местное земледельческое население, прежде обитавшее в неукрепленных деревнях и занимавшееся преимущественно выращиванием хлеба, было вынуждено переселиться в большие поселения под защиту стен и башен. В дополнение к хозяйственным обязанностям их жители взяли на себя выполнение некоторых воинских и сторожевых функций, что делало их в чем-то близкими позднейшим эллинистическим катойкам. Отсюда появление крупных укрепленных поселений, основанных для защиты окраинных владений (Семеновка, Артезиан, Золотое Восточное). В Восточном Крыму это произошло за счет некоторого перераспределения земли из разряда подвластной или принадлежавшей Пантикапею, Нимфею и Феодосии. Создавались

не новые категории царских земель, а усиливались обороноспособность и хозяйство на дальней хоре греческих городов. Развитие земельных отношений на хоре Боспора, последовательность ее заселения и хронология поселений позволяют говорить, что вся аграрная структура Боспора соответствовала полисной сущности власти династии Спартокидов, тираннического в своей основе режима, хотя и называвшегося теперь царским. Поэтому освоение сельских территорий по-прежнему шло традиционными канонами развития полисных земель. Это продолжалось вплоть до установления власти Митридата Евпатора.

2. БЛАГОДЕЯНИЕ ЕВМЕЛА КАЛЛАТИЙЦАМ

Характер земельных отношений на Боспоре в эпоху раннего эллинизма отчетливо проявляется в эпизоде из его истории, случившемся в правление царя Евмела (310 — 303). О нем сообщает Диодор Сицилийский, основываясь, как и в других пассажах о Боспорском царстве, на свидетельстве анонимного боспорского ⁸⁶хрониста, так что сведения Диодора считаются надежными. Описывая попытку Лисимаха, одного из диахов Александра Македонского, захватить в 310/309 г. до н.э. город Каллатис в современной румынской Добрудже, греческий историк пишет следующее: "Так, когда каллатийцы, осажденные Лисимахом, оказались в бедственном положении вследствие недостатка продовольствия, он (Евмел. — С.С.) принял к себе тысячу человек, удалившихся вследствие недостатка в пище, и не только дал им безопасное убежище, но даже город для поселения, а кроме того разделил на участки так называемую Псою и область". В греческой огласовке эта фраза выглядит так: Καλλατιανῶν δὲ πολιορκουμένων ὑπὸ Λυσισμάχου καὶ πεζουμένων τῇ σπάνει τῶν ἀναγκαίων χιλίους ὑπεδέξατο τοὺς διὰ τὴν σιτοδείαν ἐκχωρήσαντας. οἷς οὗ μόνον τῆς καταφυγῆς παρέσχετο τὴν ἀσφάλειαν, ἀλλὰ καὶ πόλιν Εὐδοῆ κατοικεῖν, ἐπὶ δὲ τούτοις τὴν ὀνομαζομένην ΨΟΑΝΚΑΗΤΙΚΗΝ χώραν κατεκλήρουσεν (*Diod.* XX. 25. 1, *Loeb* = SC. I, 2. P. 477, 478).

Несмотря на кажущуюся логичность и точность, это свидетельство вызывало и по сей день вызывает множество споров и толкований. Они возникают от того, что ключевая фраза сицилийского историка о расселении каллатийцев и мероприятиях

⁸⁶ *Ростовцев М.И.* Скифия и Боспор. Л., 1925. С. 125 и след.; *Жебелев С.Л.* Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья // *Античные города Северного Причерноморья*. С. 9; *Сапрыкин С.Ю.* Греческие государства в Причерноморье // *Источниковедение Древней Греции (эпоха эллинизма)*. М., 1982. С. 189.

в связи с этим Евмела испорчена при переписке. Согласно И. Мадвигу, в тексте рукописи стояло $\Psi\omicron\alpha\nu\eta\alpha\tau\iota\chi\eta\nu\ \chi\acute{o}\rho\alpha\nu$, что в своем комментарии к изданию Диодора 1888 г. К. Фишер предложил читать как $\Psi\acute{o}\alpha\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\eta\nu\ \chi\acute{o}\rho\alpha\nu$ ⁸⁷, и это не встретило возражений у последующих комментаторов и толкователей текста древнего историка⁸⁸. Только В.В. Латышев в 1894 г. впервые высказал сомнение в правильности подобного восстановления испорченного текста Диодора. Его главные аргументы таковы: как название местности на Боспоре Псоа нигде не встречается, по контексту Псоа не могла обозначать ни города, ни деревни, ни области, поэтому, по его мнению, "единственным выходом из указанного положения является предположение, что между словами $\acute{o}\nu\omicron\alpha\zeta\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\nu$ и $\chi\acute{o}\rho\alpha\nu$ стояло одно только слово, обозначающее собственное имя области, разделенной на участки между каллатийцами... Если же поставленное в данном месте название области было неизвестно переписчикам, то весьма возможно, что оно уже рано подверглось порче, а затем какой-либо читатель или переписчик, желая осмыслить непонятное, вывел из сохранившихся букв те три слова, которые теперь читаются в тексте ($\Psi\acute{o}\alpha\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\eta\nu$), и это чтение, как представлявшееся на первый взгляд вполне понятным, перешло во все последующие списки и до сих пор не возбуждало сомнений". В качестве названия области, пропущенной при переписке, В.В. Латышев предложил $\Theta\acute{\iota}\alpha\nu\nu\epsilon\alpha$, которое встречается в одной фанагорийской надписи римского времени ($\gamma\acute{\epsilon}\alpha\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\ \Theta\acute{\iota}\alpha\nu\nu\epsilon\omicron\iota\varsigma$ - IOSPE. II. 353 = КБН. 976). По его мнению, здесь находились земли, посвященные богине.

Обосновывая свое предположение, В.В. Латышев прибег к некоторым филологическим натяжкам, вызвавшим сомнения у него самого и тем более у последующих толкователей означенного пассажа. Он писал: "Так называемые $\epsilon\theta\nu\iota\kappa\acute{\alpha}$ от имени собственных среднего рода множественного числа обыкновенно образуются посредством суффикса $-\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$, стало быть для $\Theta\acute{\iota}\alpha\nu\nu\epsilon\alpha$ может быть предложена форма $\Theta\acute{\iota}\alpha\nu\nu\epsilon\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ или $\Theta\acute{\iota}\alpha\nu\nu\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$, а название области могло быть $\Theta\acute{\iota}\alpha\nu\nu\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$. Эту именно форму мы и предполагаем в первоначальном тексте Диодора. Возможность порчи на-

⁸⁷ *Diodori Bibliotheca historica* / Ree. F. Vogel, C.Th. Fischer. Lipsiae: in aed. B.G. Teubneri, 1888-1893; *Diodori Bibliotheca historica* / Ex rec. L. Dindorfii. Lipsiae: in aed. B.G. Teubneri, 1866-1868. Vol. IV, V. Примечания и критический аппарат см.: *Diodori Bibliotheca historica* / Ex rec. L. Dindorfii. Lipsiae (Leipzig), Hartmann, 1828-1831. Vol. V. Об эмendaции К. Фишера и чтении рукописного текста И. Мадвигом см.: *Diodorus Siculus*. Transi, by Rüssel M. Geer (Loeb Classical Library). L.; Cambridge, 1971. Vol. 10. P. 206.

⁸⁸ Cp.: Comm. ad SC. I, 2. P. 477, Wesseling: "Psoam invenient alii". V. 2: Verba $\Psi\acute{o}\alpha\nu\ \kappa\alpha\iota\ \tau\eta\nu$ videntur corrupta desideratur adiect. pertinens ad $\chi\acute{o}\rho\alpha\nu$.

звания $\Theta\acute{\iota}\alpha\nu\nu\acute{\iota}\tau\eta\varsigma$ и затем осмысления его в $\Psi\omicron\alpha\nu\eta\alpha\tau\iota\chi\eta\nu$ настолько ясна, что почти не требует доказательств... Во всяком случае мы смеем думать, что предлагаемое нами чтение $\tau\eta\nu\ \acute{o}\nu\omicron\alpha\zeta\omicron\mu\acute{\epsilon}\nu\eta\nu\ \Theta\acute{\iota}\alpha\nu\nu\acute{\iota}\tau\eta\varsigma\ \chi\acute{o}\rho\alpha\nu\ \kappa\alpha\tau\epsilon\chi\lambda\eta\rho\acute{o}\upsilon\chi\eta\sigma\epsilon\nu$, устраняя из текста излишнее и необъяснимое слово $\Psi\acute{o}\alpha\nu$ и приурочивая поселение каллатийцев к определенной местности, имеет право на внимание"⁸⁹. Таким образом, В.В. Латышев предложил искать место поселения каллатийцев на азиатской стороне Боспора, но при этом указывал, что с определенностью об этом говорить нельзя.

Поправка В.В. Латышева встретила и полное признание, и всестороннюю критику. По мнению В.Д. Блаватского, Евмел дал каллатийцам землю в Фианнеях, у восточной окраины Фанагории, на пространстве около 5000 га, при этом площадь предоставленных им участков не превышала 5 га. Участки могли относиться к храмовым землям, но обрабатывались личным трудом переселенцев⁹⁰. Т.В. Блаватская, пытаясь обосновать данную локализацию места, где поселили граждан Каллатиса, полагает, что по географическим условиям район устья Кубани был более удобен и подходящ для выселившихся из Добруджи каллатийцев. К тому же, по ее словам, "поселение тысячи граждан с выделением им земли скорее было возможно на обширных плодородных пространствах Кубани, чем на ограниченной площади Керченского полуострова"⁹¹. И.Т. Кругликова считает, что Псоа Диодора локализуется на азиатском Боспоре, а размежеванные Евмелом клеры находились на царской земле, и за право владеть ими каллатийцы должны были отбывать царскую⁹² воинскую повинность, поэтому их можно называть клерухами. Из исследователей, склоняющихся усматривать в размежеванной Евмелом земле некое подобие "царской хоры", можно назвать Ф.В. Шелова-Коведяева, который, впрочем, указывает, что данная земля находилась не во власти царя, а в руках тирана, который мог ею бесконтрольно распоряжаться⁹³. Другая группа ученых, не отрицая идею о поселении каллатийцев на хоре азиатского Боспора, принципиально возражает против предложенного В.В. Латышевым дополнения фразы Диодора как $\Theta\acute{\iota}\alpha\nu\nu\acute{\iota}\tau\eta\varsigma\ \chi\acute{o}\rho\alpha\nu$, что было призвано заменить неизвестную по другим источникам Псою. Согласно аргументированному мнению К.М. Колобовой, получается, что Евмел пре-

⁸⁹ Латышев В.В. ПОНТИКА. С. 171 — 173.

⁹⁰ Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 46, 49, 193.

⁹¹ Блаватская Т.В. Западнопонтийские города в VII-I вв. до н.э. М., 1952. С. 99.

⁹² Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. С. 97, 148, 157.

⁹³ Шелов-Коведяев Ф.В. История Боспора в VI-V вв. до н.э. С. 152-153.

доставил каллатийцам землю для основания города и "на этих условиях" (ἐπὶ τοῦτο) передал им Псою — по всей видимости, какое-то местное поселение, разделив на участки прилегавшую к нему землю. Справедливо усматривая ключ к правильному пониманию всей фразы Диодора в словах πόλιν Εἰδοῖε κατοικεῖν, она полагала, что толкование текста источника основывается на их понимании "как упоминания переданного каллатийцам какого-то неизвестного, но вполне определенного города, а не предоставления им земли для основания города, или на условии основания города, как и следует понимать данное место..." Поэтому В.В. Латышев, по ее мнению, заподозрил правомерность употребления названия местечка Псои, а его дополнение "Фианнеи" выглядит искусственно. Ведь при существовании формы Θιάννεα нет нужды восстанавливать посредством искусственно созданного этника новую параллельную форму Θιαννείτης. Исследовательница приходит к заключению, что "сомнение вызывает и поселение каллатийцев на территории частных владений, прилегающих к храмовой земле"⁹⁴.. поэтому в исправлении текста Диодора нет необходимости".

Критику К.М. Колобовой метода прочтения испорченного места в тексте Диодора, предлагавшегося В.В. Латышевым, полностью принял В.Ф. Гайдукевич. К ее аргументам он добавил следующие: Евмел дал каллатийцам место для поселения на азиатской стороне Боспора, размежевал там землю на небольшие участки, обрабатывавшиеся самими владельцами; изгнанники из Каллатиса имели статус клерухов или катойков, обязанных царю военной службой за право держать землю; текст Диодора вряд ли правомерно исправлять так, как предлагал В.В. Латышев, поскольку название Ψόα примыкает к этническому наименованию меотийского племени ψοοοί, а они оба — к адыгейскому psy, что означает "вода". Значит, вопрос об ошибке переписчика или источника Диодора исключается, ибо топоним происходит из языка той части меотских племен, к⁹⁵ которым восходит адыго-черкесская группа кавказских народов

Доводы В.Ф. Гайдукевича в пользу реальности Псои развил В.П. Яйленко. Он признает, что Евмел дал каллатийцам для поселения город и местность Псою, разделенную на клеры, которая находилась в Синдике. На это указывают отголоски доризмов в списке победителей агоний из Горгииппии, а также сама основа слова "Псои", которая соответствует адыгейским лексе-

⁹⁴ Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве С. 58. Примеч. 1.

⁹⁵ Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья. С. 112; Gajdukevich V.F. Das Bosporanische Reich. В.; Amsterdam, 1971. S. 163.

мам — *-пс, -псы*, означающим "вода", "река"⁹⁶. Они встречаются в ряде названий в Северо-Восточном Причерноморье, например, Ψάθις — река, впадающая в Меотиду северо-восточнее Кубани (совр. Протока, возможно, Ангелинский ерик⁹⁷), Ψάχαψις — река в земле зигов (*Ps.-Arr.* Рег. 58), Ψάτης — у Страбона, этнические наименования ψοοοί, ψεχανοί — племена, жившие на Северном Кавказе, т.е. на азиатском Боспоре. Все эти названия объединяет один и тот же корень: адыгейское *псыхэ* — "низовье", *псыгу* — "середина воды", "остров", *псухо* — "речная долина", *псыгу* — "побережье". К ним примыкает и такое географо-этническое понятие, как Алены — древнее название Абхазии на местном наречии, а также наименование реки Псоу на границе России и Абхазии.

Любопытна точка зрения Э.О. Берзина, которую позднее развил В.А. Анохин. Обратив внимание на ряд дорийских имен и оборотов в агонистическом каталоге начала III в. до н.э. из Горгииппии (КБН. 1137), Э.О. Берзин связал это с сообщением Диодора и высказал убеждение, что между 309 и 307 гг. до н.э. каллатийцы были поселены в Горгииппии. Они основали спортивные состязания Гермеи в память о родном городе и жили в Горгииппии обособленной и замкнутой гражданской общиной, вернувшись обратно в Каллатис в 281 г. до н.э. после восстановления независимости⁹⁸. О дорийских именах в каталоге и их связи с акцией Евмела мы скажем ниже, а касательно остального считаем важным отметить, что ничего подобного в источниках нет, и оттого это выглядит бездоказательной гипотезой.

Неубедительно и предположение Н.Ф. Федосеева о местоположении Псои на Елизаветовском городище на Нижнем Дону на месте небольшого боспорского эмпория, куда якобы царь Боспора поместил принятых им на жительство обездоленных граждан Каллатиса. Он пытается обосновать это мнение большим количеством синопских керамических клейм, синхронных основанию этого эмпория⁹⁹. Последний аргумент совершенно абсурден: синхронных основанию колонии на Ели-

⁹⁶ Яйленко В.П. Ольвия и Боспор в эллинистическую эпоху // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 298.

⁹⁷ *Prot. Geogr.* V. 8. 2; *Зубарев В.Г.* Северное Причерноморье в историко-географической концепции Клавдия Птолемея. Тула, 1998. С. 79.

⁹⁸ *Берзин Э.О.* Горгииппийский агонистический каталог // ВДИ. 1961. № 1. С. 111-127; Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 210-224.

⁹⁹ *Федосеев Н.Ф.* К вопросу о локализации Псои // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов н/Д, 1992. С. 32-33. *Он же.* Синопские керамические клейма как источник по политической и экономической истории Понта: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. С. 15.

заветовском городище синопских клейм достаточно в любом другом месте Боспорского царства и не только его, поэтому искать Псою можно с таким же успехом где угодно, и клейма в данном случае не могут являться надежным критерием.

Итак, если суммировать сказанное, данная проблема предполагает следующие основные позиции: Евмел переселил каллатийцев куда-то на азиатский Боспор, либо в район Фанагории, либо в Горгиппию, либо на земли одного из меотийских племен (например, псессов), а может быть, и в область, которую населяли племена, говорившие на языке, родственном позднейшим адыгам и абхамам; боспорский царь дал изгнанникам для поселения полис и размежевал окрестную территорию — Псою — на клеры, при этом некоторые называют Псоей сам город¹⁰⁰; каллатийцы получили не город для заселения, а землю для его постройки и для размежевания наделов; царь Евмел поселил граждан Каллатиса с целью дать им землю и превратить в военных поселенцев — катойков или клерухов, которые, как считают некоторые исследователи, были обязаны выполнять военные повинности в пользу царя за право владеть землей на Боспоре¹⁰¹.

Насколько правомерны эти положения? Оставим пока в стороне вопрос о местонахождении Псои и хоры, а стало быть, и клеров для выселившихся из Каллатиса жителей, и разберем эпизод в контексте фразы сицилийского историка. Уже давно установлено, что данное место испорчено и требует конъектуры. Ключевыми для понимания смысла изложенного Диодором являются слова *καταφυγῆς παρέσχετο τὴν ἀσφάλειαν, ἀλλὰ καὶ πόλιν ἔδωκε κατοικεῖν*..., и особенно важно в данном контексте правильно понять значение глагола *κατοικέω*, что означает буквально "заселять", "колонизовать", "жить", "обитать", "селиться" (как дает словарь Лиддл-Скотта). Царь Евмел предоставил каллатийцам право *πόλιν κατοικεῖν*. По значению это близко эпизоду с Кадмом, который, оставив Кос, захватил у самосцев город Занклу и там поселился (*κατοίκησε πόλιν Ζάγκλην* — Herod. VII. 164). Здесь глагол имеет прямое значение "селиться", "поселяться" в уже существующем городе, поскольку после поселения в нем Кадма Занкла стала называться Мессеной. По мнению К.М. Колобовой, выражение *πόλιν ἔδωκε κατοικεῖν, ἐπὶ δὲ τοῦτοῖς... κατακληροῦχησεν* должно означать предоставление земли для основания города, и на этих условиях (*ἐπὶ τοῦτοῖς*) царь будто бы передал каллатийцам Псою. Однако это не согласуется с контекстом, поскольку слова *ἐπὶ τοῦτοῖς* в

этом месте означают не что иное, как "и сверх того", "кроме того". Они поставлены здесь потому, что предыдущий парафраз повествует о предоставлении переселенцам из Каллатиса не земли для поселения, ибо в таком случае непременно стояло бы *γῆν*, а города — *πόλιν*. Поэтому порядок переселения каллатийцев был такой: Евмел предоставил им город (или право поселиться в городе), который уже существовал на Боспоре, затем начал размежевывать земельные участки на хоре, чтобы ново-прибывшие получили всю полноту гражданских прав, т.е. имущественный ценз, который открывал для них возможность стать полноправными членами гражданского коллектива в качестве собственников участков. Это было обычной практикой полисного обустройства еще с основания древнегреческих колоний и впоследствии стало полисным правом предоставления метекам и ксенам политики и гражданства в полисе.

Теперь рассмотрим вопрос, имеет ли глагол *κατοικέω* в данном конкретном случае оттенок "заселять в качестве катойков или клерухов с правом владения участком и обязательством военной службы в пользу царя". У эллинистических царей, основывавших катойкии и превращавших их затем в полисы, существовал порядок, когда переселенцы получали землю для проживания с условием выполнения за это воинских повинностей, но без всей полноты прав, которые имели граждане полисов. Исследователи по обыкновению расценивают эпизод с Евмелом и каллатийцами как доказательство эллинистической практики основания колоний на Боспоре в это время. Данному случаю близок факт из истории царства Селевкидов от 212 — 205 гг. до н.э., когда Антиох III приказал своему сатрапу Зевксису переселить из Месопотамии и Вавилонии 2 тыс. иудеев с семьями и имуществом во Фригию и Лидию, чтобы умиротворить там местное население, поднявшее восстание против царя. В письме Антиоха, дословно переданном Иосифом Флавием, говорилось, что переселенцев надо поместить в крепости в наиболее важных пунктах для защиты царской власти, дать каждому место для постройки дома, землю для обработки и посадки виноградников и освободить на десять лет от налогов на урожай (*Jos. Flav. Ant. Jud. XII. 147*). Можно заметить, что здесь, как на Боспоре, монарх переселяет большую группу людей с одного места на другое, но в отличие от Евмела, давшего переселенным город, Антиох III предоставил лишь укрепления с целью возложить на их обитателей обязанность нести воинскую службу в неблагонадежном районе¹⁰². Уже одно это отличает

¹⁰⁰ *Йорданов К.* Добруджа през I хил. пр. н.е. Гети // *История на Добруджа*. София, 1984. Т. 1. С. 115; *Pippidi D.* I Greci nel Basso Danubio dall'eta arcaica alia conquista romana. Milano, 1971. P. 94, 257.

¹⁰¹ *Русяева А.С., Зубарь В.М.* Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев, 1998. С. 47.

¹⁰² *Kreissig H.* Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. B., 1978. S. 47-49; *Cohen G.* The Seleucid Colonies: Studies in Founding, Administration and Organization. Wiesbaden, 1978. P. 6 — 8.

катоиков Селевкидов от изгнанников из Каллатиса, хотя и те и другие получили земельные участки.

Глагол κατοικέω и причастие οἱ κατοικοῦντες не всегда имеют значение "заселять в качестве катоиков" или "проживать на правах катоиков", т.е. военно-хозяйственных поселенцев, поскольку и глагол, и причастие по значению не всегда тождественны существительным κάτοικοι, κατοικία. Чаще причастие и глагол в его основе относятся как к гражданским, так и к военно-хозяйственным поселениям¹⁰³. Гражданским термином κατοικοῦντες нередко характеризуют иноземцев, поселенных в каком-нибудь месте или живущих в другом городе¹⁰⁴. В письме Филиппа V одному из подвластных ему городов говорится, например, что οἱ Αἴνιοι οἱ κατοικοῦντες παρ' ὑμῖν (SEG. XXVII. 245), а в надписях полисов Восточного Средиземноморья, связанных, как правило, с международной торговлей, — Делоса, Кизика, Лампсака — нередко упоминаются Αθηναίων και Ῥωμαίων και τῶν ἄλλων Ελλήνων οἱ κατοικοῦντες ἐν [...] ¹⁰⁵. Военный оттенок значения глагола и причастия, связанный с организацией военных колоний — катоикий и клерухий, отчетливо проступает в следующих документах. В письме пергамского царя Евмена II упоминаются οἱ κατοικοῦντες ἐν Καρδάχων κόμη ¹⁰⁶, т.е. варвары-наемники, живущие в деревне Кардаков с тех пор, как их поселил в Телмесс еще Антиох III. В одной из надписей II — I вв. до н.э. из Милетополиса говорится об οἱ κατοικοῦντες ἐν Ὀρνειῖ στεφανοῦσιν Γε[...] Θάλλον, τον εαυτῶν συνκάτοικον... (IK. 26). В декрете 133 г. до н.э. из Пергама сообщается о предоставлении прав гражданства негражданам и τῶν στρατιωτῶν τοῖς κατοικοῦσιν [τῇ πόλει] και τὴν χώραν (OGIS. 338 = IGR. IV. 289). В договоре между Теосом и его гражданами об обязанностях военного гарнизона в крепости Кирбиссос (III в. до н.э.) сказано: ὁμοῖαι δὲ και τοὺς ἐν Κυρβισσῷ κατοικοῦντας μὴ ἐγκαταλείψειν τον ὑπο δήμου ἀποστελλόμενον και διαφυλάξειν τό χωρίον τῇ

¹⁰³ Bar Kochva B. The Seleucid Army. Cambridge, 1976. P. 23; Papazoglu F. Laoi et paroikoi: recherches sur la structure de la société hellénistique. P., 1977. P. 218—224. Ф. Папазоглу считает, что термин κατοικοῦντες относится только к гражданским поселениям. Ср.: Robert L. Etudes anatoliennes. Amsterdam, 1970. P. 191—194. Л. Робер полагает, что этот термин имеет военное, но в большей степени гражданское значение "населять" город, квартал в городе, маленький городок, деревню, крепость, т.е. полисную и неполисную общину. Ср.: Oertel C. Katoikoi // RE. 1922. Bd. XI.

¹⁰⁴ IGR. IV. 834: δώσει τῇ κατοικία, τῶν ἐν Ἱεραπόλει κατοικοῦντων Ἰουδαίων (Иераполь); 1087: τοῖς κατοικοῦσιν ἐν τῇ δάμῳ τῶν Ἀλεντίων (Галент); 1110: τοῖς κατοικοῦσιν ἐν Νισύρῳ (Нисюри).

¹⁰⁵ Durrbach F. Choix d'inscriptions de Delos. P., 1921. Vol. I. N 153.

¹⁰⁶ Segre M. Iscrizioni di Licia // Clara Rhodos. 1938. IX. P. 190 = Maier F.G. Griechische Mauerbauinschriften. B., 1959. Bd. I. S. 76; Голубцова E.C. Сельская община Малой Азии. М., 1972. С.19.

πόλιν¹⁰⁷. В надписи из Фиатиры римского времени местное население называет себя οἱ ἀπὸ βασιλέων Ἀττάλου και Εὐμενοῦς κατοικοῦντες, т.е. это могли быть военные колонисты, поселенные пергамскими царями Атталом I и Евменом II¹⁰⁸. В надписи из Смирны находим: [οἱ] τ[α]γέντες κα[ι] κατοικοῦντες ἐν τῷ χωρίῳ (IK. 24. 1.N610).

В этих документах причастие κατοικοῦντες имеет два значения: во-первых, terminus technicus — постоянно поселенные воины, во-вторых, обычное "проживать", "жить", "поселять", причем не всегда первое значение можно отличить от второго. Например, в пергамском декрете 133 г. до н.э. второе значение причастия выступает явственнее, нежели как синоним к существительному κάτοικοι; то же можно сказать и о "поселенных в деревне кардаков"¹⁰⁹. Следовательно, при объяснении данных терминов надо всегда исходить из общего контекста, так как оба значения глагола и причастия почти равнозначны. Если, как полагают, Евмен поселил каллатийцев как катоиков или клерухов, чтобы использовать в качестве военной силы, тогда в контексте фразы Диодора совершенно лишним оказывается слово πόλιν. Пример из истории Селевкидов и иудеев показывает, что при наделении земель катоикам не предоставлялись гражданские права. Это же следует из текста пергамского декрета 133 г. до н.э. и договора граждан Теоса с гарнизоном в Кирбиссосе. Существительное κατοικία и глагол κατοικέω могут относиться к поселенным в городе, деревне, городском квартале, крепости и т.д.¹¹⁰ Военные колонии основывали на царской земле, и земельные участки нарезались из состава царской земли. Полис и катоикия — это две фазы развития одного города, при этом сначала возникала катоикия, а потом катоики получали гражданские права и их община превращалась в полис. Колонии-катоики по обыкновению возникали рядом с деревнями местного населения, поэтому когда катоики объединялись на новом месте с местными жителями, то такое поселение получало статус полиса¹¹¹. Катоикия представляла собой

¹⁰⁷ Robert L. Opera minora selecta. P.; Amsterdam, 1990. T. VIII. P. 299-300.

¹⁰⁸ TAM. V, 2. N 959; Hansen E.V. The Attalids of Pergamon. Cornell, 1972. P. 175; Allen R.E. The Attalid Kingdom. A Constitutional History. Oxford, 1983. P. 43.

¹⁰⁹ См., например: Голубцова E.C. Указ. соч. С. 16-17; Свенцицкая И.С. Зависимое население на землях городов Западной Малой Азии в период эллинизма // ВДИ. 1957. № 3. С. 94.

¹¹⁰ Robert L. Etudes anatoliennes. P. 191 - 194; Oertel C. Op. cit. S. 5-7; Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. P., 1949—1950. Vol. II. P. 666. См. также: IGR. IV. 330: οἱ τὴν ἀκρόπολιν κατοικοῦντες.

¹¹¹ Cohen C. Op. cit. P. 39; Launey M. Op. cit. P. 684.

поселение, которое занимало среднее положение между комой и полисом, иначе говоря, коллектив или общину поселенцев со своими органами власти, но не имевшую всех привилегий полиса. Последнее подтверждают недавно обнаруженные послания пергамского царя Евмена II общине торизейцев во Фригии *Parogaios*, из которых одно адресовано *Τοριαίων τοῖς κατοικοῖσι*, а другое — *Τοριαίων τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ*¹¹². В этих надписях зафиксировано два этапа. Вначале это были *κατοικοῦντες* в Торияйоне, которые были воинами Селевкидов, поселенные на царской земле возле небольшого местного городка. Они имели статус катойков, поэтому пергамский царь, в подданство которому они потом перешли, обратился к ним с соответствующей формулировкой. Позже Евмен II дал Торияйону статус полиса, оттого его второе послание адресовано уже Совету и Народу торизейцев¹¹³. В известном договоре из Смирны о поселенцах в Палеомагнесии говорится, что *οἱ δὲ οἰκοῦντες ἐν τῷ χωρίῳ* должны стать гражданами и иметь все то, что имеют другие граждане, т.е. жители Смирны и Магнесии на Сипиле; два их клера, которые дал им Антиох II Теос, освобождаются от десятины еще по предписанию Александра Македонского. Далее сказано, что если земля катойков Палеомагнесии будет добавлена к территории Смирны, то эти катойки должны будут иметь три клера как *δωρεά* и сохранить ателию, а те из них (или впоследствии поселенные в качестве катойков), кто не имел клеров (*ἀκληροῦχῆται*), должны получить *κλήρον* *ἰπλικόν* из состава земли, которая находилась в окрестностях района (*τῶν παρακειμένων τῶν χωρίων*). Этот документ показывает, что полисная община и коллектив катойков в округе Смирны и Магнесии первоначально имели различный политико-административный статус. Только позднее бывшие катойки превратились в полноправных граждан полиса, и это гарантировало им дополнительные земельные владения.

Если сравнить практику наделения земель военных колонистов-катойков в Малой Азии с сообщением о благодеянии боспорского царя Евмела, то бросается в глаза разница между эллинистическими катойками и клерухами и переселившимися из Добруджи каллатийцами. В отличие от катойков Селевкидов и Пергама каллатийцы получили для поселения не хорион, и не крепость, и не деревню, а целый город. Царь Боспора дал

им право этот город заселить, что исключает возможность усмотреть в глаголе *κατοικεῖν* у Диодора какой-то намек на статус катойков или клерухов у новоприбывших. Поэтому Евмел не предоставил им землю для основания города, а превратил их в граждан того города, куда распорядился их поселить. Но для этого он был вынужден обеспечить каллатийцев земельными участками, что давало им необходимый для обладания гражданством имущественный ценз. Какой же социальный статус должны были иметь поселенные на Боспоре каллатийцы, в основном дорийские греки?

Ответить помогает более пристальное изучение текста Диодора, в особенности его слов о том, что Евмел "не только дал им неприкосновенность (или безопасность) убежища, но и предоставил им город для заселения (букв. постановил, чтобы они заселили город, дал им право заселить или поселиться в городе), сверх того размежевал на участки хору...". Это краткая эпитама первоисточника, вероятно, анонимного боспорского хрониста, который пользовался каким-то официальным декретом или рескриптом, через вторые-третьи руки попавшим затем к Диодору. Слова "предоставить для поселения город" или "дать право поселиться в городе" могут означать предоставление политии или гражданского права. Обычно это декларировалось особым декретом, когда распоряжением правящего на Боспоре тирана из династии Спартокидов, как правило, изданного вместе с сыновьями-соправителями, иностранец получал проксению, дававшую ему гражданские права, ателию, т.е. свободу от пошлин на все товары и право входа и выхода из гавани во время войны и мира, асилию, т.е. безопасность и неприкосновенность имущества по всей территории царства, что в нашей литературе обычно трактуется как "без конфискации", и право не заключать специальный договор при входе в гавань с товарами для продажи или обмена (см.: КБН. 1 — 5; ВДИ. 1985. № 1. С. 57 и след.). Как в проксенических боспорских декретах, управление в той части фразы, где говорится о предоставлении изгнанникам из Каллатиса полиса, основано на глаголе *έδωκε* (КБН. 1 — 2, 5; ср., например, формулу *Παιρισάδης καὶ παίδες έδοσαν* (*vel. έδωκαν*)). За управляющим глаголом в проксенических декретах следовало *προξενία καὶ ατέλεια* (КБН. 1 и др.) либо *προξενία* (*πολιτεία*), *γῆς καὶ οικίας έγκτησιν* (КБН. Add. 4). *Πολιτεία* — предоставление гражданского права — вычитывается во фрагменте проксенического декрета конца IV — начала III в. до н.э. из Пантикапея, а привилегия *γῆς καὶ οικίας έγκτησιν*, распространенная в аттических документах, засвидетельствована в проксении из Фанагории при Левконе I, и — что самое для нас важное — в анапском декрете начала III в. до н.э., принятом при

¹¹² Bar Kochva B. Op. cit. P. 23; Свенцицкая И.С. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963. С. 43; Riel M., Jonnes L. A New Royal Inscription from Phrygia Paroreios: Eumenes II grants Tyriaion the Status of a Polis // EA. 1997. № 29. P. 1 — 9.

¹¹³ Riel M., Jonnes L. Op. cit. P. 1 — 9.

ближайших преемниках Евмела¹¹⁴. Поэтому дарованные Евмелом привилегии каллатийцам — это полития, которая скрывается за словами Диодора *πόλιν ἔδωκε κατοικεῖν*, право владеть землей и домом, на что намекают слова историка *τὴν χώραν κατεκλήροῦχθαι*. Такие слова могли быть в декрете или рескрипте Евмела, это была официальная формула, принятая в Боспорском государстве.

Труднее с выяснением значения фразы "дал неприкосновенность (или безопасность) убежища", предшествующей основным привилегиям, которые имеются в проксенических декретах и в источнике Диодора. Мы полагаем, что данная привилегия, непонятная в контексте происходящего на Боспоре, но объяснимая в Каллатисе, которому угрожал Лисимах, — это перефразируемая источником Диодора *ασυλία καὶ ασφάλεια* проксенических декретов, т.е. традиционное право ксенов и метеков, получавших гражданство. Несмотря на то, что ни в одной из боспорских проксений ἡ ασφάλεια не встречалась, термин известен в проксенических декретах из Греции, где подчас фигурирует в связке с асией (ασφάλεια καὶ ασυλία), означая личную и имущественную безопасность во время войны и мира¹¹⁵. Это подтверждает, что источник Диодора мог использовать какой-то официальный боспорский декрет Евмела, изданный для разрешения жителям Каллатиса поселиться в пределах Боспорского государства. Ведь описание Диодором событий на Боспоре при Евмеле основано на переработке сочинения неизвестного местного историка¹¹⁶, который составлял нечто вроде местной хроники. А местные историки-хронисты обычно активно использовали официальные документы, выставленные на агоре и

¹¹⁴ Болтунова А.М. Проксенический декрет из Анапы и некоторые вопросы истории Боспора // ВДИ. 1964. № 3. С. 136. Она датировала декрет концом V в. до н.э., однако его следует отнести к началу III в. до н.э. См.: Шелов-Коведяев Ф.В. Новые боспорские декреты // ВДИ. 1985. № 1. С. 64–72. Примеч. 2 (со ссылкой на Ю.Г. Виноградова). Ср.: Яйленко В.П. Новые надписи Горгиппии // Эпиграфические памятники древней Малой Азии и античного Северного и Западного Причерноморья как исторический и лингвистический источник. М., 1985. С. 156; Pecirka J. The Formula for the Grant of Enktesis in Attic Inscriptions. Prague, 1966. P. 1 f; Idem. The Privilege of Enktesis in the Greek Cities on the Black Sea Coast // L'étranger dans le monde grec. Nancy, 1992. Vol. II. P. 279–285; Яйленко В.П. К проксенической деятельности Ольвии и Боспора // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. С. 219–220.

¹¹⁵ Чаще всего в Афинах (IG. II².1132 etc.), Беотии, Мегариде (IG. VII. 263. 6; 265. 5; 269. 6 etc.), Магнесии в Карий (IvMagnesia. 38). См. также: Латышев В.В. Очерк греческих древностей. СПб., 1897. Т. 1. С. 313.

¹¹⁶ Струве В.В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии. Л., 1968. С. 149 и след.; Блаватский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 203–207.

в храмах, как, к примеру, херсонесский историк Сирик или гераклейские историки вплоть до Мемнона¹¹⁷. Среди материалов этого своеобразного архива несомненно были и проксенические декреты, а также рескрипты архонтов Боспора, не исключено, что и Евмела. Он мог издать специальный декрет о наделении землей тысячи каллатийцев, предоставлении им гражданских прав и неприкосновенности имущества, что по древнегреческому праву приравнивало их к проксенам, а не к катойкам эллинистического типа, социальное и правовое положение которых было совершенно иным. Евмел должен был сделать каллатийцев гражданами Боспора, причислив к членам гражданского коллектива одного из крупных боспорских полисов и предоставив им участки земли в его окрестностях на полисной хоре. К сожалению, местонахождение и название этого города осталось неизвестным, хотя сейчас есть возможность с некоторой долей гипотетичности определить район, где каллатийцы могли получить убежище.

Главный аргумент тех, кто помещает Псою и хору, где якобы могли расселиться бывшие граждане Каллатиса, на азиатском Боспоре, сводится к тому, что это название созвучно этническому наименованию племени псессов, обитавших в районе Синдики, и имеет один корень с названиями рек, водоемов и ряда местечек как в Синдике и Меотике, так и южнее — в современной Адыгее и Абхазии. Псессы впервые упоминаются при Левконе I в его титулатуре вместе с синдами, дандариями, торетами (КБН. 6, 6а, 1037, 1038). Это связывает псессов с синдо-меотскими племенами, а быть может, и с автохтонным северокавказским населением, родственным позднейшим адыгам, абхазам, карачаево-черкесам (древним керкетам) и другим народам региона. Однако после Левкона I они надолго исчезают из титулатуры Спартокидов, и уже его сын Перисад I величает себя "царем синдов и всех меотов и фатеев" (КБН. 1015 и др.). На этом основании был сделан вывод, что во второй половине — конце IV в. до н.э. псессы могли выйти из подчинения Спартокидам¹¹⁸. Существует также мнение, что в правление

¹¹⁷ Ростовцев М.И. Сирик — историк Херсонеса Таврического // ЖМНП. 1915 (апрель). С. 159–162; Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикий) // СА. 1987. № 1. С. 48–57. О херсонесском историке, рассказ которого лег в основу херсонесского декрета в честь Диофанта см.: Chaniotis A. Das Ehrendekret für Diophantos (IOSPE. I².352) und die Geschichtsschreibung // Acta TAB 1987. II. S. 233. О гераклейской нарративной традиции см.: Jonnes L. The Inscriptions of Heraclea Pontica. Bonn, 1994. P. 51–93; Ameling W. Domitius Kallistratos, FGrH. 433 // Hermes. 1995. Bd. XLIV/3. S. 373–376.

¹¹⁸ Каллистов Д.П. Очерки по истории Северного Причерноморья античной эпохи. С. 219–220.

Перисада I псессы все-таки входили в состав Боспорского царства и в титулатуре его правителей объединялись вместе с другими племенами под единым понятием "все меоты"¹¹⁹. Много позднее при Аспурге в первой половине I в. н.э. псессы опять фигурируют как подчиненные Боспору племена, причем вместе с ними упомянуты и меоты (КБН. 39, 40). Это значит, что боспорцы различали меотов и псессов, хотя на самом деле это могли быть племена одного корня. Еще позже, в царствование Савромата I, они фигурировали уже под названием псеханов и, очевидно, входили в число подданных Боспора. Об этом говорят различные надписи, в том числе одна надгробная неизвестного по имени полководца и государственного деятеля эпохи Савромата I, который оказал псеханам какие-то благодеяния перед лицом агрессии аланов¹²⁰.

Псессы-псеханы обитали в отдаленном от крупных городских центров регионе, к тому же очень мало эллинизованном, где вряд ли был хоть один город полисного типа, который мог бы быть заселен дорийскими греками из Каллатиса и где те обладали бы всей полнотой гражданских прав, чувствуя себя в безопасности, как о том говорит Диодор. По данным Певтингеровой таблицы псеханы = Psaccani обитали в Восточном Приазовье, на основании чего некоторые предполагают даже, что они расселились между Доном и Волгой в районе Маныча. Но это произошло позднее, когда их потеснили другие племена, в частности аланы, а ранее они населяли Нижнее Прикубанье. До эпохи эллинизма под названием "псессы" они вполне могли жить в районе Синдики и Горгииппии, где впоследствии локализуются псеханы¹²¹. Вот почему считать Псою городом, куда Евмел мог поместить каллатийских беженцев, как полагают некоторые ученые, нереально. Тем более что историк или его источник ясно различают "город", где поселились каллатийцы, и "Псою и хору", которую Евмел поделил на клеры. Однако это название имеет одну корневую основу с этнонимом "псессы-псеханы", поэтому можно допустить, что название "псессы" исчезло из титула Спартокидов из-за расширения хоры одного из крупных боспорских полисов, соседствовавших с областью их расселения в Прикубанье. Такой полис должен был иметь свою довольно большую хору, и при ее увеличении земли псессов и само племя попали под юрисдикцию греческого полиса.

¹¹⁹ Молев Е.А. Политическая история Боспора VI — IV вв. до н.э. С. 86.

¹²⁰ Сапрыкин С.Ю. Плиний Младший и Северное Причерноморье // ВДИ. 1998. № 1. С. 202.

¹²¹ Яйленко В.П. Поход Савромата I на азиатский Боспор // Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М., 1990. С. 216–220; Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М., 2002. С. 354.

Это в свою очередь показывает, что Псою у Диодора скорее всего географическое понятие — область в Синдике или Меотике. В одной из надписей Перисада I, когда протяженность границ Боспора была наибольшей, сказано, что царь владел территорией от тавров до границ земли Кавказской (ср.: КБН. 113), которые, как известно, проходили чуть южнее Бат и доходили до земли торетов где-то недалеко от современного Геленджика. Южнее Торики и Бат, где жили зиги, а тем более на земли, позднее населенные адыгами и абхазами, власть Боспорского государства не распространялась. Поэтому с большой долей вероятности остается предполагать, что Псою находилась в пределах границ Боспора на его азиатском берегу, где-то в Синдике или Меотике. В позднем источнике — Равенском Анониме, компиляции позднеантичных хорографий и периплов, где многие названия искажены, — сохранилось упоминание о "стране псатиров" (patria Psatiron), расположенной выше земель зигов, геолиев, тирсиев и даже аланов "у Великого моря Понтийского", т.е. на Северном Кавказе у Понта Эвксинского (Rav. IV. 2). Ее, очевидно, и следует отождествлять с диодоровой Псоей.

В агонистическом каталоге из Горгииппии приблизительно начала III в. до н.э. фигурирует ряд имен граждан, поставленных в дорической форме (КБН. 1137): Ἀγησίλας, Ἀθανίων, Ἀτελλάς, Βάβας, Βάττας, Ἑλλανίδης, Μάτρις, Προμαθίων. Имеются также имена, не встречающиеся на Боспоре, но часто замечаемые в ономастиконе дорийских греческих колоний Причерноморья (Гераклее, Каллатисе, Херсонесе), например, Котион, Кратин, Скиф, причем последнее имя имеет в каталоге дорический генетив Σχύθα (от Σχύθας). Эта особенность уже давно отмечена исследователями, предложившими объяснить ее тем, что среди жителей Горгииппии могли быть переселенцы дорического происхождения или их потомки¹²². Э.О. Берзин развил эту мысль и предположил, что дорические имена среди горгииппийских граждан связаны с переселением в Горгииппию тысячи каллатийцев при Евмеле. Это мнение было принято многими другими исследователями¹²³ и выглядит вполне убедительно. Вместе с тем нельзя не отметить, что некоторые из этих личных имен встречаются и в недорийских полисах, в частности, Матрис и Апелла известны в Аттике (LGPN. II. P. 41, 299), Истрии (ISM. I. 191, 196, 209, 219, 286), личное имя Проматион засвидетельствовано в Нимфее, и не один раз (КБН. 912), а такие имена, как Ἀθανίας, Ἀθανίπλα, образованные по аналогии

¹²² Латышев В.В. ПОНТИКА. С. 257; Comm. ad CIRB. 1137. P. 676.

¹²³ Берзин Э.О. Указ. соч. С. 127; Анохин В.А. История... С. 210; Алексеева Е.М. Античный город Горгииппия. М., 1997. С. 43; Яйленко В.П. Оливия и Боспор... С. 298.

с именем Ἀθανίων в горгиппийском каталоге, встречаются в Афинах (LGPN. II. P. 9). Поэтому не исключено, что носители означенных имен могли попасть в Горгиппию не только с группой каллатийцев, но и по отдельности как выселившиеся из различных дорийских колоний ремесленники, купцы, воины и т.д. Однако гипотеза о переселенцах из Каллатиса очень заманчива, и если это так, то полисом, куда поселил беженцев-каллатийцев Евмел, вполне могла быть Горгиппия, тем более что Псою, размежеванная в связи с этим на клеры, как раз расположена где-то в Синдике или Меотике.

Если допустить, что выходцы из Каллатиса действительно получили для проживания полис Горгиппию, то и земли они должны были приобрести в ее округе. На этом основании можно попытаться восстановить испорченное переписчиками соответствующее указание Диодора, где боспорский правитель размежевал на клеры сельскую территорию — ΨΟΑΝΚΑΝΤΙΚΗΝ χώραν, — что вызвало множество толкований и исправлений. Здесь отчетливо выделяются слова Ψόαν καὶ[ι] ΝΤΙΚΗΝ χώραν κατεκληροῦχησεν. Они показывают, что Евмел размежевал Псою (она поставлена как прямое дополнение) и какую-то хору, также в прямом дополнении. Союз καί между Псоей, обрывками еще какого-то слова и хорой показывает, что "Псою" и "хора" — это самостоятельные понятия, при этом слово "хора" должно относиться к испорченному переписчиками ΝΤΙΚΗΝ. Полагаем, что это искаженное [ΣΙ]ΝΔΙΚΗΝ с ошибочным написанием Н вместо Ν и Т вместо Δ (последнее, вероятно, от путаницы между названием фракийского племени синтов (Σιντοί) и их страны Σιντική к югу от р. Стримона во Фракии, синтиев (Σιντιες) на Самофракии и Лемносе¹²⁴, и синдов > Синдики (Σινδική) в Северном Причерноморье¹²⁵). Поэтому мы готовы предложить следующую эмendaцию испорченного текста Диодора: ἐπὶ δὲ τοῖς τὴν ὀνομαζομένην Ψόαν καὶ[ι] Σιντικήν (= Σινδικήν) χώραν κατεκληροῦχησεν — "и сверх того размежевал на участки так называемую Псою и Синдскую страну (или хору Синдики)". Если это предположение верно, то под "Синдикой" скорее надо понимать страну, населенную синдами, нежели город Синд-Синдик-Синдская Гавань, ко времени Евмела уже долго именовавшийся Горгиппией, хотя наименования области и города совпадают. Приток в город группы переселенцев в тысячу человек потребовал увеличения не только его площади, но в первую очередь прилегающей сельской округи. С этой целью Евмел размежевал Псою, т.е. расширил хору Горгиппии за счет земель псесов, которые, по словам Аполлодора (*Steph.*

¹²⁴ О синтах и синтиях, а также Синтике см.: Liv. XLII. 51; LXV. 29; Thuc. II. 98; Strabo. Fr. VII. 45, 45a; X. 2. 18.

Byz. s.v. Ψησοί), обитали недалеко от Боспора, а согласно Птолемею (Geogr. V. 9. 17), между Меотидой и Иппийскими горами, и частично синдов, населявших Синдику в районе Горгиппии (бывшей Синдской Гавани). Косвенно это подтверждает и Диодор, согласно которому Евмел занимался делами Синдики, когда умер, возвращаясь оттуда "в свою землю" (XX. 25). По данным археологии пригородные земли вокруг Горгиппии были размежеваны не позднее IV в. до н.э. в окружности не менее 25 км по равнине и 10 км на ограниченных предгорьями территориях. Несколько поселений с находками керамики IV—II вв. до н.э. открыты в 20 км к северу от Горгиппии в районе пос. Уташ, в окрестностях пос. Джемте, где выявлены усадьбы и земельный надел площадью около 8000 м². Усадьбы и земельные участки IV—III вв. до н.э. обнаружены к северо-востоку от Горгиппии между пос. Красный Курган и Красная Скала. Система усадеб и наделов активно функционировала и являлась основой для виноградарства на протяжении почти всей эллинистической эпохи¹²⁵. Разделение земли на наделы прослеживается не только в районе Горгиппии, но и на Таманском полуострове, также относившемся к древней Синдике. Здесь обнаружено порядка 185-ти поселений IV — конца первой четверти III в. до н.э., в основном на полисной хоре Фанагории и Гермонассы. Размежеванная территория отчетливо читается по всему Таманскому полуострову, но наиболее четко — на Фанталовском полуострове, где она связана с дорогами, которые вели к греческим полисам. Это подтверждает ее принадлежность к полисной хоре. Вся эта система, как и в южных районах Синдики, возникла в VI—IV вв. до н.э., однако наиболее активно развивалась в IV—III вв. до н.э. Участки, разделенные валами, относятся к поселениям на хоре и имеют величину от 6 до 85 га. Но в отличие от хоры Горгиппии, где процветало виноградарство, здесь выращивали в основном зерновые. Все эти участки, вне всякого сомнения, следует классифицировать как полисные, поскольку расположены они к северу от Кеп и к югу от Фанагории¹²⁶. Таким образом, в правление Евмела по всей

¹²⁵ Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 149—151; Она же. Горгиппия // Античные государства Северного Причерноморья. С. 90.

¹²⁶ Паромов Я.М. Основные этапы освоения Таманского полуострова в античную эпоху. С. 3—5; Он же. Принципы изучения эволюции системы расселения на Таманском полуострове в античное и средневековое время. С. 59—69; Воронов А., Паромов Я.М. Планировочные принципы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху. С. 3—11; Горлов Ю.В., Лопанов Ю. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове. С. 121 и след.; Kuznetsov V.D. L'organisation du territoire du Bosphore asiatique // BCH. 1999. Suppl. 34. P. 344; Saprykin S.Ju. Polis Chora in the Kingdom of Bosphorus. P. 660.

Синдике шло размежевание участков на полисных землях крупнейших городов, что полностью согласуется с сообщением Диодора. Естественно, это не было только результатом прибытия на жительство тысячи каллатийских беженцев, а шел объективный процесс развития полисных отношений и роста экономики таких городов, как Пантикапей, Нимфей, Феодосия, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия. Каллатийцы же только успешно вписались в этот процесс. Поэтому мы считаем, что боспорский тиран поселил принятых им бывших граждан Каллатиса в Синдике, передав для жительства Горгиппию, где в это время, как и по всей Синдике, активно осваивалась окрестная сельская территория, принадлежавшая крупнейшим полисам.

Если древние историки не сохранили сведений о дальнейшей судьбе каллатийцев на Боспоре, то современные исследователи предполагают, что после 281 г. до н.э., когда враг Каллатиса и противник Евмела царь Лисимах погиб, они должны были вернуться на родину. К сожалению, это не выходит за пределы обычных гаданий и гипотез, хотя по вычислениям тех, кто изучал агонистический список из Горгиппии, якобы получается, что после 26 года проводимых там соревнований резко уменьшается число каллатийцев в списках победителей¹²⁷. Некоторый свет на этот вопрос, как кажется, может пролить декрет из Дионисополя I в. до н.э., устанавливающий границы его хоры. В нем говорится, что магистраты, следившие за ее состоянием, — хориофеты, присланные царем Котисом (очевидно, Котисом II, сыном Рескупорида, царем фракийцев-сапеев)¹²⁸ и полисными общинами Одесса и Каллатиса, — на основании древних актов (*ἐκ τῶν ἀρχαίων ὑπαρχαίων*) согласились с размерами границ Дионисополя, приумноженных за счет царской земли Котиса Сапея, полисов одесситян и каллатийцев. В подробном перечне населенных пунктов, по которым отмечалась установленная граница сельской округи Дионисополя, упоминается ее протяженность "по направлению к древним границам каллатийцев и дионисополитян, и от этих границ в направлении минуя Акру и до Нимфея" (*[τ] ἡ ν φέρουσαν Εξω "Ακρας ἐπὶ τὸ Νύμφαιον* — IGulg. V. 5011)¹²⁹.

Огромный интерес вызывает упоминание Акры и Нимфея, притом что они расположены, судя по надписи, рядом друг с другом. Они относились к хоре Каллатиса, что отмечалось в

древних актах о границах его полисной хоры¹³⁰. Господствует убеждение, что Акра — это древний Тиридзис, фракийское укрепление на мысе Каллиакра между городами Бидзона и Каллатис¹³¹. Здесь Лисимах устроил казнохранилище, когда осаждал Каллатис (*Strabo*. VII. 6. 1), поэтому оба города находились рядом друг с другом, что подтверждается Певтингеровой таблицей и римским итинерарием на шите из Дура-Европос¹³². Акра фигурирует исключительно в источниках римского и византийского времени: Гиероклупоминает ее в 527/528 г. н.э. в числе 15-ти городов Скифии между Дионисополем и Каллатисом, Константин Багрянородный говорит, что в мизийском округе 15 городов и в нем Тома, Дионисополь, Акры, Каллатис (*Them*. 47. 1. 58 — 60), а Марцеллин Комит называет *Acres castellum* = греч. ἡ Γαλιάκρα = итал. *Caliacra* (*Ap. Roncalli*. II. 313). У Стефана Византийского городок фигурирует как "Ακρά (s.v.), у Антиохена как 'Ακρίς (*FGrH*. V. 33. 7). Мела (II. 2. 22) и Птолемей (*Geogr*. III. 10. 1) передают его древнее название *Tiristis* и *Τιριστίς ἀκρα*, а Менипп Пергамский (*Per*. 156) — в исконной форме как *Τίριξις*, что совпадает с обозначением его у Страбона. Наиболее конкретное свидетельство на этот счет имеется в периплах Арриана (*Per*. 24) и Анонима (*Per*. 75 — 77), которые говорят, что местечко Тетрисиада называлось Тиридзакра, а ныне величается Акра. И хотя нигде не сказано, что Тиридзис = Акра входил в состав хоры Каллатиса, по сведениям дионисопольского декрета и Страбона по крайней мере до I в. до н.э. Тиридзис = Акра могла подчиняться этому полису. Очевидно, после 281 г. до н.э., когда Лисимах утратил власть над Каллатисом, Тиридзис был возвращен каллатийцам, которые переименовали его в Акру, отчего поначалу он сохранял двойное название — Тиридзакра. Однако вскоре он стал называться просто Акра, что больше соответствовало статусу греческого городка на хоре Каллатиса. Вот почему в более поздних источниках, из которых самый ранний — надпись из Дионисополя, он именуется только как Акра. Можно с осторожностью предположить, что древний фракийский городок Тиридзис был переименован в Акру не только потому, что находился на мысу, но и оттого,

¹³⁰ *Avram A. Untersuchungen zur Geschichte des Territoriums von Kallatis in griechischer Zeit // Dacia*. N.S. 1991. T. 35. S. 106–107.

¹³¹ *RE*. 1893. Bd I, 1. Hbd 1. S. 1187; *Michailov G. Comm. ad IGulg*. I². P. 42–44; *Avram A. Op. cit.* S. 106–107; *Тачева М. История на българските земи в древността*. София, 1987. С. 143, 245; *Балканска А. Тиридзис // Тракийска древност*. София, 1993. С. 277; *Качарова Д.Д., Квирквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи*. Тбилиси, 1991. С. 272–273.

¹³² *Vulpe R., Barnea J. Din istoria Dobrogei*. Bucuresti, 1968. Vol. 2. P. 205–206.

¹²⁷ *Блаватская Т.В. Указ. соч.* С. 100; *Берзин Э.О. Указ. соч.* С. 127; *Анохин В.А. История...* С. 210.

¹²⁸ *Тачева М. Тракийските царе и понтийските колонии през късната еллинистическа епоха // Acta TAB*. 1988. III. С. 87–89.

¹²⁹ *Slavova M. Lines 26–32 of the Horothesis of Dionysopolis (IGulg. V. 5011) // ZPE*. 1998. N. 120. P. 99.

что каллатийцы, вернувшись в 281 г. до н.э. в родной город после более чем 20-летнего проживания на Боспоре, решили забыть прежнее название, связанное с Лисимахом, и дать городку новое имя. В память о благодеянии боспорского правителя Евмела, приютившего немалую их группу в момент больших невзгод для их родного полиса, благодарные каллатийцы, обретя независимость и расширив свою сельскую округу, переименовали подвластный им теперь Тиридзис в Акру, а какой-то соседний городок в Нимфей¹³³. Они сделали это по примеру их второй родины Боспора, где Акра и Нимфей были расположены поблизости друг от друга и могли даже какое-то время принадлежать одной полисной общине — Нимфею.

3. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ БОСПОРА В ЭПОХУ РАННЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Экономика Боспорского царства прошла три этапа развития: первый относится к спартокидовскому времени и хронологически падает на V — первую четверть III в. до н.э.; второй датируется эпохой эллинизма и захватывает период, когда при Митридате Евпаторе Боспор стал частью Понтийского царства; третий соответствует ярко выраженному расцвету Боспорского государства в I — первой половине III в. н.э., когда оно достигло приблизительно такого же могущества и влияния, какое имело при ранних Спартокидах. Пик этого развития приходится на правление династии Тибериев Юлиев, которые вели происхождение от потомков понтийского царя Митридата Евпатора. Особенность такого положения отмечалась историками много раз, однако причины столь резкого подъема ремесленной деятельности, сельского хозяйства и торговли так и остались невыясненными. То же можно сказать об обстоятельствах того, почему государственная власть в Боспорском царстве достигла такой прочности, что его правители смогли распространить господство на обширный регион Северного Причерноморья от Нижнего Дона и Прикубанья до Херсонеса Таврического и

¹³³ Нельзя отбросить предположение, что на хоре Каллатиса Нимфей мог быть назван в память об одноименном местечке на хоре Гераклеи Понтийской, метрополии каллатийцев. См.: *Arr. Per.* 19; *Rüge W. Nymphaion* // *RE.* 1937. Bd. XVII, 2. Hbd. 24. Sp. 1600-1601. Об Акре на европейском Боспоре см.: *Strabo.* XI. 2. 5; *Plin. HN.* IV. 86; *Апол. Per.* 76; *Steph. Byz. s.v. "Акра.* Подробнее см.: *Агбунов М.В.* Античная логия Черного моря. М., 1987. С. 106-108; Качарава Д.Д., *Квирквелия Г.Т.* Указ. соч. С. 10-11; *Saprykin S. Akra (I)* // *Lexicon of the Greek and Roman Cities and Place Names in Antiquity.* Amsterdam, 1995. Fasc. 3. P. 407.

Центрального Крыма. При объяснении этих особенностей выдвигаются в основном две версии. По одной из них экономика Боспора развивалась очень быстро благодаря активному сарматскому проникновению во все сферы жизнедеятельности государства — политические и административные институты, ремесло и культуру¹³⁴. По другой — основным двигателем всего процесса была политика Рима, который способствовал возрождению Боспора после упадка на рубеже эр регулярными финансовыми вливаниями, военной помощью, поощрением посреднической торговли¹³⁵. Такой подход к развитию Боспора в римскую эпоху едва ли может вызвать возражения, ибо в его пользу говорят разные источники, главным образом археологические. Но имеются и другие аргументы для определения причин экономического подъема, особенно в I—II вв. н.э., и связаны они с ситуацией на Боспоре в позднеэллинистическую эпоху.

В I в. до н.э. — первой половине III в. н.э. Боспорское царство превратилось в довольно могущественное государство, способное успешно противостоять вторжениям сарматов и играть роль буферной зоны между Римской империей и кочевыми народами Евразии. После некоторого упадка в конце II — начале I в. до н.э. и примерно с середины I в. до н.э. на Боспоре стали активно развиваться сельское хозяйство, ремесла и торговля, и это тотчас наложило отпечаток на благосостояние и быстрое развитие Пантикапея, Фанагории, Горгоппии. Уже в конце I в. до н.э. там быстро наладилось гончарное производство, а в I—II вв. н.э. столица Боспора выпускала большой объем простой и столовой посуды — тонко- и толстостенные сероглиняные и красноглиняные чаши, кубки, сковородки, одно- и много-рожковые светильники¹³⁶; множество терракот выходило из пантикапейских мастерских, причем в одной из них обнаружены специальные обжигательные печи и формы для обжига, кото-

¹³⁴ *Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia.* Oxford, 1922. P. 167 - 169; *Блаватский В.Д.* Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 140 и след. Он же. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959. С. 33. Он же. Пантикапей. М., 1964. С. 145, 190; *Десятников Ю.М.* Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дис.... канд. ист. наук. М., 1974. С. 18.

¹³⁵ *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья. С. 333; *Кругликова И.Т.* Боспор в позднеантичное время. М., 1966. С. 14; *Цветева Т.А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 52 и след.

¹³⁶ *Зеест И.Б.* Пантикапейская керамика сарматского времени // МИА. 1957. № 56. С. 13-49; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1948. С. 360.

рые датируются I в. до н.э.¹³⁷ Пантикапейские гончары изготавливали светло- и красноглиняные амфоры, о чем свидетельствуют находки их фрагментов в слоях I — II вв. н.э., а также остатки керамической печи этого времени. Не отставала и Фанагория, где был даже специальный квартал ремесленников — Керамик, в котором производили разные виды сосудов, амфор, терракотовые статуэтки¹³⁸, а в одной из печей I — II вв. н.э. помимо амфор делали столовую и кухонную посуду, черепицу, краснолаковую и коричневолаковую посуду, терракоты, светильники. Краснолаковая керамика поступала на рынки всего Боспора в течение I в. н.э., а амфоры — во II в. н.э.¹³⁹ Боспорские амфоры предназначались главным образом для местных нужд и внутреннего рынка, однако спрос на них указывает на определенный подъем виноделия, ориентированного на экспорт. Керамическое производство было налажено в Танаисе и на соседних поселениях на Нижнем Дону — Кобяковом и Подазовском городищах¹⁴⁰. Керамические печи II — III вв. н.э., преимущественно для обжига терракот, местной столовой и кухонной посуды, обнаружены в Горгиппии¹⁴¹. Производство керамики осуществлялось также на поселениях азиатского Боспора, в частности на городищах Западно-Цукурское и Батарейка-2 на Тамани¹⁴². Это показывает, что керамическое производство являлось одной из основных отраслей ремесленной деятельности в Боспорском царстве в первые века нашей эры.

Не менее активно развивались металлургическое производство и металлообработка. Большое число металлургических мастерских находилось в Пантикапее, где их расцвет приходится

¹³⁷ Кобылина М.М. Мастерская коропласта в Пантикапее // СА. 1958. XXXVIII. С. 178 и след.; Блаватский В.Д., Пантикапей. С. 151 - 153; Он же. Раскопки Пантикапея // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 223.

¹³⁸ Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. С. 148-152; Зеест И.Б. Керамическая тара Боспора. М., 1960. С. 32 - 35.

¹³⁹ Гайдукевич В.Ф. Античные керамические обжигательные печи. М.; Л., 1934. С. 90; Кобылина М.М. Фанагория // МИА. 1957. № 56. С. 66 - 72; Шелов Д.Б. Ремесленное производство // Античные государства Северного Причерноморья. С. 168, 169.

¹⁴⁰ Книпович Т.Н. Танаис. М.; Л., 1949. С. 28 - 30; Шелов Д.Б. Экономическая жизнь Танаиса // Античный город. С. 126; Он же. Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972. С. 97. О керамическом производстве на Кобяковом городище см.: Капошина С.И. Одна из групп керамики с Кобякова городища // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 37.

¹⁴¹ В Горгиппии традиции изготовления керамики восходят к позднеэллинистическому времени. См.: Кругликова И.Т. О гончарной мастерской Горгиппии // СА. 1962. № 2. С. 222.

¹⁴² Шелов Д.Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения на Тамани // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 162; Сокольский Н.И. Крепость на поселении Батарейка-2 // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 114.

на II в. н.э. и самое начало III в. н.э. Со II в. н.э.¹⁴³ производство железа осуществлялось сыродутным способом¹⁴³, и одновременно возник новый стиль в обработке изделий из металла. Он отличался от традиционного сарматского звериного стиля, а его изобретение всецело принадлежало ремесленникам Пантикапея, которые распространяли свои изделия по всему степному региону Северного Причерноморья¹⁴⁴. Помимо предметов ювелирного искусства боспорские металлурги и бронзолитейщики изготавливали фибулы, светильники, различные железные изделия, включая сельскохозяйственные инструменты, которые в большом количестве находят в жилых кварталах II — III вв. н.э. в Горгиппии и других местах. Остатки металлургической мастерской I в. н.э. найдены в Танаисе, она производила главным образом фибулы¹⁴⁵. Учитывая, что Танаис был полностью разрушен на рубеже нашей эры, быстрое возрождение ремесленной деятельности в восстановленном городе свидетельствует о резком подъеме экономики на Боспоре, вследствие чего стали энергично развиваться городские центры. Различные типы сельскохозяйственных инструментов, которые изготавливали боспорские кузнецы и металлурги в начале нашей эры, говорят о том, что города или непосредственно мастерские в городах снабжали продукцией сельскую округу.

В I — II вв. н.э. на Боспоре быстро развивалось виноделие. Самые ранние винодельни появились в Тиритаке уже в I в. до н.э. — I в. н.э.¹⁴⁶, Фанагория превратилась в центр винодельческого производства азиатского Боспора в I в. н.э.: там найдено шесть виноделен I — IV вв. н.э. В Кепах подъем виноделия пришелся на первую половину I в. н.э., когда там соорудили две большие винодельни¹⁴⁷. На римском Боспоре винодельни были

¹⁴³ Марченко И.Д. Материалы по металлообработке и металлургии Пантикапея // МИА. 1957. № 56. С. 172 и след.; Блаватский В.Д. Пантикапей. С. 151; Трейстер М.Ю. Бронзолитейное ремесло Боспора // Археология и искусство Боспора. СГМИИ. 1992. Вып. 10. С. 85.

¹⁴⁴ Прушевская Е.О. Художественная обработка металла // Античные города Северного Причерноморья. С. 350. О новом боспорском греко-иранском стиле см.: Rostovtzeff M.I. Op. cit. P. 173; Блаватский В.Д. Пантикапей. С. 188 - 192.

¹⁴⁵ Алексеева Е.М. Указ. соч. С. 182; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон. С. 94; Арсеньева Т.М., Беттгер Б., Ильяшенко С.М., Науменко С.И., Шолль Т. Исследования в Танаисе в 1998 г. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1998 г. Азов, 2000. Вып. 16. С. 24.

¹⁴⁶ Гайдукевич В.Ф. Раскопки Тиритаки в 1935 - 1940 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 35 - 40; Он же. История... С. 132; Он же. Виноделие на Боспоре // МИА. 1958. № 85. С. 358 - 359; Винокуров Н.И. Виноделие античного Боспора. М., 1999. С. 130.

¹⁴⁷ Кругликова И.Т. Боспор... С. 119; Сокольский Н.И. Виноделие в азиатской части Боспора // СА. 1970. № 2. С. 76 - 91; Винокуров Н.И. Указ. соч. С. 35.

не отдельно стоящими и изолированными производственными единицами, они являлись важным элементом жилищно-хозяйственных комплексов и находились в непосредственной связи с городскими усадьбами, как это было в Пантикапее, Горгиппии, Мирмекии и др.¹⁴⁸ Винодельни строили не только в городах, но и в сельских поселениях, таких, например, как Батарейка-1, где их известно девять (sic!), Каменная Батарейка, где их три, поселение Красноармейское, где найдены остатки винодельни I в. н.э. Они существовали во многих поселениях азиатского и европейского Боспора¹⁴⁹, однако большинство из них функционировало на Таманском полуострове и в окрестностях Горгиппии. Здесь уже тогда находились основные "винодельческие мощности" Боспорского государства. Активное выращивание винограда и промышленное виноделие способствовали появлению излишков, это давало толчок к вывозу винодельческой продукции как в пределах самого Боспора, так и за границу. Поэтому появилась необходимость в изготовлении амфор различных типов для хранения и транспортировки вина, и по всему Боспорскому царству стали возникать керамические эргастерии, где эти амфоры делали.

Рыболовство и рыбообрабатывающее производство являлись одной из главных составляющих экономики Боспорского царства в римскую эпоху. Самые большие рыбозасолочные цистерны были построены в Тиритаке и Мирмекии, где производили промышленную засолку рыбы в I—III вв. н.э. Доход от ее продажи поступал в царскую казну, к тому же многие рыбозасолочные предприятия находились в собственности правящей династии и некоторых представителей высшей аристократии¹⁵⁰. Подъем экономики — ремесла, сельского хозяйства, торговли — привел к образованию зажиточного слоя граждан, которые были заняты в сфере производства. Это подтверждает

¹⁴⁸ О пантикапейских винодельнях см.: *Блаватский В.Д.* Строительное дело Пантикапея по данным раскопок 1945—1949 и 1952—1953 гг. // МИА. 1957. № 56. С. 77; *Он же.* Пантикапей. С. 157. О виноделии в Горгиппии см.: *Алексеева Е.М.* Античный город Горгиппия. С. 152—167; *Она же.* Виноделие Горгиппии // БС. 1995. Вып. 6. С. 20. О винодельнях в Мирмекий см.: *Гайдукевич В.Ф.* Античные города Боспора. Мирмекий. Л., 1987. С. 140; *Он же.* Виноделие... С. 452—457.

¹⁴⁹ Список виноделен в поселениях европейского Боспора см.: *Винокуров Н.И.* Указ. соч. С. 128—132.

¹⁵⁰ *Книпович Т.Н., Славин Л.М.* Раскопки юго-западной части Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 52—54; *Марши Ю.Ю.* Новые данные о рыбном промысле в Боспоре Киммерийском по раскопкам Тиритаки и Мирмекии // СА. 1941. VII. С. 94 и след.; *Он же.* Рыбозасолочные ванны Тиритаки // МИА. 1941. № 4. С. 21—23; *Гайдукевич В.Ф.* Раскопки Тиритаки в 1935—1940 гг. С. 25, 47; *Он же.* История... С. 134—135.

археология: большие рыбозасолочные цистерны и винодельни являлись в Тиритаке важной частью жилых домов на протяжении I—II вв. н.э. Один такой дом, получивший название "дом рыбака", имел семь комнат, несколько погребов, винодельню, рыбозасолочную цистерну. Большие размеры дома говорят о том, что его хозяин был довольно богатым человеком, который мог сколотить состояние на рыболовстве и рыбном деле и при этом занимался также промышленным виноделием. Доходы от такой деятельности были, несомненно, очень высокими, что привлекало боспорскую аристократию, и это служило важным источником пополнения царской казны. Цари также получали прибыль от рыболовства и рыбопереработки, равно как и от винодельческого производства, тем более что виноград поступал в основном с царских земель в окрестностях больших городов.

Население Боспора было занято также в сфере деревообработки, каменотесного дела, стеклоделия — тех отраслей ремесла, которые интенсивно развивались в римскую эпоху. В некрополях боспорских городов и поселений ставили надгробные стелы различных типов с рельефами, в городах — множество статуй царей, римских императоров, представителей знатной верхушки с надписями. Мебель, великолепной работы мраморные и деревянные саркофаги, украшенные вставными пластинами и резным орнаментом, изготавливались профессиональными ремесленниками — деревообрабатчиками и краснодеревщиками в Пантикапее, Фанагории, Горгиппии. Местные мастера выработали даже свой собственный декоративный стиль, характерный только для Боспорского царства¹⁵¹.

Среди боспорских ремесел выделялось стеклоделие: несмотря на обширный ввоз изделий из стекла из-за границы, преимущественно из Малой Азии, Переднего Востока и Подунавья, в Танаисе во второй половине II — первой половине III в. н.э. активно действовала стеклодельная мастерская, о чем наглядно свидетельствуют обнаруженные при раскопках остатки стеклянной пасты, бракованные изделия из стекла, глиняные формы для производства стеклянных фиалов¹⁵².

В течение I — первой половины III в. н.э. по всему Боспору прослеживается активная строительная деятельность как в городах, так и на хоре. В 225 г. н.э. в поселении Осовины близ

¹⁵¹ *Иванова А.П.* Художественные изделия из дерева и кости // Античные города Северного Причерноморья. С. 420—422; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. С. 188.

¹⁵² *Сорокина Н.П.* Стеклянные сосуды из Танаиса // Древности Нижнего Дона. М., 1965. С. 203; *Алексеева Е.М., Арсеньева Т.М.* Стеклоделие Танаиса // СА. 1966. № 2. С. 176—188; *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон. С. 142.

Пантикапея была отреставрирована башня (КБН. 897), в 234 г. н.э. в Китее был выстроен храм, посвященный богу Бронтону Внемлющему, фригийскому божеству, в культе которого ведущая роль отводилась Зевсу Бронтону (КБН. 942), в конце II — начале III в. н.э. царь Савромат II основал новый город и по стойкой эллинистической традиции назвал его своим собственным именем — Савроматий (КБН. 970). Чуть ранее в 105 г. н.э. царь Савромат I восстановил портики вокруг храма Афродиты Апатуры в Гермонассе (КБН. 1045), в первой половине II в. н.э. царь Реметалк там же реконструировал башню (КБН. 1052). В 110 г. н.э. в Горгиппии был построен храм Афродиты Навархиды (КБН. 1115), а в правление Савромата I оборонительные стены и городская территория частично были расширены или возведены заново (КБН. 1112). Горгиппия вообще была очень процветающим городом в римскую эпоху: при Савромате II фиас навклеров поставил скульптуры и кардинально восстановил храм Посейдона, покровителя царя и фиаса, за что фиасоты получили привилегии от царя (КБН. 1134). В первой половине II в. н.э. в Пантикапее был отстроен пронаос какого-то неизвестного храма (КБН. 62), а во второй половине того же века Савромат II реконструировал там храм Ареса и статую бога (КБН. 63). Грандиозное строительство развернулось в это время в Танаисе: при Евпаторе в 163 г. н.э. по всему периметру были отстроены заново оборонительные стены (КБН. 1241), в 188 г. н.э. — башня (КБН. 1242), в 192 г. н.э. — другая башня (КБН. 1243); Савромат II отреставрировал городские ворота (КБН. 1244), в начале III в. н.э. была выстроена агора, а оборонительные стены и башни, пришедшие в упадок к этому времени, обновлены или подвергнуты реконструкции (КБН. 1246—1249); был заново отстроен источник, который снабжал горожан свежей водой, и построена новая башня (КБН. 1250), отремонтированы городские ворота (КБН. 1257). В царствование Савромата I в Фанагории соорудили ворота и городские стены¹⁵³. Какие-то ремонтные работы и реконструкция сооружений проводились на цитадели в Патрее в конце II — начале III в. н.э.¹⁵⁴

Археологический материал, который согласуется с данными надписей, наглядно показывает, что в I—II вв. н.э. обширная строительная деятельность осуществлялась в западном секторе городища Фанагории. Остатки богатых домов, колодец с характерным архитектурным оформлением, термы, винодельни I в. н.э.

¹⁵³ Блаватская Т.В. Фанагорийская надпись Савромата I // КСИА. 1976. Вып. 145. С. 93 и след.

¹⁵⁴ Смирнова Н.В. Новые надписи из Горгиппии и Патрея // ДБ. 2002. Вып. 5. С. 228. См. также: Десятчиков Ю.М., Долгоруков В.С. Патрей // Античные государства Северного Причерноморья. С. 86.

являются этому убедительным подтверждением. Строительство домов проводилось, очевидно, по всему городу, так как следы реконструкции в I—II вв. н.э. прослежены также на верхнем плато¹⁵⁵. Были обновлены улицы, мостовая, канавы, жилые кварталы¹⁵⁵. В Пантикапее в I—II вв. н.э. были расширены террасы и одновременно уменьшено их количество на горе Митридат, поскольку понадобилось возвести новые ремесленные мастерские, винодельни, жилые дома. Со склонов горы в срединной и нижней ее частях еще в I в. до н.э. удалили большие участки земли, выровняли материковую скалу и на расчищенном пространстве в первые века нашей эры возвели фундаменты под новые дома. На Ново-Эспланадном раскопе были вскрыты остатки большого здания первых веков нашей эры, к востоку от Второго Кресла Митридата и на северном склоне горы выявлены дома рядовых граждан. Новые городские районы с керамическими мастерскими, винодельнями, рыбозасолочными цистернами и зерновыми ямами появились в Пантикапее в I в. до н.э. — II в. н.э. в результате бурного развития ремесла и торговли. Огромные производственные комплексы с винодельнями, рыбозасолочными цистернами, зернохранилищами свидетельствуют об образовании слоя зажиточных граждан, занятых в эксплуатации морских¹⁵⁶ ресурсов и окрестных земель, как полисных, так и царских¹⁵⁶. Этот процесс происходил и в столице Боспора, и в других городах.

Около середины I в. до н.э. — I в. н.э. был капитально реконструирован пантикапейский акрополь, который из дворцово-храмового центра столицы превратился в сильно укрепленную цитадель-крепость, способную выдержать долговременную осаду. Она имела центральную башню, расположенную на вершине Первого Кресла Митридата. Фортификационная система нового акрополя дожила до начала II в. н.э., когда ее уничтожил сильный пожар¹⁵⁷. Одновременно на акрополе стали появляться здания общественного характера, храмы и святилища, в том числе и некое монументальное сооружение, посвященное царю Аспургу. В правление царя Котиса I (45—68) в Пантикапее построили храм Юпитера Капитолийского как имита-

¹⁵⁵ Кобылина М.М. Фанагория. С. 68—71; Она же. Раскопки центральной части Фанагории в 1959–1960 гг. // КСИА. 1963. Вып. 95. С. 102; Долгоруков В.С. Фанагория // Античные государства Северного Причерноморья. С. 79–81.

¹⁵⁶ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 378; Он же. История... С. 139; Блаватский В.Д. Пантикапей. С. 157.

¹⁵⁷ Толстиков В.П. О системе обороны акрополя Пантикапея // Пантикапей. СГМИИ. 1984. VII. С. 28–57; Tolstikov V.P. L'apport de la fortification à l'histoire du Bosphore antique // La fortification dans l'histoire du monde grec. P., 1986. P. 173–175.

цию известного римского оригинала, но все же немного отличавшегося по архитектуре¹⁵⁸. Все строительные работы в столице царства, которые проводились для ее расширения и благоустройства, совпали с ростом территории пантикапейского некрополя, и это недвусмысленно свидетельствует об увеличении численности населения города.

Нимфей также переживал многочисленные перепланировки на протяжении I — II вв. н.э. В городе появились здания, предназначенные для хозяйственных и жилых нужд. На это указывают многочисленные хозяйственные ямы, ограды, загоны и кормушки для скота, обжигательные керамические печи, которые возникли в I — II вв. н.э., заменив культовые строения и комплексы¹⁵⁹. В Мирмекий на месте массовых разрушений эллинистической эпохи было построено несколько зданий жилого и хозяйственного назначения вместе с винодельнями¹⁶⁰. В Китее была усилена оборонительная стена, причем в I в. н.э. к ней добавилась дополнительная внешняя. В этом городе также существовали большие дома со многими жилыми и хозяйственными помещениями, зернохранилищами, где сохранились зернотерки, пифосы, — все это подчеркивает земледельческий характер занятий его жителей¹⁶¹.

Восстановление и обновление строительных сооружений в I в. н.э. после разрушений в конце II — начале I в. до н.э. имели место на поселениях азиатского Боспора. В Гермонассе обнаружены дома с мощеными двориками, датируемые I в. н.э., в Кепах были построены термы, водопровод, ремесленные мастерские, обжигательные печи, винодельни. В Тирамбе в I в. до н.э., при Асандре либо ранее, при Митридате Евпаторе или Фарнаке, появились укрепления с сырцовыми стенами, но они оказались разрушенными в конце I в. н.э., очевидно, во время напа-

¹⁵⁸ Блаватский В.Д. Строительное дело Пантикапея... С. 68 и след.; *Он же*. Пантикапей. С. 148; Шургая И.Г. Пантикапей // Античные государства Северного Причерноморья. С. 61; Крыжицкий С.Д. К проблеме строительства в Северном Причерноморье храмов с нечетным количеством колонн по главному фасаду // ВДИ. 2000. № 1. С. 152.

¹⁵⁹ Худяк М.М. Из истории Нимфея в VI — III вв. до н.э. Л., 1962. С. 65; Шургая И.Г. Нимфей // Античные государства Северного Причерноморья. С. 65.

¹⁶⁰ Гайдукевич В.Ф. Археологическое изучение Мирмекия // МИА. 1941. № 4. С. 116; *Он же*. Раскопки Мирмекия в 1935–1938 гг. // МИА. 1952. № 25. С. 137–166; *Он же*. Виноделие на Боспоре. С. 416; Шургая И.Г. Мирмекий // Античные государства Северного Причерноморья. С. 66.

¹⁶¹ Маслеников А.А. Китей // Античные государства Северного Причерноморья. С. 71; Молев Е.А. Археологические исследования Китая в 1970–1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 47–55.

дения аланов. Однако вскоре их восстановили, и они прослужили до середины III в. н.э. Население городка также увеличилось, что заставило расширить некрополь¹⁶², где большая часть могил относится к I в. до н.э. — I в. н.э.

Однако наиболее активное строительство велось в Горгии. В этом полисе археологами открыто очень много монументальных зданий I в. до н.э. — I в. н.э., главным образом на агоре, обнаружены мощеные улицы, подвалы, винодельни, печи — все они появились не ранее I в. н.э. Найдено множество фрагментов монументальной скульптуры, архитектурные остатки, которые относятся ко II в. н.э. Это был период, когда сам город практически полностью поменял планировку, улицы были заново вымощены, дома с подвалами обновлены за счет постройки новых хозяйственных помещений¹⁶³. Во II в. н.э. Танаис превратился в мощную крепость с массивными и толстыми оборонительными стенами, за которыми гнездились большие дома, имевшие, как и в других городах Боспора, много хозяйственных помещений, глубокие подвалы, дворы, водосборные цистерны. Агора, разрушенная в конце I в. до н.э., также подверглась коренной реконструкции: в последней декаде I в. н.э. ворота и пропилеи, которые вели на рыночную площадь, а также внутреннее помещение привратного строения были заставлены мраморными рельефами и надписями. Новый всплеск строительной деятельности в Танаисе пришелся уже на конец II — начало III в. н.э.¹⁶⁴

Расцвет экономики Боспорского царства подтверждают не только ремесла и строительная активность. На ее энергичное развитие указывают многочисленные импортные керамические изделия, стеклянные и бронзовые сосуды, которые в изобилии везли купцы из римских провинций. Часть импорта оставалась в городах Боспора — Танаисе, Фанагории, Горгии, но большая их часть поступала в степные районы, главным образом в междуречье Волги и Дона, в Прикубанье, где обитали сарматские племена. В сарматских курганах, на поселениях зубовско-воздвиженского типа в изобилии найдены бронзовые и серебряные изделия римских провинциальных мастерских, со-

¹⁶² Коровина А.К. Тирамба (городище и некрополь): Итог археологических работ экспедиции Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина за 1959, 1961–1963 и 1965 гг. С. 54–63; *Она же*. Тирамба. С. 87.

¹⁶³ Алексеева Е.М. Античный город Горгии. С. 126–144; *Она же*. Центральная часть Горгии в первые века нашей эры // ДБ. 2002. Т. 5. С. 27–32.

¹⁶⁴ Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон. С. 35–52; Arsen'eva T.M., Войдем В., Vinogradov Ju. G. Griechen am Don (Die Grabungen in Tanais 1994) // Eurasia Antiqua. 1995. Bd. 1. S. 214 ff.

суды из Александрии, городов Малой Азии, галло-римских и североиталийских муниципиев, Сирии, Финикии и др. Но самая значительная часть этого импорта поступала из римской провинции Понт и Вифиния. Торговые связи с ней боспорцы наладили уже в I в. до н.э. — I в. н.э., ибо большинство римских вещей в курганах сарматской кочевнической знати датируются рубежом нашей эры. Правда, некоторые из дорогих изделий проникли в Северное Причерноморье в виде добычи сарматских племен (аорсов, сираков, аланов, совершавших походы в Закавказье и Малую Азию), а также как дары их вождям и знати. Но все-таки основная их масса оказалась там вследствие налаженных торговых связей Боспора с варварами и Римской империей. Множество выходцев из южнопонтских городов Амиса, Синопы, Амастрии, Тия, живших на Боспоре в первые века нашей эры, были втянуты в посредническую торговлю с окрестными варварами (КБН. 124, 129-131, 134, 144, 530, 610, 703а, 705, 732, 733)¹⁶⁵. Иноземные торговцы имели посредников или контрагентов из числа боспорцев, которые возили товары к кочевникам за пределы царства. Одним из них был купец Хрестион, боспорец, который умер в стране сарматского племени сираков, как о том говорит его надгробная надпись на стеле из некрополя столицы Боспора (КБН. 142).

Заметный рост политического, военного и экономического могущества Боспорского государства, ощутимый подъем во всех областях жизни на рубеже нашей эры и в эпоху Ранней империи, принято объяснять так называемой сарматизацией, т.е. варварским, сарматским влиянием на экономические и политические институты царства. Сармат традиционно находят среди граждан полисов и жителей хоры, а в материальном производстве, в частности керамическом и ювелирном деле, фортификации, военном искусстве, обнаруживают сарматские черты и обычаи, не говоря уже о культуре и религии боспорцев. Сторонники "сарматской теории", не отрицая сарматского воздействия на прогресс экономики Боспора, указывают на сохранение в царстве исконных основ жизни, которые тесно переплетаются с греко-иранскими и греко-македонскими традициями¹⁶⁶.

¹⁶⁵ *Зеест И.Б.* Новые данные о торговых связях Боспора с Южным Причерноморьем // ВДИ. 1951. № 2. С. 114—116; *Максимова М.И.* Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 347—353; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. С. 137—138.

¹⁶⁶ *Rostovtzeff M.I.* *Iranians and Greeks*. P. 173; *Он же.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 111; *Блаватский В.Д.* Очерки... С. 140; *Он же.* Процесс... С. 33; *Он же.* Пантикапей. С. 190. Более либеральную позицию по вопросу о сарматском влиянии на Боспоре см.: *Гайдукевич В.Ф., Капошина С.И.* К вопросу о местных элементах в культуре античных городов Северного Причерноморья // СА. 1951. XV. С. 162 и след.

Однако тщательное исследование политической и династической истории Боспора, погребального обряда, сельских поселений и земельных отношений показывает, что так называемое сарматское влияние на экономику, политику, образ жизни и культуру Боспора ярко проявило себя не ранее III в. н.э., точнее, оно отчетливо выявляется только после "готских" войн. В I в. до н.э. — II в. н.э. скифо-сарматский компонент едва ли оказывал воздействие на развитие Боспора, так как там сохранялись эллинская культура и традиционные обычаи с небольшой полуварварской примесью. Греческие традиции оставались господствующими практически везде, в особенности в городах и даже на сельской периферии¹⁶⁷. В связи с этим возникают вопросы: если сарматское влияние было не столь значительным, как казалось ранее, то что же вызвало тогда столь бурное развитие экономики, торговли и ремесла на Боспоре, довольно могущественном государстве уже на исходе второй половины I в. до н.э., но еще более сильном в I — II вв. н.э.? И почему военное могущество Боспорского царства существенно возросло в I — II вв. н.э., что не могло не отразиться на всей его инфраструктуре?

Эти вопросы становятся еще актуальнее, если учесть, что Боспорское царство пережило ряд кризисов и упадок в конце II — первой половине I в. до н.э., так как стало местом ожесточенных военных столкновений с варварами и даже с римлянами. Поэтому причины столь резкого подъема надо искать внутри самого боспорского общества. Следует принять во внимание, что этот подъем начинается уже в середине — второй половине I в. до н.э. Его очень убедительно подчеркивает значительный по объему чекан полновесных золотых статеров при царе Асандре и его преемниках, правивших на рубеже эр и в первые десятилетия I в. н.э. Обильные выпуски золота продолжались фактически без перерывов вплоть до конца правления Котиса I, а затем после некоторой паузы были продолжены. Эти золотые монеты по весу приравнивались к римским ауреусам, и параллельно на рынок было выброшено очень много медных монет, в том числе отчеканенных в крупнейших боспорских полисах — Пантикапее и Фанагории под римскими названиями Кесария и Агриппия¹⁶⁸. Регулярный выпуск царских золотых монет в I — III вв. н.э. подтверждает подъем ремесла и торговли на Боспоре, которые зависели от отношений с Римской империей. Их полновесный чекан стал возможен по причине

¹⁶⁷ *Масленников А.А.* Население Боспорского государства в первых веках нашей эры. М., 1990. С. 220 и след.

¹⁶⁸ *Зограф А.Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 192; *Анохин В.А.* Монетное дело... С. 90; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. 1. С. 88.

ежегодных субсидий, которые боспорцы получали из восточных римских провинций, преимущественно из Понта и Вифинии (*Luc. Alex, vel Pseudogr. 57*), или даров римских императоров (*Zosim. I. 31. 1*). Проверенные каналы финансовой помощи, предназначенной укрепить военную и оборонную мощь царства, способствовали подъему внешней торговли, благодаря которой римские изделия попадали на рынки Боспора и областей, населенных сарматами и другими варварами. Это одна из причин, почему боспорские золотые статыры приравнивались по весу и стандартам к римскому золоту. Одновременно большие группы ремесленников и торговцев, деловых людей и просто обездоленных, которых было в то время немало в Малой Азии и других регионах Римской империи, устремились на Боспор, поселились в его столице Пантикапее и других городах, чтобы наладить производство различных изделий и затем выгодно продавать их на варварской периферии. Римские власти были крайне заинтересованы видеть Боспорское царство сильным и вассально зависимым от них государственным образованием, которое смогло бы стать надежным щитом для римских границ на северо-востоке и востоке, буфером между имперскими владениями и варварами-номадами, в основном сарматами-аланами. Поэтому римляне делали многое для процветания экономики Боспора, укрепляли его армию и даже помогали строить фортификационные сооружения.

Ремесла и торговля зависели на Боспоре от подъема полисной экономики и благодеяний со стороны царской власти. Это обуславливалось развитием аграрных отношений, освоением окрестных земель — основы любой древней экономики. Поэтому стимулирование аграрного производства стало базой для общего расцвета Боспора в первые века нашей эры. Отражением этого стала заметная рустификация крупнейших городов, тесная связь между их урбанистической структурой и такими отраслями сельского хозяйства, как виноградарство, виноделие и выращивание зерновых. Последнее всегда было главным источником благоденствия Боспорского государства. Вот почему основной причиной общего подъема благосостояния и экономического развития Боспора на рубеже нашей эры и в первые века римской эпохи следует считать прочный базис земельных отношений, который сочетал в себе прежнюю полисную систему, включавшую теперь ближнюю полисную хору, и эллинистическую структуру в виде образовавшейся царской хоры, в состав которой вошли бывшие полисные владения, ранее относившиеся к категории так называемой дальней хоры полисов.

Археологическое изучение сельской территории Боспора показывает, что большая часть укреплений типа катойкий, располагавшихся на царской земле еще со времени Митридата

Евпатора и его ближайших преемников, продолжала существовать в течение I — III вв. н.э. Боспорские цари обустроивали царскую хору, сооружая на ней новые крепости, укрепленные поселения и усадьбы. В 60-х годах I в. н.э. был основан Илурат, крупное укрепление в глубинных районах Керченского полуострова, который стал процветающим городским центром в конце I — II вв. н.э. Он имел прямоугольный план, мощные башни и оборонительные стены, жилые и хозяйственные кварталы из домов полуаграрных-полувоенных поселенцев¹⁶⁹. Немного позднее появился город Савроматий (см. выше), на рубеже I — II вв. н.э. возникло¹⁷⁰ мощное укрепление Белинское близ Узунларского Вала¹⁷⁰, на протяжении I — III вв. н.э. были перестроены и серьезно укреплены поселения Новоотрадное, Андреевка Северная, Багерово Северное и многие другие¹⁷¹. Все они были приведены в соответствие с планами постройки укреплений на хоре, которые разрабатывались еще при Митридате Евпаторе, Фарнаке, Асandre, Динамии, Аспурге, как и крепости азиатского Боспора. Там почти все они были разрушены во время войны с аланами в конце I в. н.э.¹⁷² После этого из-за новых угроз нападений кочевников-сарматов и тавро-скифов обороноспособность укрепленных поселений была усилена, появились новые крепости на Керченском полуострове и на азиатском Боспоре. С этими событиями можно связать второй строительный период в Илурате, основание Савроматия, городища Тасуново и других¹⁷³. На азиатской стороне царства реконструкция и перестройка укрепленных поселений с сохранением планов построек предшествующего времени завершились примерно к середине II в. н.э., что наглядно показывает пример с цитаделью

¹⁶⁹ Гайдукевич В.Ф. Боспорский город Илурат // СА. 1950. XIII. С. 189; Он же. Илурат: Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. // МИА. 1958. № 85. С. 142; Горончаровский В.А. Крепость Илурат в системе обороны западной границы Боспорского царства в I — III вв. н.э. // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995. С. 60 — 62.

¹⁷⁰ Зубарев В.Г. К вопросу о времени существования городища "Белинское" // 175 лет Керченскому музею древностей. Керчь, 2001. С. 57; Он же. Некоторые вопросы позднеантичной истории европейского Боспора по результатам раскопок городища у села "Белинское" // ДБ. 2002. Т. 5. С. 125.

¹⁷¹ Кругликова И.Т. Поселение у деревни Новоотрадное // ДБ. 1998. Т. 1. С. 156—159; Она же. Раскопки поселения "Андреевка Северная" // ДБ. 2000. Т. 3. С. 80. О других поселениях этой эпохи см.: Она же. Боспор... С. 84—100; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 233 и след.

¹⁷² Saprykine S.Yu. Le roi Sauromace 1er du Bosphore Cimmerien // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Leiden, 2000. P. 48 ff.

¹⁷³ Требелева Г. Типы оборонительных сооружений на Боспоре в первые века нашей эры // ПИФК. 2001. Вып. 11. С. 134 - 135.

Патрея¹⁷⁴. Все эти укрепления — катойкии — были призваны защищать царскую хору от агрессии извне, главным образом от варваров-сарматов, когда большинство поселений лежало в руинах. Опора на систему поселений-катойкий на царской хоре, как при Митридатидях, показывает, что боспорские правители I—III вв. н.э. проводили ту же политику. В царствование Митридата Евпатора и Фарнака, но особенно при Асандре, Динамии и Аспурге, экономика Боспорского царства стала очень быстро развиваться во многом вследствие усиления царской хоры и интенсификации торговых связей городов и внутренних районов. Это позволило вывести Боспор из кризиса, наступившего при поздних Спартокидах¹⁷⁵. Цари, правившие на Боспоре в I—II вв. н.э., также уделяли внимание царскому землевладению, процветанию городов и хоры. Так что подъем ремесел, торговли и сельского хозяйства мог быть следствием сохранения некоторых эллинистических традиций, заложенных еще при Митридате Евпаторе. Одним из главных звеньев такой политики было использовать варваров, включая сарматов, в качестве воинов и военно-хозяйственных поселенцев на царской земле. Это привлекало ираноязычных кочевников к тому, чтобы селиться на хоре и в городах, и действительно внешне напоминало "сарматизацию". Укрепление поселений на царской земле, создание военно-хозяйственных агломераций типа катойкии, основными насельниками которых выступали оседавшие на землю сарматы, было достигнуто благодаря дружественным отношениям с меотами и сарматами. Сказалось привлечение некоторых из их представителей для обработки земель и для развития ремесла в городах. Сарматская аристократия в свою очередь извлекала для себя от этого выгоду, так как в военное время это позволяло ей получать добычу, а в мирное — дары, субсидии и доходы от торговли. Последнее приобщало ее к греко-римским традициям и обычаям, эллинскому образу жизни, культивируемому в городах. Система сильных укреплений по всей территории Боспора, населенных варварами и выходцами из Малой Азии, лишенными земли на родине, служила прочной защитой городов, обеспечивая их безопасность и экономическое процветание. Торговый обмен с сельскими районами царства вызвал необходимость объединить хозяйственные и жилые комплексы в домах городских жителей, и многие из них

¹⁷⁴ Десятчиков Ю.М., Долгоруков В.С. Патрей. С. 86; Десятников Ю.М. Сельская территория // Античные государства Северного Причерноморья. С. 89.

¹⁷⁵ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 318 и след.; Он же. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002. С. 199; Он же. Аспург, царь Боспора // ДБ. 2002. Т. 5. С. 214.

становились богаче от товарообмена с царской хорой. Одновременно этот процесс пополнял царскую казну, что открывало возможность привлекать на службу все большее число варваров. Поэтому главным принципом возрождения могущества Боспорского царства в первые века нашей эры была не банальная "сарматизация" всех и вся, когда сарматы заполнили многие сферы жизни, а прежде всего сохранение эллинистических традиций, заложенных еще в I в. до н.э. Со времени правления императора Тиберия, а может быть, еще при Августе, такая политика целиком отвечала интересам Римской империи, поощрявшей военно-хозяйственную структуру Боспорского царства как вассального эллинистического государственного образования. Поэтому правомернее, наверное, говорить не о сарматизации Боспора, а об эллинизации окружавшего Боспор варварского населения. Это превращало варваров в подданных боспорских царей, привлекало к ним на службу и в конечном итоге отвлекало от вторжений в пределы царства. В то же время использование сарматского опыта, в частности в военном деле и ремесле, обеспечивало взаимовлияние и взаимодействие греко-римских и варварских иранских традиций, что являлось основой для развития Боспорского государства по эллинистическому пути.

Если раньше греческие полисы под властью Спартокидов служили главным проводником эллинских традиций для местного населения, то со времени Митридатидов и при Тибериях Юлиях таким проводником эллинизма стали царские земельные владения и вписавшиеся в них города Боспора. Характерной чертой политики боспорских царей в римскую эпоху было предоставлять ограниченные полисные свободы городам, что проявлялось в праве владеть собственной хорой и иногда даже чеканить свою монету, как при Асандре и Динамии. Хотя, начиная с правления Аспурга, боспорские полисы монет не чеканили, они сохраняли некоторые привилегии и самоуправление, обусловленные обладанием небольшой земельной округой. Это подтверждает действие в Горгииппии в I в. н.э. так называемого "Евпаторова закона о наследовании", который касался наследования недвижимости на полисной хоре гражданами — членами полисной общины — и всей общины в целом. Это династия инициировала создание специальных округов со своими управляющими: в особые округа были выделены Феодосия и Горгииппия со своими земельными владениями (КБН. 1115, 1119, 1129, 1132, 1134, 1214 - Горгииппия; 36, 64, 1130 - Феодосия), остальные города вошли в состав округов из царских владений, хотя и сохранили часть своей хоры¹⁷⁶ вплоть до

¹⁷⁶ Смирнова Н.В. Наместники Горгииппии // ДБ. 2001. Т. 4. С. 350; Сапрыкин С.Ю. Аспург... С. 213-215.

конца античности¹⁷⁷. В I—III вв. н.э. Пантикапей-Кесария и Фанагория-Агриппия имели свои органы управления — Совет и Народное собрание, но с ограниченными полномочиями. В римский период жители Пантикапея ощущали себя общиной граждан (КБН. 132, 138, 140), такие этникины, как "пантикапейец" (КБН. 1048), "гермонасец" (КБН. 495), "фанагориец" (App. Mithr. 7; IGUR. II. 1. 567) использовались довольно часто, а архонты — полисные магистраты — продолжали выполнять свои обязанности, как и раньше (КБН. 1051). Но они утратили свои общевоспорские функции "архонтов Боспора и Феодосии", как при Спартокидах, полисных тиранах, сохранив лишь локальное значение в каждом из полисов, ибо власть теперь осуществляли цари "всего Боспора", а не тираны-архонты. В 234 г. н.э. даже такой маленький город, как Китей, величал себя "общиной китейцев" (ή πατρίς Κιταιτῶν) и за ее счет выстроил храм (КБН. 942)¹⁷⁸. Этот термин в римское время обозначал тех, кто считался потомками граждан первого поколения, т.е. "отцов-основателей" города¹⁷⁹. Китей тратил свои средства на строительство, следовательно, он имел собственные финансовые структуры и выступал самостоятельно как минимум в сфере денежной политики. Ведь Боспорское царство имело царскую казну (КБН. 1096), но она не выделила денег на постройку храма в Китее, переложив все расходы на городскую общину.

На Боспоре имелись различные фискальные и финансовые магистраты: специальная коллегия οἱ ἐπὶ τοῦ προσδοχοῦ ἐπιστολογράφου — "служащие приходной канцелярии" (КБН. 519, 1247), ведавшие государственными доходами, очевидно, налогами, данью и поборами, поступавшими в царскую казну; οὐλὴν γὰρ οὐφύλαξ — хранитель царской казны, вероятно, ответственный за поступление денег в казну, которые шли на содержание царского двора (КБН. 45, 49); ἱερὼν οἰκονόμος — распорядитель финансов фиасов и прочих религиозных и культовых союзов, он мог также отвечать за средства на культовые церемонии, которые отпускала царская администрация; εὐκλιῶν οἰκονόμος — вероятно, государственный чиновник, следивший за налогами (КБН. 1134)¹⁸⁰. В 130 г. н.э. Совет и Народ Фа-

нагории-Агриппии поставил статую царя, потратив на это деньги из της πολιτικῆς προσόδου (КБН. 982) — как полагают, из государственных доходов, однако слово ή πολιτικῆ указывает, что это деньги из казны полиса. Если сравнить с тем, что мы видели на примере Китея, то можно заключить, что некоторые города римского Боспора имели доходы, которые использовались на нужды полисов. Это подтверждает ограниченное самоуправление городских общин в рамках Боспорского царства. Несомненно, часть доходов они отдавали в царскую сокровищницу, а остальное оставляли на свои нужды, и эти средства находились в компетенции εὐκλιῶν οἰκονόμοι, как в Горгиппии.

Гражданская община (πολεῖτών) засвидетельствована во второй половине II в. н.э. в Горгиппии (КБН. 1150). Она представляла собой административную единицу — полис со своими органами управления, булэ и Народным собранием (демосом) (КБН. 1118)¹⁸¹. Есть сведения о Народном собрании в Пантикапее и Фанагории. Танаис, всегда занимавший особое положение среди городов Боспорского царства, также сохранил ряд черт гражданской полисной общины и своих городских магистратов: стратега граждан (КБН. 1237), элинарха, архонта танаитов (КБН. 1242, 1243, 1245 и др.). Даже назначение туда царских посланников-пресбевтов указывает на пережитки полисного самоуправления (КБН. 1243, 1245). Появление этих чиновников, неизвестных в других городах, можно объяснить следующим. Танаис был основан как "эмпорий варваров", т.е. как греческий центр в стране, населенной варварскими племенами, и оттого не был полностью интегрирован в Боспорское царство. Страбон называет его общим торговым центром азиатских и европейских кочевников, а также греков, которые прибыли на кораблях с Боспора, и называет боспорских греков в качестве его основателей (VII. 4. 5; XI. 2. 3). Плиний Старший уточняет, что они были выходцами из Пантикапея (HN. VI. 21). Изначально торговые функции Танаиса вызвали деление его на собственно "город" (ή πόλις) и "эмпорий" (τὸ ἐμπορίον), а также "торговцев" (οἱ ἐμποροί), которые жили в эмпории. Эту структуру подтверждают надписи, римского времени, и она соответствую-

¹⁷⁷ Анохин В.А. История Боспора Киммерийского. С. 170—173.

¹⁷⁸ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 376–377. Ср.: Comm. ad CIRB. 942. P. 525.

¹⁷⁹ Латышев В.В. Неизданные боспорские надписи // ИРАИМК. 1922. 2. С. 84—104; Колобова К.М. Политическое положение городов в Боспорском государстве. С. 53—55.

¹⁸⁰ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. С. 211. О чиновниках фиска на Боспоре см.: Латышев В.В. PONTIKA. С. 126; Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 613; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 344. О горгиппийских надписях II в. н.э. с упоминанием οἱ ἐπὶ τῶν φείσων

(вероятно, чиновника, который отвечал за деньги из государственной казны, находившиеся в личном распоряжении царя) см.: Кругликова И.Т. Новые эпиграфические памятники из Горгиппии // ВДИ. 1967. № 2. С. 14. № 9; Болтунова А.И. Новая надпись из Горгиппии и несколько замечаний об организации управления государственными доходами Боспорского царства // Eirene. 1968. VII. P. 70 ff.; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 59.

¹⁸¹ Блаватская Т.В. Аспург и Боспор в 15 г. н.э. // СА. 1965. № 3. С. 28; Сапрыкин С.Ю. Из эпиграфики Горгиппии // ВДИ. 1986. № 1. С. 72; Болтунова А.И. Надписи Горгиппии (из находок 1971–1981 гг.) // ВДИ. 1986. № 1. С. 47; Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. С. 55.

ет сведениям Страбона и других авторов о Танаисе как торговом пункте кочевников и боспорских греков, но не только собственно боспорского происхождения (КБН. 1243, 1244, 1252, 1257). В городе был, очевидно, особый квартал, который могли занимать торговцы, в том числе и иноземные. Поэтому правители Боспора должны были назначать туда своих представителей для ведения переговоров с кочевниками и иностранными купцами, они должны были также следить за торговыми сделками, чтобы часть доходов могла поступать в царскую казну. Пресбевты царей в Танаисе были призваны защитить его жителей от различных врагов, которые во множестве обитали в его округе. Такой тип отношений Боспорского царства и отдаленного эмпория был ранее апробирован на Елизаветовском городище, где также был специальный торговый пункт боспорских эллинов уже с конца IV в. до н.э. в виде отдельного квартала в городе¹⁸². Вот почему по своему официальному положению пресбевт — это чиновник, "посланный царем в эмпорий", очевидно, представитель высшей боспорской аристократии, приближенный ко двору в Пантикапее (КБН. 1237). Этот его статус сохранялся вплоть до римской эпохи.

После разрушения Танаиса понтийским царем Полемоном I роль и значение этого города резко пошли вверх, особенно в императорское время. Он был превращен в едва ли не главный торговый пункт, через который осуществлялись коммерческие операции с населением Нижнего Дона и Меотики, где заключались сделки, подписывались торговые договоры, велись посреднические дела с окружающими варварскими племенами. В эти сделки активно включались и иноземные купцы, и это обстоятельство требовало присутствия царского легата — пресбевта. Из всех боспорских городов Танаис был ближе всех расположен к сарматским кочевникам и по этой причине имел в своем составе немало лиц иранского происхождения, полугреков-полуварваров, а также прямых выходцев из варварской среды. Многие сарматы и меоты, дружественные Боспору, считали город главными воротами, через который они могли попасть в пределы Боспорского царства и далее в греко-римский мир Восточного Средиземноморья. Это требовало специальных чиновников-посланников царя, которые отвечали бы за связи боспорских купцов и римских негодантов с варварами.

Знаменательно, что один и тот же чиновник мог замещать сразу две должности — пресбевта в Танаисе и наместника над царскими землями (ὁ ἐπί της βασιλείας - КБН. 1249). Танаис имел в своем подчинении обширную сельскую округу и укреп-

ленные поселения в устье Дона, которые энергично развивались с середины I в. н.э. Это городища Подазовское, Темерницкое, Кобяковское, Сухо-Чалтырское, Мокро-Чалтырское, Нижне-Гниловское, Хопровское и т.д. Это был "регион танаитов" — полуградных-полувоенных поселенцев, которыми командовали лохаги, царские военные (КБН. 1251а). Это была уже не городская хора, а земля, попадавшая по боспорским меркам в категорию царской (впрочем, Танаис, первоначально простой эмпорий, мог не иметь полисной хоры, так как в нем были лишь общины торговцев и граждан эллинского происхождения, подчиненные эллинам и стратегам граждан, составлявших гражданское ополчение — КБН. 1237, 1256). После своего возрождения в I в. н.э. Танаис был вначале полуградным поселением, а затем центром округи или района на царской хоре, оттого и глава городской власти, царский магистрат высшего разряда — "посланник царя" — автоматически превратился в "наместника над царскими землями" или являлся "наместником аспургиан", т.е. главой, предводителем военно-хозяйственных поселенцев на царских землях в Синдике (КБН. 1246, 1248).

Назначение в Танаис "начальника аспургиан" в качестве пресбевта царя очень любопытно. Ведь город был возрожден именно при Аспурге и служил ему опорным пунктом на Нижнем Дону, за что и пострадал от действий Полемона I, стремившегося покончить со сторонниками Аспурга, претендовавшего на престол. Тогда же или немного позднее в окрестностях Танаиса появились укрепления военно-хозяйственных поселенцев, из которых многие явились на Нижний Дон из Восточной Меотиды и Прикубанья. Это были меоты и местные сарматы, уже вовлеченные в военную структуру Боспорского царства¹⁸³. Поэтому правитель царских земель и "начальник аспургиан" как никто иной должен был наблюдать за организацией и функционированием укрепленных поселений, военной и хозяйственной деятельностью их жителей, призванных выполнять примерно такие же задачи, какие возлагались на аспургиан, обитателей военно-хозяйственных поселений на азиатском Боспоре. В его подчинении мог находиться лохаг танаитов, командующий катойками на Нижнем Дону в военное время. Иерархическая структура танаисских городских и царских магистратур, равно как и администрация в Горгиипии и Феодосии, показывает, что политические, административные и аграр-

¹⁸² Marchenko K.K., Zitnikov V.C., Kopylov V.P. Die Siedlung Elizavetovka am Don. Moskau, 2000. S. 252-262.

¹⁸³ Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I—III вв. н.э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 2-8; Он же. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. — III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 241.

ные отношения в городах Боспора и на их сельской периферии находились под прямым контролем царей, являвшихся верховными собственниками земли в государстве, как в эпоху классического эллинизма. Можно выделить только некоторые черты собственно полисного землевладения в это время: это упомянутый выше "Евпаторов закон о наследовании" в Горгии и фрагмент надписи II в. н.э. из Пантикапея, в которой отмечены границы либо одного большого земельного надела, либо всей хоры полиса Пантикапея (КБН. 837)¹⁸⁴. Документы такого рода из Истрии, Каллатиса, Дионисополя¹⁸⁵ делают последнее предположение весьма вероятным. Пантикапейская надпись устанавливала размеры полисной хоры столицы в рамках общей структуры землевладения в Боспорском царстве. Ведь нельзя забывать, что в дорийскую эпоху хора Пантикапея была самой протяженной, поэтому после реорганизации системы землевладения при преемниках Митридатидов и выделения обширных доменов царских земель потребовалось засвидетельствовать новые реалии и обновить границы полисных владений. Сохранились сведения о полисной хоре Феодосии¹⁸⁶ и Нимфея¹⁸⁷, в наших руках есть также материалы о хоре римской Гермонассы, в частности об одном из поселений Волна-1¹⁸⁸. Можно с некоторой долей осторожности выдвинуть предположение, что в общих чертах полисное землевладение сохранялось в пределах тех же городов, что и в спартокидовское и митридатовское время. Но размер полисной хоры, естественно, был существенно урезан.

Соединение полисного и царского землевладения в единое целое в рамках государства давало толчок сельскохозяйственному производству, торговле и ремеслу, обслуживавшим сельское население. Этот процесс должен был привлекать на Боспор ремесленников и торговцев, а также сармат, скифов, меотов и прочих соседей. Так сохранялись полисные свободы, что отвечало интересам римских властей, ибо укрепляло римско-боспорские экономические отношения, содейство-

вало росту импорта римской продукции. Многим из боспорских царей, проводников такой политики, были оказаны почести в I—II вв. н.э. как в причерноморских городах Империи, так и в других местах (КБН. 44, 46, 54, 55, 57, 58).

Эллинистическая структура земельных отношений, питавшая существовавшую на Боспоре политическую систему в виде монархии эллинистического типа, экономический обмен между городами царства, Римской империей и варварской периферией действовали крайне эффективно на протяжении I — первой половины III в. н.э. В своей основе все это сформировалось при Асандре, Динамии и Аспурге, поддерживавших и приумноживших митридатовские традиции¹⁸⁹. Расцвет Боспора объяснялся еще и таким на первый взгляд парадоксальным обстоятельством, что со времени Тиберия, но особенно после Нерона, римляне содействовали сохранению митридатовских традиций и эллинистических производственных отношений в вассальном царстве, ибо поняли, что только эллинизация, а не насильственная романизация станет подспорьем в удержании варваров от агрессивных акций. Поэтому Боспорское царство в императорский период стало довольно развитым эллинистическим государством, вассальным Римской империи.

Процесс сарматизации, заметный уже на рубеже нашей эры, наслаивался на митридатовские эллинистические традиции. Однако в целом греки Боспора и римляне опасались сильного сарматского влияния, так как сираки, аорсы, аланы, тавроскифы, сатархи и другие племена время от времени превращались во врагов Боспора. Чтобы приуменьшить опасность их нападений, правители Боспорского царства поддерживали введенную в свое время Митридатом Евпатором и Фарнаком тенденцию привлекать варваров и использовать их потенциал, главным образом военный и хозяйственный, для нужд Боспора, отвлекая их от агрессивных поползновений. Отражением этой тенденции стало сочетание полисных отношений и царского землевладения на Боспоре. В этом также одна из причин, почему на протяжении I—III вв. н.э. в Боспорском царстве сформировалось множество религиозных и профессиональных союзов — фиасов, важного инструмента эллинизации местного населения. Царская, полисная и храмовая земельная собственность вкупе с индивидуальным землевладением привела к образованию больших производственных комплексов, тесно вза-

¹⁸⁴ См.: Жебелев С.Л. Указ. соч. С. 124. Примеч. 1; Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. С. 50.

¹⁸⁵ Avram A. Op. cit. S. 103–137; Slavova M. Op. cit. P. 99. Ср. надписи I в. н.э., которые фиксируют размеры границ хоры Истрии в рамках провинции Мезия (ISM. I. 66–68).

¹⁸⁶ Гаврилов А.В. Укрепленные памятники античной эпохи в ближайших окрестностях Феодосии // БИ. 2002. II. С. 159–193.

¹⁸⁷ Scholl T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warszawa, 1999. P. 23–70.

¹⁸⁸ Соловьев С.Л. Хора Борисфена, Ольвии, Нимфея и Гермонассы: результаты исследований и сравнительный анализ // Таманская старина. 2000. 3. С. 165–166.

¹⁸⁹ Сапрыкин С.Ю. Аспургiane // СА. 1985. № 2. С. 65–78; Он же. Боспорское царство... С. 201 и след. О римской помощи в развитии экономики Боспора см.: Цветаева Г.А. Боспор и Рим. С. 17–20.

имодествовавших с сельским хозяйством, что втягивало население в производство и активную хозяйственную деятельность, опять-таки отвлекая от грабежей и нападений на хору. В этом заключалась реальная основа быстрого подъема экономики и торговли. Поэтому не сарматизация выступила движущей силой экономического прогресса на Боспоре в первые века нашей эры, а сохранение в достаточно полном объеме эллинистических традиций, заложенных еще при Митридатах, и прежде всего перераспределение земли в сторону укрупнения царского землевладения в сравнении с отжившими свое полисными земельными отношениями эпохи Спартокидов.

В.Н. Токмаков

**РИМ И МАКЕДОНИЯ
В СПОРЕ ЗА ЭЛЛАДУ:
ВАРВАРЫ ПОКОРЯЮТ ГРЕКОВ***

Основной целью очерка является выяснение типологии взаимоотношений римлян и греков как варваров и эллинов, политического влияния Рима на внутреннюю структуру греческих полисов и союзов и дальнейшее разложение полисных отношений, а также обратного, идейно-культурного влияния греков на модернизацию политической системы римской *civitas* и изменение менталитета и духовных приоритетов римского гражданского общества. Мы постараемся определить некоторые малоисследованные аспекты Македонских войн и внешней политики Римской державы в Восточном Средиземноморье в конце III — первой половине II в. до н.э.: причины римской экспансии на Востоке; проблемы экономико-политического ослабления Греции и последствия разложения греческого полиса; обстоятельства сравнительно быстрого и легкого проникновения римлян в орбиту межгреческих отношений и успешной адаптации римлян к культурно-политическим реалиям эллинского мира.

Двести пятьдесят лет Рим завоевывал Италию, и менее века потребовалось ему, чтобы из небольшого города-полиса превратиться в крупнейшую державу, владения которой простирались от берегов Испании до Греции и Малой Азии. Это превращение поражало современников своей стремительностью и бесповоротностью. Полибий не мог сдержать изумления: "Где найти человека столь легкомысленного или нерадивого, кото-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-01-00684а. Статья является сокращенным вариантом главы в подготавливаемой к выпуску монографии "Армия и власть в Риме IV—II вв. до н.э."

¹ Подробнее многие аспекты международных отношений Рима со странами Восточного Средиземноморья см.: *Кащеев В.И.* Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220—146 гг. до н.э. М., 1993. Эта работа по-прежнему актуальна. Не вступая в прямую полемику, мы попытаемся дать в статье свое видение проблемы, опираясь на информацию прежде всего источников, дошедших до нас из эры *raх Romaпа*.

рый не пожелал бы уразуметь, каким образом и при каких общественных учреждениях почти весь известный мир подпал под единую власть римлян в течение неполных пятидесяти трех лет?" (от Второй Пунической до Третьей Македонской войны) (*Polyb.* I. 1.5). "Римляне, — продолжает Полибий, — покорили своей власти весь известный мир, а не какие-нибудь его части, и подняли свое могущество на такую высоту, которая немалой была для предков и не будет превзойдена потомками" (*Ibid.* I. 2. 7). (Заметим, что писано это было до завоеваний Цезаря и Помпея и до создания Римской империи!)

Сам Полибий объяснял возвышение Рима совершенством его политического устройства и особыми духовно-нравственными качествами его граждан. Но были и другие причины. Рим занимал выгодное географическое положение в центре как Италии, так и всего Средиземноморья. Здесь очень рано начали скрещиваться торговые пути и по суше, и по морю. В бесчисленных войнах совершенствовалась уникальная военная организация Римской республики. Волею судеб Риму пришлось столкнуться с ведущими державами античного мира — Карфагеном, Македонией, эллинистическими монархиями Востока, — уже достигнув высокого внутреннего развития, сложившимся государством, главой мощной Римско-италийской федерации, объединившей под эгидой Рима всю Италию.

В состав Римско-италийской федерации вошли народы и государства-полисы, стоявшие на разных уровнях хозяйственного и общественного развития. Все они были в разное время подчинены Римом, кто мирным путем и союзными договорами, кто в результате длительного и напряженного противоборства. Главной особенностью Римско-италийской федерации было то, что все ее члены перешагнули уровень развития классического полиса, на котором остановилась Греция; причем Рим потерял такую важнейшую его черту, как замкнутость гражданского коллектива, а итальянские общины — независимость. Однако агрессивная политика Рима имела и положительные последствия. Она отражала подспудное, но исторически прогрессивное стремление народов и племен Италии к объединению: на месте множества разрозненных и слабых общин и полисов возникла новая, совершенно невиданная в древнем мире государственная организация — союз полисов, сплотивший племена в единый итальянский народ. Именно это обусловило то, что в войнах Рима (в том числе Македонских) наряду с римскими легионами деятельно участвовали вспомогательные войска (*auxilia*) различных итальянских племен, общин и муниципиев, организованных и вооруженных по римскому образцу.

В III—II вв. до н.э. в Римской республике переживают подъем сельское хозяйство, ремесло и торговля, особенно морская.

Земли, отобранные у покоренных народов, составили государственный земельный фонд римлян, по традиции называемый *ager publicus*. Все это процветание опиралось на массовое использование рабской силы, что провоцирует нарастание агрессии Рима по всему Средиземноморью.

* * *

Многочисленные исследователи сходятся в том, что в III — начале II в. до н.э. эллинистические державы, возникшие на развалинах империи Александра Македонского, переживали внутренний надлом (анализ различных аспектов которого выходит за рамки данной статьи). Эллинизм затронул не только восточные государства, но и собственно Элладу. Захваченная Македонией, она все-таки не покорилась чужеземной власти и продолжала вести упорную борьбу за свою независимость. На протяжении всего периода эллинизма власть македонских басилевсов над Грецией была скорее формальной, нежели фактической. Стремление греков к свободе было настолько велико, что они готовы были приглашать на помощь других чужеземцев, чтобы избавиться от сиюминутного господства македонян. Греки не терпели никакого посягательства на свои права, поэтому македонские цари даже на подчиненных территориях не изменяли существовавшие политические институты, стараясь приспособить их к своим целям. Они ставили во главе полисов верных им тиранов (*Polyb.* II. 41, 44) и поддерживали те группировки в народных собраниях, которые держали сторону Македонии.

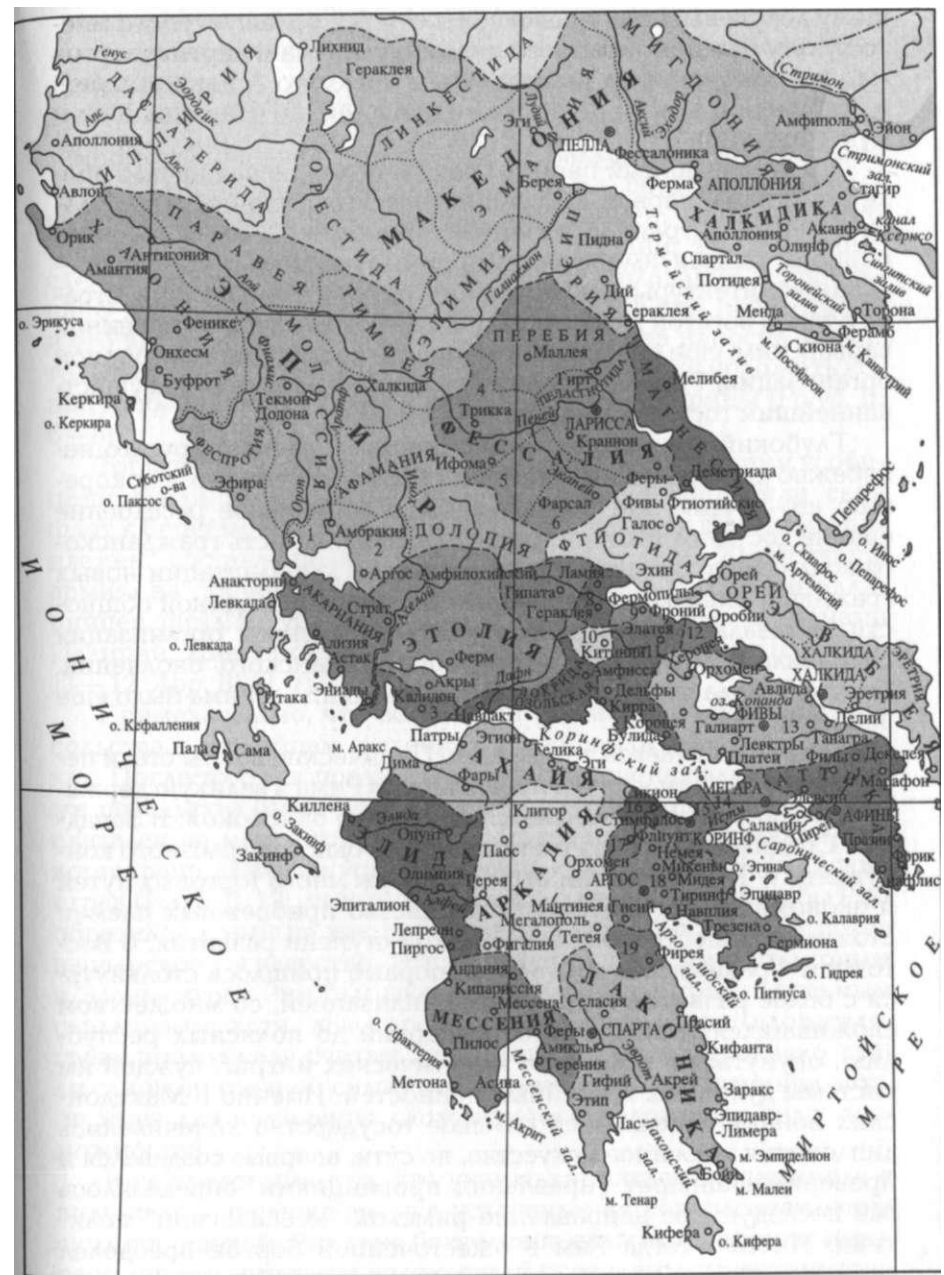
Элладу данного периода характеризует состояние глубокого упадка и постепенное назревание общего кризиса. Политическая раздробленность, социальная борьба, непрерывные межполисные войны тормозили развитие хозяйства и торговли. Причинами раздробленности Греции историки справедливо называют неравномерное развитие отдельных частей страны и полисную систему. Немаловажным обстоятельством был также тот факт, что хотя жители Греции и сознавали себя эллинами, но все же не имели общих экономических и национальных интересов (хоть и говорили все больше на общем языке — *κοινῇ*), в отличие от Римско-италийской федерации. Как известно, полисное устройство, порождающее сепаратизм отдельных городов, нацеленный на извлечение выгод только для своей общины, были сильнейшим препятствием к объединению Эллады. Но следует учесть, что в III—II вв. до н.э. многие греческие полисы утратили большую часть независимости и уже не могли свободно осуществлять не только внешнюю, но в ряде случаев и внутреннюю политику.

Для эпохи эллинизма характерно отсутствие торгового гегемона, каким в V—IV вв. до н.э. были Афины. Множество центров торговли, к тому же переместившихся на Восток (Александрия, Антиохия, Родос и Византий), к которым прибавились еще и италийские вместе с Римом, создавали торговую конкуренцию, которая становилась подчас очень жестокой. Достаточно вспомнить политику Рима по отношению к Родосу и Делосу, войну Родоса с Византием из-за понтийских торговых путей, разрушение римлянами Коринфа в 146 г. до н.э.

Политическая раздробленность страны и перманентные войны, главной целью которых все чаще становился элементарный грабеж, способствовали также сокращению численности населения как вследствие гибели воинов и мирных жителей, так и в результате падения рождаемости (*Polyb.* XXXVII. 9. 5—8). Тяготая жизнью в разоренной Эллад, мужчины уходили в наемники.

Имущественное расслоение граждан полисов, концентрация земли и богатств в руках немногих, закабаление простых граждан ростовщиками — всё это вызывало обострение социальной борьбы, что усиливало нестабильность в полисах. Расцветает олигархия и тирания. Полисные рамки оказывались тесны для них и препятствовали самому выживанию городов, что вызвало к жизни необходимость консолидации отдельных изолированных общин в более крупные государственные образования — союзы полисов. Вследствие упадка традиционных гегемонов Эллады — Афин, Спарты и Фив — с III в. до н.э. на передний план выдвигаются союзы полисов и племен прежде отсталых областей страны, Этолии и Ахайи. Их отличительной чертой можно назвать отсутствие гегемонии какого-либо одного полиса, равноправие общин внутри союза (хотя бы формальное) и общесоюзное гражданство. Именно принцип федерализма обуславливал относительную прочность союзов, если учесть, как уже сказано, нетерпимость греков к ущемлению их политической свободы. Однако в противоборстве с иной формой федерации — Римско-италийской — Ахейский и Этолийский союзы оказались слабее как в экономическом, так и в военном отношении. Сказались также и архаичность и примитивность общественно-политических порядков этих регионов, в классическую эпоху лежавших вне основного русла прогресса.

Таким видится общее развитие Эллады накануне римского завоевания. Оно характеризуется состоянием всеобщего упадка, консервацией уже разлагавшихся полисных институтов, превратившихся в тормоз общественному развитию, деградацией полисной морали и идеологии. Идеи равенства, свободы граждан, независимости любой ценой, служения об-

Греция и Македония к началу Македонских войн

щему делу и высокой нравственности все более уступали место культу наживы, крайнего индивидуализма и партикуляризма, что закономерно выливалось в тоску по "сильной руке" и стабильной власти (пусть даже внешней, но чтившей полисную гордыню).

Именно в данный период Греция, положившая начало эпохе эллинизма, первой из эллинистических стран пала под ударами Рима. Страна с развитой экономикой классического периода, давшая человечеству крупные научные открытия, шедевры архитектуры, искусства, литературы и философии, страна с такой богатой духовной культурой оказалась раздавленной варварским, еще не создавшим ничего, кроме мощной военной организации, Римом, которому суждено было стать могущественнейшим государством Европы и Азии.

Глубокий кризис одного государства и расцвет другого неизбежно должен был привести к гибели слабейшего и покорению его другим, где рабовладение и социальное расслоение еще не достигли такой остроты, где сплоченность гражданского коллектива, открытого в то же время для адаптации новых граждан и иных категорий подданных в рамках единой общности, оставалась достаточно высокой, а военная организация сохраняла в целом характер общегражданского ополчения. То, что Эллада уже прошла в V—IV вв. до н.э., у Рима было еще впереди.

Обычно считается, что именно Пунические войны стали переломным этапом на пути превращения Рима в великую державу. Но картина представляется несколько однобокой. В Западном Средиземноморье Рим имел только одного серьезного конкурента — Карфаген, там было не так уж много торговых путей и экономических центров, большинство прибрежных племен стояли на существенно более низкой ступени развития. В Восточном Средиземноморье Риму впервые пришлось столкнуться с более развитой и древней цивилизацией, со множеством сложившихся государств (от монархий до полисных республик), окунуться в водоворот политических интриг, чуждой им системы духовных и идейных ценностей. Именно в Македонских войнах укреплялось римское государство, оттачивались дипломатия и военное искусство, по сути, впервые создавался и проверялся аппарат управления провинциями, определялось все последующее направление римской "мессианской" политики. Именно тогда Рим в ожесточенной борьбе преодолел свой варварский "комплекс неполноценности", не только заставил считаться с собой как с равным, но и поставил себя, свою систему ценностей, нормы морали, образ жизни над "эллинизмом".

НА ПОДСТУПАХ К ЭЛЛАДЕ

Разделавшись в ходе Первой Пунической войны с Карфагеном, Рим обратил свои взоры на восточную часть Средиземноморья. Первой пробой сил на Балканском полуострове стала Иллирия, где в середине III в. до н.э. образовалось сильное объединение ряда иллирийских племен, которые часто совершали набеги на побережье как Италии, так и Греции, сделав Адриатическое море опасным для плавания. Наибольшего могущества иллирийский союз достиг при царе Агроне и его вдове царице Тевте. Разбой иллирийцев наносил значительный ущерб торговле Рима, но его требования положить конец грабежам встретили решительный отказ царицы (*Polyb.* II. 6-8).

Тогда в 229 г. до н.э., воспользовавшись внутренними усобицами среди иллирийских племен, римляне направили свой флот к берегам Иллирии. Они без труда разбили флот местных племен, составленный из либурн, и высадили 20-тысячную армию на побережье. Разрушив укрепления и городки иллирийцев, римляне установили контроль над многими племенами Иллирии, жившими в глубине этой гористой страны (*Polyb.* II. 11-12; *App.* III. II. 7).

Примечательно, что вслед за этим римляне направили посольства к этолийцам и ахейцам и сообщили им о своих успехах. После того как послы были приняты очень радушно, такие же посольства были отряжены в Коринф и Афины, где прием оказался не менее горячим. Обращает на себя внимание, что коринфяне даже допустили римлян к участию в Истмийских играх (*Polyb.* II. 12), чего они никогда бы не сделали, если бы Рим обратился к ним не как победитель, а как обычное, тем более варварское государство. Этим допуском к самым популярным в Элладе играм Рим был как бы официально признан равным с эллинами, хотя, как справедливо отмечают исследователи, греки продолжали считать их варварами, которые, однако, стали слишком грозной силой и их уже нельзя было игнорировать, не имея для изменения сложившегося положения иных возможностей.

Нам представляется, что уже Иллирийская война имела в виду планы, шедшие дальше установления безопасности морских сообщений. Римляне безусловно сражались за свои интересы, но эти интересы волею судеб совпали с интересами греков, которые также страдали от пиратства иллирийцев. Таким образом, римляне, решая свои собственные проблемы, случайно, мимоходом, оказали услугу грекам, подняв тем самым в их

глазах свой авторитет². О целях, устремленных далее подчинения Иллирии, свидетельствует и то, что Рим предусмотрительно не преминул направить посольства к греческим союзам для объявления об оказанном благодеянии. Полибий оговаривается, что римляне *"впервые объяснили причины войны"* (курсив мой. — В.Т.) и просто констатировали факт обезопасения морских сообщений. Обрадовавшиеся греки выразили благодарность Республике. Удивляет тот факт, что Рим направил посольства не до войны, а после ее окончания. Тем самым они предстали, как уже сказано, перед греками не как безвестное варварское государство, помогавшее союза с эллинами в войне, а как победитель, бескорыстно оказавший услугу грекам и заботливо избавивший их от хлопот самим нести тяготы войны. Этим Рим выгодно противопоставил себя и Македонии, которая оказалась не в силах защитить греков.

Кроме того, римляне захватили в этой войне Керкиру, удобную базу для флота (каковой она и являлась во время Македонских войн), и поставили в зависимость часть иллирийской территории, которая могла служить отличным плацдармом, почти непосредственно подступающим к Македонии. Вероятно, это обстоятельство в определенной мере явилось хотя бы косвенной причиной выступления Филиппа против Рима и заключения союза с Ганнибалом. Кстати, римляне обычно высаживали свои войска именно в Иллирии.

Безусловно, некорректно утверждать, что римляне уже в 20-е годы III в. до н.э. имели в виду захват Греции. Но что проводимая ими политика и умелое извлечение даже незапланированных выгод из конкретной внешнеполитической акции в конце концов привели именно к таким последствиям — это несомненный факт, свидетельствующий о большой политической прозорливости римского руководства.

Благодаря Иллирии римляне впервые сломали лед недоверия и презрения к ним как к варварам, обратив таким образом внимание греков на себя как на потенциальных защитников их свободы. У эллинов впервые возникла мысль о возможности использования римлян для своих целей. И Рим, особенно после Второй Пунической войны, с готовностью откликнулся на призывы греков, пожелав, однако, выступать в роли не игрушки в руках борющихся за свои интересы греческих городов, а гегемона, диктующего свои условия.

² См. также: Самохина Г.С. Иллирийские войны (о принципах римской политики на Балканах в конце III в. до н.э.) // Античность и раннее средневековье. Социально-политические и этнокультурные процессы. Н. Новгород, 1991. С. 42–56.

Однако "иллирийские дела" не закончились одной войной. В 219 г. армия консула Луция Эмилия Павла вела новые военные действия, на этот раз против своего недавнего союзника в Первой Иллирийской войне династа Деметрия Фаросского. Деметрий не сумел отсидеться в городах, был разбит и бежал к македонскому царю Филиппу V, что не прибавило симпатий двух держав друг к другу. Эмилий Павел разрушил столицу Деметрия Фарос, захватил остальную Иллирию и, "все устроивши здесь по своему усмотрению" (*Polyb.* III. 19; *App.* III. II. 8), возвратился с триумфом в Рим. Очевидно, что этот эвфемизм означал окончательное подчинение Иллирии власти Рима.

В связи с этим интересно отметить, что в период III — II вв. до н.э. ни в одной серьезной войне римляне с первого раза не достигали внушительных результатов, например, присоединения территорий. Всегда Рим сначала ограничивался контрибуцией и распространением своего политического влияния на государство, потерпевшее поражение. И только в следующих войнах, как правило, спровоцированных самой римской политикой, экономически и в военном отношении ослабив противника, Рим предъявлял территориальные притязания. Так было в Пунических и Иллирийских войнах; так же римляне действовали и в войнах с Македонией.

И дело представляется не только в последовательной смене в римской внешней политике пресловутых "линий" Сципиона и Катона. Напротив, оправданно предположить, что сами эти направления — на создание вокруг Рима полунезависимых "буферных" государств или на прямое превращение покоренных регионов в римские провинции — отражали баланс экономических и военно-политических потенций римского государства, их реальные возможности. Его завоевания проходили медленно, однако новые территории прочно входили в состав римской державы, что коренным образом отличало Республику от скороспелых эллинистических монархий.

ПРИШЕСТВИЕ РИМА В ЭЛЛАДУ

Во время Второй Пунической войны царь Македонии Филипп V (221 — 179) заключил союз с Ганнибалом, желая расширить свои владения в Элладе и Иллирии³. Это вызвало ответную реакцию римлян. Хотя, по словам Аппиана (Мас. I), "римляне нисколько не обращали внимания на... Филиппа, начавшего с

³ См.: *Polyb.* VII. 9. 13; *Liv.* XXIII. 33. 10–12; *Zonar.* IX. 4. 2. Причем Аппиан настаивает, что Филипп направил послов к Ганнибалу, "не испытывая раньше от римлян никакой обиды" (Мас. I).

ними войну, и вообще не думали о нем, пока Италия еще страдала под ударами полководца Ганнибала и пока они сами крупными войсками занимали Ливию, Карфаген и Иберию и восстанавливали свою власть на Сицилии". Это свидетельствует, что балканский театр военных действий рассматривался римлянами вначале как нежелательный. Поэтому, стремясь связать действия Филиппа V в Греции и на Востоке, где он вел войны с Этолийским союзом и Родосом, римляне оказали политическую и военную поддержку последним.

Это привело к Первой Македонской войне (215 — 205 гг. до н.э.), в которой Рим воевал в Греции руками своих новых союзников. Более того, когда послы ряда государств пытались примирить римлян, этолийцев и Филиппа, именно представитель Рима Публий Сулпиций Гальба выступил с возражениями и настоял перед сенатом на выгоде для римлян продолжения войны Этолии с Македонией (App. Мас. III. 1). Война закончилась сохранением status quo (римляне готовились к решающему броску в Африку и им было не до Эллады и своих союзников) и обязательством не нападать на союзников друг друга, причем ни те ни другие не считали договор ни надежным, ни добровольным. Но тогда впервые Рим оказался вовлечен в греко-македонские дела, приобрел верных союзников в лице Этолии, Родоса и Пергамского царства и даже отправил посольство к сирийскому царю Антиоху III с нахальным запрещением посягать на Египет, заявив о себе в полный голос как о полномочном участнике во всех средиземноморских делах.

Первая "разведка боем" прошла успешно, и римляне не остановились на достигнутом. Грядущая опасность для Греции была предугадана некоторыми современниками событий. Так, при заключении мира в Навпакте между Этолией и Македонией после Союзнической войны в 217 г. до н.э. один из вождей этолийцев Агелай, по свидетельству Полибия, предрек, что, чем бы ни закончилось соперничество римлян и карфагенян, "победитель ни в коем случае не удовольствуется властью над италийцами и сицилийцами, что он прострет свои замыслы и поведет свои войска далеко за пределы, в каких подобало бы ему держаться" (Polyb. V. 104. 3). Поэтому он призывал как этолийцев пребывать в согласии перед "грозою с Запада", так и

⁴ См.: Liv. XXVI. 28; XXVII. 30; XXXI. 14; Polyb. XVI. 24; 27; XVIII. 1. 3.

⁵ App. Мас. III. 2; Liv. XXIX. 12. 13-15.

⁶ См.: App. Мас. IV.

⁷ Литературу о Первой Македонской войне см.: Казеев В.И. Первая Македонская война в интерпретации английских и американских антиковедов // Античный мир и археология. Саратов, 1986. С. 42 — 57; Он же. Эллинистический мир и Рим.

Филиппа V не обессиливать, а оберегать эллинов, приобретая друзей в случае опасности. Речь Агелая была направлена на объединение эллинов, но она осталась только словами. Полисный эгоизм и гегемонистские амбиции македонского басилевса вошли в противоречие с общенациональными идеями.

Не успели зарастить раны, вызванные опустошительной войной с Ганнибалом, а Рим уже вовсю влезает в сложные взаимоотношения между эллинистическими государствами в Восточном Средиземноморье. Начинается новый этап завоеваний. На этот раз врагом номер один становится Македония. Надо сказать, объект ненависти был выбран удачно. Македония в правление царя Филиппа V переживает подъем. Она распространяет свою власть на большую часть Греции, рвется за пределы Эгейского моря, нацеливаясь на раздел заморских владений Египетского государства в союзе с царем Сирии Антиохом III (App. Мас. IV). Но такая агрессивная и бесцеремонная политика встречает настойчивое противодействие не только Родоса и Пергама, всерьез опасавшихся за свою независимость, но и греческих полисов, которые еще со времен Александра Македонского боролись против северного соседа.

В этой мутной водиче застарелых споров римляне энергично ловят свою рыбку. Правящие круги нобилитета развивают бешеную дипломатическую активность, рассылая посольства в разные страны — от Египта до Этолии и от Сирии до Македонии. В ответ в Рим наперебой прибывают делегации эллинистических царств и городов. Наконец, римский сенат предъявляет Филиппу V ультиматум: возратить египетскому царю Птолемею V отторгнутые владения, прекратить войну с греками и предоставить все спорные вопросы с Пергамом и Родосом на разрешение третейскому судье. В роли судьи римский сенат скромно видел самого себя. Самолюбивый наследник великого Александра категорически отказал наглому выскочке, что и стало формальным "законным" поводом к "справедливой" войне. Интересно, что трибунные комиции в Риме единодушно отвергли эту войну как ненужную и невыгодную для народа. Тогда для оправдания войны консул надавил на граждан, запугав

⁸ Заметим, что Филипп, получивший нагоняй от римлян также за нападения на Хиос, Родос, Самос и Пергам, не сумел осознать масштаба амбиций и реальности угрозы со стороны нового соперника, отвечив, что "римлянам будет хорошо, если они будут держаться мира на тех условиях, на которых они его заключили" (App. Мас. IV). Следовательно, римляне воспринимались все еще как "варвары", недостойные и неспособные сыграть свою "скрипку" в эллинистическом "концерте".

⁹ Литературу см.: Самохина Г.С. Причины Второй Македонской войны (историография) // Проблемы историографии всеобщей истории. Петрозаводск, 1991. С. 24-32.

их угрозой вторжения Филиппа в Италию наподобие Пирра, для чего предъявил письма Марка Аврелия с "доподлинными доказательствами" (*Liv.* XXXI. 5. 7).

Осенью 200 г. до н.э. римская армия под командованием консула Публия Сульпиция Гальбы высадилась в Аполлонии, на западном побережье Греции, и стала продвигаться в глубь полуострова. Одновременно флот союзников, Рима и Родоса, блокировал македонское побережье. Так началась Вторая Македонская война (200—197 гг. до н.э.). Вначале римские войска действовали нерешительно, Филипп отбивал все попытки проникнуть в Македонию, но римлянам удалось привлечь на свою сторону Этолийский, а затем и Ахейский союзы¹⁰, что ухудшило положение царя. Важным успехом на ниве дипломатии было удержание Антиоха III от помощи своему союзнику — принцип "разделяй и властвуй" действовал. Тем не менее в войсках даже вспыхнул бунт ветеранов, требовавших отправки на родину и не желавших сражаться за чужие интересы (*Liv.* XXXII. 3), — настолько непопулярна была эта война. Об этом же свидетельствует и Плутарх, упоминая, что консулы, получив полномочия, под любыми предлогами задерживались в Риме, чтобы как можно позднее отбыть на эту ненужную кампанию (*Plut.* Flamin. 3).

Но в 198 г. до н.э. в Грецию прибыл со свежими силами Тит Квинкий Фламинин (227-174 гг. до н.э.) (*Liv.* XXXII. 9. 6-9), принадлежавший к древнему патрицианскому роду. Это была незаурядная личность! Честолюбец, умный и хваткий дипломат, военный трибун в армии Марка Клавдия Марцелла в 208 г. и правитель Тарента после его захвата римлянами, консул в 198 г. в обход других магистратур, Фламинин представлял собой тип римского политика новой формации, гибкого и оборотистого. По свидетельству Плутарха, он умел действовать, когда надо, и насилием, и мягкостью, беспощадно расправляться с врагами и подкупать их благожелательным обхождением, был "скор и к гневу, и к оказанию услуги" (*Plut.* Flamin. 5). По мнению Полибия, "это был один из проницательнейших римлян, обнаруживший несравненную предусмотрительность и ловкость не только в государственных делах, но и в личных отношениях" (*Polyb.* XVIII. 12. 3 — 4). Тит Фламинин разом обворожил греков. Вместо варвара они увидели очаровательного молодого человека приятной наружности в греческом "партикулярном платье", который с искренним восторгом рассуждал о великой Элладе, и ра-

¹⁰ Это произошло под давлением проримской партии вопреки мнению большинства членов собрания союза, недовольных римлянами из-за противозаконий Сульпиция, который захватил союзную ахейцам Эгину и продал всех жителей в рабство. См.: *App. Mac.* VII; *Polyb.* IX. 42. 7; XXII. 11.9.

зом уверовали в его роль "спасителя эллинов" (*Plut.* Flamin. 5)¹¹. Роль покровителя ему очень импонировала, недаром, как сообщает Плутарх, "он всегда любил, как своих благодетелей, тех, которые получали от него благодеяния, охотно пекся о людях, обязанных ему, и покровительствовал им, почитая их драгоценнейшим приобретением... Более любил тех, которые имели нужду в его помощи и благодеяниях, нежели тех, кто мог ему благодействовать. Одних почитал он средством к изъясвлению своей добродетели; других соперниками в славе" (*Plut.* Flamin. 10-11).

Одним из самых важных достижений Фламинина, решившим исход войны, было привлечение на свою сторону Ахейского союза (*Plut.* Flamin. 15; 17), который никогда не испытывал особых симпатий к Филиппу V и поддерживал его постольку, поскольку тот и его предшественники (вспомним Антигона Досона) оказали значительные услуги союзу в его борьбе с окружающими полисами и достижению гегемонии в Пелопоннесе. Но Македонию ахейцы использовали только для защиты интересов Лиги (защищать же Македонию они не рвались), так как в Греции тогда не было другого более сильного и надежного государства. Когда же оно появилось и гарантировало защиту от спартанского тирана Набиса и самого Филиппа, да еще посулило территориальные приобретения, вожди Ахейского союза сразу вспомнили, что Филипп притеснял их свободу, ставил гарнизоны в ахейских городах и вообще вел себя как тиран (*Liv.* XXXII. 21).

Решающее сражение произошло в 197 г. до н.э. в Фессалии между Ферами и Сутрием. В июне передовые отряды римлян и македонян, рыскающие в поисках продовольствия для войск, столкнулись в сильном тумане у Киноскефальских холмов. Узнав об этом, Филипп V поддался искушению из-за ложных донесений гонцов о бегстве римлян и вывел, несмотря на туман, свои войска из лагеря, заняв холмы. Навстречу ему на ошупь двинулся Фламинин¹². При Киноскефах впервые столкнулись македонская фаланга и римские легионы.

Но царь допустил роковую ошибку. Спускаясь с холмов, усиленная в глубину фаланга разорвала свой монолитный строй. Ей удалось вначале смять передние ряды римских гастатов, но в образовавшиеся бреши в ее шеренгах устремились воины второй линии легионов — принципы и римские боевые слоны. Разъединенная фаланга оказалась неспособной принять

¹¹ Подробнее о Фламинине см.: *Бобровникова Т.А.* Сципион Африканский: картины жизни Рима эпохи Пунических войн. Воронеж, 1996. Кн. 2. С. 59 и след.

¹² *Liv.* XXXIII. 7-9; *Polyb.* XVIII. 21-27; *Strabo.* IX. 5. 21.

ближний бой и была обречена на заклание¹³. Так римляне доказали всему миру неоспоримое превосходство манипулярной тактики по сравнению с громоздкой малоподвижной фалангой. Решающую роль в победе, правда, сыграла стойкость отменной конницы этолийцев.

Филипп запросил мира. Среди греческих союзников и в римском сенате звучали голоса с требованием добить Филиппа до конца, но сенат предпочел не рисковать и придержать Македонию как удобный противовес своим усилившимся союзникам¹⁴. По условиям договора Филипп отказывался от всех владений за пределами Македонии, выплачивал Риму 1 тыс. талантов, выдавал все военные корабли, за исключением шести, и сокращал армию до 5 тыс. человек. Без ведома Рима он не имел права вести войну. Главным пунктом мирного договора было признание им свободы греческих городов¹⁵. Тем самым Македония была низведена до положения рядового заштатного государства, замкнутого в своих узких границах.

Но при этом независимость Македонии была сохранена, на чем настаивал Квинций Фламинин. Вообще, бросается в глаза изменение поведения Фламинина после битвы при Киноскефах и заключения мира. Ранее он был непреклонен в отношении македонян, а теперь очень быстро установил с ними перемирие и держался милостиво и дружески¹⁶. Однако едва ли правомерно усматривать в этом некий обычай римлян разговаривать с победоносным врагом властно и надменно, а с побежденным обращаться мягко и любезно¹⁷. Дело, видимо, было в последовательном осуществлении проконсулом римской политики "разделяй и властвуй". Рим всегда поддерживал слабых и ослаблял сильных. В данном случае Квинций Фламинин, по словам Полибия (XXX. 39), "не желал по ниспровержении Филиппа оставлять этолийцев господами Эллады". Но отнюдь не потому, что жестокость и вероломство этолийцев он считал гибелью для столь любезной его сердцу Греции¹⁸. Просто к тому времени влияние этолийцев чрезвычайно возросло, под их властью оказалась почти вся Средняя Греция. Следовательно, Этолийский союз из ненадежного союзника мог превратиться в опасного противника. Поэтому Фламинин решил ослабить его (App. Mac. IX. 1), не дожидаясь, пока его влияние упрочится настолько, что он сможет воздействовать на соседние народы.

¹³ Polyb. XVIII. 25 - 27; Liv. XXXIII. 10 - 11; Plut. Flamin. 9; Paus. VII. 7.

¹⁴ Liv. XXXIII. 30; Polyb. XVIII. 27; Plut. Flamin. 10.

¹⁵ Polyb. XVIII. 33 - 36, 44; Liv. XXXIII. 11 - 12, 30.

¹⁶ Polyb. XVIII. 34; Liv. XXXIII. 11; Plut. Flamin. 13.

¹⁷ См.: Бобровникова Т.А. Указ. соч. С. 69.

¹⁸ Там же. С. 68.

Кроме того, демонстрация враждебности Рима к союзу могла поощрить выступление против него соседних областей, что в конечном счете и было достигнуто.

Зато поспешный и легкий мир с Филиппом может быть объяснен нежеланием Фламинина уничтожить Македонию, чтобы не вызвать новую войну, еще более продолжительную и тяжелую, особенно в то время, когда все виднее становилась опасность со стороны Антиоха III (Liv. XXX. 19 - 20). Полибий считает, что главной причиной было именно известие о готовящемся походе Антиоха в Европу, а кроме того, опасение, что лавры победы достанутся преемнику Фламинина (Polyb. XVIII. 39)¹⁹. Своим договором с Филиппом Фламинин не только лишил Антиоха сильного союзника, но и приобрел серьезного друга, который оказал римлянам немало услуг в войне с Сирией.

"СВОБОДА ГРЕЦИИ" - УДУШЕНИЕ В ОБЪЯТИЯХ

В результате Второй Македонской войны греческие города были юридически освобождены от власти Македонии, чего они так страстно добивались, но политически попали под более суровую власть Рима, который прочно обосновался в Греции и начинал протягивать свои щупальца в Азию и Египет.

В 196 г. до н.э. на Истмийских играх в Коринфе, куда съехались представители всех городов Греции и чуть ли не всего мира, проконсул Тит Квинций Фламинин с большой pompой провозгласил "свободу Греции". Как с восторгом писал об этом Полибий: "Римский сенат, победив Филиппа и македонян, дарует свободу всем грекам, предоставляя им не содержать у себя гарнизонов, не платить дани и жить по отеческим законам"²⁰.

По сообщению Полибия, после этого заявления все присутствовавшие на играх начали рукоплескать и громко кричать от радости, восторженная толпа чуть было не задушила Фламинина в своих объятиях. Все наслаждались полученной свободой, которая, по словам Плутарха, "была тем сладостнее, что другие за нее сражались; когда прекраснейшее и завиднейшее приобретение не стоило Греции почти ни слез, ни одной капли крови" (Plut. Flamin. 11). Радость присутствующих была понятна. Греки всегда превыше всего ценили свободу, сражались и уми-

¹⁹ С этим согласна даже Т.А. Бобровникова, прощая своему герою и такие "шалости", как двуличие, изворотливость, тщеславие, стремление приписать лавры победы только себе, обманом заполучить командование и т.д. См.: Там же. С. 60, 65, 67, 92.

²⁰ Polyb. XVIII. 46; Liv. XXXIII. 32; Plut. Flamin. 10 - 11; App. Mac. IX. 4.

рали за нее. А тут они получили ее в подарок от благородных союзников. Кроме того, на играх было много знати — аристократов и олигархов. А для них свобода, даже под римским контролем, означала спокойное существование, сохранение власти и богатств и подавление волнений народных масс, если они воспримут лозунг свободы слишком уж буквально.

Характерно, что именно Тит Квинций Фламинин, эллинофил, тонкий знаток искусства и греческого языка, сумел блестяще решить главную задачу римлян в Македонскую войну — оторвать Грецию от Македонии. Ведь, как точно заметил Плутарх, "всю силу, требующуюся для продолжительной войны, все пособия и убежища и вообще все вооружение фаланги поставляемы были ему (Филиппу V) Элладой" (*Plut. Flamin. 7*). Поэтому было необходимо лишить Македонию людских и материальных ресурсов Эллады.

Насильно этого сделать было нельзя: греки тут же встали бы на сторону Филиппа. С таким народом, как эллины, нужно было действовать тонко и осторожно, чтобы не перейти грань, отделяющую освободителя от захватчика. Филипп этой грани не заметил и с чисто царским апломбом перешагнул через нее. Фламинин же быстро уловил ее и держался рядом, не переступая. Это понимали сами древние. Столетия спустя Плутарх признавался: "Если бы римский полководец не действовал более словами, нежели оружием, если бы его поступки не сопровождались убеждением и кротостью, то Греция не так легко предпочла бы чуждую власть той, к которой она привыкла (т.е. македонскую)" (*Plut. Flamin. 2*). Но со стороны Рима это было не только ловко разыгранной комедией: на горизонте маячила угроза вторжения в Грецию Антиоха III.

Заслони́в набором громких слов подоплеку дела, римляне подняли в глазах греков свой авторитет и прочно встали у руля греческой политики. В очищенные от македонских войск города Деметриаду, Акрокоринф и Халкиду Фламинин ввел римские гарнизоны, так что даже прожженным греческим правителям стало ясно, что произошло не освобождение, а смена господ (*Polyb. XVIII. 45. 6*). Римляне образовали специальную комиссию, которая развернула бурную деятельность. Страна была поделена между членами комиссии, которые выехали на места "освобождать государства" (*Liv. XXXIII. 35*). Римляне начали по-своему перекраивать карту Эллады: не считаясь с желаниями народов, они наделяли землями тех своих союзников, кто наиболее отличился в войне с Македонией. Так, фессалийцам они вручили область Фтиотиду со всем населением; Орест и Эретрию сначала хотели отдать пергамскому царю Эвмену, но Фламинин настоял на их "освобождении", хотя Эгина была оставлена за ним; афинянам в награду за их беды и за предан-

ность римлянам подарили острова Парос, Скирос и Имброс (*Polyb. XVIII. 47; Liv. XXXIII. 34*); этолийцам передали Локриду и Фокиду, но замяли в сенате их притязания на города Фарсал и Левкады, а в присоединении к ним Акарнании и Фессалии решительно отказали (*Liv. XXXIII. 34*) — зачем усиливать сверх меры потенциального противника!

Больше всего римляне облагодетельствовали Ахейский союз. За свою "бескорыстную" преданность он получил богатейшие торговые города Пелопоннеса Коринф, Трифилию и Герею (*Polyb. XVIII. 47*). Причиной такого внимания Т. Моммзен считал наилучшее государственное устройство союза, вследствие чего он был достоин наибольшего уважения²¹. По-своему он был прав: римляне последовательно поддерживали в Элладе состоятельные круги аристократии и олигархии, которые и стояли во главе Ахейского союза. Расчет Фламинина был точен. Имущие слои населения тотчас примкнули к римлянам, а за ними как всегда последовали и широкие народные массы, дезориентированные и ослепленные блеском свободы.

Поэтому Фессалия, где обострилась социальная борьба и из-за "беспокойного нрава народа" "ни одно народное собрание, ни одну сходку, ни какой-либо совет не умели люди эти провести без распрей и смуты" (*Liv. XXXIV. 51. 5*), была разделена на четыре союза. В них Фламинин ввел цензовое управление и тимократическую конституцию и во главе поставил "судей и сенат, отобравши по состоянию имущества каждого, и тем сделал властными в городах таких граждан, кои более других стремились сохранять мир и спокойствие" (*Ibid. 6*). Как мы видим, Фламинин недрогнувшей рукой насаждал в Греции старинную римскую сервианскую систему цензовых разрядов! Как верно отмечает Т. Моммзен, Фламинин "предоставил места в высшем совете и в суде богатым, ставил во главе управления людей, принадлежавших к антимакедонской партии, и вовлекал городские общины в интересы Рима тем, что обращал в общественную городскую собственность все, что по праву завоевания должно было перейти в собственность Рима"²².

Однако в случае необходимости Фламинин легко переходил от уговоров к насилию. Он огнем и мечом усмирил Акарнанию и Левкадию, державших сторону Македонии. Когда в Беотии народ избрал правителем некоего Брахилла, сторонника Филиппа V (*Liv. XXXIII. 27. 8 — 11*), Фламинин без угрызений совести дал разрешение местным олигархам его убить (*Ibid. 28*).

²¹ Моммзен Т. История Рима. М., 1936. Т. 1: До битвы при Пидне. С. 677.

²² Там же. С. 680. За это нестяжатель Фламинин впоследствии даже подвергся обожествлению со стороны благодарных греческих олигархов!

1 — 3; *Polyb.* XVIII. 43). Когда же возмущенные этим беотийцы, знавшие, кто главный виновник, осмелились напасть на римских солдат (*Liv.* XXXIII. 29. 1 — 3), раздраженный "неслыханным преступлением" Фламинин бросил против беотийцев карательные войска и опустошил Коронею. Лишь заступничество ахейцев и афинян спасло беотийцев от гибели. Фламинин прекратил разорение области и присудил беотийцев к уплате 30 талантов штрафа (*Ibid.* 7 — 10).

За свою строптивость был наказан тиран Спарты Набис, поддерживавший демократические силы (*Liv.* XXXIV. 31), давний противник аристократического Ахейского союза (*Polyb.* XXXIV. 25). Он единственный не признал власти римлян (*Liv.* XXXIV. 25), и опасались, что при случае он мог поддержать Антиоха III (*Ibid.* XXXIII. 44). Ему была объявлена своего рода "священная война", в которую Рим руками Фламинина вовлек большинство "освобожденных" греческих государств. Превосходящими силами Набис был разбит. Однако мирный договор по инициативе Фламинина оказался достаточно мягким: Набис обязан был вывести гарнизоны из приморских городов, выдать свой флот, вернуть перебежчиков, захваченное имущество и беглых рабов своим хозяевам, но сохранил власть и остатки территории, а спартанские изгнанники оставались ни с чем (*Liv.* XXXIV. 26 — 27, 35). Дальновидные римляне²³ решили поддержать его для контроля за верными им ахейцами²³. Таким образом, освободив Грецию на словах, римляне подчинили ее своей власти.

Чтобы успокоить умы, Фламинин решил вывести из Греции римские войска. Этот вывод он обставил так пышно, что все сразу прочувствовали добрую волю римлян. На прощание он собрал в Коринфе представителей союзных римлянам городов и обратился к ним с отеческим напутствием: "И свободой своей да пользуются греки в меру, ибо, разумно ограниченная, она целительна для каждого гражданина и для всего государства,

²³ Т.А. Бобровникова справедливо пишет (впрочем, тут же находя извинения для своего героя), что целью Фламинина было сохранить римские гарнизоны в Греции, которые греки просили вывести. Раз так, нужно сделать таким образом, чтобы они на коленях сами умоляли сохранить эти гарнизоны, а для этого предложить им войну с Набисом — этим жутким тираном и убийцей (что-то вроде античного Саддама Хусейна). Но как только тиран оказался повержен, Фламинин настаивает на заключении с ним относительно мягкого мира с сохранением его власти и территории собственно Спарты якобы ради гуманного недопущения разгрома великого города злопамятными ахейцами. См.: *Бобровникова Т.А. Указ. соч. С. 77 и след. 81.* Но скорее Фламинина страшила перспектива долгой осады Спарты и затягивание войны в условиях, когда истекали его полномочия и назревал конфликт с Антиохом (*Liv.* XXXIV. 37, 44).

но излишек свободы приводит к распущенности и необдуманности поступков, что нетерпимо для других и губительно для тех, кто ей предается..." (*Liv.* XXXIV. 49. 8). Фламинин знал, кому говорить такое, ведь перед ним сидели сплошь аристократы и олигархи, власть которых он и установил в Греции, беспощадно подавляя все демократические силы. Не преминул Фламинин и напомнить грекам оберегать свободу, "что добыта для них чужим оружием, возвращена им чужой верностью; пусть народ римский знает, что вручил свободу достойным и не пропали напрасно благочестивые труды его", — тут прослезилась все, даже и сам Квинкий (*Ibid.* XXXIV. 49. 11; 50. 1).

Особо впечатляет последнее мероприятие, которое совершил на греческой земле филэллин Квинкий Фламинин. Он "попросил" греков выкупить для него в течение двух месяцев всех римских граждан, проданных в рабство карфагенянами во время Второй Пунической войны. Одним только верным союзникам ахейцам эта просьба стоила 100 талантов (*Ibid.* 50. 3 — 6).

В Рим Фламинин въехал с пышным триумфом, который длился три недели. И все это время в процессии несли тысячи фунтов золота и серебра, 114 золотых венков, подаренных покоренными городами, 84 тыс. греческих золотых тетрадрахм и множество драгоценной утвари и предметов искусства, которые такой большой ценитель просто не смог оставить в Греции. Перед колесницей триумфатора шли греческие заложники, и в их числе сын Филиппа V Деметрий и сын спартанского тирана Набиса Армен (*Liv.* XXXIV. 52; *Plut.* Flamin. 13).

В дальнейшем Фламинин не раз использовал свое обаяние и таланты, чтобы удержать греческие города от союза с сирийским царем Антиохом III. Одним из последних его "добрых" дел стало руководство планом устранения ненавистного римлянам Ганнибала. Именно Фламинин тонко намекнул царю Вифинии Пруссию, чего хотели бы от него римляне, и тот с готовностью подослал к неукротимому старцу наемных убийц.

ВОЙНА РИМА С АНТИОХОМ ВЕЛИКИМ

Царь государства Селевкидов, или Сирии, Антиох III (223—187), прозванный Великим, был способным полководцем, умным дипломатом и неплохим государственным деятелем. Он сумел вдохнуть новые силы в расползающуюся державу Селевкидов, возникшую на развалинах империи Александра Македонского. Ему удалось вернуть утраченные ранее восточные земли за Евфратом и в Средней Азии. Во время его правления монархия Селевкидов стала сильнейшим государством

эллинистического мира и претендовала на господство во всем Восточном Средиземноморье. Его соперником на Ближнем Востоке был Египет Птолемеев. Вступив с ним в борьбу, Антиох потерпел сокрушительное поражение в Палестине при Рафии (217 г. до н.э.). Не оставив своих притязаний на заморские владения Египта, Антиох заключил союз с царем Македонии Филиппом V, но в сущности предал его, не поддержав ни в Первую, ни во Вторую Македонскую войну в недалековидном расчете на ослабление соперника.

Вместо этого он захватывал области в Малой Азии и даже города, принадлежавшие Македонии (*App. Syr.* 2 — 3). Овладение Херсонесом Фракийским в Боспорском проливе сделало его хозяином Понта Эвксинского (*Ibid.* 6). Откликнувшись на жалобы своих союзников — Родоса и Пергамского царства, — Рим потребовал от Антиоха "освободить" малоазийские города и вернуть их египетскому царю Птолемею V²⁴. На это царь высокомерно, но логично возразил, что притязания римлян на города Азии ни на чем не основаны и пусть они не вмешиваются в дела Азии, как и он не вмешивается в дела Италии. Но царь забыл, с кем имеет дело!

По наущению римлян в 197 г. до н.э. Родос объявил Антиоху войну²⁵. А через два года ко двору царя в город Эфес прибыл Ганнибал, вынужденный бежать из Карфагена (*App. Syr.* 4). Сохранив лютую ненависть к римлянам, великий полководец горячо убеждал Антиоха начать войну против римлян. Изменилась ситуация и в Греции. Центром оппозиции Риму становится Этолийский союз, обойденный римлянами при разделе освобожденной Греции. Этолийцы сколотили антиримскую коалицию и в 192 г. до н.э. начали военные действия, поддерживая демократические элементы в греческих городах. На помощь себе они отчаянно призывали Антиоха, обещая ему поддержку всей Греции. Ганнибал тщетно уговаривал Антиоха нанести удар по Италии, питавшей силы римлян, и послать флот в Карфаген²⁶. Но самолюбивый царь, мелочно завидуя военному гению Ганнибала, не внял его советам и подверг изгнанника опале²⁷. Осенью 192 г. до н.э. царь высадился с 10-тысячной

²⁴ См., в частности: *Кащеев В.И.* Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III—II вв. до н.э.) // *Античный мир и археология.* Саратов, 1990. Вып. 7. С. 41—50.

²⁵ О дипломатической подготовке войны с Антиохом см. содержательную ст.: *Трухина Н.Н.* Внешняя политика римского сената накануне и в годы Сирийской войны (197—189 гг. до н.э.) // *Проблемы всеобщей истории.* М., 1973. С. 324-343.

²⁶ *Liv.* XXXIV. 60; *App. Syr.* 27 - 30; *Iustin.* 31. 7 - 10.

²⁷ *Polyb.* III. 11; *L/v.* XXXV. 14; *App. Syr.* 7 - 8; 10 - 11; 14, *Wut. Flamin.* 21.

армией в Греции на побережье Фессалии и занял город Деметриаду (*Liv.* XXXV. 43). Это была первая ошибка, приведшая к роковым последствиям. Вскоре в Иллирию прибыла 25-тысячная римская армия под командованием консула Мания Ацилия Глабриона. Война, которую ждали уже давно, началась.

К тому времени обстановка в Греции накалилась. "Медовый месяц свободы" давно прошел, там поняли истинные устремления римлян и перешли на сторону Антиоха. В городах разгорелась ожесточенная внутренняя борьба. Тит Ливий пишет об этом: "Знатные и вообще все благонамеренные люди стоят за союз с римлянами и довольны существующим положением, а к переворотам стремится толпа и все те, дела которых не соответствуют их желаниям" (*Liv.* XXXV. 34). Подавляя народные волнения, аристократия опиралась на поддержку римлян. С этой целью в Грецию вновь прибыл Фламинин. В результате открыто на стороне сирийцев выступили только те немногие области, где сильны были демократические настроения.

Тем не менее Антиох мог бы добиться успеха и привлечь на свою сторону большинство греков, если бы предпринял решительные действия. Но он совершил вторую ошибку. Захватив Халкиду на Эвбее, царь оставался там в бездействии, предаваясь развлечениям (*Polyb.* XX. 8; *Liv.* XXXV. 51). Небольшие вылазки в Беотию и города Фивы, Феры и Кранон не решали дела: царь даже не смог взять Лариссу в Фессалии и вернулся в Халкиду, оправдываясь приближением зимы. Так необходимое для победы время было упущено. Положение усугубил отказ Филиппа V от союза с Антиохом. Наоборот, он предложил свою помощь в борьбе против бывшего союзника Риму (*Liv.* XXXVI. 8). Тем самым он отомстил царю за нейтралитет в предыдущую войну, лишил римлян удобного предлога обвинить Македонию в нарушении договора и продлил мирное положение для своей истерзанной и опустошенной родины. Это позволило ему накопить новые силы для борьбы с Римом. Получив разрешение римлян, Филипп начал захватывать фессалийские города (Деметриаду) в интересах не столько Рима, сколько своих собственных (*Liv.* XXXVI. 33-35; *Polyb.* XX. 1-2).

Римляне в отличие от Антиоха действовали решительно и энергично. Покорив отпавшие области, они уже в апреле 191 г. до н.э. в битве при Фермопилах нанесли сирийскому царю сокрушительное поражение (*App. Syr.* 18 — 20). Антиох вынужден был оставить Грецию и бежать в Эфес в Малой Азии (*Polyb.* XX. 8; *Liv.* XXXVI. 27). А летом его флот потерпел поражение от пергамо-родосского флота (*Liv.* XXXVII. 29 — 31).

После разгрома Антиоха III только этолийцы в Греции продолжали сопротивление, но после взятия римлянами городов Гераклеи и Навпакта вынуждены были, по требованию консу-

ла Мания Ацилия Глабриона, "отдаться на усмотрение римского народа" (*Liv.* XXXVI. 27). За столь обнадеживающе милостивой фразой скрывалось полное подчинение римлянам. По словам Полибия, римляне становились "владыками всей страны с городами, реками, гаванями и святилищами, а равно всего мужского и женского населения, во владении же народа не оставалось решительно ничего" (*Polyb.* XX. 4). В доказательство, что слово у римлян не расходится с делом, распоясавшийся консул Глабрион потребовал выдачи вождей этолийцев, а для пущей убедительности в нарушение всех законов о неприкосновенности послов повелел надеть им ошейники и оковы. В ответ на робкое возражение, что, дескать, помыкать послами, вверившимися победителю по собственной воле, не в обычаях греков, консул без тени смущения заявил: "Клянусь, меня не слишком заботит, что именно этолийцы считают сообразным с греческими обычаями, — сам-то я по римскому обычаю отдаю повеление тем, кто только что сдался мне по собственному желанию, а еще раньше был побежден вооруженной силой" (*Liv.* XXXVI. 28; *Polyb.* XX. 10). По условиям мира Этолийский союз был сохранен, но сокращен до пределов собственно Этолии. Он должен был выплатить 500 талантов серебра, выдать заложников и "признавать без обмана верховенство и власть народа римского" (*Polyb.* XXI. 31). После этого Этолия перестала играть какую-то роль в делах Греции.

Тем временем дела на сухопутном фронте войны с Антиохом разворачивались не менее драматически. В 190 г до н.э. в Грецию прибыл новый консул Луций Корнелий Сципион. Вместе с братом Публием Корнелием Сципионом Африканским, знаменитым победителем Ганнибала, а ныне простым легатом в войске своего брата, он переправил войско в Малую Азию. Впрочем, неизвестно, удалось бы это предприятие, если бы не помощь Филиппа V, который провел римские войска "через Фракию и Македонию по тяжелой дороге на собственные средства, доставляя продовольствие, прокладывая дороги и на труднопроходимых реках наводя мосты... пока не довел их до Геллеспонта" (*App.* Мас. 5; ср.: *Syr.* 28). Впервые сапог римского легионера ступил на азиатскую землю. У города Магнесия на реке Сипиле армия римлян, которой фактически руководил Сципион Африканский, наголову разгромила пестрое, разноплеменное войско сирийского владыки²⁸. Несчастливая война закончилась для Антиоха Великого тяжелыми и унижительными условиями мира. Он отказывался от всех владений в Малой Азии вплоть до гор Тавра на востоке, выплачивал огром-

ную контрибуцию в 12 тыс. талантов, сокращал свой могучий флот до десяти суденышек и обязался выдать ненавистного римлянам Ганнибала (*Polyb.* XXI. 16-17). Но Ганнибал бежал на Крит, а оттуда к царю Пруссию в Вифинию.

Так Рим простер свою властную длань в Малую Азию, где по-хозяйски начал делить земли между своими верными союзниками. Больше всего сенат наградил царя Пергама Эвмена за преданность "без лести"²⁹: он получил богатые Фригию и Лидию (*Polyb.* XXI. 24). Не забыли и Родос, которому достались Кария и Ликия на материке (*Ibid.*; *Liv.* XXXVII. 56). Такая щедрость за чужой счет объяснялась тем, что Рим еще не имел прочных позиций в столь отдаленном регионе и под влиянием Сципиона не решился превращать его в провинцию.

Таким образом, в ходе войны римлян с Антиохом Великим был сокрушен последний опасный соперник Рима в Восточном Средиземноморье, растерявший свое величие. Один из сильнейших царей Азии вынужден был подчиняться воле римлян, влияние которых не только в Греции, но и в Малой Азии значительно упрочилось. Стравливая греческие города между собой, Рим сделал себя единственным судьей³⁰ в решении им же самим искусно раздуваемых противоречий. Благодаря воплощению в жизнь привычной политики "разделяй и властвуй" Рим установил господство над всей Элладой.

БИТВА ЗА ЭЛЛАДУ

Во время войны римлян с Антиохом, когда Филипп V не только оказал помощь Риму в борьбе с этолийцами, но и способствовал переправе римских войск в Азию, Македония снова смогла расширить свои владения и укрепить позиции. Царь захватил Фессалию, Афаманию, Долопию, Аперантию и города Перребии и Фракийского побережья (*Liv.* XXXVI. 33 — 34).

²⁹ См., например: Климов ОМ. Роль Пергамского государства в Сирийской войне // *Античная гражданская община*. М., 1986. С. 29 — 43.

³⁰ Примечательно, что Ацилий Глабрион отказал послам Эпира в сохранении статуса "друзей римского народа" под предлогом их сношений с Антиохом, заявив, что еще не знает, "числить ли их среди враждебных или замиренных (sic!) племен", и назначил судьей им римский сенат, где эпирские послы "...прошения добились, но правоты своей не доказали" (*Ihr.* XXXVI. 35. 8 - 11). Здесь явственно обнаруживается гибкость в применении римлянами норм права. См. также: Митина С.М. Некоторые аспекты договорных взаимоотношений Рима с эллинистическим Востоком // *Правоведение*. Новгород, 1998. Вып. 1. С. 12-23; Кашцев В.И. Посредничество и арбитраж во взаимоотношениях эллинистических государств и Рима // *Из истории античного общества*. Н. Новгород, 1991. С. 38 — 49.

²⁸ *App.* *Syr.* 30-37; *Liv.* XXXVI. 14; XXXVII. 37-44.

Ослабленная, но не сломленная Македония дамокловым мечом нависала над позициями римлян в Греции. До конца дней своих царь Филипп V не примирился с мыслью о поражении и вынужден был подчиниться римлянам только потому, что в то время еще не мог противостоять им. Демонстрируя дружеское и открытое, он исподволь готовил страну к новой схватке с ненавистным Римом: создавал запасы оружия и продовольствия, усиленно разрабатывал Пангейские золотые рудники³¹, заключал союзы с сильнейшими фракийскими племенами, чтобы защитить границы с севера (*Liv.* XXXIX. 53). Вновь расцвела торговля: из Македонии вывозили лес, металлы, соль. Для восполнения численности населения царь издавал указы, обязывавшие всех жителей иметь детей. Он также переселял в Македонию фракийцев (*Liv.* XXXIX. 24). Филипп нашел оригинальный выход из ограничений по мирному договору на численность войска (5 тыс.). Ежегодно он призывал в его ряды 4 тыс. юношей и отпускал их по домам после года обучения. По сообщению Полибия, он уничтожил внутреннюю оппозицию аристократов, ориентировавшихся на Рим³², а Ливий отмечает, что он даже пытался использовать для похода в Италию бастарнов, но эта попытка не удалась (*Liv.* XL. 58).

Римляне всячески пытались сдержать развитие Македонии. Для этого они прибегли к излюбленному способу и начали поощрять жителей приграничных городов жаловаться в сенат на Филиппа, обвиняя его в жестокости и притеснениях³³. Сенат постановил отправить специальную комиссию в Элладу, где в присутствии Филиппа, исполнявшего роль подсудимого, фессалийцы, перребы, афаманы и фиванцы обвиняли царя в подавлении свободы, оскорблениях слов и просили отторгнуть захваченные города от Македонии³⁴. Василеве вынужден был доказывать абсурдность таких обвинений, тем более что многие земли были дарованы ему самими римлянами в благодарности за помощь в войне против Антиоха III. Тем не менее римские послы постановили ограничить Македонию прежними границами и лишить царя его приобретений (*Liv.* XXXIX. 25). Так же поступили римляне и во Фракии. Эвмен, которому по договору были переданы Херсонес и Лисимахия, потребовал еще Эн и Маронею. Несмотря на вполне резонные доказательства

³¹ *Polyb.* XXII. 8; *Liv.* XXXIX. 26, 35, 53.

³² *Polyb.* XXIII. 10; *Liv.* XL. 3 - 4.

³³ *Polyb.* XXII. 9; XXIII. 1; *Liv.* XXXIX. 46.

³⁴ *Liv.* XXXIX. 25. Заметим, как это разительно напоминает современную политическую ситуацию, особенно в причислении тех или иных стран к "империям зла" и обвинениях их в нарушении прав человека и демократии.

Филиппа несостоятельности такого притязания, сенат вероломно отторг у Македонии прибрежные города, чтобы затруднить ей торговлю по Эгейскому морю³⁵. Лицемерная и коварная политика римлян не способствовала усилению любви к Риму в Македонии.

В озлоблении Филипп учиняет резню жителей Маронеи с помощью Ономаста и Кассандра (*Polyb.* XXII. 17). Сенат воспользовался этим, им же самым спровоцированным предложением, и потребовал прислать виновных. Царь отправил Кассандра, но, по данным Полибия, по дороге отравил его, хотя признать это сообщение за истинное трудно, тем более что даже Ливий не принимает его (*Ibid.*; *Liv.* XXXIX. 34).

Басилевс посылает в Рим для оправданий своего младшего сына Деметрия, на которого римляне сделали ставку. Будучи заложником в Риме, Деметрий встретил обходительный прием и заслужил милость сената. Римляне без труда завоевали его сердце и намеревались сделать из него своего ставленника. Они умело подогревали честолюбие юноши. Главный его наперсник Тит Квинций Фламинин настойчиво внушал Деметрию, что римляне возведут его, рожденного от законной супруги, на царский трон вместо старшего сына царя (якобы от наложницы) и верного продолжателя его дела Персея (*Polyb.* XXIII. 3; *App.* *Mac.* IX. 6). Исполненный тщеславия юноша не заметил, как стал проводником интересов Рима в Македонии.

Вернувшись на родину в 181 г. до н.э., он начал собирать приверженцев и пытался привлечь на свою сторону уставший от войн народ (*Liv.* XXXIX. 53). На первых порах басилевс старался сгладить разрыв, но трещина в политической ориентации углублялась. Всячески противодействуя замыслам Филиппа, направленным на возобновление войны с римлянами, Деметрий навлек на себя его гнев и опалу. Вражда усугублялась Персеем, который видел в сводном брате предателя интересов Македонии. Поэтому он открыто обвинил брата в измене, воспользовавшись тайным письмом Фламинина, в котором тот требовал возвращения Деметрия в Рим (*Liv.* XL. 9). Вскоре по приказанию своего отца Филиппа Деметрий был убит (*Liv.* XL. 24; *Polyb.* XXIII. 3).

Ливий обвинял Персея в завистливых кознях против "кроткого и благородного" брата (*Liv.* XL. 24; ср. *App.* *Mac.* XI. 1). Но очевидно, что Деметрий действительно служил игрушкой в интригах римлян, выполняя все их указания, направленные на разложение антиримской партии изнутри и бескровное покорение Македонии. В жестокой борьбе, которую вел Филипп, не было

³⁵ *Polyb.* XXII. 17; *Liv.* XXXIX. 29, 33.

места родительским чувствам: Деметрий мешал, поэтому и был убран. А зависть Персея играла если и не последнюю, то уж точно не главную роль.

После смерти царя в 179 г. до н.э. дело мести римлянам продолжил его сын Персей. Как справедливо отмечал Полибий (XXII. 8), Персей получил планы войны с Римом в наследство от отца и исполнял их. Но для этого требовалось время. Поэтому он вновь завязал дружеские отношения с Римом и даже просил его дать ему титул царя (*Liv.* XL. 58). Этот факт показывает, что Рим к тому времени распоряжался всеми политическими делами в Македонии, и в этом плане становится понятным опасение Персея относительно воцарения Деметрия.

В подготовке к войне Персей основное внимание уделил Элладе, заключая союзы с византийцами, беотийцами и т.д. (*App.* Мас. XI. 1—2). Грубое вмешательство римских легатов в дела греческих городов восстановило против Рима даже верных союзников ахейских греков. Камнем преткновения еще в 80-е годы II в. до н.э. стала Спарта. С согласия римлян она была насильственно присоединена к Ахейскому союзу, но после возобладания в нем более радикальных элементов в 189 г. до н.э. решила выйти из него (*Liv.* XXXVIII. 31.5). Явившийся в качестве арбитра римский консул Марк Фульвий давал делегациям двусмысленные ответы, что позволило ахейцам рискнуть объявить Спарте войну (*Ibid.* 32. 4—10). Римляне не воспрепятствовали этому. Но впоследствии римский посол в Элладе Гай Цецилий грубо потребовал от ахейцев принять его предложения относительно переустройства дел в Спарте (*Polyb.* XXII. 14). Когда же ахейцы отказали ему на законном основании, он чрезвычайно рассердился и добился вызова ахейских послов в римский сенат, который не стал выслушивать никаких оправданий и "тут же предложил ахейцам оказывать внимание и подобающий прием послам, какие будут когда-либо являться от римлян" (*Ibid.* 16). Согласно Полибию (XXIII. 9), сенат оставил без внимания просьбы ахейских послов о разрешении их внутренних дел, чтобы от Союза отпали Лакедемон и Мессения, поскольку тогда ахейцы, пытавшиеся проводить независимую политику (прежде всего Филопемон — последний патриотический лидер Ахейского союза), "с радостью будут искать прибежища у римлян". Так римский сенат намеренно обострял отношения внутри греческих государств и принуждал греков даже против их воли обращаться к Риму за помощью, в оказании которой он выступал "беспристрастным" третейским судьей³⁶.

³⁶ См., в частности, примеры: *Касеев В.И.* Римляне как третейские судьи в межгосударственных спорах греков // *Античность: миры и образы.* Казань, 1997. С. 32–41.

Как видим, отношения "варварского" Рима и цивилизованных эллинов менялись на глазах от показного пиетета до неприкрытого диктата. А политика Рима в адрес Ахейского союза развивалась по четкой схеме, которую мы можем наблюдать и в Испании, и в Иллирии, и на эллинистическом Востоке, что позволяет выстроить генеральный дискурс: сначала заключение "равноправного" союза, клятвы в дружбе и верности, предоставление территориальных преимуществ в обмен на лояльность Риму, — а затем охлаждение отношений с усилившимся "союзником", мелочные придирки к несоблюдению договоров и т.д., грубое давление на государства и племена и окончательное подчинение их римскому влиянию вплоть до обращения в провинцию.

Более того, ценно свидетельство романофила Полибия (XXIV. 12. 4), что Рим начал "ослаблять в каждом государстве партию благонамереннейших граждан и усиливать ту, которая всякими правдами и неправдами заискивала бы у сената". Рим вмешивался в дела, совершенно не касающиеся его. Тот же Полибий признает, что римляне "будут ревниво следить за ними (делами) и досадовать каждый раз, если какое-нибудь дело обойдет их, и если желания их в чем-либо останутся невыполненными" (*Polyb.* XXIII. 17. 4). Как мы видим, в своей восточной политике Рим в первой половине II в. до н.э. перешагнул рамки *ius gentium*, перейдя на позиции открытого гегемонизма.

В других городах и государствах Эллады обстановка также накалялась, перерастая в настоящую гражданскую войну между народом и олигархами — ставленниками римлян. Особенно обострился вопрос о долгах. Испытав на себе полученную от римлян свободу, демократически настроенные силы возлагали надежды в борьбе с суровой опекой Рима на Персея. Он объявил себя защитником всех угнетенных и осужденных за долги греков, обещал изгнанникам приют и безопасность. В самой Македонии он простил долги государственным должникам и выпустил из тюрем государственных преступников³⁷. Он отправляет посольства во Фтиотийские Фивы, Галиартию и Коронею и склоняет их на свою сторону. В то же время его непоследовательная политика в отношении этих городов, объясняемая его неготовностью в открытую выступить против Рима, отталкивает от него определенные круги полисов³⁸. Но основная масса населения была на стороне царя, и "сочувствие народов Персею, до этого времени большею частью скрываемое,

³⁷ *Polyb.* XXV. 3; *Liv.* XL. 1. 2.

³⁸ О непоследовательности политики Персея см., например: *Шофман А.А.* Дипломатическая деятельность Персея // *Проблемы истории и историографии: Античность и средние века.* Уфа, 1990. С. 29 — 37.

прорвалось наружу ярким пламенем" (*Polyb.* XXVII. 8). Даже Родос пошел на сближение с царем.

Симпатии к Персею росли день ото дня, и римляне сами спровоцировали обострение ситуации (*Liv.* XLII. 18). Заручившись поддержкой своего "верного пса" пергамского царя Эвмена II, скроившего свое царство из римских подачек, сенат отверг все мирные предложения Персея и выслал из Италии его послов, так как "у римлян давно уже решено было воевать" (*Polyb.* XXVII. 6). Поводом к войне послужило неудачное покушение на Эвмена в Дельфах, якобы совершенное по приказу Персея, и вторжение последнего в Долопию³⁹. В 171 г. до н.э. разразилась Третья Македонская война.

Война началась довольно успешно для македонян. Обращения Персея к разным государствам встречались сочувственно, хотя открыто примкнуть осмелились лишь царь Иллирии Гентий и царь Фракии Котис. Однако Гентий требовал за помощь 300 талантов⁴⁰, а их Персей не хотел отдавать (*App.* Mac. XVIII. 1). Поэтому, хотя посулами Гентия и удалось втянуть в войну, узнав, что денег он не получит, тот быстро ретировался, а вскоре был разбит претором Луцием Аницием Галлом (*Liv.* XLIV. 32; *App.* III. II, 9). Вследствие своей скупости царь лишился и поддержки фракийцев, за что его справедливо упрекал Полибий⁴¹. На сторону царя встал Эпир (*Polyb.* XXVII. 15).

В первых же сражениях под Фаланной, у городка Сикурий и в конных схватках на реках Гелланик и Пеней в Фессалии Персей разбил римские войска⁴². В них отсутствовала дисциплина, и даже вспыхивали бунты с требованиями отправки воинов по домам. Характерно, что победы басилевса, даже при отдельных неудачах, вызвали неподдельное ликование среди не только сторонников македонян, но и многих людей, коим, по словам Ливия (XLII. 63.1), "следовало бы благодарить римлян за щедрые благодеяния, а также иных из тех, кто испытал на себе насилие и высокомерие Персея" (даже сентенции Ливия о переменчивости спортивных пристрастий толпы не способны заслонить истинные масштабы любви греков к римлянам). Но вместо того чтобы воспользоваться плодами побед, Персей предложил римскому консулу Публию Лицинию Крассу мир

³⁹ *Polyb.* XXII. 8; *Liv.* XU. 27; XLII. 15; *App.* Mac. XI. 4.

⁴⁰ *Polyb.* XXVIII. 8, 9; XXIX. 3; *Liv.* XLIV. 27. 8 - 12; *Plut.* Aem. Paul. 13. 1. Ср.: *Liv.* XLIV. 27. 12: "Узнав об этом (о заключении римских послов Гентием под стражу. - В.Т.), Персей рассудил, что теперь Гентию войны с Римом не миновать, и распорядился воротить людей, посланных было к нему с деньгами. Он как будто имел одну заботу - чтобы римляне, победив его, получили добычу побогаче" (курсив мой. - В.Т.).

⁴¹ См.: *Polyb.* XXVIII. 3 - 4; *Liv.* XLII. 38.

⁴² *Polyb.* XXVII. 8. 1; 9. 1; *Liv.* XLII. 57 - 59; 63; 65.

на тех же условиях, что и мир с Филиппом V⁴³. Надменный Красс с истинно римской прямоот потребовал безоговорочной капитуляции, чтобы Персей "предоставил бы сенату устроить дела в Македонии по своему усмотрению" (*Liv.* XLII. 62. 10-12).

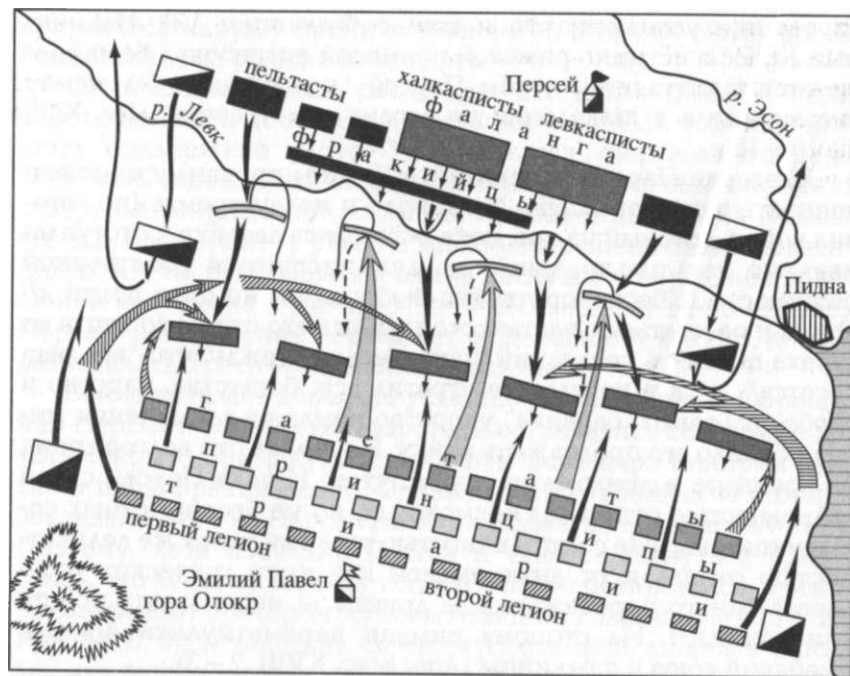
И все же Персей просил мира. В этом проявилась двойственность характера царя. Он твердо и целеустремленно готовил войну, готовый на все, пока оставалась лазейка к отступлению, но как только дошло до дела, испугался собственной решимости и бесповоротности выбора. Он не смог пойти до конца и расстаться с частью скопленных его отцом богатств из страха потерять последний шанс, лелея надежду, что "все рассосется", - и в результате утратил все: богатства, царство и свободу. Только "баранье" упорство римлян в заключении мира побудило его продолжить войну. Но велась она долгое время не военным, а дипломатическим путем. И пока Персей своей скаредностью отпугивал возможных, но не бескорыстных союзников, римляне с методичностью тарана и такой же деликатностью отбивали от антиримской коалиции греческих государств одного перебежчика за другим — непокорных просто уничтожали⁴⁴. На сторону римлян переметнулись Афины, Ахейский союз и фракийцы (*App.* Mac. XVIII. 2 — 3).

Хотя перевес оставался на стороне Персея, он растратил его, топчась у границ Македонии (*Liv.* XLIV. 4). Эти игры закончились в 169 г. до н.э., когда на смену бездарным командующим римской армией прибыл новый консул Луций Эмилий Павел (*Ibid.* 18). Ему было уже под 60, но по уму и энергии он превосходил остальных консулов. Первое, что он сделал — укрепил дисциплину в войске самыми жестокими методами вплоть до децимации и повысил его боеспособность. Павел требовал беспрекословного подчинения и добился поднятия духа в войске (*Liv.* XLV. 22; *Plut.* Aem. Paul. 13).

Готовясь к решительной борьбе, Персей направил посольства к Антиоху III и даже (тайно) к пергамскому царю Эвмену (*Liv.* XLIV. 24. 1 - 6). Он предложил им начать войну с римлянами в союзе с ним, пока Рим поодиночке не разобьет все эллинские и восточные государства. Он справедливо указывал, что римляне умело используют противоречия между греческими державами для уничтожения одних с помощью других, которые в свою очередь будут затем также покорены. Но если Антиох испугался новых столкновений с римлянами, то изворотливый Эвмен пообещал за немалую плату содействовать заключению мира между Македонией и Римом. Корыстолюбие вновь

⁴³ *Liv.* XLII. 62; *Iustin.* XXXIII. 1; *Plut.* Aem. Paul. 9; *App.* Mac. XII.

⁴⁴ См.: *Liv.* XLIII. 1; *Polyb.* XXVIII. 9.

Битва при Пидне, 168 г. до н.э.

подвел македонского царя, и переговоры ни к чему не привели⁴⁵.

Тем временем, желая обойти войско Персея, державшее оборону проходов в Македонию в предгорьях Олимпа близ Гераклеи, Павел послал отряд под командованием Сципиона Назики (будущего палача Тиберия Гракха) переправиться морем из прибрежной Гераклеи в обход позиций Персея и высадиться на македонском берегу в его тылу. Одновременно отряд во главе с сыном Павла Квинтом Фабием Максимом Эмилианом занял после кровопролитного сражения гору Пиций (*Liv. XLIV. 35. 13 - 16; Plut. Aem. Paul. 15 - 16; Polyb. XXIX. 15.3*), что вынудило македонян отступить севернее, к городу Пидна.

Решающее сражение произошло в день летнего солнцестояния вслед за лунным затмением⁴⁶ - 22 июня 168 г. до н.э. Началось оно лишь в четыре часа пополудни, после того как Эмилию Павлу после совершения жертвоприношения (*Liv. XLIV. 37. 12; Plut. Aem. Paul. 17. 3*) удалось мелкими стычками легковооруженных

спровоцировать басилевса на битву в невыгодных для него условиях. Персей расположил свои войска на холмистой возвышенности вдоль речушек Левк и Эсон, в устье которых притулился городок Пидна. В первых рядах стояли фракийцы, внушая ужас римлянам огромным ростом и блестящими щитами. В черных одеждах, они потрясали тяжелыми мечами, "вздыхавшими прямо вверх над правым плечом" (*Plut. Aem. Paul. 18*). За ними шли наемники, а третью линию занимали собственно македоняне. В центре располагалась фаланга халкаспидов — отборных воинов в пурпурных одеяниях и позолоченных доспехах с медными щитами. Рядом двигалась вторая фаланга — левкаспидов, вооруженных "белыми" щитами и в стальных доспехах (*Liv. XLIV. 41. 1-2*). Правый фланг занимали подвижные отряды пельтастов, а левый — отборная конница. Эмилий Павел выстроил свои легионы в три боевые линии: гастатов, принципов и резерв из триариев. На флангах стояли соединения ауксилиариев из латинов, пелигнов и марруцинов.

Натиск македонской фаланги был ужасен. Сам Павел признавался, что не видел никогда "ничего более страшного и потому ощутил испуг и замешательство, и нередко впоследствии вспоминал об этом зрелище и о том впечатлении, которое оно оставило"⁴⁷. Интересно замечание Плутарха (*Aem. Paul. 19*), что в то время как Эмилий Павел скрыл свой испуг и с беззаботным видом объезжал поле сражения, Персей в первый же час битвы оробел⁴⁸ и усакал в город якобы для совершения жертвоприношений.

Халкаспистам удалось прорвать и уничтожить передовую линию гастатов, которых буквально нанизывали на грозные сариссы. Второй линии пришлось спешно отступить до горы Олокр перед ошестинившейся копьями массой фаланги (Павел даже в отчаянии разорвал на себе тунику) — "дело дошло до триариев". Но при спуске с холмов и переходе вброд через обмелевшую речку Левк монолитный строй фаланги разорвался, и в промежутки между фалангой и пельтастами вклинились подвижные манипулы принципов, а легионеры II легиона мужественно сопротивлялись натиску левкаспидов.

Неимоверными усилиями и благодаря отлаженному управлению войсками Павлу удалось сразу во многих местах навя-

⁴⁷ *Plut. Aem. Paul. 19; ср.: Polyb. XXIX. 17.*

⁴⁸ Заметим, что Плутарх при этом ссылается на Полибия (*XXIX. 18*) и перемежает рассуждения моралистическими сентенциями, однако не умалчивает и о свидетельстве участника событий того времени Посидония, что Персей не только не удалялся с поля боя, но невзирая на рану присоединился к сражающимся и бился без панциря, получив при этом еще одно ранение (*Plut. Aem. Paul. 19*).

⁴⁵ *Polyb. XXIX. 6 - 7; ср.: Liv. XLIV. 25; App. Mac. XVIII. 1.*

⁴⁶ *Liv. XLIV. 36; 37. 6 - 9; Plut. Aem. Paul. 17; Polyb. XXIX. 16. 6; Cic. Resp. I. 15. 23; Val. Max. VIII. 11. 1.*

зять сражение гоплитам, которые были уязвимы с незащищенных боков и не в состоянии быстро сделать поворот (*Plut. Aem. Paul. 20. 2*). Ливий передает: "Главная причина победы очевидна - битва рассредоточилась: сражались повсюду, но порознь, и фаланга заколебалась, а потом рассыпалась, ведь неодолимая сила ее - плотный и ошетиленный копьями строй" (*Liv. XLIV. 41.6*). Принципы I и II легионов поражали с боков короткими гладиусами неповоротливых гоплитов, чьи длинные копья оказались бесполезной обузой (*Ibid. 41. 7*). Смешавшийся строй македонян был обойден с флангов и тыла отрядами триариев и латинских ауксилиариев, завершивших разгром⁴⁹.

Но дело еще можно было спасти, брось Персей в бой свою прекрасную конницу, - а он этого не сделал. Напротив, тот самый Персей, который решил было победить или умереть, потерял присутствие духа и позорно бежал с поля боя вместе с отрядом телохранителей - священной агемой - и своей конной гвардией - царской илой. За ним последовала и невредимо вышедшая из боя конница (*Plut. Aem. Paul. 23; Liv. XLIV. 42. 1 - 2; Polyb. XXIX. 17. 3-4*). Бронированные, но беспомощные вне фаланги сариссофоры подверглись беспощадному истреблению; многие бросались в доспехах в прибрежные воды моря, и их добивали римляне с лодок, а пытавшихся выползти на берег гоплитов затаптывали обезумевшие римские слоны (*Liv. XLIV. 42. 4-6*): "...и равнина, и предгорье были усеяны трупами, а воды Левка даже на следующий день, когда римляне переходили реку, были красны от крови"⁵⁰.

Причина поражения македонян в битве при Пидне крылась в превосходстве маневренного манипулярного строя над неповоротливой тяжелой македонской фалангой. Последняя была непобедима, пока на ее пути стояли неорганизованные полчища персов и прочих варваров. Но при столкновении с более передовым по своим качествам легионом фаланга ясно показала свои недостатки.

Разбитый и деморализованный царь бежал в столицу Македонии Пеллу, а оттуда, захватив с собой казну, через Амфиполь на остров Самофракию под защиту древнейшего и особо почитаемого святилища⁵¹. Войска Эмилия Павла оккупировали Македонию. Вскоре был разбит последний союзник Персея иллирийский царь Гентий, а его царство присоединено к римским владениям (*Liv. XLV. 3*). Укрывшийся в храме на Самофракии

⁴⁹ *Plut. Aem. Paul. 20; Liv. XLIV. 41.*

⁵⁰ По данным Ливия, в сражении было истреблено более 20 тыс. гоплитов, согласно Плутарху - более 25 тыс. См.: *Liv. XLIV. 42. 4-7; Plut. Aem. Paul. 21.*

⁵¹ *Liv. XLIV. 43; Plut. Aem. Paul. 23.*

Персей был обманом выманен оттуда римским командиром Луцием Ацилием⁵² и попал в руки командующего римским флотом Гнея Октавия⁵².

Расправа римлян с поверженной Македонией в 167 г. до н.э. была безжалостна. Страна была разделена на четыре части, жителям которых запрещалось торговать и даже вступать в браки с жителями других областей (*Liv. XLV. 18; 29*). Запрещалось разрабатывать золотые рудники, торговать лесом и солью (*Ibid.*). Эти, так сказать, "экономические санкции" обрекали население на голод и прозябание. Знатные македоняне вместе с детьми отправлялись в Рим в ссылку (*Ibid. 32*).

Разобравшись с Македонией, римляне обратили свой гневный взор на Грецию. От прежнего либерализма не осталось и следа. Области, всего лишь выражавшие сочувствие к Персею, лишались части своей территории (*Liv. XLV. 31*). Особенно досталось самому первому из союзников римлян, без которого им бы не удалось так быстро закрепиться в Элладе, — Этолии, которая была цинично унижена и территориально обобрабана. Эпир, который почти не оказал помощи Македонии, был подвергнут страшному разгрому. В ходе наведения "конституционного порядка" более 70 городов было разграблено и сожжено. Вдоль дорог выстроились виселицы и кресты с казненными. Эмилий Павел продал в рабство более 150 тыс. эпиротов⁵³, а во время ознакомительной поездки по покоренным городам Греции, которую полководец, по словам Плутарха (*Aem. Paul. 28. 1 — 2*), использовал "с подлинным человеколюбием", Павелу видел в Дельфах колонну для статуи Персея и скромно распорядился водрузить на нее свою собственную, заявив, что "побежденные должны уступить место победителям".

В Греции царил террор десяти уполномоченных, направленных римским сенатом для решения дел в стране. Везде "подняли голову те из граждан, которые слыли за римских друзей; их же выбирали теперь в посольства, вверяли им и все прочие дела" (*Polyb. XXX. 13. 2*). Уполномоченные отбирали в заложники людей, заподозренных хоть в малейшем сочувствии к Македонии (*Ibid. 6-7*). Многих просто убили (*Liv. XLV. 31. 2; Polyb. XXX. 11*). Не избежали общей участи ни Ахейский союз, ни Родос. Более тысячи знатных ахейцев были отправлены в качестве заложников в Рим, где содержались в тяжелых условиях более 16 лет (*Polyb. XXXII. 9*). Родос был лишен всех привилегий и владений за то, что всего лишь призывал Рим прекратить войну, от которой страдала его торговля. В отместку римляне объявили свободным от пошлин остров Делос, через который вско-

⁵² *Plut. Aem. Paul. 26; Liv. XLIV. 46. 3; XLV. 5; 6. 7 - 12.*

⁵³ *Polyb. XXX. 16; ср.: Liv. XLV. 34; Plut. Aem. Paul. 29.*

ре пошла вся морская торговля в Восточном Средиземноморье (*Polyb.* XXXI. 7). Получив такой удар, Родос, как отслуживший свое пес, окончательно пришел в упадок⁵⁴. После всего этого римляне "простили" Родос, который должен был в знак благодарности еще и подарить Риму золотой венок в 10 тыс. золотых (*Ibid.* XXX. 5. 4).

Огромной пышностью отличался в 167 г. до н.э. триумфальный въезд в Рим Луция Эмилия Павла. Его проведение было омрачено скандалом. Это был яркий пример войны, которая велась вопреки интересам народа, ради обогащения нобилитета. Павел стяжал себе дурную славу своей жестокостью и безжалостностью. Воины люто ненавидели Павла за суровые придирки и за то, что не получили и малой толики из огромной добычи. Сначала они даже отказывались участвовать в праздничном шествии. Трибунные комиции также единодушно высказались против триумфа, но затем все же с трудом согласились (*Plut.* Aem. Paul. 30-31).

В первый день триумфа провозили на 250 повозках произведения искусства, картины и скульптуры, захваченные в Греции. На следующий день везли трофейное оружие. Далее следовали 3 тыс. человек, несшие 750 сосудов, наполненных серебряными монетами: в каждом по три таланта (около 80 кг серебра). Всего перед его колесницей было пронесено захваченного в Греции и Македонии золота и серебра на 120 млн сестерциев. Столь громадная сумма произвела неизгладимое впечатление на еще не привыкших к таким роскошествам римлян (*Liv.* XLV. 39). Перед колесницей Эмилия Павла брели царь Македонии Персей вместе со своей женой и малолетними детьми — двумя мальчиками и девочкой (*Plut.* Aem. Paul. 32 — 34).

Сердобольный Павел заявил, что участие базилевса в этой унижительной процедуре зависит только от него самого — намек на самоубийство. Персей сделал вид, что не понял его, но тем самым выбрал себе более ужасную участь: брошенный в темницу, он был замучен тюремщиками до смерти бессонницей. Вскоре погибли и его дети, кроме младшего, Александра, влачившего жалкое существование в рабстве писцом у магистратов (*Plut.* Aem. Paul. 37). Впрочем, безжалостная судьба унесла в могилу и младших сыновей Эмилия Павла прямо в разгар триумфа...

Так бесславно закончилась третья по счету Македонская война. Первая не принесла римлянам ничего кроме добычи, после второй они получили господство в Греции. За третьей последовало крушение Македонского царства. Причины поражения ясны. Македония была слишком слаба, чтобы противостоять практически в одиночку такому колоссу, как Рим. Она не

⁵⁴ Пожалуй, это один из первых случаев экономической расправы с конкурентом, истово соблюдаемый гегемонистами и по сей день.

смогла противопоставить мощи Рима коалицию государств. Противоречия между эллинистическими державами оказались сильнее инстинкта самосохранения, а греческие полисы видели в Македонии только лишь старинного угнетателя и тирана. Македония пала, и это означало победу республиканского Рима, с сильным крестьянством — надежным источником военной мощи, — над прогнившими эллинистическими монархиями.

Рим не сделал в этой войне территориальных приобретений — еще продолжала преобладать в его внешней политике "линия Сципиона" на создание вокруг Рима формально самостоятельных "буферных", по сути марионеточных государств. Но влияние Рима в восточно-средиземноморских полисах и монархиях неимоверно возросло. "Эллинство" окончательно утратило свой внутренний как политический, так и духовно-идейный стержень развития и сошло с арены цивилизации. Начали сбываться слова консула Манья Ацилия, сказанные воинам (по уверению Ливия) еще во время битвы с Антиохом III у Фермопил, что после победы "...римскому господству откроются Азия, Сирия и все богатейшие царства, простирающиеся вплоть до восхода солнца. А после что нам помешает от Гадеса до Красного моря раздвинуть границы римской державы вплоть до Океана, что окаймляет земной круг? И весь род людской станет чтить имя римское вслед за именами богов!"⁵⁵

КРАХ ЭЛЛАДЫ

После разгрома Македонского царства римляне стали активно интересоваться делами восточных государств, о чем говорит, например, их вмешательство в войну Антиоха IV с Египтом с категорическим требованием к Антиоху сейчас же прекратить войну, причем римский легат Попилий провел палкой черту вокруг царя, требуя немедленного ответа (*Polyb.* XXIX. 27). Об установлении римской гегемонии в Восточном Средиземноморье свидетельствует и вмешательство Республики в интриги египетского двора (*Ibid.* XXXI. 26 — 27) и в войну вифинского царя Прусия⁵⁶ с пергамским царем Эвменом (*Ibid.* XXXIII. 13),

⁵⁵ *Liv.* XXXVI. 17. 14— 15. Интересно, что ни Аппиан, ни Плутарх не упоминают об этой речи Ацилия. Вероятно, ее не было и у Полибия. Несомненно, в ней Ливий отразил идеологию торжествующей мощи рах Ротана времен Августа. Но можно с уверенностью утверждать, что фундамент этой идеологии начал формироваться именно в эпоху Македонских войн.

⁵⁶ Характерная черта: Прусий настолько пресмыкался перед Римом, что вползал в Курию сената на четвереньках, в рабском одеянии. См.: *Polyb.* XXX. 19-20.

чрезмерное, по мнению римлян, усиление которого начинало задевать их интересы в регионе. Римляне, не имея более достойного противника во всем Средиземноморье (особенно после падения Карфагена), становятся все наглее и уже не стараются прикрыть свою экспансию, обретающую все более мессианские черты, какими-либо благовидными предложениями. Рим стал достаточно силен, чтобы расправиться с любым оппонентом, нейтрализуя политическим давлением остальные государства. Римский сенат превратился в верховного арбитра и место паломничества посольств и делегаций бесчисленных племен и некогда могущественных держав⁵⁷.

В писаниях античных авторов, особенно эпохи Империи, Рим предстает в ореоле борца за справедливость и защитника обиженных и угнетенных, помощи которого алкали восточные монархии и полисы. "Как люди одаренные возвышенной душой и благородными чувствами, — проникновенно пишет Полибий, — римляне соболезнуют всем несчастным и спешат услужить всякому, кто прибегает к ним за покровительством" (*Polyb.* XXIV". 12. 11 — 12). И осчастливленные народы платили им тем же — ну и еще многим другим: непомерными контрибуциями, утратой политического суверенитета, собственным закабалением римскими ростовщиками и публиканами, участием своих войск в качестве "убойного мяса" в завоевательных войнах римлян и т.д. В результате, как умиляется Плутарх (*Flamin.* 12) (живший, напомним, во времена Империи и всеобщего рах Romana), "римляне... заслужили не только похвалу, но приобрели всеобщее доверие и огромное влияние, и по справедливости. Римских магистратов не только охотно принимали, но и сами приглашали их, им вверяли судьбу не только народы и города — даже цари (sic!), обиженные другими царями, искали защиты у римлян, так что в скором времени ... *все стало им подвластно*" (курсив мой. — *В.Т.*).

Отметим лишь, что судьбу Риму вверяли не столько народы, сколько именно цари: например, Аттал III, завещавший в 133 г. до н.э. Риму Пергам, словно бабушкин сундук с тряпьем; или правитель Вифинии, сластолюбец и извращенец Никомед, вручивший царство римлянам в благодарность за спасение его владений от Митридата Эвпатора, на которого Никомед по наущению римлян сам же и напал в начале Второй Митридатовой

войны (89 г. до н.э.); или тетрархи Галатии, готовые ради подачек Помпея перегрызть друг другу глотки.

Когда же народ Пергама, возглавленный Аристиком, попытался выразить свое мнение по поводу "вверения судьбы" Риму, последний без колебаний встал на защиту собственных "угнетенных" публиканов и истребил мечом и отравлением источников сотни тысяч непокорных. "Любовь" жителей Малой Азии к римлянам была столь велика, что они по первому зову понтийского царя Митридата Эвпатора уже в начале I в. до н.э. в одночасье перебили 80 тысяч римлян вместе с семьями, благодатно процветавших за счет ростовщичества в прибрежных городах Малой Азии.

С середины II в. до н.э. постепенно меняется и вектор внешней политики Рима. "Линия Сципиона" вытесняется "линией Катона" на прямое обращение покоренных стран в римские провинции или на установление на их землях тотального римского контроля. Этого требуют интересы римского всадничества и нобилитета, тесно связанных с рынком. Нужда в рабах для развития хозяйства подвигала Рим на новые захватнические войны во всех уголках тогдашней Ойкумены, а все больший подъем хозяйства требовал возрастающего притока свежей рабской силы взамен отработанной. Углубление этого круговорота и было причиной усиления агрессивной внешней политики Рима в III — II вв. до н.э. Уже не столько земли, сколько рабы становятся целью войн, а армия превращается в отлаженную машину по доставлению их в Италию, где они поглощались сельским хозяйством и ремеслом.

Но войны служили и средством ограбления других стран: богатства, произведенные народами Средиземноморья, постепенно перетекали в виде военной добычи в Рим. Она обогащала верхушку римского общества и превращала Рим в богатейшую державу древнего мира, соперничать с которой не могло ни одно государство. Обеспечить господство Рима могла только армия, поэтому римляне уделяли ей особое внимание, постоянно совершенствуя военную организацию и боевую тактику. И "железные легионы" несли народам благодетельную власть Рима, внедряли огнем и мечом римские ценности и идею о безусловном превосходстве римского образа жизни и правления.

* * *

⁵⁷ См.: Бобровникова Т.А. Указ. соч. С. 116, 118. См. также: Митина С.И. Некоторые аспекты договорных взаимоотношений Рима с эллинистическим Востоком // Правоведение. Великий Новгород, 1998. Вып. 1. С. 12 — 23; Кащеев В.И. Посредничество и арбитраж во взаимоотношениях эллинистических государств и Рима // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1991. С. 38-49.

нов политической жизни, по гармонизации межполисных отношений и т.д. — страна лежала в руинах. Раздробленная на множество мелких полисов, отданная трудами римлян во власть олигархов-ставленников Рима ("умеренная свобода" — кредо Фламиния), она все более нищала. Страшных форм достигла фракционная борьба. В Эпире бесчинствует получивший еще отроком в Риме достойное воспитание Хароп Младший (*Polyb.* XXX. 12), чье имя стало синонимом предателя собственного народа в пользу римлян (*Ibid.* XXXI. 8. 11)⁵⁸, в униженной и обкорнанной Ахайе единственно при поддержке римлян у власти стоит ненавидимый всеми предатель национальных интересов Калликрат⁵⁹.

Во всех областях царят произвол и беззаконие. Но некорректно было бы обвинять в этом лишь самих греков, якобы не умеющих управлять государством, скорее это результат политики римлян. Даже Полибий признается, что после убийства в Этолии Ликиска, "человека беспокойного и мятежного... немедленно воцарились мир и согласие..."⁶⁰ То же происходит в Беотии после смерти Мнасиппа и в Аккарнии после убийства Хремата. Когда эти "друзья римлян" при поддержке последних находились у власти, в областях творились все указанные выше бесчинства; с их же смертью наступили мир и согласие (*Polyb.* XXXII. 20)⁶¹. Произвол римских ставленников был настолько

⁵⁸ См. также: *Polyb.* XXXII. 20. 6 - 9: "После того, как Луций Аниций одних из именитых граждан [Эпира] осудил на смерть, других, возбуждавших против себя хоть малейшее подозрение, препроводил в Рим, Хароп получив возможность действовать по произволу, и не было преступления, которого он не совершил бы собственноручно или при посредстве друзей. ...Что служило ему как бы прикрытием и поддерживало веру в народе, будто все его действия направлены к определенной цели, с согласия римлян..."

⁵⁹ *Polyb.* XXX. 23. 1: "В Пелопоннесе, когда послы возвратились и объявили ответ сената (об отторжении от Союза ряда городов. - *В.Т.*), был уже не ропот против Калликрата, но открытая ярость и ненависть". Тот же Полибий сообщает в качестве примера ненависти против Калликрата, Андронида и других единомышленников, что на празднестве Антигоний во время ритуальных омовений никто не желал заходить в ванны после Калликрата и Андронида, прежде чем банщик не менял воду на чистую, чтобы не замарать себя (*Ibid.* 3 - 5). Даже дети на улице в лицо обзывали их предателями (*Ibid.* 7). Ср. у Ливия (XLV. 31.11) Калликрат назван в числе римских доносчиков и обвинителей патриотов.

⁶⁰ См.: *Polyb.* XXXII. 19. 1. Речь идет о том самом Ликиске, который оговаривал свой народ перед римлянами, был ревнителем их интересов (XXVII. 15. 4; XXVIII. 4). Имя его также стало нарицательным для обозначения предателя собственного народа, но при этом ставленника римлян (XXX. 13. 4, 11).

⁶¹ Это к вопросу о том, что римляне искренне хотели освобождения и наведения порядка в Греции, а их главный идеолог и проводник этой по-

силен, что римский сенат, дабы окончательно не утратить репутацию, вынужден был сурово осудить Харопа за его жестокости, правда, только на словах (*Polyb.* XXXII. 21).

Об оскудении греческих государств наиболее ярко свидетельствует факт нападения афинян на союзный им Ороп с целью грабежа. Римский сенат был настолько возмущен неслыханным преступлением, что приговорил афинян к выплате непосильного штрафа в 500 талантов. Но даже после сокращения штрафа до 100 талантов по ходатайству "философского посольства" афиняне не смогли выплатить его — до такой степени обнищания дошла эта некогда самая богатая область Эллады!⁶²

Жесткая политика Рима сказывалась во всем. Даже самый верный союзник, Ахейский союз, оказался неугодным Риму. Много раз ахейские послы униженно молили сенат отпустить на родину их заложников; сенат даже не желал их выслушивать⁶³, хотя многие заложники умерли в различных городах Италии, а те, которые бежали, были схвачены и казнены (*Paus.* VII. 10. 12). Только в 151 г. до н.э. по просьбе Сципиона Эмилиана, с которым сблизается Полибий (XXXII. 9), ахейские ссыльные были отпущены на родину⁶⁴. Да и то только после того как Катон заявил, какая, мол, разница, "наши ли могильщики или ахейские погребут греческих старцев"⁶⁵.

Неудивительно, что в широких слоях населения росла скрытая ненависть к Риму. Поэтому, когда в 149 г. до н.э. во Фракии объявился человек, заявивший, что он чудом спасшийся из плена сын царя Персея Филипп, восстала вся изнемогающая от гнета Македония. Лже-Филиппом был некий

литики Тит Квинкий Фламиний считал "своим долгом не допускать гибели ни одного города освобожденной Греции" (*Liv.* XXXVI. 34) и пускался во все тяжкие, "хитрил и изворачивался для этого", за что "никогда не стерся из памяти греков образ их освободителя, этого человека, полного мелких слабостей" (курсив мой. - *В.Т.*) и в то же время такого мягкого и великодушного". См.: *Бобровникова Т.А.* Указ. соч. С. 92.

⁶² См.: *Paus.* VII. 11. 4 - 5; ср.: *Polyb.* XXXIII. 2.

⁶³ *Polyb.* XXXI. 8; XXXII. 7; XXXIII. 1.3 - 8.

⁶⁴ Подробнее о римском периоде жизни Полибия и его взглядах см.: *Тыжов А.Я.* Полибий в Риме // *Античная гражданская община: Проблемы социально-политического развития и идеологии.* Л., 1986. С. 92 — 100; *Кощеев В.И.* Полибий и внешняя политика Рима в III - II вв. до н.э. // *Из истории социально-этических и политико-правовых идей.* Саратов, 1990. С. 44 - 51.

⁶⁵ *Polyb.* XXXV. 6. Примечательно, что после наивного обращения Полибия "со товарищи" к сенату с просьбой возвратить изгнанника еще и прежние отличия, тот же Катон с ухмылкой бросил, что "Полибий, подобно Одиссею, хочет возвратиться в пещеру циклопа, чтобы взять еще оттуда забытую шляпу и пояс" (*Ibid.* 6. 4). Сравнение Рима с пещерой людоеда Полифема весьма симптоматично!

грек (по другим данным, фракиец) Андриск (*Liv. Epit.* 49). Его призыв к восстанию против римского ига упал на подготовленную почву. Толпы людей вступали в ряды его армии. Вскоре Лже-Филипп разбил посланный против него римский легион и объединил разделенную римлянами страну (*Polyb.* XXXVII. 2). Восстание ширилось, и армия Андриска вступила в Фессалию. Римляне вынуждены были направить против восставших крупное войско под командованием Квинта Цецилия Метелла. Помощь тут же суетливо предложил царь Пергама Аттал II. В 148 г. до н.э. наспех собранные войска повстанцев потерпели поражение. Андриск был захвачен в плен и казнен (*Liv. Epit.* 50). Восстание послужило прекрасным поводом для полного закабаления Македонии. Она окончательно потеряла свою и без того призрачную независимость и была превращена в римскую провинцию Македония, к которой были присоединены Иллирия с городами Аполлония, Диррахий и Эпир. Македония стала удобным плацдармом для дальнейшего наступления римлян на восток. Всю провинцию вскоре пересекла военная Эгнациева дорога от Диррахия на Адриатике до Византии на Боспоре.

Этому событию предшествовал отчаянный вызов, брошенный могущественному Риму Ахейским союзом. Решив вернуть отторгнутую по воле римлян Спарту, ахейцы натолкнулись на жесткую позицию римлян, давно уже не церемонившихся со своим рьяным союзником. Они цинично потребовали от ахейцев отказаться не только от Спарты, но и от остальных приобретений после Македонских войн, которые были дарованы им самими же римлянами (*Polyb.* XXXVIII. 7 — 8). В руководстве Ахейского союза проснулась запоздалая оскорбленная гордость. Свергнув продажную знать, к власти в 149 г. до н.э. пришли демократически настроенные силы во главе со стратегами Дием и Критолаем (*Ibid.* 9). Но ахейцы спохватились слишком поздно, явно переоценив свои силы в надежде на то, что Рим, который вел в это время войны с Карфагеном, в Испании и в Македонии, не сумеет подавить их выступление.

Критолай развернул обширную агитацию против римлян, "возбращая властям взыскивать что-либо с должников, не принимать тех, кого приводили бы для заключения под стражу за долги, отсрочить до окончания войны разбор жалоб по недоимкам в товарищеские казнохранилища" (*Ibid.* 10). Эти меры были направлены на привлечение на свою сторону бедноты. На собрании в Коринфе римские уполномоченные пытались убедить ахейцев не доходить "до открытой вражды с римлянами, будь ли то под прикрытием распри с лакедемонянами, или же вследствие неприязни их к самим римлянам". Но они были прогнаны под градом насмешек (*Vell. Paterc.* I. 12. 1). "Дело в том, — замечает Полибий, — что никогда не собирались на сове-

щение в таком большом числе ремесленники и простолюдины" (*Ibid.* 3 — 6). Возмущение ахейцев требованием римлян очистить Спарту было так велико, что народ начал хватать всех спартанцев, даже укрывшихся у римлян (*Paus.* VII. 14.2 — 3). Немедленно (невзирая на протесты олигархического совета старейшин) была объявлена война Спарте, на самом же деле она "была против римлян" (*Polyb.* XXXVIII. 11.6).

И здесь мы вновь видим трагическую порочность менталитета греков — доведение узкополюсного эгоизма над общенациональными интересами. До тех пор пока Рим привлекал и обхаживал своего верного союзника, предоставляя ему разные привилегии, в том числе территориальные, Ахейский союз был ревностным проводником экспансии Рима на Балканах, участвовал на его стороне во всех братоубийственных войнах. И даже в данной ситуации своекорыстное соперничество со Спартой перевесило идеи общегреческого единства.

Привыкшие бить врагов поодиночке отборные легионы Квинта Цецилия Метелла, покончив с Андриском, разгромили ахейское войско в Беотии у Скарфеи и Херонеи, а Критолай пропал без вести (*Paus.* VII. 15. 4 — 6). Тогда Дием сосредоточил свои силы в Коринфе. Он призвал бедноту вступать в войско и включил в его состав 12 тыс. рабов; богачи были обложены налогами на военные нужды, а злостные аристократы казнены⁶⁶. Но римляне разбили ахейцев на Истме, а вскоре прибыл новый консул Луций Муммий, которому и достались лавры победителя. Коринф был взят штурмом⁶⁷. Дольше всего сопротивлялся гарнизон из освобожденных рабов, которые заперлись в крепости на акрополе Коринфа. Лишь голод и страшные потери принудили их сдаться. Дием в отчаянии покончил жизнь самоубийством (*Paus.* VII. 16. 6).

Разграбление Коринфа было жутким. Легионеры, топча солдатскими калигами полотнища великих живописцев⁶⁸, из-

⁶⁶ См.: *Polyb.* XXXIX. 8. 10-11; *Paus.* VII. 15.7-8.

⁶⁷ *Paus.* VII. 16. 3-4; *Polyb.* XXXIX. 13.

⁶⁸ См.: *Polyb.* XXXIX. 13. 1-3: «...Полибий со скорбью рассказывает обстоятельства, какими сопровождалось взятие Коринфа, упоминая также о грубости, с какой солдаты обращались с произведениями искусства и с посвященными богам предметами. Так, он утверждает, что собственными глазами видел, как солдаты играли в кости на картинах, брошенных наземь. Из картин он называет изображение Диониса работы Аристиды, к которому, как рассказывают, применялась поговорка: "Ничего к Дионису", а также страдание Геракла в плаще Деяниры». Цит. по: *Strabo.* VIII. 6. 23. Причем Страбон замечает, что "из остальных посвященных даров в Риме почти что большая часть самых лучших произошла из Коринфа... Муммий, будучи скорее человеком великодушным, чем любителем искусства, как говорят, легко уступал эти предметы тем, кто просил у него".

мазанные кровью, грабили все подряд; из храмов выбрасывалась драгоценная утварь, выносили сокровища и статуи богов. Все предметы искусства подчистую вывезли в Рим. Мужское население было вырезано, а женщины и дети обращены в рабство. Коринф по прямому указанию сената был разрушен до основания, как и Карфаген⁶⁹. Несомненно, такой вандализм объяснялся не только "пиром победителей", но вполне практичным желанием устранить последнего крупнейшего торгового соперника Рима в Восточном Средиземноморье.

Прибывшая из Рима специальная комиссия приняла отчет о проделанной работе и в рабочем порядке рассмотрела судьбу Эллады. Муммий уничтожил демократию, где она еще оставалась, и установил форму правления в греческих полисах на основе имущественного ценза. Он также назначил дань, которую должна была выплачивать страна [*Paus.* VII. 16. 9). Все племенные союзы были распущены, гражданам запрещалось приобретать имущество за границей, самоуправление ограничивалось, а управление землями бывшей свободной Греции, словно в насмешку истории, переходило в руки наместника Македонии (*Ibid.* 10), с чьей властью греки так упорно боролись в прошлом. Так произошло падение независимости Эллады, еще недавно истово восторгавшейся добродетелью римлян, даровавших ей свободу. Лишь спустя два столетия эти вконец опустевшие и обезлюдевшие земли были формально преобразованы в провинцию. Причем гордое имя "Эллада" было заменено на "Ахайя".

Экономическая жизнь Греции после римского завоевания приходит в состояние глубокого упадка и застоя. Значительная часть населения региона была обращена римлянами в ходе войн в рабство (с тех пор рабы-греки стали обычны в домах "новой римской знати" в качестве секретарей, музыкантов, актеров, педагогов и т.д.), численность населения резко падает вследствие катастрофического снижения рождаемости. Страбон, к примеру, говорит о том, что в его время (начало I в. н.э.) Греция по большей части пустынна, безлюдна, «если сравнить с густой населенностью ее в древние времена; ведь, за исключением

Ср.: *Vell. Paterc.* I. 13. 4: готова награбленное к отправке в Рим, Муммий строко предупредил сопровождавших, что в случае порчи государственного имущества тем придется изготовить новые шедевры за свой счет! Недаром греческую скульптуру мы знаем в основном по римским копиям. Иными словами, Страбон и Веллей Патеркул расписываются в культурном невежестве даже представителей римского нобилитета II в. до н.э., не говоря уже о варварском вандализме простых солдат, не понимавших ценности произведений искусства, и признают, что пышное величие Рима, включая его сакрально-храмовую сферу, было основано на элементарном и циничном ограблении стран высокой духовной цивилизации.

⁶⁹ *Paus.* VII. 16. 8 - 9; *Polyb.* XXXIX. 13. 1 - 3; *Strabo.* VI. 23.

Спарты, прочих местечек там числом только около 30, тогда как в древние времена, как говорят, она называлась "страной о ста городах"» (*Strabo.* VIII. IV. 11). Таков был итог знакомства двух цивилизаций — деградировавшей эллинской и оказавшейся более мощной, более грубой, но эффективной римской "варварской".

Итак, наш очерк показал, что в период Македонских войн произошло первое столкновение двух типов античной цивилизации — эллинистической и римской. Первая характеризовалась эволюцией и размытием полисных институтов эллинского общества и монархической структурой восточного толка эллинистических государств, разновидностью которых выступала Македония. Вторую отличало дальнейшее развитие римского варианта античного полиса — *civitas*. При этом *civitas* оказалась более мобильной, открытой для новых категорий гражданства, территориальных приращений, трансформации в надполисную форму государства — Римско-италийскую федерацию — и способной к все большей модификации традиционных полисных политических институтов. Поэтому соперничество римской *civitas* с экономически неконкурентоспособной, склонной к архаизации системой греческого полиса — с его экономической автаркичностью, территориальной и гражданской ограниченностью, политической замкнутостью и полисным сепаратизмом — закончилось победой римского пути развития античной цивилизации.

Надо учитывать также, что в классический период Эллада имела дело в основном с варварами, являясь центром эллинской государственности и цивилизации. В эпоху эллинизма она оказалась окружена целым рядом государств, не уступавших и даже превосходивших ее в экономическом, политическом, военном, а также культурном отношении. Греция из развитой и цивилизованной части античного мира превратилась в рядовую, не имевшую прежнего значения страну, чему в немалой степени способствовало македонское завоевание. Разложение полиса, обострившиеся противоречия внутри каждого полиса и между ними (даже при объединении в союзы) порождали взрывы социальной и междоусобной борьбы. Сосредоточение власти в большинстве случаев в руках олигархии, готовой пойти на любые сделки с иноземцами ради сохранения власти и привилегий, порождало ответную ненависть охлоса, часто шедшего за демагогами или тиранами. Постоянная борьба олигархов и радикалов красной нитью проходит через весь период эллинизма, достигая наивысшего пика в первой половине II в. до н.э.,

когда Греция оказывается ареной и инструментом противоборства издыхающего титана эллинизма — Македонского царства — и "молодого хищника" Рима, уверенно идущего к апогею своего развития. Остаться в стороне от этой схватки было невозможно.

Как показало исследование, на первых этапах проникновения римлян на Балканский полуостров они воспринимались эллинами как варвары, стоявшие на более низкой ступени общественного развития. Но при этом они рассматривались греческими полисами в качестве меньшего зла по сравнению с застарелым, наследственным врагом — Македонией. Македонское царство с переменным успехом пыталось установить гегемонию над Грецией не одно столетие, сочетая методы политического давления и установления в полисах угодных режимов и прямого военного вмешательства в межполисные и межсоюзные дела, что ограничивало суверенитет полисов и ущемляло "патриотическое" самосознание.

Поэтому греческие полисы, и прежде всего Этолийский союз, а затем и Ахейский, с одобрением встретили предложение им помощи Римом в их борьбе против гегемонии Македонии, рассчитывая использовать римских союзников в собственных интересах, решить их руками внутренние проблемы преобладания в Греции. Греки не рассматривали римлян как серьезную силу и реальную опасность, а потому предпочли своекорыстно пойти на союз с ними в отстаивании своей независимости.

Анализ источников позволил определить, что для Рима балканский театр экспансии до конца III в. до н.э. рассматривался не только как неприоритетный, но и нежелательный. Впервые римляне вошли в соприкосновение с Македонией в годы Второй Пунической войны, когда возникла угроза заключения стратегического союза господствовавшего в Южной Италии Ганнибала и царя Македонии Филиппа V, грезившего о лаврах Александра "Запада". И хотя подобный союз был преимущественно политической декларацией, римляне восприняли новую угрозу всерьез и вынужденно обратили свой взор на Балканы. Долгое время римляне смотрели на греков еще и как на орудие своей борьбы с Македонией.

Ввиду отсутствия военных возможностей и сколько-нибудь устойчивых связей с греческими полисами Рим предпринял усилия по переводу конфликта во внутригреческое русло. Для этого ставка была сделана на наиболее рьяного оппонента Филиппа V Этолийский союз. Первая Македонская война закончилась упрочением политического присутствия Рима на Балканах как приемлемого и равноправного партнера греческих государств, хотя Рим все еще рассматривался как варварское по менталитету и способу управления общество, полезное, но духовно чуждое эллинской культуре и цивилизации.

Ситуация кардинально изменилась после разгрома Карфагена и утверждения Рима в Западном Средиземноморье. Вслед за тем Рим перенес свои экспансионистские устремления на восток. Этого требовали интересы развивающейся рабовладельческой экономики и торговли, потребность устранить торговых конкурентов (Родос, Коринф), стремление ликвидировать потенциальную угрозу римским интересам сначала в Адриатике (Иллирия), затем в Эгейском море со стороны Македонии и Сирии (куда бежал Ганнибал).

Одной из важнейших причин постепенного покорения Римом Эллады является превосходство римской военной организации над наемными армиями Македонии и эллинистических государств. Лелеемая эллинами монолитная фаланга, столь эффективная против пестрых воинств восточных деспотий и племенных варварских ополчений, оказалась бессильной перед гибкой структурой римских легионов и маневренной манипулярной тактикой, что доказали разгромы македонской фаланги при Киноскефалах и Пидне.

Анализ выявил постепенное изменение политики Рима по отношению к эллинским полисам и союзам — от политики невмешательства во внутренние дела и демонстративной предупредительности к местным интересам и патриотическим амбициям до попрания суверенитета греческих городов, лишения их политической самостоятельности, насаждения в полисах угодных римлянам олигархических режимов и жестокой расправы с поползновениями отстоять свою независимость.

Источники обнаруживают, что и римляне, в свою очередь, смотрели на греков свысока, как на "варваров". Они считали их изнеженными и развращенными философией и искусствами, чрезмерно угодливыми и льстивыми, легкомысленными, любящими роскошь. Этому они противопоставляли собственные добродетельные "нравы предков", занятия земледелием и военным делом как единственно достойные свободного человека. Действительно, греков изумляла, например, выносливость римских воинов, готовых совершать длительные марши при полном отсутствии снабжения, да еще и разбивать на ночлег лагерь. Как замечает Полибий, "невыполнимою кажется эта задача по эллинским понятиям и нравам, но весьма легкою по римским. Так, эллины едва могут совладать в походах с тяжестью одних только сарисс и не без труда переносят причиняемое ими утомление; напротив, римляне со шитом на кожаном ремне через плечо, с пилумами в руках, не тяготея нести еще и палисадины (для частокола)" (*Polyb.* XVIII. 18. 2 — 4). Греков, пропитанных идеями скептиков и киников, эпикурейцев и мистиков, искренне удивляла крайняя и искренняя религиоз-

ность римлян, подчинявших свои действия, в том числе и военные, знамениям ауспий, жертвоприношениям, совершаемым самими консулами, словно "жалкими жрецами-прорицателями" (*Liv.* XXXV. 48). Полибий отмечает, что римская богобоязнь и следование ритуалам и обетам представляется грекам нелепой, а у римлян она составляет основу государства (*Polyb.* VI. 56. 7 — 9). Тем не менее, возможно, именно эти "варварские" качества римского менталитета, закладывавшие с молоком матери глубокую убежденность в правоте своих поступков, в том, что "Рим — превыше всего", сыграли не последнюю роль в преодолении римлянами комплекса "варварской неполноценности" (если они его когда-либо и испытывали!) и в победе, военной и нравственной, над декадентствующей и рефлексирующей эллинистической цивилизацией.

Особую роль в идеологическом покорении Греции и преодолении "варварского" имиджа Рима в глазах эллинов сыграла деятельность консула 198 г., цензора 189 г. и удостоенного сана авгура в 176 г. до н.э. Тита Квинкция Фламинина — автора лозунга "свободы Эллады" от Македонии и сторонника "линии Сципиона" в римской внешней политике начала II в. до н.э. Несмотря на многочисленные примеры коварства и жестокости римлян по отношению к эллинам, считать их исчадием Аида, безусловно, нельзя. Римляне были не хуже греков, широко практиковавших насилия и грабежи. Но представление о них как о бескорыстных, справедливых и добросердечных людях, несущих извращенным грекам более высокие идеалы, также крайне гипертрофированно. Как и греки, римляне воевали прежде всего за свои интересы, в жестокости и жадности к добыче не отличаясь от них, но превосходя эллинов размахом и планованностью своей "мессианской" деятельности.

Итак, анализ событий эпохи Македонских войн по источникам позволяет выявить проблему трансформации понятий "эллинства" и "варварства" в конкретном преломлении. При этом прослеживается деградация "эллинства" в классическом понимании (полисная демократия, экономическое равенство гражданского коллектива, идеалы свободы, гуманистическая культура, развитая философия и этика) и "деварваризация" римского общества. Сам Рим впервые вышел за узкие рамки полисных отеческих установлений и окунулся в неведомый пестрый мир чужеземных обычаев и незнакомых традиций, испытав немалое влияние со стороны побежденных народов. В приоткрытые двери обветшавших гражданских добродетелей и воинских доблестей хлынули высокое греческое искусство и восточные религиозные культы, философские учения и удивительные театральные зрелища, чудеса техники и мода на иностранную одежду и греческий язык. Именно в ходе Македонских войн

в течение II в. до н.э. изменился быт знати. Место скромного, подчас трудового образа жизни мужей Ранней республики занимает безудержная роскошь, суровые "нравы предков" заменяет разврат и тщеславие. Создается новый замкнутый круг, в котором Рим оказывается во второй половине II в. до н.э., — прямое следствие завоевательных appetitов Рима. Выбраться из этого порочного круга в рамках традиционных общественных и политических структур римского полиса оказывается невозможным. Кризис полиса в конце II в. до н.э. порождает грандиозные и трагические потрясения и открывает новую эпоху в истории Римской республики.

Л.Л. Кофанов

**ВОСПРИЯТИЕ СУЩНОСТНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ
РИМСКОГО ПРАВА В ИСПАНИИ
I в. н.э. НА МАТЕРИАЛЕ LEX
COLONIAE GENETIVAE JULIAE, LXV
И LEX MUNICIPII MALACITANI, LXVIII:
к проблеме эволюции
legis actio sacramento in rem***

Справедливо считается, что римляне оставили глубокий след во всей европейской цивилизации. Многие народы, населявшие Европу в древности, в той или иной мере восприняли римскую культуру. Особенно четко эта преемственность прослеживается в области права, и сегодня часто говорится о том, что вся европейская правовая система основана на принципах римского права. В какой мере и каким образом уже в древности римское право вслед за римским оружием проникало в варварский мир, сливаясь с местным обычным правом или в значительной мере вытесняя его, — это предмет исследования не одной статьи и даже не одной монографии. Однако мы можем рассмотреть это проникновение на отдельном народе, в отдельный период и на каком-либо одном правовом институте. В этом смысле богатейший эпиграфический материал предоставляют римские провинции в Испании в I в. н.э. В XIX—XX вв. на юге Испании был найден целый ряд бронзовых таблиц и их отдельных фрагментов, содержащих городские уставы колонии Урсо, муниципиев Сальпенсы, Малаки и др., которые часто объединяются под общим названием *lex Flavia municipalis* и датируются 81—84 гг. н.э. Содержание этих уставов во многом идентично друг другу и на 90% написано как будто под копирку. Данная особенность и позволила утверждать, что для них всякий раз принимался за образец римский *lex data* императора

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 03-01-00684а.

¹ Подробнее см.: *Faustino Gutierrez, Alvizy Armario. Diccionario de derecho romano. Madrid, 1982. P. 407, 422.*

Домициана. Важно отметить, что именно принятие римского основного закона, написанного на латыни, давало местному населению в Испании серьезные привилегии, особенно в вопросе налогообложения, что, в частности, и обеспечивало распространность права.

Сразу хотелось бы обозначить конкретный аспект данной статьи в такой широкой теме, как римский мир и варвары. Речь пойдет о налогах за аренду государственной земли и о характере наказаний за их неуплату, как они отражены в уставах некоторых испанских муниципиев. Как известно, итальянцы в шутку говорят, что налоги — это наши жертвоприношения государству. Древние римляне же всерьез полагали, что государственным богам необходимы жертвоприношения за пользование государственной землей. Неслучайно даже в III в. н.э. Ульпиан, а вслед за ним и еще более поздний автор, Авсоний, чуть ли не все публичное право связывали с жрецами и ритуалами жертвоприношений². Неисполнение обязательств по государственным контрактам требовало дополнительных — искупительных — жертвоприношений в качестве наказания за неисполнение клятвы *iusiurandum*, обязательно сопровождавшей все публичные контракты. Именно на этих жертвоприношениях, связанных с древнейшим иском *legis actio sacramento in rem*, мы и остановимся.

Введение этой формы иска традиция связывает с царем Нумой Помпилием. Так, Дионисий Галикарнасский сообщает, что для исполнения публичных контрактов с государством царь установил контроль за их исполнением заботой богов и ввел культ публичной Клятвы и общественные жертвоприношения в ее честь³. Благодаря этим мерам судебное расследование с

² О муниципиях см.: *Abbott F.F., Johnson A. Ch. Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton, 1926. passim; Kornemann E. Municipium // RE. 1933. XVI/1. S. 570 ss; De Martino F. Storia della costituzione romana. 2 ed. Napoli, 1958. Vol. IV. P. 626 e segg.; Tondo S. Aspetti del Principato e dell'ordinamento in Roma. Milano, 1991. P. 113-124.*

³ *Ulpian. D. 1. 1. 1.2: "Публичное право состоит в священнодействиях, жрецах и магистратах"; Auson. Idyll. 11. 61—62: "Из трех частей состоит все то право, которое трижды по четыре таблицы санкционировали как сакральное, как частное и как общее для народа".*

⁴ *Dionys. II. 75: "2. ...увидев, что хотя в контрактах, заключаемых публично и со свидетелями, совесть заключавших сделки соблюдается и лишь немногие поступают несправедливо, но что обязательства, заключаемые без свидетелей (а их было гораздо больше остальных), охраняются только клятвой сторон, Нума решил, что следует... сделать их заботой почитаемых (римлянами) богов. 3. В результате этих размышлений он первый среди людей соорудил храм публичной Клятвы (Πίστης) и учредил жертвоприношения в ее честь, совершаемые, как и другим богам, на общественный счет".*

применением клятвы стало, по словам Дионисия, самым эффективным средством разрешения судебного спора. Очевидно, что Дионисий говорит здесь об иске *legis actio sacramento*, историю которого мы знаем прежде всего из Институций Гая⁵. Сакральный характер этого иска блестяще продемонстрировал в своем исследовании еще П. Санторо⁶. Действительно, сама этимология слова *sacramentum* ("обещание жертвоприношения") указывает на то, что данный иск связан с принесением клятвенного обещания⁷ совершить жертвоприношение богу в случае проигрыша иска.

Гай и Варрон⁸ упоминают о сумме сакраментального залога от 50 до 500 ассов, если речь шла о вещном иске, и не более 50 ассов, если иск велся о свободе человека. Причем Варрон говорит о регламентации суммы *sacramentum* не только законами, но и непосредственно понтификами, а сам штраф называет также *sacrum*, т.е. жертвоприношением. Фест также указывает

⁵ *Gai. Inst. IV. 13 — 4*: "Сакраментальная форма была общей формой (для разрешения разнообразнейших споров); те дела, относительно которых закон не определял специальной исковой формулы, производились в сакраментальной форме. Прежде этот иск вследствие клятвенного обещания представлял опасность высказывающему неправду; теперь же опасным представляется иск по требованиям определенной суммы денег по поводу спонсии, которой подвергается ответчик, отрицающий без основания свою вину и вследствие реституции, которой подвергается истец, если он требует недолжное. Проигравший процесс уплачивал сакраментальную сумму как наказание. Эта сумма передавалась в государственную кассу, и в обеспечение исправной уплаты представлялись претору поручители; не так, как теперь, когда штраф спонсии и реституции поступает в пользу стороны, выигравшей процесс. Сакраментальный штраф состоял или из 500 ассов, или из 50. По искам в тысячу и более ассов взыскивалось 500 ассов, по искам до тысячи ассов — 50 ассов; такой размер сакраментальной суммы был определен в законах XII таблиц. Но если возникал спор по делам свободы раба, то тот же закон определял в пользу, конечно, свободы и в интересах тех, которые защищали права данного лица (*adsertores*), чтобы закладная сумма не превышала 50 ассов, хотя бы цена раба была самая большая". (Пер. Ф. Дыдынского).

⁶ *Santoro R. Legis actio sacramento in rem // Annali del seminario giuridico dell'Universita di Palermo. 1967. Vol. 30. Обзор различных мнений о характере legis actio см: Nicosia G. Agere lege // Silloge, scritti 1956-1996. Catania, 1998. P. 433-463.*

⁷ О семантике слова *sacramentum* см.: *Tondo S. La semantica di sacramentum nella sfera giudiziale // Studia et Documenta Historiae et Iuris. 1969. Vol. 35. P. 249-339.*

⁸ *Varro. LL. V. 180*: «Если это те деньги, которые приносят в суд для тяжбы, то они называются *sacramentum* от слова "жертвоприношение". Истец и ответчик отдают понтифику каждый в одних делах по 500 медных (ассов), в других делах они совершали то же самое с другой суммой, определенной законом. Тот, кто одерживал в суде верх, уносил из храма свой *sacramentum*, а *sacramentum* побежденного поступал в эрарий».

на использование этих штрафов в качестве общественных жертвоприношений. Из Цицерона и Геллия известно, что первоначально исковый штраф взимался не деньгами, а в виде овец и быков⁹.

Известно, что откупщики общественных пастбищ при заключении договора *mancipium*¹¹ с римским народом давали клятву именем Геркулеса¹² в качестве залога (*praedia*) внося свое имущество (т.е. скот). Нарушение этой клятвы требовало

⁹ *Fest. P. 468L*: "*Sacramentum* называется медь, которая выплачивается соответственно наказанию либо ответчиком, либо истцом. Среди тех, кто между собой судится, в одних делах (уплачивается) 50 ассов, в других - 500... Однако словом *sacramentum* эта медь стала называться потому, что из-за недостатка казны и из-за многочисленности общественных жертвоприношений использовалась в богослужениях".

¹⁰ *Os. Resp. 2. 60*: "Далее, консулы Спурий Тарпей и Авл Атерний приблизительно на 54 году после первого консульства провели в центуриатных комициях угодный народу закон о денежной пене и сакраментальном иске. 20 лет спустя ввиду того, что цензоры Луций Папирий и Публий Пинарий назначением пени отняли у частных лиц много крупного скота и передали его в собственность государства, законом консулов Гая Юлия и Публия Папирия была установлена дешевая оценка скота при наложении пени" (Пер. В.О. Горенштейна). *Gell. XI. 1. 2*: "По закону Атерния назначено было за каждую овцу по 10 ассов, за быков - по 100 ассов". Ср.: *Dionys. X. 50. 2*.

Varro. LL. V. 40: "*Praedia*, так же как и прэзы, зовутся так оттого, что предлагаются в качестве обеспечения, так как они, публично данные в залог, гарантируют честность манцепса"; *Hygin. P. 116 (Blume)*: "Вектигальными же являются те обремененные обязательствами земли, которые являются либо государственной собственностью римского народа, либо колоний или муниципиев... разумеется, те земли, которые были захвачены у врага, розданы и разделены по центуриям... Оставшиеся земли подвергаются обложению вектигальным налогом, одни на несколько лет, другие же покупаются манцепсами, т.е. арендаторами, на сотни лет. Многие же по окончании этого срока снова продаются или сдаются в аренду таким образом, чтобы имел место обычай уплаты вектигальных налогов. Манцепсы же, которые по установленному закону покупают право (сбора) вектигального налога, сами сдают ее в аренду по центуриям или продают каким-либо ближайшим владельцам". Подробнее о характере *mancipium* см.: *Кофанов А.А. Обязательственное право в архаическом Риме. М., 1994. С. 85-97.*

¹² *Plaut. Bach. 666*: *decimam partem ei (Herculi) dedit*; *Stich. 233*: *decimam partem Herculi polluceam*; *Cic. Verr. IV. 103*: *agros populo Romano ex parte decima... vectigalis fuisse*; *Ps-Ascon. Verr. P. 130*: *aratores frumenti decimam dare populi Romani soient*; *Cic. De nat. deorum, III. 88*: *Neque Herculi quisquam decumam vovit umquam si sapiens factus esset...* — "Но никто не дает обета пожертвовать Геркулесу десятину, если сделается мудрым"; *Macrob. Sat. 6.11*: *Masurius Sabinus... Marcus inquit Octavius Herrenus, prima adulescentia tibicen postquam arti suae diffusus est, instituit mercaturam, et bene re gesta decimam Herculi profanavit*; *Varro. LL. VI. 54*: *Hinc fana nominata, quod pontifices in sacrando fati sint finem; hinc profanum, quod est ante*

искупительного жертвоприношения или штрафа, который использовался понтификами или эдилами на жертвенные пиры, на строительство храмов и другие сакральные нужды¹³.

Судебный процесс над откупщиками, проходивший в форме *legis actio sacramento*, в эпоху республики также имел подчеркнуто сакральный характер. Фест указывает, что освобождение такого ответчика (*reus*) происходило на народном собрании по решению магистрата и назывался этот юридический ритуал *resacratio*¹⁴. Гай в Институциях, описывая ритуал *legis actio sacramento in rem*, демонстрирует случай судебного спора между двумя частными лицами. В нашем же случае этот иск ведется между откупщиком и всем римским народом в лице народного собрания или сената. Как известно, дела такого рода после предварительного рассмотрения магистратом передавались судебной коллегии сенаторов — центумвирам.

Обычно считается, что, согласно рассказу Гая¹⁵, по принятии закона Эбуция 130 г. до н.э. и двух законов Юлия 17 г. до н.э.

fanum coniunctum fano; hinc profanatum quid in sacrificio atque Herculi decuma appellata ab eo est quod sacrificio quodam fanatur, id est ut fani lege fit. Id dicitur pollu(c)tum est, ut cum profan(at)um dicitur, id est proinde ut sit fani factum: itaque ibi olim (in) fano consumebatur omne quod profan(at)um erat, ut etiam (nunc) fit quod praetor urb(an)us quottannis facit, cum Herculi immolat publice iuveneam. См. также: Plut. Rom. Qua est. 18; Fest. s.v. Décima. P. 63L.

¹³ Liv. VII. 28.9 (343 г. до н.э.): "Как сообщают, в этом году народ вынес суровые приговоры ростовщикам, привлеченным эдилами к суду"; XXXI-II. 42. 10 - 11 (196 г. до н.э.): "Плебейские эдилы... привлекли к суду народа многих откупщиков общественных пастбищ, трое из них были осуждены. На сумму уплаченных ими пеней построили святилище на острове Фавна. Два дня справлялись Плебейские игры и по этому случаю был устроен пир"; XXXVIII. 35. 5 - 6 (189 г. до н.э.): "На деньги, взысканные с хлеботорговцев, осужденных за утайку запасов зерна, курульные эдилы... поставили 12 позолоченных щитов. Также и плебейский эдил Кв. Фульвий Флакк поставил две позолоченные статуи по осуждению лишь одного обвиняемого"; Plut. Sull. 35: "Пожертвовав Геркулесу десятую часть своего имущества, Сулла с большой расточительностью стал задавать пиры для народа; Plut. Cras. 12: "...Красе, совершив грандиозное жертвоприношение Гераклу, угостил народ на десяти тысячах столов и дал каждому хлеба на три месяца". См. также: Liv. X. 11. 9 (298 г. до н.э.); X. 13. 14 (298 г. до н.э.); X. 23. 11 - 13 (295 г. до н.э.); X. 47. 4; Ovid. Fast. V. 279 - 294.

¹⁴ Fest. P. 353L.: *Resecrare* - *resolvere religione, utique cum reus populi comitiis oraverit per deos, ut eo periculo liberaretur, iubebat magistratus eum resecreare* - "Resecrare означает освобождать от религиозной клятвы, особенно когда должник просил на комициях народ именем богов, чтобы он от этого судебного иска был освобожден и магистрат приказывал его освободить от сакрального посвящения".

¹⁵ Cai. Inst. IV". 30: *Sed istae omnes legis actiones paulatim in odium uenerunt. namque ex nimia subtilitate ueterum qui tunc iura condiderunt, eo res perducta est, ut uel qui minimum errasset, litem perderet; itaque per legem Aebutiam et duas Iulias sublatae sunt istae legis actiones effectumque est, ut*

эта форма исков практически вышла из употребления¹⁶. Однако это верно лишь отчасти. Безусловно, в частных исках эта форма была вытеснена менее громоздким и более быстрым формулярным процессом. Однако тот же Гай указывает, что в судах центумвиральной коллегии сакраментальная форма иска продолжала существовать еще и в его время, т.е. во второй половине II в. н.э. Цицерон перечисляет, какого рода дела рассматривались¹⁷ в центумвиральном суде во второй половине I в. до н.э.¹⁸ Среди прочих он упоминает и *mancipia*, т.е. государственные контракты по откупам. К сожалению, отрывок из Гая, где, возможно, описывалось применение сакраментального иска в делах центумвиральной коллегии в эпоху Ранней империи, почти не сохранился. Однако его конечная фраза прямо указывает на судебные дела с откупщиками¹⁹. Следует обра-

per concepta uerba, id est per formulas litigaremus - "Но все эти судопроизводственные формы мало-помалу вышли из употребления, так как вследствие излишней мелочности тогдашних юристов, которые считались творцами права, дело было доведено до того, что малейшее уклонение от предписанных форм и обрядов влекло за собою проигрыш тяжбы; поэтому законом Эбуция и двумя законами Юлия отменены эти торжественные иски и введено судопроизводство посредством формул".

¹⁶ Комментарии к фрагменту Гая (Inst. IV. 30) см.: Tomulescu C.St. Les origines de la procedure formulaire // Revue internationale des Droits de l'Antiquité. 1973. Vol. 20. P. 355 - 367; Falchi G.L. L'onere della prova nella "legis actio sacramento in rem" // Studia et Documenta Historiae et Iuris. 1972. Vol. 38. P. 247 - 276; Gioffredi C. Su Gai 4.30 // Studia et Documenta Historiae et Iuris. 1978. Vol. 44. P. 429 - 438; Kaser M. Zur "legis actio sacramento in rem" // ZSS. 1987. Vol. 117. S. 53 - 84; Magdelain A. Gaius 4.10 et 33: Naissance de la procedure formulaire // Tijdschrift voor Rechtsgeschiedenis. 1991. Vol. 59. S. 239 - 257.

¹⁷ Gai. Inst. IV. 31: *Tantum ex duabus causis permissum est lege agere: damni infecti et si centumvirale iudicium futurum est; saneque cum ad centumuiros itur, ante lege agitur sacramento apud praetorem urbanum uel peregrinum* - "Только в двух случаях дозволено было применять законные иски, именно в случае вреда, который грозит соседнему строению, т.е. угрожающей опасности и в том случае, когда центумвиральная коллегия решает дело. В самом деле, когда стороны обращаются к суду центумвиров, то предварительно совершается сакраментальная формула перед городским или иностранным претором".

¹⁸ Cic. De orat. I. 38. 173: *...in causis centumviralibus, in quibus usucapionem, tutelarum, gentilitatum, agnationum, alluvionum, circumluvionum, nexorum, mancipiorum... iura versentur* - "...В них (центумвиральных тяжбах. - Л.К.) разбираются узаконения о давности, об опеках, о родстве родовом и кровном, о намывных берегах и островах, об обязательствах, о сделках".

¹⁹ Gai. Inst. rv. 32: *Hem in ea forma quae publicano proponitur, talis fictio est, ut quanta pecunia olim, si pignus captum esset, id pignus is a quo captum erat, luere deberet, tantam pecuniam condemnetur* - "Кроме того, в форме, установленной для откупщика, содержится такого рода фикция, чтобы присудить ответчика к уплате такой же суммы денег, какую должен был бы прежде в случае взятия залога уплатить тот, от кого взят залог".

тить внимание на то, что в следующем § 33 Гай переходит к кондикции, т.е. следует здесь тому же порядку изложения, что и в предыдущем рассказе об истории легисакционных исков, иначе говоря, здесь так же, как в §§ 17—18, за sacramентальным идет кондикционный иск. Как известно из Сентенций Павла, коллегия центумвиров продолжала функционировать еще и в III в. н.э.²⁰, поэтому вполне допустимо, что sacramентальная форма иска в отношении откупщиков действовала вплоть до III в. н.э.

Это предположение находит неожиданное подтверждение в муниципальных законах I в. до н.э. — I в. н.э. Понятно, что, хотя эти законы писались не для римских граждан, а для муниципалов, недавних варваров, вся система органов управления и судопроизводства в целом строилась по сугубо римской модели. Поэтому, даже если мы и не найдем самого названия *legis actio sacramento in rem* в муниципальных законах, юридические механизмы действия этого римского института все равно воспроизводятся почти полностью.

Итак, обратимся к *Lex coloniae Genetivae Iuliae*. В блоке законов с LXIV по LXXIV, регламентирующих священнодействия и деятельность жрецов (понтификов и авгуров), т.е. *ius sacrum* и *ius sacerdotium*, мы находим одну очень любопытную норму. Так, в норме LXV говорится о деньгах, внесенных в качестве пени за неуплату податей в общественную казну²¹. Прежде всего отметим, что речь идет именно о деньгах, поступивших в казну (*in publicum*) в качестве судебного штрафа — *rescunia poena nomine*. Термин *rescunia poena nomine* встречается почти во всех определениях sacramентального штрафа, приведенных выше. Далее, термин *ob vectigalia* не оставляет никаких сомнений в том, что речь идет о штрафе с откупщиков *ager publicus*, в данном случае муниципальной земли. Важно также и то, что закон прямо запрещает дуумвирам использовать этот штраф на какие бы то ни было общественные нужды, кроме *sacra*. При-

²⁰ *Paul. Sent. V. 16. 2*: "Судья, ведающий делами по опеке, а также и центумвиры, если не могут иным путем решить дело о наследственном имуществе или об обязательствах какого-нибудь рода, могут допрашивать в состав наследства рабов" (*Пер. Е.М. Штаерман*).

²¹ *Lex coloniae Genetivae Iuliae. LXV*: *Quae pecunia poenae nomine ob vectigalia, quae coloniae Genetivae Iuliae erunt, in publicum redacta erit, earn pecuniam ne quis erogare neve cui dare neve attribuire potestatem habeto nisi at ea sacra, quae in colonia aliove quo loco colonorum nomine fiant, neve quis aliter earn pecuniam sine fraude sua capito, neve quis de ea pecunia ad decuriones referundi neve quis de ea pecunia sententiam dicendi ius potestatemque habeto. Eamque pecuniam ad ea sacra, quae in ea colonia aliove quo loco colonorum nomine fient, Ilviri sine fraude sua dato attribuito itque ei facere ius potestasque esto. Eique cui ea pecunia dabitur sine fraude sua capere liceto.*

чем закон обязует дуумвиров выдавать эти деньги только тем лицам, которые непосредственно занимаются общественными священнодействиями. Судя по содержанию следующих статей LXVI—LXIX, речь идет о понтификах, авгурах и подрядчиках по исполнению священнодействий. Таким образом, эти штрафы вполне могут быть названы *rescunia sacramenta*. Это приводит нас к выводу, что даже в I в. до н.э. судопроизводство в публично-правовой области было отнюдь не свободно от влияния религии. Более того, следует говорить об удивительной консервативности этой сферы публичного права, сохранившей не только название, но и саму суть архаических сакральных институтов.

Подтверждение этому выводу мы можем найти и в еще более позднем муниципальном законе — в *lex Flavia Malacitani*. Обращают на себя внимание рубрики LXIII и LXIII²². В первой рубрике речь идет о характере сдачи в аренду общественной

²² *Lex municipii Malacitani: Rubrica: de locationibus legibusque locationum proponendis et in tabulas municipi referendis.*

LXIII. Qui Ilvir iure dicundo praeerit, vectigalia ultroque tributa, sive quid aliud communi nomine municipum eius municipi locari oportebit, locato. Quasque locationes fecerit quasque leges dixerit, quanti quit locatum sit et qui praedes accepti sint quaeque praedia subdita subsignata obligatae sint quique praediorum cognitores accepti sint, in tabulas communes municipum eius municipi referantur facito et proposita habeto per omne reliquom tempus honoris sui, ita ut de piano recte legi possint, quo loco decuriones conscriptive proponenda esse consuerint.

Rubrica: de obligatione praedum praediorum cognitorumque.

LXIII. Quicumque in municipio Flavio Malacitano in commune municipum eius municipi praedes facti sunt erunt, quaeque praedia accepta sunt erunt, quique eorum praediorum cognitores facti sunt erunt: ii omnes et quae cuiusque eorum tum fuerunt erunt, cum praes cognitorve factus est erit, quaeque postea esse, cum ii obligati esse coeperant coeperint, qui eorum soluti liberatique non sunt non erunt aut non sine dolo malo sunt erunt, eaque omnia, quaeque eorum soluta liberataque non sunt non erunt aut non sine dolo malo sunt erunt, in commune municipum eius municipii item obligati obligataque sunt, uti ii eave populo Romano obligati obligatae essent, si apud eos, qui Romae aerario praessent, ii praedes iique cognitores facti eaque praedia subdita subsignata obligatae essent. Eosque praedes eaque praedia eosque cognitores, si quit eorum, in quae cognitores facti erunt, ita non erit, qui quaeve soluti liberati soluta liberataque non sunt non erunt aut non sine dolo malo sunt erunt, Hviris, qui ibi iure dicundo praerunt, ambobus alterive eorum ex decurionum conscriptorumque decreto, quod decretum cum eorum partes tertiae non minus quam duae adessent factum erit, vendere legemque his vendundis dicere ius potestasque esto; dum earn legem is rebus vendundis dicant, quam legem eos, qui Romae aerario praerunt, e lege praediatrica praedibus praedisque vendundis dicere oporteret, aut si lege praediatrica emptorem non inveniet, quam legem in vacuom vendendis dicere oporteret; et dum ita legem dicant, uti pecuniam in fore municipi Flavi Malacitani referatur luat solvatur. Quaeque lex ita dicta erit, iusta rataque esto.

земли (*vectigalia*) и иного имущества (*ultra tributa*). Следует отметить общее сходство с публичным контрактом *mancipium* республиканского Рима. Во-первых, договор заключается дуумвирами от имени всех граждан муниципия (*nomine municipium*), текст его вносится в таблички ценза. Далее, так же, как и в *mancipium*, залог и поручители носят название *praedia* и *praedes*. В отличие от описанного Гаем сакраментального иска между частными лицами, где залог *praedia* обеспечивался в пользу частного лица, в этом публичном контракте залог, естественно, обеспечивается в пользу граждан муниципия, а точнее — муниципальной казне.

Еще более интересный материал дает рубрика LXIII. Во-первых, здесь в самом законе проводятся прямые аналогии ответственности откупщика перед гражданином муниципия с ответственностью перед римским народом (*populo Romano obligati*), а обеспечение залога дуумвирам предоставляется, по словам закона, точно так же, как в Риме, лицу, возглавляющему эрарий. Причем судебное решение об отчуждении залога *praedia* выносится двумя третями голосов декурионов и конскриптов муниципия, что аналогично судебному решению коллегии центумвиров в Риме. Дуумвиры же на основании декрета декурионов и *lex praedictoria* выносят решение о продаже залога.

Особый интерес вызывает предпоследняя фраза рубрики: *et dum ita legem dicant, uti pecuniam in fore municipi Flavi Malacitani referatur luatur solvatur*. Здесь обращает на себя внимание словосочетание *legem dicere*, которое отличается от привычного в отношении судебных магистратов выражения *ius dicere*. В связи с этим на память приходит известное определение *legis actiones* в Институциях Гая²³, согласно которому в древности еще не было в употреблении преторских формулярных исков, основанных на преторской юрисдикции, и иски действовали напрямую из законов. Вообще определения выражения *legem dicere* мы у римских юристов не найдем, пожалуй, единственное значение термина *legum dictio* можно обнаружить в комментариях Сервия к "Энеиде" Вергилия, где оно касается авгурских ауспий и обряда религиозной нункупа-

²³ *Gai. Inst. IV. 11: Actiones quas in usu ueteres habuerunt, legis actiones appellabantur uel ideo quod legibus proditae erant, (quippe tunc edicta praetoris, quibus conplures actiones introductae sunt, nondum in usu habebantur), uel ideo quia ipsarum legum uerbis accommodatae erant et ideo immutabiles proinde atque leges obseruafantur* — "Иски, которые были в употреблении у древних, назывались *legis actiones*, потому ли, что были установлены законами, так как в то время не были еще в употреблении преторские эдикты, которые ввели новые иски, или потому что в исковых формулах воспроизводились слова и выражения закона и поэтому считались неизменными, подобно тому как и самые законы".

²⁴ ции" и не дает прямого объяснения применению термина в отношении судебного процесса дуумвиров. Ясно, что произнесение "определенных слов" (*certi verbi*), т.е. *nuncupation*, играло особенно важную роль в архаическом иске. Но ясно также и то, что особая значимость "торжественных слов" связана со стремлением римлян заручиться поддержкой богов. Именно эта поддержка или одобрение богов делали из простых слов закон²⁵.

Из текста рубрики LXIII ясно, что *lex* дуумвиров должен произноситься на основании римского *lex praedictoria*, а уже из этого *lex dictae* дуумвиров проистекает их последующее судебное решение (*iudicium*), как это становится ясным из следующей рубрики LXV²⁶. Таким образом, очевидно, что в суде дуумвиров и коллегии декурионов по делам об аренде *ager vectigalis* речь идет о прямом действии закона, т.е. о *legis actio*.

Теперь обратимся ко второй части разбираемой нами фразы: *uti pecuniam in fore municipi Flavi Malacitani referatur luatur solvatur*. В ней говорится о том, что дуумвиры выносят закон таким образом, чтобы ответчик выплатил денежный штраф *in fore*. Термин *in fore* можно переводить двояко. Возможно, здесь обычная описка резчика в последней букве и следует читать *in foro*. Такое выражение достаточно часто встречается именно в муниципальных законах и означает "на площади публичных судебных разбирательств". Но если не предполагать здесь описки, то данный *ablativus loci* от существительного *foris* следует переводить как "в воротах".

²⁴ *Serv. ad Aen. III. 89: et est species ista augurii quae legum dictio appellatur: legum dictio autem est, cum condicio ipsius augurii certa nuncupatione verborum dicitur, [quali condicione augurium peracturus sit:] quod hic facit exsequendo formas petitionis versibus supra dictis; tunc enim quasi legitima iure legem adscribit 'da pater augurium' et reliqua* — «И есть такой особый вид авгурий, который называется "произнесение законов", ведь "произнесение законов" происходит, когда обстоятельства самого авгурия оговариваются посредством определенного торжественного произнесения слов (нункупацией), о том, [какими обстоятельствами авгурий будет совершен], это он делает посредством расследования в форме петиции, как сказано в выше приведенных стихах; ведь после этого он как бы на законном основании добавляет норму "дай отец мне счастливых знамений" и прочее».

²⁵ *Santoro R. Actio in diritto antico // Poteri negotia actiones nella esperienza romana arcaica. Napoli, 1984. P. 203 — 205.*

²⁶ *Lex munieipii Malacitani: Rubrica: ut ius dicatur e lege dicta praedibus et praedis vendundis.*

LXV. Quos praedes quaeque praedia quosque cognitores Ilviri munieipii Flavi Malacitani hac lege vendiderint, de iis quicumque iure dicundo praeerit, ad quem de ea re in aditum erit, ita ius dicito iudiciaque dato, ut ei, qui eos praedes cognitores ea praedia mercati erunt, praedes socii heredesque eorum iique, ad quos ea res pertinebit, de is rebus agere easque res petere persequi recte possit.

Особый интерес в данной фразе вызывает сочетание сразу трех глаголов со значением "платить": *referatur luatur solvatur*. Очевидно, что эта связка здесь не случайна и не является простой тавтологией, но обозначает разные по содержанию действия ответчика. Что касается первого глагола — *referre*, то следует учитывать, что при разборе судебных дел по публичным сделкам с применением клятвы *iusiurandum* (а у нас, несомненно, именно такой случай), т.е. в исках *legis actio sacramenta*, акт уплаты штрафа рассматривался как религиозный ритуал освобождения от клятвы²⁸, и именно в этом значении употребляется глагол *referre*.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что в *lex Irnitana* в точно такой же фразе, как и в рубрике LXIII, используется глагол *sufferatur* вместо *referatur*. Изучая текст *lex Malacitana* на бронзовой таблице в Национальном археологическом музее Мадрида, автор этой статьи обнаружил (возможно, после реставрации таблицы), что в рассматриваемом нами тексте читается именно *sufferatur*, а не *referatur*. Следовательно, в известном издании *lex Malacitana* в "*Fontes iuris Romani antejustiniani*" С. Риккобоно²⁹ вероятно, имеет место ошибка, связанная с плохой сохранностью этого места в тексте таблицы. Однако в любом случае значение фразы кардинально не меняется. Известно, что глагол *sufferre* прежде всего используется в сочетании со словами *litis aestimationem*³⁰, *multam*³¹, *poenam*³² в значении "налагать штраф", "переносить, терпеть", "выдерживать". Фраза *litis aestimationem sufferre* имеет очень древнее происхождение и, возможно, использовалась уже в законах XII таблиц (XII. 2b). Как известно, словосочетание *litis aestimationem* всегда было тесно связано с судебной присягой *iusiurandum*³³ и со словосочетанием *iusiurandum deferre* (D. 12. 3. 3). Таким образом, смысл фразы *pecuniam... referatur...* почти не меняется после замены *referatur* на *sufferatur*.

²⁷ *Gai. Inst. IV. 13: eaque actio perinde periculosa erat falsiloguo propter iusiurandum* — "Прежде этот иск вследствие клятвенного обещания представлял опасность высказывающему неправду".

²⁸ *Paul. lib 3 Quaest. D. 22. 3. 25. 3: "Во всех же представленных нами случаях следует дать разрешение тому, на ком лежит бремя доказывания, принести клятву относительно истинности дела, ранее самому присягнув в юридической обоснованности иска, чтобы таким образом судья, следуя верности присяги, мог вынести свое решение, сохранив за ним права освобождения от клятвы"*.

²⁹ *Fontes iuris Romani antejustiniani* / Ed. S. Riccobono. Florentiae, 1968.

³⁰ *Lex XII T. XII. 2b; Gai. Inst. IV. 75, 89; D. 9. 4. 20.*

³¹ *D. 9. 4. 20; D. 21. 1. 23. 8; D. 47. 21. 3. 1.*

³² *D. 17. 2. 71 pr.; D. 27. 3. 15; D. 47. 2. 68. 1.*

³³ *D. 12. 2: De iureiurando... iudiciali; D. 12. 3: De in litem iurando.*

Что касается глагола *luere*, то весьма интересный разбор источников, трактующих значение этого глагола, провел в своей книге профессор Ф. Милаццо³⁴. Однако, опираясь на известное определение Варроном³⁵ понятия *lustrum* в отношении к *vectigalia* и *ultra tributa*, итальянский ученый делает вывод, что глаголы *luere* и *solvere* выступают в качестве синонимов и означают "платить", с чем никак нельзя согласиться, по крайней мере, в отношении нашего фрагмента, также связанного с *vectigalia* и *ultra tributa*. Во-первых, в нашем случае речь идет о *poena*. В разделе Дигест "*De poenis*" термин *luere* в отношении наказаний используется в совершенно ином значении³⁶. В данном тексте выражение *luendum supplicio*, конечно, можно перевести как "расплачиваться посредством наказания", но более точным будет "очищаться от преступления посредством искупительного жертвоприношения"³⁷.

Далее, в нашем случае, так как речь идет о наказании за неисполнение договора аренды муниципального имущества, связь с римским цензорским *lustrum*, на которое указывает Варрон в приведенном нами отрывке, очевидна. Поэтому весьма интересен отрывок из комментариев Сервия к "Энеиде", где говорится, что по завершении 5-летнего цикла аренды общественного имущества цензоры предлагали богам "тучные жертвоприношения" (*pingues victimas*), тем самым производя сакральное очищение города³⁸. Можно предположить, что между

³⁴ *Milazzo F. Realizzazione delle opere pubbliche in Roma arcaica e repubblicana. Munera e ultra tributa. Napoli. 1993. P. 72 — 76.*

³⁵ *Varro. LL. VI. 11: Lustrum nominatum tempus quinquennale a luendo, id est solvendo, quod quinto quoque anno vectigalia et ultra tributa per censores persolvebantur* — "Пятилетний срок называется *lustrum* от *luendo*, т.е. от уплаты, так как каждые пять лет через цензоров выплачиваются вексильные подати и чрезвычайные налоги".

³⁶ *Saturn L.S. De poen. paganorum, D. 48. 19. 16. 4: locus facit, ut idem vel furtum vel sacrilegium sit et capite luendum vel minore supplicio* — "Место определяет, что одно и то же (преступное деяние) является либо кражей, либо святотатством, и в наказание необходимо назначать либо смертную казнь, либо меньшую кару".

³⁷ Ср.: *Fest (Pauli excerpta). P. 405L.: Supplicia veteres quaedam sacrificia a supplicando vocabant.* — "Словом *supplicia* древние называли некоторые жертвоприношения от необходимости колени преклоненно умолять; *Fest (Pauli excerpta). P. 107L.: «Слово "платишь" означает полностью расплатиться, оно происходит от греческого λύειν. Отсюда земля, освободившаяся от сырости, зовется lutum, отсюда и lustratio (очищение жертвоприношением), которым что-либо исполняется и освобождается».*

³⁸ *Serv. ad Aen. VIII. 183: Lustralibus aut pinguibus: moris enim fuerat compléta lustrum pingues victimas offerre censores... Aut quia per quinquennium ipsis victimis urbs lustrari solebat...* — "Пятилетними или тучными: ведь был обычай, чтобы цензоры по завершении *lustrum* приносили тучные жертвоприношения... Или потому что город (Рим) обычно совершал религиозное очищение посредством жертв 5-летнего возраста".

терминами *pinguis* и *pignus* есть тесная этимологическая связь и распространенное юридическое выражение *luere pignorem* исторически происходит от *luere pingues victimas*. Все это позволяет допустить перевод пассивной формы глагола *luere* в значении "очиститься от преступления". Наконец, глагол *solvere* в пассивной форме означает не столько расплатиться, сколько "освободиться от обязательства". Что касается слова *rescuniam*, то в данной фразе очевидно применение *accusativus respectivus*, часто употребляемого при страдательных формах глагола. Соответственно в качестве логического подлежащего тут подразумевается сам ответчик — *teus*.

Учитывая все сказанное выше, рассматриваемую нами фразу можно перевести следующим образом: "И тогда пусть таким образом (дуумвиры) провозглашают закон, чтобы (ответчик) на судебной площади муниципия Флавия Малацитаны этими деньгами отвел от себя присягу, очистился от преступления и освободился от обязательства". Конечно, наш перевод — это всего лишь одна из возможных версий, однако необходимо подчеркнуть, что в рубрике LXXIX *lex Flavia Malacitana*, которая сохранилась благодаря найденному тексту *lex Irnitana*, имеется информация, также связанная с нашей версией перевода. В этой рубрике речь идет о *rescunia communis municipum* и дается список общественных расходов. Здесь есть сходство с нормой LXL *lex coloniae Genetivae Juliae*, поскольку первые, наиболее важные траты — это те, которые делаются на общественные священнодействия, игры и пиршества (*in sacra, ludos, cenas*)³⁹. Конечно, в *lex Irnitana* нет прямой связи между денежным штрафом *ob vectigalia* и публичными *sacra*, однако есть все основания полагать, что таковая все же существовала. Следует учитывать и возможность эволюции *lex Irnitana*. Действительно, если в *lex coloniae Genetivae Juliae* было просто запрещено использовать *rescunia poena nomine* на иные расходы, кроме *sacra*, то в рубрике LXXVII *lex Irnitana* написано, что дуумвиры и декурионы решают, какая часть общественных денег должна быть использована на *sacra*, а какая нет⁴⁰.

Подведем некоторые итоги. Несомненно, тексты найденных в Испании муниципальных законов являются уникальным источником для изучения не только муниципального права, но и отдельных римских правовых институтов. Эти тексты, написанные на хорошей юридической латыни, свидетельствуют о глубоком проникновении собственно римского права в насе-

денную преимущественно варварами провинцию. Ведь очевидно, что используемая в этих законах юридическая фразеология, а соответственно и сами юридические понятия достаточно адекватны именно той эпохе, в которую они были созданы. Хотелось бы надеяться, что приведенный нами материал в той или иной мере свидетельствует не только об устойчивости, консервативности некоторых древнейших римских правовых институтов, но и об их распространении через муниципальные законы по всему Средиземноморью, по крайней мере в римской Испании, следовательно, и среди неримского, варварского населения, активно пополнявшего ряды римских граждан⁴¹.

Таким образом, можно констатировать, что римская практика создания в провинциях муниципиев, предоставлявшая местному населению права римского гражданства при условии добровольного копирования римских правовых норм в основном муниципальном законодательстве, дала блестящие результаты с точки зрения распространения римского права, а вместе с ним и римского владычества, так как граждане муниципиев становились не только носителями латинского языка, но и наиболее последовательными проводниками римского империя.

³⁹ *Lex Irnit. LXXIX: Quo minus quantae pecuniae in sacra, ludos, cenas quibus decuriones conscripti municipesve vocantur, aera apparitoria...*

⁴⁰ *Lex Irnit. LXXVII: Duumviri... ad decuriones conscriptosve referunto quantum in impensas sacrorum, et quantum in cenas... eroganto...*

⁴¹ О роли римского права в отношениях римлян и peregrinov на протяжении всей римской истории подробнее см.: *Catalano P. Linee del sistema sovranazionale romano. Torino, 1965.*

В.Н. Илюшечкин

**КАТАЛОГ ПЛЕМЕН И НАРОДОВ
У ПЛИНИЯ СТАРШЕГО (HN. VII. 6-32)***

Свидетельства античных литературных источников о варварских племенах, населявших в древности окраинные области ойкумены, представляют безусловный интерес для изучения этнических процессов и миграций кочевых народов. Этот материал античной этногеографической традиции позволяет также проследить существенные изменения в составе варварских племен в отдаленных регионах ойкумены на протяжении столетий. Однако всякий раз при рассмотрении конкретного литературного источника необходимо учитывать его своеобразие. К примеру, отличительной особенностью одного из фрагментов "Аттических ночей" римского энциклопедиста Авла Геллия (II в. н.э.) является обилие племенных названий, указанных в определенной последовательности и — что обращает на себя внимание — со ссылкой на соответствующий пассаж из VII книги Плиния Старшего (*Gell.* IX. 4. 9 — 44):

«Когда я на возвратном пути из Греции в Италию прибыл в Брундизий и, сойдя с корабля на землю, прогуливался в его знаменитой гавани, названной Кв. Эннием "счастливой", то увидел выставленные на продажу книги. Я тотчас подошел взглянуть на них. Все это были греческие сочинения, полные чудесных, сказочных и невероятных историй; их авторами были старинные писатели немалой важности: Аристей Проконнеский, Исигон Никейский, Ктесий, Онесикрит, Полистефан (= Филостефан) и Гигесий. Свитки были покрыты давнишней плесенью и имели безобразный вид. Все-таки я подошел и справился о цене; услышав об их удивительной и неожиданной дешевизне, я скупил множество книг за бесценок и все их бегом прочитал в две ближайшие ночи. При этом я отобрал некоторые из них, отметив диковинные и почти неизвестные нашим писателям сведения. В своих записках я привожу их для того, чтобы читатель, услышав о подобного рода вещах, не чувствовал себя совсем "неосведомленным".

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №03-01-00684а.

Итак, в этих книгах были сведения такого рода: что те отдаленнейшие скифы, которые проживают на крайнем севере, питаются человеческим мясом, поддерживают жизнь такой пищей и зовутся "людоедами"; что под тем же небесным поясом есть также люди, называемые аримаспами, с одним глазом посредине лба [т.е. с таким лицом], какое, по словам поэтов, имели "Киклопы"; что в тех же странах есть другие люди, [отличающиеся] необыкновенной быстротой и имеющие следы ног, вывернутые назад, а не [так], как у прочих людей, направленные вперед и противопоставленные; кроме того, передается, [пишут эти книги], и упоминается, что в одной отдаленной земле, называемой [Кавказской] Албанией, рождаются люди, которые седеют в детстве и лучше видят глазами ночью, чем днем; затем, будто достоверно известно, что савроматы, которые живут далеко за рекой Борисфеном, постоянно принимают пищу на третий день, а в средний воздерживаются [от нее].

Там же я нашел сообщение, которое позже встретил в VII книге "Естественной истории" Плиния Старшего, а именно: что в Африке есть племя людей, околдовывающих других с помощью голоса, и что если они кого ненароком похвалят — будь то деревья, посевы, дети или лошади — все это необъяснимым образом погибает. В тех же книгах передается, что можно якобы сглазить человека и что среди иллирийцев есть люди, которые, глядя со злобой дольше обычного, могут убить взглядом; все они — и мужчины, и женщины, способные сглазить, — имеют в каждом глазу по два зрачка. А еще в горах Индии обитают песьеголовцы, которые кормятся охотой на птиц и диких зверей. Помимо всего, у крайних восточных пределов обитают необычные люди, прозванные моноколи ("одноногими"), которые, прыгая на одной ноге, передвигаются с удивительным проворством; некоторые из них совсем без головы и имеют глаза на плечах. Но что всего удивительнее, так это рассказ писателей о людях, обитающих на краю Индии, тела которых покрыты шерстью, наподобие оперения птиц; люди эти не употребляют пищу, а вдыхают запахи цветов. Неподалеку от них живут пигмеи, рост наиболее высоких из которых не превышает две с четвертью стопы. Вот такие и подобные [истории] я прочел [в тех сочинениях]».

Обратимся к анализу упомянутого Геллием экскурса из VII книги Плиния и рассмотрим его в свете свидетельств античной этногеографической традиции, с тем чтобы установить, в какой степени достоверны или вымышлены сведения Плиния о племенах и народах варварского мира. Известно, что Плинию Старшему принадлежит энциклопедический труд "Естественная история" (или "Естествознание") в 37-ми книгах, составлен-

ный им на основании более чем 2 тысяч греческих и латинских источников, о чем он сообщает в проэмии¹. Этим отчасти можно объяснить то обстоятельство, что внимание исследователей по преимуществу было обращено на источниковедческие аспекты сочинения Плиния, прежде всего на детальный анализ и характер используемых им источников, их место в общей структуре произведения². Следует признать, что труд Плиния при сравнении с известными нам античными сочинениями во многом проигрывает из-за наукообразной манеры и склонности автора к изложению разного рода "удивительных" и "невероятных" сведений (*mirabilia et admiranda*). При этом нередко упускается из виду, что произведение Плиния содержит ценные и исключительные в своем роде свидетельства по античной этногеографии.

В целом VII книга Плиния посвящена общим вопросам этнологии и культурной антропологии, однако в самом начале Плиний приводит довольно подробный перечень "варварских" племен и народов, населявших окраинные области ойкумены (VII. 6-32):

«Я уже упоминал (см.: IV. 88; VI. 53), что есть скифские племена, и притом довольно многочисленные, которые питаются человечиною. Это может показаться невероятным, если мы забываем, что столь удивительные племена обитают в центре мира на Сицилии и (в Италии) и зовутся киклопами и лестригонами и что совсем недавно у некоторых галльских племен за Альпами было в обычае приносить человеческие жертвоприношения, откуда рукой подать до каннибализма. (10) Говорят, что неподалеку от населяющих север народов, рядом с местом зарождения Аквилона и, так сказать, его пещерой, именуемой Гес клитрон (т.е. "Крайний предел мира")³, обитают уже упоминаемые аримаспы (см.: IV. 88; VI. 50) с одним глазом посредине лба⁴. Многие авторы, в особенности знаменитые Геродот (III. 116; IV. 13, 27) и Аристей Проконнесский, писали, будто бы

они (т.е. аримаспы) постоянно воюют из-за рудников с грифами, которых предание представляет в виде крылатых зверей, добывающих в подземных шахтах золото, причем звери с удивительной жадностью сторожат золото, а аримаспы его похищают.

(11) За другими скифами-людоедами в большой долине, образуемой горой Имав, есть страна, называемая Абаримон (= Аваримон), в которой живут лесные люди с вывернутыми назад ступнями, отличающиеся чрезвычайной быстротой и блуждающие повсюду вместе со зверями. Об этом рассказывает Бэтон, составивший измерения переходов Александра Великого и его проводник; он же передает, что эти люди не могут дышать (= жить) в другом климате и поэтому ни одного из них нельзя было доставить к соседним царям и привести к Александру. (12) Исигон Никейский пишет, что первые людоеды, которые живут на севере, как я сказал, на расстоянии десяти дней пути выше реки Борисфен, пьют из человеческих черепов и носят на груди в виде полотенец кожи с волосами⁵. Тот же автор (т.е. Исигон) сообщает, что в (Кавказской) Албании рождаются люди с серо-синими глазами, с детства седые и ночью видящие лучше, чем днем. Он также передает, что савроматы, живущие на расстоянии тринадцати дней пути выше Борисфена⁶, всегда принимают пищу раз в три дня.

(13) Кратет Пергамский (Fr. 12a, *Mette*) утверждает, что существует племя людей около Пария на [побережье] Геллеспонта, которое он называет офиогены (букв. "рожденные от змей") и у которых в обычае исцелять змеиные укусы прикосновением и удалять яд из тела наложением руки на место укуса (ср.: *Strabo*. XIII. 1. 14. С 588). Варрон передает, что все еще существуют люди, чья слюна является средством против змеиного укуса. (14) Согласно сведениям Агатархида, подобное племя

⁵ О том, что греки рассматривали скальпирование как присущий скифам обычай, говорит Геродот (IV. 64), достоверность сообщения которого подтверждается этнографическими параллелями. Подробнее см.: *Шитова И.А.* О достоверности географических сведений в скифском рассказе Геродота // *Летописи и хроники*. 1980. М., 1981. С. 27 и след.; *Доватур А.И., Калустов Д.П., Шишова И.А.* Народы нашей страны в "Истории" Геродота. М., 1982. С. 302-304. См. также: *Soph.* Епим. Fr. 473, *Radt* "По-скифски волосы содрал у них на утиральники" (*Пер. Ф.Ф. Зелинского*) (в контексте сохранившегося фрагмента Софокла - указание на жестокость Эномая).

⁶ По Геродоту (IV. 21), савроматы занимают пространство на 15 дней пути от угла Меотийского озера к северу. Подробнее см.: *Доватур А.И. и др.* Народы... С. 236.

Ср.: парны (*Strabo*. XI. 9. 3. С 507) или парианы (*Mela*. I. 12; *Plin.* HN. VI. 48), предположительно восходящие к геродотовым париканиям (*Herod.* III. 92, 94; IV. 86). См. также: *Доватур А.И. и др.* Народы... С. 192-193.

¹ См.: *Kôves-Zulauf Th.* Die Vorrede der plinianischen Naturgeschichte // *Wiener Studien*. N.F. 1973. Bd. VII. S. 134-184.

² *Römer F.* Die plinianische Anthropologie und der Aufbau der Naturalis historia // *Wiener Studien*. 1983. Bd. 17. S. 104-108; *Dihle A.* Plinius und die geographische Wissenschaft in der römischen Kaiserzeit // *Idem.* Antike und Orient. Heidelberg, 1986. S. 167-181; *Kddr Z., Berényi-Révész M.* Die Anthropologie des Plinius Maior // *ANRW*. B.; N.Y., 1989. Bd. 32, Teil II. S. 2201-2224; *Beagon M.* Roman Nature: the thought of Pliny the Elder. Oxford, 1992.

³ Букв. "земной затвор" — согласно античной мифопоэтической традиции, вход в подземный мир, локализуемый на северных границах ойкумены. Ср. "скифские затворы" (*Κλειθρα Σκυθῶν*) (*App. Mithr.* 102).

⁴ *Wernike K.* Arimaspoi // *RE*. 1896. Bd. II.

существует в Африке, их называют псиллы — в честь царя Псилла, чья гробница находится [на побережье] Большого Сирта (ср.: Ibid.). В их телах вырабатывается яд, который смертелен для змей и запах которого они используют для усыпления змей. Еще они имеют обычай подкладывать новорожденное дитя самой свирепой змее, чтобы проверить верность своих жен, поскольку змеи кусают младенцев, родившихся от связи их жен с чужестранцами. Почти все это племя было изгнано насамонами, которые теперь занимают эту землю, однако потомки тех, кто бежал или не участвовал в противостоянии [с насамонами], обитают в разных местах и по сю пору. (15) Схожий народ — марсы, остались и в Италии, которые, передают, являются потомками сына Кирки и вследствие этого обладают от природы той же способностью [ворожить]. Так, все мужчины [племени] содержат в крови противоядие, защищающее от змей. Говорят, что змеи страшатся их слюны и уползают, наподобие ошпаренных кипятком. А уж коли слюна попадет в глотку змеи, то она погибает. Слюна воздействует намного сильнее, если накануне человек ничего не ел.

По соседству с насамонами, передает Каллифан (FGrH. IV. P. 352), проживают женоподобные (= андрогины) махлии, которые сходятся с мужчинами и женщинами попеременно. (16) Аристотель пишет, что их левая грудь — мужская, а правая — женская. Исигон (Никейский) и Нимфодор сообщают, что в некоторых областях Африки живут колдуны, чьи заклинания иссушают луга, деревья и приносят гибель детям (ср. *Herod.* IV. 173: луга псиллов иссушает южный ветер). Исигон добавляет, что такие же люди (т.е. колдуны) есть у трибаллов и иллирийцев, они способны сглазить и губят тех, на кого смотрят пристально и с ненавистью, поэтому именно взрослые подвержены порче. Примечательно, что в каждом глазу у них по два зрачка. (17) Аполлонид сообщает о таких же женщинах в Скифии, которых называют битиями, а Филарх передает, что и на Понте племя тибии⁸ и многие другие обладают теми же особенностями, их отличительный признак — двойной зрачок в одном глазу, а в другом — изображение коня; кроме того, они не тонут даже

⁸ Тибии — племя, населяющее легендарную Тибаиду на Понте. Стефан Византийский сообщает о местности Тибаиде (s. v. Θιβαίς), населенной тибиями и названной так по одной из убитых Гераклом амазонок Тиббе или Тибаиде. Отсюда можно заключить, что скифские тибии Плиния Старшего — разновидность амазонок, представление о магической силе взгляда которых сближает их с северным племенем аримаспов. Плутарх, ссылаясь на Аполлонида, упоминает именно тибиев, а не битиев (*Quaest. Conv.* V. 7. 1). Ср.: о-в Тиниада = Аполлония у южнопонтийских берегов Вифинии к западу от устья р. Сангария (*Ps.-Scyll.* 92; *Agm.* PPE. 18).

Возможно, путаница из-за неверно понятого названия глазного заболевания — *Hippus pupillae*. См. также: *Salmasius. Pliniana exercitationes in Solini.* Parisiis, 1629. Т. II. P. 34.

в одежде. Дамон сообщает о похожем племени, которое проживает в Эфиопии; они обладают способностью излечивать людей, вызывая у тех потливость. (18) Цицерон, один из наших авторов, утверждает, что женский глаз с двойным зрачком повсюду приносит несчастья. В самом деле, когда природа вложила в человека зверский обычай пожирать плоть [другого] человека, она позаботилась и о том, чтобы вложить яды в тело, а у некоторых — еще и в глаза, чтобы зло пребывало внутри самого человека. (19) Землю фалисков неподалеку от Рима населяют племена, которые зовутся гирпы и которые во время ежегодного жертвоприношения Аполлону на горе Соракта ходят по горящим углям и не обжигаются; своим постановлением сенат освободил гирпов от воинской и прочих повинностей. (20) Некоторые из людей рождаются с частями тела особого свойства, например, у царя Пирра большой палец правой ноги был таким, что если до него дотронуться, то он излечивал от воспаления селезенки. Передают, что при кремации было невозможно сжечь этот палец с остальными частями тела и он был помещен в специальный ларец в святилище.

(21) Индия и Эфиопия в особенности изобилуют чудесами. В Индии вырастают самые большие животные. Например, индийские собаки крупнее других. А деревья, говорят, настолько высоки, что до их верхушек не долетает стрела лука и что, коли есть такие, которые верят в это, множество всадников могут укрыться под одним фиговым деревом. Рассказывают, что [тамошний] камыш настолько высок, что порой из одной его части между узлами можно сделать лодку, вмещающую трех человек. (22) Известно, что большинство жителей, рост которых превышает два метра, не страдают от зубной, головной боли или от рвоты и почти не испытывают болей в других частях тела — настолько крепко закалил их жар солнца. И что их мудрецы, которых называют гимнософистами, стоят от рассвета до заката, не моргая глядя на солнце, и так стоят на раскаленном песке в течение всего дня, [опираясь] то на одну, то на другую ногу. (23) Мегасфен утверждает, что на горе Нул живут люди, у которых ступни вывернуты назад и на каждой по восемь пальцев, а в других горах проживают племена песьеголовых, которые носят шкуры диких зверей и чья речь прерывиста наподобие лая; они кормятся охотой и ловлей птиц, для чего вместо оружия используют собственные ногти. Он же [Мегасфен] передает, что, когда он работал¹⁰ над своим произведением, их насчитывалось более 120 тыс. Ктесий сообщает, что у некото-

¹⁰ Подробнее о критериях достоверности и недостоверности сведений эллинистических историков см.: *Gabba E. True History and False History in Classical Antiquity* // JRS. 1981. Vol. 71. P. 50–62.

рых народов Индии женщины за всю жизнь рожают только одного ребенка и сразу после родов становятся седыми; он же [Ктесий] описывает племя людей, которых называют моноколи, у которых только одна нога, а передвигаются они прыжками с удивительной быстротой. То же самое передают и о племени скиаподов, которые в жару лежат на земле и заслоняются тенью от ног; проживают они неподалеку от троглодитов ("обитателей пещер"). К западу от них обитают люди без головы, а глаза у них на плечах¹¹. (24) Еще в горах на востоке Индии живут сатиры, и эту местность называют Катарклудорум. Сатиры — удивительно быстроногие существа, передвигающиеся иногда на четырех, а иногда и на двух ногах, поднимаясь в полный рост наподобие людей. Из-за того, что они столь подвижны, поймать можно либо старого, либо слабого из них¹². Таврон называет хоромандами лесное племя, которое не обладает способностью говорить, но общается посредством ужасных криков; у них волосатые тела, острый взгляд и зубы как у собаки. Евдокс [Книдский] передает, что на юге Индии, обитают мужчины, у которых ноги длинной в локоть, а ступни женщин настолько малы, что их называют струтоподами. (25) Мегасфен сообщает, что среди индийских кочевников встречаются люди с одной ноздрей, как у змей, и с кривыми ногами. Их зовут скиритами. У крайних пределов Индии, на востоке около истоков Ганга, он [Мегасфен] помещает племя астомов (т.е. безротых), у которых нет рта, а тело покрыто волосами. Они носят одежды из хлопковой ткани и питаются, вдыхая запахи. Они не испытывают недостатка в запахах корней и сушеных лепестков яблонь-дичков, которые хранят при себе во время кочевий и помимо которых ничего не едят и не пьют. Он же [Мегасфен] говорит, что их с легкостью можно убить резким, по сравнению с привычным, запахом. (26) Передают, что выше их, в наиболее отдаленных горных районах, проживают триспитхамы и пигмеи ("человечки величиной с кулак"), рост которых не превышает трех четвертей (трижды 21), климат у них здоровый и схожий с весенним, поскольку с севера они защищены горной грядой; об этом племени, окруженном журавлями, упомянул и Гомер (II. III. 3 — 7). Говорят, что с наступлением весны племя [пигмеев], вооруженное стрелами, спускается на баранах и козах к морю, поедает яйца журавлей и птенцов; на все это уходит три месяца — в противном случае они не могли бы защититься от взрослых журавлей. Их жилища сооружены из [смеси] гря-

зи, перьев и яичной скорлупы. (27) Аристотель отмечает (Hist. anim. VIII. 597a. 4), что пигмеи живут в пещерах, а во всем остальном, что о них рассказывают, он согласен с другими авторами. Индийские кирны, согласно Исигону (Никейскому), доживают до 140 лет, и он же утверждает, что это достоверно в отношении эфиопских макробиев (= долгожителей), Серов (= китайцев) и жителей горы Атхон. В последнем случае — из-за пищи, поскольку они едят змей, в результате чего их головы, тела и одежды лишены вредоносных существ. (28) Онесикрит передает, что в некоторых частях Индии, где не бывает тени, рост мужчин достигает 2,4 м, а люди живут до 130 лет, но не доживают до старости и умирают в среднем возрасте. Кратет Пергамский рассказывает об индах, которые доживают до 100 лет, их он называет гимнетами, хотя многие называют их макробиями (= долгожителями). Ктесий (Книдский) передает, что в племени панда, которое населяет горные долины, люди доживают до 200 лет, у них смолоду седые волосы, которые к старости темнеют. (29) А другие не доживают и до 40 лет — такое племя обитает рядом с макробиями; их женщины рожают лишь единожды. Агатархид передает, что проживают они на акациях и очень быстро бегают. Клитарх называет их мандеи¹³, а Мегасфен сообщает, что у них 300 деревень и утверждает, что их женщины рожают в 7 лет, а старость приходит к ним в 40 лет. (30) Артемидор пишет, что на острове Тапробана (= Цейлон) люди живут очень долго, не теряя телесной крепости. Дурид (Самосский) сообщает, что некоторые инды сходятся с дикими зверями и их потомство становится полулюдьми-полуживотными и что среди племени калингов в той же части Индии женщины беременеют в возрасте пяти лет и не живут дольше восьми, а в другой части (Индии) мужчины рождаются с волосатым хвостом и очень быстрыми, а иные целиком покрыты ушами.

Река Арабис разграничивает область индов и оритов¹⁴, здесь ничего не едят, кроме рыбы, которую они разрезают на куски ногтями и высушивают на солнце, а затем готовят из этих кусочков хлеб — так рассказывает Клитарх. (31) Кратет Пергамский сообщает, что троглодиты ("обитатели пещер"), проживающие выше Эфиопии, передвигаются быстрее, чем кони. А еще [он говорит], что есть эфиопы, рост которых превышает три с половиной метра, и что этот народ прозывается сирботами. Племя эфиопов-кочевников на север от реки Асраг

¹¹ Ср. Mela. I. 48: у блемиев нет голов, а лицо находится на груди" (Пер. А.В. Подосинова).

¹² Ср. Mela. I. 48: "У сатиров нет ничего человеческого, кроме внешнего вида" (Пер. А.В. Подосинова).

¹³ Возможно, ошибочное написание вместо правильного "пандеи".

¹⁴ Т.е. "горцев" — латинская транслитерация греческого слова, которое Плиний принял за имя собственное. См.: *Lassen Ch. Indische Altertumskunde. Bonn, 1849. Bd. II. S. 667; Вугасин А.А. Карта Индии в "Естественной истории" Плиния Старшего // ВДИ. 1999. № 1. С. 30.*

называется менисминами и располагается [на расстоянии] 22-х дней пути от [побережья] океана. Они питаются молоком животных, которых мы называем песьеголовыми пчелами, стада которых пасутся на пастбищах, и среди них они забивают самцов, оставляя некоторых для размножения. (32) В пустынях Африки внезапно являются привидения, которые при встрече с путниками тут же исчезают».

На первый взгляд экскурс Плиния представляет собой собрание полужанровых сведений, объединенных общей темой — *mirabilia et admiranda* удаленных от Средиземноморья варварских племен и народов. Как видно из рассказа Плиния, каталог варварских племен и народов включает в себя традиционный набор книжной информации, призванный акцентировать внимание читателей на присущих обитателям дальних стран необычных и удивительных чертах¹⁵. Усматривая свою задачу в последовательном перечне данных античной литературной традиции, Плиний обосновывает многообразие народов и племен проявлением "силы и величия природы"¹⁶.

Весьма распространенное и в наши дни мнение, что Плиний якобы без разбору и некритически использовал все имеющиеся у него под рукой источники, лишено серьезных оснований. Плиний отмечает, что, субъективно не доверяя части невероятных и удивительных сведений греческой нарративной традиции, он излагает подобные свидетельства со ссылкой на используемый источник, и это подтверждает достоверность сообщений. Обращает на себя внимание, что Плиний не приписывает себе чужих свидетельств и дистанцируется от сообщаемых им сведений, постоянно уточняя "говорят...", "имярек сообщает или передает, что...", "по словам имярека, ..." и т.п. Пожалуй, ни в одной из других книг Плиния не упоминается столько греческих и латинских авторов, среди которых многие известны лишь по отдельным сохранившимся фрагментам. Среди цитируемых Плинием греческих авторов — Гомер, Аристей Проконесский, Геродот, Ктесий Книдский, Аристотель, Евдокс Книдский, философ-стоик и грамматик II в. до н.э. Кратет Пергамский, александрийский эрудит II в. до н.э. Агатархий Книдский, Каллифан, один из проводников войска Александра

¹⁵ Romm J.S. *The Edges of the Earth in Ancient Thought. Geography, Exploration and Fiction*. Princeton: Univ. Press, 1992. P. 47–64.

¹⁶ См., например: "такие и подобные им различия народов и племен выдумала природа на забаву себе (*ludibria*) и нам на удивление. В самом деле, кто сможет составить перечень разнообразных вещей, которые природа творит ежедневно и почти ежечасно? Однако довольно распространяться о силе и величии (природы), что проявляется в многообразии народов и племен и причисляется к ее чудесам" (HN. VII. 2. 32).

Македонского Бэтон, парадоксограф III—II в. до н.э. Исигон Никейский, автор "Обычаев варваров" Нимфодор из Амфиополя, географ I в. до н.э. и автор "Перипла Европы" Аполлонид, Филарх, Дамон из Византия, Мегасфен, Онесикрит, Клитарх, Артемидор, Дурид Самосский, а среди латинских — римский эрудит и антиквар Варрон Атацинский, Цицерон и никому не известный Таврон¹⁷.

Свой экскурс Плиний начинает с упоминания о *скифах-антропофагах*, которых он ранее поместил среди северочерноморских народов, причислив к европейским скифам (VI. 16; 19; 53; 80; 88). Скифов-антропофагов Плиний локализует на севере, "на расстоянии десяти дней пути выше реки Борисфен" (§ 12) и, ссылаясь на эллинистического парадоксографа Исигона, сведения которого перекликаются с данными Геродота (IV. 64), приписывает скифам варварский обычай пить из человеческих черепов и носить на груди скальпы врагов. Мифопоэтическая версия о *киклопах* и *лестригонах*, обитавших на Сицилии и (если принять конъектуру П. Ардуина) в самой Италии, является неотъемлемым компонентом устоявшейся греческой этногеографической традиции. Мифические великаны-киклопы (букв. "круглоглазые") с одним глазом посередине лба, известные уже Гомеру (Od. IX. 105–542) и Гесиоду (Theog. 139–146),

¹⁷ При этом бросается в глаза, что Плиний ни разу не упоминает своего современника — Помпония Мелу, который первым из римлян в сочинении *De chorographia* (середина I в. н.э.) дал наиболее полное описание живущих на краю ойкумены варваров. Вовсе не исключено, что Плиний пренебрег "Хорографией" Мелы и опирался в основном на свидетельства греческих источников, содержавших традиционную книжную информацию, к которой в свою очередь обращался и Мела. На возможность использования обоими авторами общих источников указывает то, что излагаемые ими сведения о фантастических народах иногда совпадают вплоть до мельчайших деталей (ср.: *Plin.* HN. VII. 23 и *Mela.* I. 23; 42–48). В качестве примера подобных совпадений можно указать на упоминаемых у Плиния (со ссылкой на Гомера) пигмеев или сатиров, ассоциируемых у автора "Естественной истории" с племенем безголовых людей, у которых глаза расположены на плечах (§ 23). Скорее всего в данном случае речь идет о человекообразных обезьянах или павианах; аналогичным образом, обитающие в Восточной Индии сатиры, по словам Плиния (§ 24), являются животными "наподобие людей", которые вызывают удивление у местного населения своей необычной внешностью. См. также: *Puskas I., Kadar Z. Satyrs in India* // *Acta classica Univ. Scient. Debreceniensis*. 1980. T. XVI. S. 9 sq. Об общих источниках Помпония Мелы и Плиния Старшего в связи с описаниями варварских племен см.: *Silberman A. Le premier ouvrage latin de géographie. La Chorographie de Pomponius Mela et ses sources grecques* // *Klio*. 1989. № 71. S. 571–581; *Подосинов А.В.* Описание народов Восточной Европы и Средней Азии у Помпония Мелы // *Он же.* Проблемы исторической географии Восточной Европы (античность и раннее Средневековье). Lewiston; Queenston; Lampeter, 2000. P. 77 — 87.

выступают у Вергилия в качестве подручных Гефеста в недрах сицилийской Этны, где они куют колесницу Марса, эгиду Паллады и доспехи Энея (Aen. VIII 416 — 453; ср. также: *Cic.* In Verr. II. 5. 146; *Tibull.* IV. 1. 56; *Ovid.* Met. XIV. 160-161). Схожим образом на Сицилии Плиний помещает и мифическое племя великанов-людоедов — лестригонов, с которыми столкнулся гомеровский Одиссей и его спутники (Od. X. 80—132). Более того, еще "недавно" (nuper) *галльские друиды*, продолжает Плиний, ужасали римлян обычаем человеческих жертвоприношений; о варварском обычае галлов и других северных народов сохранились свидетельства Цезаря (BG. VI. 16), Цицерона (Pro Font. 31), Страбона (IV. 4. 5. С 198) 18.

Следующими в перечне племен стоят *аримаспы*, ранее упомянутые Плинием в IV. 88 и в VI. 50. Легендарные свидетельства об "одноглазых" аримасах, воюющих из-за золота со сторожащими его грифами, хорошо сохранились в античной традиции и восходят к эпической поэме VI в. до н.э., приписываемой Аристею Проконнесскому (*Herod.* III. 116; IV 13; 27; *Mela.* II. 1, 12; *Gell.* IX. 4, 6; *Solin.* XV. 20 — 23) 19. Плиний локализует племя аримаспов на севере и, согласно античной литературной традиции, возле "края земли", где зарождается северный ветер Борей, иными словами, на побережье Скифского океана 20. Далеко на востоке, "за другими скифами-антропофагами" (§ 11) (т.е. за азиатскими скифами, живущими за Каспийским морем — *Mela.* III. 59; *Plin.* HN. VI. 53), предположительно в районе Гималаев (гора Имав) 21 — между хребтами Паропанисом на западе и Эмодом на востоке (ср.: *Ptol.* Geogr. VI. 14, 1; 15. 1) — в горной стране под загадочным названием Абаримон Плиний локализует племя *лесных людей с вывернутыми назад ступнями*, кото-

¹⁸ В 216 г. до н.э. в Риме на Бычьем рынке вопреки установленному обычаю, по свидетельству Ливия, были закопаны живыми галл с соплеменницей (*Liv.* XXII. 57. 6; ср.: *Plin.* HN. XXVIII. 12). Человеческие жертвоприношения у галльских друидов практиковались еще при императоре Тиберии (*Plin.* HN. XXX. 13) и окончательно прекратились в период правления Клавдия (*Suet.* Claud. 25. 5).

¹⁹ *Иванчик А.И.* О датировке поэмы "Аримаспея" Аристея Проконнесского // ВДИ. 1989. № 2. С. 29-49 = *Ivantchik A.* La datation du poème l'Arimaspée d'Aristéas du Proconnèse // L'Antiquité Classique. 1993. T. 62. P. 35-67.

²⁰ Ср.: *Strabo.* XI. 6. 2. С 507: "Старинные греческие историки называли все северные народности общим именем скифов или кельтоскифов. Однако еще более древние историки установили различие между ними, называя племена, жившие над Евксинским Понтом, Истром и Адриатическим морем, гиперборейцами, савроматами и аримаспами" (*Пер. Г.А. Стратановского*).

²¹ *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997. С. 252 и след.

рых, судя по описанию, можно идентифицировать как опистодактилей Страбона (II. 1. 9; ср. также: *Gell.* IX. 4, 6; *Aug.* Civ. Dei. XVI. 8) 22. Перечень племен Северной Азии завершается упоминанием *народа Кавказской Албании*, которые ("ночью видят лучше, чем днем", "рождаются седыми" и т.п. — § 12) (ср.: *Gell.* IX. 4, 6; *Solin.* XV. 5), и *савромат*, локализуемых на расстоянии 13-ти дней пути выше реки Борисфена (ср.: *Herod.* IV. 21 — савроматы занимают пространство на 15 дней пути от угла Меотиды к северу). Савроматы — этнически близкое скифам ираноязычное племя, локализуемое со времен Геродота северо-восточнее Меотиды (Азовского моря) и на левобережье Танаиса (совр. Дон) (*Herod.* IV. 21, 57, 102, 110-117, 119-120, 122-123, 128, 136) 23.

Далее речь идет о варварских племенах и народах, обитавших в Южной Азии и Северной Африке. Прежде всего, это *офиогены* (букв. "змеерожденные"), населявшие малоазийское побережье Геллеспонта около Парiona (ср.: *Strabo.* XIII. 1. 14. С 588) и обладавшие "чудесными" способностями излечивать змеиные укусы. Латинский грамматик начала VI в. н.э. Присциан, приводя свидетельство Варрона (Grammatici Latini. II. 524. 7, *Keil*), отождествляет офиогенов с париями и африканскими *псиллами*, которых Плиний помещает на ливийском побережье залива Большой Сирт и считает знатоками по излечению укушенных ядовитыми змеями (о псилах см. также: *Lucan.* IX. 893-901; *Plin.* HN. VIII. 93; XXVIII. 30; *Solin.* XXVII. 41-42). Соседний с псиллами народ — африканские *насамоны*, обладающие теми же "удивительными" способностями, что и древнеиталийское племя *марсов*, по словам Плиния, потомков волшебницы Кирки (ср.: *Plin.* HN. XXV. 11; *Gell.* XVI. 11.1-2; *Solin.* II. 27). Затем следуют африканские *махлии*, особенность которых состоит в том, что они являются женоподобными мужчинами (= андрогианами). Скорее всего, весь этот перечень кочевых племен побережья Северной Африки — псилов (= офиогенов), насамонов, махлиев — восходит к свидетельствам Геродота (IV. 172—173, 178, 180), которые со временем были трансформированы античной литературной традицией. Так, исчезновение псилов и захват их земель насамонами Геродот объ-

²² Сведения Плиния (как и Страбона) восходят к свидетельствам Мегасфена (IV в. до н.э.), который несомненно побывал в Северо-Западной Индии, где мог получить необходимую информацию и, в частности, одним из первых упомянуть об опистодактилях (*Strabo.* II. 1. 9. С 70). См.: *Бухарин М.Д.* Мегасфен в Индии // Древний Восток и античный мир. М., 1998. С. 103-113.

²³ Подробнее о геродотовой традиции относительно локализации савроматов (с указанием научной литературы) см.: *Доватур А.И. и др.* Народы... С. 363-365.

ясняет (в отличие от версии Плиния) естественными причинами — разразившейся песчаной бурей, вызвавшей, очевидно, голод и неурожай (IV. 173); упоминание Плиния о махлиях-андрогидах вызывает в памяти аналогичное сообщение Геродота о женоподобных скифах-энареях, профессиональных гада-телей (IV. 67, 105)²⁴. Что касается индийских племен, то подробно рассмотренные М.Д. Бухариным сведения Плиния о *пандах* (= *мандах*) при сопоставлении с информацией о *"песьеголовых"* (индийском народе карушей) позволили ему определить историческое местонахождение страны Пандайи, упоминаемой в античной этногеографической традиции²⁵. В свою очередь *скириты* и живущие в горах *пигмеи* Плиния надежно идентифицируются как гималайский народ кираты: этих карликов Мегасфен — источник Плиния — мог видеть при дворе индийского царя Чандрагупты²⁶.

Исходя из сказанного выше, можно считать, что экскурс Плиния, следуя устоявшимся литературным канонам греческой этнографии, в плане содержания основывался зачастую на местном материале и в определенной мере отражает реалии, приобретшие со временем "сказочный" характер. Пестрое собрание разного рода курьезов, характерное для античной этногеографической традиции о "варварских" народах и сопровождаемое ссылками на источники, одновременно резко контра-

стирует с последующим содержанием VII книги, что создает необходимый Плинию риторический эффект. Экскурс Плиния о варварских племенах и народах, населяющих окраины ойкумены, композиционно противостоит завершающему VII-ю книгу описанию выдающихся римских политиков и полководцев. Таким образом Плиний достигает одновременно двух целей. С одной стороны, преследуя дидактические задачи "пользы", он не забывает о занимательности (ср. *Strabo*. XI. 6. 3. С 508: "доставить удовольствие и удивить читателей"), с другой — подчеркивая отличия римлян от варваров, "своих" от "чужих", формирует предпосылки для сугубо римской идентичности. Все это побуждает рассматривать труд Плиния не только как богатейшее собрание исторических свидетельств утерянных для нас греческих и латинских авторов, но еще и как самобытное произведение словесности, демонстрирующее творческий характер компилятивной деятельности и риторическое мастерство автора.

²⁴ См.: Доватур А.И. и др. Народы... С. 305; Дюмезиль Ж. Скифские "энареи" и беременность нарта Хамыца // *Он же. Осетинский эпос и мифология*. М., 1976. С. 132—137. Ж. Дюмезиль, в частности, приводит два взаимоисключающих толкования: согласно одному, у Геродота описан плохо понятый им обычай кувады, а по другому, в соответствии с наблюдениями современных этнографов, у народов Северо-Восточной Сибири шаманы нередко изображают превращение в женщину и даже начинают вести себя по-женски. Вывод Ж. Дюмезиля — Геродот в данном случае смешивает подлинно скифское предание и свои собственные домыслы. Подробнее о критериях достоверности у Геродота см.: Hose M. Am Anfang war die Lüge? Herodot, "der Vater der Geschichtsschreiber" // *Grosse Texte alter Kulturen* / Hrsg. v. M. Hose. Darmstadt, 2004. S. 153-173 (с обширной библиографией).

²⁵ Бухарин М.Д. Первые индийские царские династии в эпической, пуранической и античной литературной традициях // ВДИ. 2001. № 4. С. 99—103. По мнению автора статьи, сведения о "песьеголовых" могли быть заимствованы античной литературной традицией из сочинения Геродота, который помещал "песьеголовых" во внутренних областях Ливии (IV. 191). Геродот одним из первых сообщил о народе "падеев" в Индии (III. 99). Как справедливо полагает М.Д. Бухарин, на основе смешения индийских и эфиопских (африканских) реалий идея о "песьеголовых" могла быть перенесена Ктесием на индийскую почву и воспринята последующей греческой традицией.

²⁶ Вигасин А.А. Карта Индии в "Естественной истории" Плиния Старшего // ВДИ. 1999. № 1. С. 37.

С.М. Перевалов

АЛАНСКИЙ НАБЕГ 136 г. н.э. В СТРАНЫ ЗАКАВКАЗЬЯ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ*

Набег аланов в Закавказье в конце правления императора Адриана (117 — 138) занимает особое место в историографии, так как он значительно лучше, чем другие подобные предприятия, освещен в источниках. Хотя и немногочисленные, но разноплановые, они позволяют восстановить события с необычной для периферии античного мира полнотой и детализацией. Тем самым появляется надёжная основа для оценки ситуации в этом регионе, моделирования римской стратегии, реконструкции кавказской политики Рима в целом. Именно эти наиболее принципиальные и спорные вопросы рассматриваются в настоящей статье.

Источник: Кассий Дион 1. Краткое, но насыщенное информацией сообщение о набеге содержит пассаж из "Истории" Кассия Диона (*Dio Cass.* 69. 15. 1). Оригинал 69-й книги утерян, и интересующий нас фрагмент сохранился в трех версиях: 1) "Извлечениях о посольствах" (*Excerpta de legationibus*) императора Константина Порфирородного (908 — 959), 2) "Эпителие римской истории Диона Никейского" Иоанна Ксифилина, составленной в 1071 — 1078 гг., 3) "Всемирной эпителие истории" Иоанна Зонары (первая половина XII в.). Этот фрагмент был детально исследован и восстановлен более ста лет назад У.Ф. Буассевэном на основе Ксифилина и *Excerpta*.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №04-01-37002а/Ю.

¹ Полное имя римского историка восстановлено по подписям именно в таком виде: Клавдий Кассий Дион Кокцейян. См., в частности. *Ameling W. Cassius Dio und Bithynien* // EA. 1984. 4. S. 123.

² *Boishevain U.Ph. Ein verschobenes Fragment des Cassius Dio (75. 9. 6) // Hermes. 1890. 25. S. 329-339; Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum Quae Supersunt / Ed. U.Ph. Boishevain. Berolini, 1955 (repr.). Vol. III. P. 235; Flavii Arriani Quae extant omnia / Ed. A.G. Roos et G. Wirth. Lipsiae, 1968. Vol. II. Te. 12. Предполагается, что Ксифилин и составитель *Excerpta* использовали Диона напрямую, а Зонара для книг с 68-й по 80-ю — через Ксифилина. См.: *Millar F. A Study of Cassius Dio. Oxford, 1964. P. 2-3. Not. 3; Wheeler E. A New Book on Ancient Georgia: A Critical Discussion // The Annual of the Society for the Study of Caucasia. 1994-1996. № 6/7. P. 67. Cp.: Bosworth A.B. Arrian and the Alani // HSCP. 1977. P. 218. Not. 4 ("The text [...] must derived from Dio").**

Контаминированный его текст выглядит так (*Xiph.* 251. 27-252. 1 R. St., Exc. U^R 17 (P. 414) = *Zon.* XI. 23, 24. P. 519, 1-5B (P. 75.5-10D)):

ὁ μὲν οὖν τῶν Ἰουδαίων πόλεμος ἐς τοῦτο ἐτελεύτησεν, ἕτερος δὲ ἐξ Ἀλανῶν (εἰσὶ δὲ Μασσαγέται) ἐκινήθη ὑπὸ Φαρασμάνου, καὶ τὴν μὲν Ἀλβανίδα καὶ τὴν Μηδίαν ἰσχυρῶς ἐλύπησε, τῆς δ' Ἀρμενίας τῆς τε Καππαδοκίας ἀψάμενος, λείπει τῶν Ἀλανῶν τὰ μὲν δώροις ὑπὸ τοῦ Οὐλογοαῖσου πεισθέντων, τὰ δὲ καὶ Φλάвиον Ἀρριανόν τον τῆς Καππαδοκίας ἀρχόντα φοβηθέντων, ἐπαύσατο.

Ἀλανῶν dedi ex VC (ἀλαβανῶν sed βα lineola inductum C) et U^R (in marg. αλβανῶν m² V), (per λ Zon. A, per λβ Zon. BCE^c), cf. ad v. 4 Μασσαγέται Zon., μασαγέται VC, μεσσαγέτων U^R V, μεσαγέτων U^RBM Φαρασμάνου] ita quoque § 2.3, Arg. *per.* 11,2, *Farasmanes v. Hadr.* 13, 9 (*feras manis* gen. C. V), *frasmanes* 17, 12, cf. quoque ad 58, 26, 4 τὴν μὲν Ἀλβανίδα καὶ τὴν μὲν Μηδίαν scripsi dubitans ex U^R (καὶ τὴν αλβανίδα καὶ τὴν μημίδα VBM, μηδίαν m² in marg. V), τὴν μὲν Μηδίαν VC, ad rem cf. *Herrn.* 25 (1890) P. 337 Ἀλανῶν dedi ex VC Zon. A U^RVBM (sed β inserunt m² in V, m¹ in B), αλβανῶν Zon. BCE^c Οὐλογοαῖσου VC, βολογοαῖσου U^R, rex Armeniae videtur, cf. v. Gutschmid *Gesch. Irans* p. 147, *Herrn.* 25. P. 336 sq. ἐπαύσατο Zon., ἐπαύσαντο VCU^R.

"Как только закончилась Иудейская война, тотчас Фарасман побудил аланов (они же массагеты) начать другую, [которая] сильно опустошила Албанию и Мидию, затронув Армению и Каппадокию. Прекратилась же она после того как, с одной стороны, аланы были умиротворены дарами Вологеса, а с другой — устрешили Флавия Арриана, правителя Каппадокии".

Кассий Дион Кокцейян (ок. 160 — 235) — крупный римский государственный деятель, талантливый администратор, консул 229 г., уроженец (как и Арриан) Вифинии. Он хорошо знал малоазийские дела, изучал творчество Флавия Арриана, даже составил не дошедшую до нас биографию (βίος) писателя (*Suda*. s.v. Δίων ὁ Κάσσιος)⁴, так что его компетентность в интересующем нас вопросе не вызывает сомнений. Некоторые трудности при анализе его текста создает состояние рукописной тради-

³ *Ameling W. Op. cit. S. 129-130; Cp.: Millar F. Op. cit. P. 6; Wheeler E. A New Book on Ancient Georgia. P. 67.*

⁴ Ф. Миллар с сомнением относится к утверждению словаря Суды о том, что Дион написал биографию Арриана, не приводя, однако, никаких серьезных доводов. См.: *Millar F. Op. cit. P. 70. Cp.: Bowie E.L. Greeks and Their Past in the Second Sophistic // PP. 1970. 46. P. 17. Not. 46; Wheeler E. A New Book on Ancient Georgia. P. 67.*

ции, в особенности относящейся к чтению "аланы/албаны" и Албании.

Издатели греческого текста Зонары 11. 24 (M. Pinder, 1846), а за ним и Диона 69. 15. 1 (L. Dindorf, 1865) принимали необязательное чтение "албаны", как в большинстве рукописей византийского историка (αλβάνων Zon. BCE⁵): отсюда "албаны" перекочевали в текст Диона Кассия, использованного В.В. Латышевым (SC. I. С. 495), который механически воспроизводился вместе с устаревшим комментарием о происхождении албанов от массагетов вплоть до недавнего времени⁶. Но древнейшая рукопись Зонары, Parisiensis Regius 1715 (1289 г.), содержит именно 'Αλάνων (см. выше, apparatus criticus), поэтому даже для Зонары, не говоря о Дионе, исправление "албанов" на "аланов" ныне принято всеми⁷ и не требует отдельных рассуждений⁸ якобы имевшем место "смещении" Дионом албанов с аланами или "неточностях перевода".

Вторая "неточность" имела более серьезные последствия для отечественной историографии. Важнейшим, после "албанов", недостатком как текста Л. Диндорфа, так и основанных на нем русских переводов (К. Гана⁹ и В.В. Латышева) является исключение из списка захваченных нападением аланов стран Албании¹⁰. При переиздании SC в конце 40-х годов XX в. составители снабдили текст Диона указанием на критическое издание У.Ф. Буассевэна¹¹. Но почти никто из специалистов им не воспользовался, и Албания по-прежнему выпадает из поля зрения историков и археологов¹².

⁵ См., например: Кавказ и Дон в произведениях античных авторов / Сост. В.Ф. Патракова, В.В. Черноус. Ростов н/Д., 1990. С. 351.

⁶ Wheeler E. A New Book on Ancient Georgia. P. 76. Not. 59.

⁷ Кузнецов В.А. Очерки истории алан. 2-е изд., доп. Владикавказ, 1992. С. 49.

⁸ Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. Проблемы этносоциальной истории. Владикавказ, 2001. С. 142.

⁹ Ган К. Известия древних греческих и римских писателей о Кавказе. Тифлис, 1884. Ч. 1. С. 173.

¹⁰ См. перевод соответствующего места у В.В. Латышева: "война [...] сильно потрясла Мидию, коснулась также Армении и Каппадокии".

¹¹ Cassii Dionis Cocceiani Historiarum Romanorum Quae Supersunt / Ed. U.Ph. Boissevain. Berolini, 1895-1901. Vol. I-IV. См.: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1948. № 2. С. 268.

¹² Среди них авторы обобщающих работ: Гаглойта Ю.С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966. С. 82; Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 87; Кузнецов В.А. Указ. соч. С. 48-49; Габуев Т.А. Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999. С. 37; Гутнов Ф.Х. Ранние аланы. С. 107, 142 (где вариант перевода с "Албанией" дан на равных с другими). К.В. Тревер утверждает, что у Диона Кассия Албания не упоминается, но что предположение Т. Моммзена об

Фрагмент 69. 15. 1 является отправной точкой для наших выводов о произошедших событиях. Другие фрагменты "Истории" Кассия Диона, как и остальные источники по войне 136 г. (Арриан, Фемистий, Иоанн Лид, Мешихазеха), будут рассмотрены по ходу изложения.

Датировка набега. Кассий Дион увязывает начало аланского набега с окончанием второй Иудейской войны (восстание Бар-Кохбы), а ее хронология, основанная на еврейских, античных и раннехристианских источниках, активно дебатруется в науке. Сейчас утвердилась дата 132—135/6 гг.¹³, по времени совпадающая с хорошо документированным каппадокийским наместничеством Арриана в 131 — 137 гг.¹⁴ Нас интересует последний год восстания. Г. Алон, специально занимавшийся этим вопросом, пришел к выводу, что восстание скорее всего завершилось между апрелем и декабрем 135 г.¹⁵ 135 год — наше ante qua non для аланского набега. С другой стороны, "Тактика" Арриана, написанная в 20-м году правления Адриана (Tact. 44. 3), т.е. в 136/137 г., уже содержит аллюзии на кампанию против аланов (Ibid. 4. 3; 4. 7)¹⁶ — это дата post qua non. Выбор невелик: 135 или 136 год. В предыдущих работах мы придерживались более ранней даты. Но В. Эк привел веские доказательства в пользу того, что Адриан был провозглашен императором во второй раз, как отмечено в надписях, за победу в Иудейской войне не в 134 г.¹⁷ и не во второй половине 135 г.¹⁸, а в 136 г.¹⁹ Хотя Э. Уилер не считает это достаточной причиной для передатировки алан-

этом правдоподобно. См.: Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. — VII в. н.э. М.; Л., 1959. С. 131.

¹³ Морев М.П. Восстание Бар-Кохбы: последний акт национально-освободительной борьбы иудейского народа в античности. Саратов, 1998. Деп. в ИНИОН № 53418. С. 6.

¹⁴ Halfmann H. Die Senatoren aus dem östlichen Teil des Imperium Romanum bis zum Ende des 2. Jh. n. Chr. Göttingen, 1979. S. 146 (131/32—137/38 гг.); Remy R. L'évolution administrative de l'Anatolie aux trois premiers siècles de notre ère. Lyon, 1986. P. 74 (131/132-136/137 гг.).

¹⁵ Alon G. The Jews in their land in the Talmudic Age (70-640 CE.). L., 1989. P. 577. Ср. мнение Д. Браунда, который полагает возможным отнести пассаж 69. 15. 1 ко времени Антонина Пия (138—161), что противоречит всей совокупности данных об этом событии. См.: Braund D. Hadrian and Pharaomanes // Klio. 1991. № 73, H. 1. P. 217. Not. 50.

¹⁶ Stadter Ph.A. The Ars Tactics of Arrian: Tradition and Originality // CPh. 1978. Vol. 73, № 2. P. 124; Wheeler E. The Occasion of Arrian's Tactics // GRBS. 1978. Vol. 19, № 4. P. 361.

¹⁷ Bosworth A.B. Arrian and the Alani // HSCP. 1977. P. 218. Not. 5.

¹⁸ Birley A.R. Hadrian: The Restless Emperor. L.; N.Y., 1999. P. 275.

¹⁹ Eck W. The Bar Kokhba Revolt: The Roman Point of View // JRS. 1999. № 89. P. 87-88.

ской кампании Арриана со 135 на 136 г.²⁰, мы склонны принять именно вторую дату. Кассий Дион ясно пишет, что до самого конца восстания в Иудее шли жестокие бои (*Dio Cass.* 69. 12—14), и война "окончилась" (ἐτελεύτησεν) к началу аланского набега. Даже вторая половина года (если вести речь о 135 г.) — неудачное время для начала похода. Перевалы Кавказа открываются весной, набег мог занять летние и осенние месяцы 136 г., а возвращение аланов на северокавказскую родину Дарьяльским путем (см. ниже), скорее всего, состоялось до наступления зимних холодов. Арриан имел достаточно времени, чтобы вставить "сармато-аланские" пассажи в свой тактический трактат.

Фарасман. Набег аланов был инициирован Фарасманом II, царем закавказской Иберии (Картли, Восточная Грузия) в 30—50-е годы II в.²¹ Против кого? Кто был его врагом? Возможны такие ответы²²: 1) Албания — его восточный сосед; 2) Мидия Атропатена либо ее сюзерен Парфия; 3) Армения; 4) Рим.

Наиболее пристальное внимание историков привлекла версия о конфликте с Римом. В "Scriptores Historiae Augustae" сохранились сведения о том, как Фарасман "высокомерно" (*superbe*) отказался от приглашения Адриана прибыть к нему на торжественный прием местных династов во время восточной поездки императора²³ (SHA: Hadr. XIII. 9; XXI. 13; ср.: SHA: Ant. Pius IX. 6). Адриан в отместку одел в подаренные Фарасманом

²⁰ *Wheeler E. The Legion as Phalanx in the Late Empire (I) // L'armée Romaine de Dioclétien à Valentinien Ier. Actes du Congrès de Lyon (12-14 septembre 2002) / Rass. et éd. par Y. Le Bohec et C. Wolff. Lyon, 2004. P. 309. Not. 1.*

²¹ *Меликишвили Г.А. Список царей древней Картли (Иберии) // Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 165—166, 168. Примеч. 28.*

²² Мы не рассматриваем версии, не имеющие опоры даже в переводных источниках, в частности версию В.Б. Виноградова о едином иберо-алано-армянском фронте против Рима и Парфии одновременно: "Иберский царь Фарасман II организовал крупное вторжение алан на римские и парфянские владения. [...] Конечно, такое выступление было на руку Армении — давнему противнику Рима и Парфии в Закавказье". См.: *Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 171.* Согласно его выводу, получается, что Армения организовала нападение на саму себя.

²³ Время и место приема дебатировались: 131г., Сатала (*Magie D. Roman Rule in Asia Minor to the End of the Third Century after Christ. Princeton, 1950. Vol. I. P. 621; Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 228*); 129 г., Самосата (*Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 211*); 129 г., Мелитена либо Самосата, менее вероятно — Сатала (*Birley A.B. Op. cit. P. 225*). Совсем неприемлема версия, будто Фарасман отказался приехать в Рим. См.: *Гюргадзе Г.Г., Шифман И.Ш. К интерпретации армазской билингвы (строки 7—8 арамейскографического текста) // ВДИ. 1988. № 4. С. 178.*

золотые хламиды преступников (SHA: Hadr. XVII. 10—12). Среди конкретных причин возможных трений между ними Г.А. Меликишвили называл территориальную экспансию Иберии, ущемлявшую римские интересы. По его мнению, "основной причиной несогласий между Фарасманом и Адрианом, упорного нежелания Фарасмана посетить Адриана было непризнание последним территориальных завоеваний царя Иберии"²⁴. Речь идет о землях Колхиды (совр. Западная Грузия), одно из племен которой, зидриты, подпали к началу 130-х годов под власть Фарасмана (*Φαρασμάνου οὗτοι ὑπῆχον* — *Arr. Reg. I. 2, Roos*)²⁵. "Непокорность" Иберийского царства, стремление Фарасмана вести независимую от Рима политику отмечали многие историки²⁶. В этом контексте набег 136 г. трактовался как открытое "враждебное выступление против Рима"²⁷.

Принципиально иную трактовку взаимоотношений Адриана и Фарасмана дает Д. Браунд. В источниках не объясняется отказ Фарасмана прибыть к Адриану: причина могла быть уважительной²⁸. Если и был конфликт, то скорее личного свойства, вызванный, может быть, ироническим отношением Адриана к требованиям этикета (черта, подмеченная Р. Саймом)²⁹, и кратковременный. Ведь в "Scriptores Historiae Augustae" сообщается, что неприбывшие по приглашению цари вскоре "пожалели об этом" (SHA: Hadr. XIII. 9). Демарш Фарасмана не изменил характера римско-иберийских отношений: "В албанах и иберах он (Адриан. — *СII.*) имел самых верных друзей (*Albanos et Hiberos amicissimos habuit*), так как их царей он щедро одарил, хотя они и отказались прибыть к нему" (*Ibid. XXI. 13*). Щедрые, богаче, чем другим царям (*nulla maiora quam Hiberorum*), дары Фарасману, в их числе слон (царское животное, по воззрениям древних) и полусотенная когорта (*quingagenaria cohors*) (*Ibid. XVII. 11*), говорят сами за себя. Эпизод с золотыми

²⁴ Ломоури Н.Ю. Грузино-римские взаимоотношения. Тбилиси, 1981. Ч. I: Политические взаимоотношения. С. 202.

²⁵ Меликишвили Г.А. Усиление Картлийского царства (Иберии) в I—II вв. н.э. // Очерки истории Грузии / Ред. Г.А. Меликишвили, О.Д. Лордкипанидзе. Тбилиси, 1989. Т. I: Грузия с древнейших времен до ГУ. н.э. С. 321.

²⁶ Амиранашвили А.И. Иберия и римская экспансия в Азии (К истории древней Грузии) // ВДИ. 1938. № 4. С. 173; *Гюргадзе Г.Г., Шифман И.Ш. Указ. соч. С. 178; Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 228; Stadter Ph.A. Arrian of Nicomedia. Chapel Hill, 1980. P. 47-48.*

²⁷ Ломоури Н.Ю. Грузино-римские взаимоотношения. С. 194.

²⁸ Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 213.

²⁹ Syme R. Hadrian and the Senate // *Athenaeum*. 1984. 62. P. 50 (= RP. IV. P. 315); Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 211.

хламидами не внушает доверия и может быть отнесен на счет враждебной Адриану традиции, использованной его биографом в SHA³⁰. Что особенно важно, в SHA нет и намека на то, что "обмен любезностями" Адриана и Фарасмана перерос³¹ в войну. Тремя годами позже (ок. 132 г.) пять римских когорт³² находилось в прибрежном Апсаре (Агг. Рег. 6. 2)³². Пять когорт — необычно высокая концентрация сил в одном пункте, но увязывать это с предполагаемым обострением римско-иберийских отношений необязательно. Апсарский гарнизон упомянут Аррианом вне связи с расширением границ царства Фарасмана за счет зидритов (Ibid. 11.2), так что он мог предназначаться для похода против беспокойных сванов (Ibid. 11. 1—2) либо для других целей³³.

Если не воспринимать взаимоотношения Адриана с Фарасманом как политическую конфронтацию, остается то самое сообщение Кассия Диона об аланском набеге (69. 15. 1). Э. Босворт совершенно справедливо замечает, что из него никоим образом нельзя вывести³⁴ заключение, будто Фарасман призвал аланов против Рима³⁴. Первыми жертвами нападения стали Албания и Мидия, находящиеся в стороне от римской Каппадокии. Общую границу Иберия имела только с Албанией. Ее враждебные отношения с Иберией отмечают как античные, так и закавказские источники, поэтому иберо-албанские противоречия признают причиной конфликта многие исследователи³⁵.

³⁰ Syme R. Hadrian and the Vassal Princes // Athenaeum. 1981. 59. P. 280-281.

³¹ Имеются в виду когорты вспомогательных войск: Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 228; Снейдел М.П. Древнейший манускрипт с территории СССР. Письмо из римской крепости Апсар // ВДИ. 1985. № 4. С. 176-179; Мамуладзе Ш.Х., Халваши М.С., Асланишвили Л.Г. Римские гарнизоны Апсара // ВДИ. 2002. № 1. С. 33-39.

³² Апсар принято отождествлять с современным с. Гонио. См.: Качава Д.Д., Квириквелия Г.Т. Города и поселения Причерноморья античной эпохи. Малый энциклопедический справочник. Тбилиси, 1991. С. 31; Агл'ел. Périple du Pont-Euxin. Texte ét. et trad. par A. Silberman. P., 1995. P. 27. Not. 29; Воронов Ю.Н. Древняя Аспилия. Источники, историография, археология. Сухум, 1998. С. 42. Ср.: Wheeler E.L. From Pityus to Zeugma: The northern sector of the eastern frontier 1983-1996 // Roman Frontier Studies. Proceedings of the XVIIth International Congress of Roman Frontier Studies. 2000. P. 217.

³³ Снейдел М.П. Древнейший манускрипт... С. 178.

³⁴ Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 219, 228; Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 218.

³⁵ Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 229 - 230; Braund D. Hadrian and Pharasmanes. P. 218; Нефёдкин А.К. Кампания Арриана по отражению аланского набега на Каппадокию в 135 г. // Скифский квадрат. Stratum plus. 1999. № 3. С. 174.

Определенный скепсис проявляет Э. Уилер, полагая вопрос о планах Фарасмана открытым, а тезис о длительной иберо-албанской вражде — недоказанным: из всех данных такого рода он принимает только свидетельство Тацита о войне конца 40-х годов I в. (Ann. XII. 45), отмечая все остальные³⁶. Как бы то ни было, у нас есть два точных указания на Албанию: неоспоримое у Диона и еще одно у Фемистия (Ог. 34. 8) о разрешении Аррианом иберо-албанского пограничного спора, что придает "албанской" гипотезе статус наиболее достоверной. Версии о конфликте Фарасмана с Мидией (Атропатена)³⁷, Парфией³⁸, Арменией³⁹ уже требуют обращения ко второму участнику коалиции — аланам.

Аланы. Фарасман инициировал войну, но вели ее аланы, и с ними, а не с иберийским царем воевали римляне. Что за аланы? Откуда?

Аланы как союзники иберов упомянуты еще в описании иберо-парфянской войны 35 г. Иосифом Флавием (Ant. Jud. XVIII. 97; ср. Tac. Ann. VI. 33-35, где они названы сарматами). Но само использование иберами и их соседями албанами в военных целях сарматских племен имеет более давнюю традицию: об этом как о постоянной практике пишет Страбон (XI. 4.5; ср.: Tac. Ann. VI. 33). Горную часть Иберии населяли "соседи и сородичи" (ὁμόροι καὶ συγγενεῖς) северокавказских скифов и сарматов; "в случае каких-нибудь тревожных обстоятельств они выставляют много мириадом воинов как из своих, так и из этих (т.е. сарматов. - *СII.*)" (Strabo. XI. 3. 3). Информация Страбона, свободная от обычных стереотипов восприятия варварских племен, пользуется у историков доверием⁴⁰. Отметим, что ни Страбон, ни Тацит в описании событий 35 г. не уточняют имени сарматов, северных соседей иберийцев: ни тот ни другой не говорят, что ими были аорсы, сираки или какие-то другие племена, хорошо им известные (Strabo. XI. 2. 1; V. 7—8;

³⁶ Wheeler E. A New Book on Ancient Georgia. P. 67 - 69.

³⁷ Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 219; Stadter Ph.A. Arrian of Nicomedia. P. 47; Isaac B. The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxford, 1990. P. 48.

³⁸ Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000. С. 64; Magie D. Op. cit. Vol. II. Notes. P. 1659.

³⁹ Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. IV в. до н.э. - VII в. н.э. М., аланские отношения (1-X вв.). Ереван, 1989. С. 69; Wheeler E.L. Legio XV Apollinaris: From Carnuntum to Satala - and beyond // Les legions de Rome sous le Haut-Empire. Actes du Congrès de Lyon (17-19 septembre 1998). Lyon, 2000. P. 296.

⁴⁰ Браунд Д. "Препарируя сарматов": проблемы источниковедческой и археологической методологий // ВДИ. 1994. № 4. С. 170.

Тас. Ann. XII. 15— 19). Надо полагать, что в последние века до нашей эры и в 1-й вв. н.э. к северу от входа в Дарьяльское ущелье⁴¹ обитала особая, не относящаяся к аорсам или сиракам группа сарматских племен. То, что этими сарматами были аланы (для времени Страбона — их предшественники), мы узнаем у Иосифа Флавия, работавшего в иной, нежели Страбон и Тацит, традиции⁴². Перемена имени может объясняться событиями начала I в.: сменой правящей племенной верхушки в смешанной сарматской конфедерации — аорсов на аланов. Совсем не является невероятным, что аорсы, направляясь на север Арала и Каспия, передвигались от Хорезма до кавказского региона и принесли с собой название "аланы"⁴³. Появление на Северном Кавказе аланов (точнее ⁴⁴ их имени) правильнее связывать не с племенной миграцией⁴⁴, а с культурной экспансией, в духе концепции, высказанной Аммианом Марцеллином: "Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя" (XXXI. 2. 13).

⁴¹ Дарьяльский проход издавна служил мостом между Иберией и Сарматией. Страбон из всех горных путей через Кавказ описывает только его, хотя и оставляет безымянным (XI. 3. 4). Этим же проходом под названием Каспийских ворот пользовались сармато-аланы в 35 г. (τας θύρας τας Κασπίας — *Jos. Flav. Ant. Jud. XVIII. 97*; via Caspiae — *Tac. Ann. VI. 33*). Плиний отстаивал название "Кавказские ворота" (HN. VI. 40), которое так и не прижилось. Поскольку Фарасман II пропустил аланов через свою страну, он должен был открыть им те же Каспийские ворота Дарьяла, что и его тезка, Фарасман I, столетием раньше: они не упомянуты у Диона (69. 15. 1), но встречаются в более позднем источнике, у Фемистия, где говорится о походе Арриана к Каспийским воротам (Or. 34. 8). О Каспийских воротах на Кавказе см.: *Hollis A.S. Statius' Young Parthian King (Thebaid. 8. 286-293) // GR. 1994. Vol. 41, № 2. P. 209-210*; *Перевалов С.М.* Арриан у ворот Кавказа // ПИФК. 2001. Вып. 10. С. 282-283.

⁴² *Перевалов С.М.* О племенной принадлежности сарматских союзников Иберии в войне 35 г.: три довода в пользу аланов // ВДИ. 2000. № 1. С. 203-210. Последующую дискуссию см.: *Скрипкин А.С.* О времени появления аланов в Восточной Европе и их происхождении (историографический очерк) // ИАА. 2001. Вып. 7. С. 15-40; *Симоненко А.В.* Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения // ВДИ. 2002. № 1. С. 107-109.

⁴³ *Ньоли Г.* Название алан в Сасанидских надписях: лингвистические и исторические размышления по поводу, противопоставления Ирана внешнего и Ирана внутреннего. Владикавказ, 2002. С. 38.

⁴⁴ Мы не располагаем историческими данными о переселении в этот период каких-либо новых групп кочевников. При всех расхождениях в методике выделения аланского материала археологи фиксируют массовый приток нового населения в район севернее Дарьяла временем не ранее III или IV в. См.: *Абрамова М.П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.). М., 1993. С. 191-201; *Габуев Т.А.* Ранняя история алан (по данным письменных источников). Владикавказ, 1999. С. 37, 55-66.

Пер. *Ю.Л. Кулаковского*); "Они объединились под одним именем, и все зовутся аланами вследствие единообразия обычаев, дикого образа жизни и одинаковости вооружения" (Ibid. 17). Это и позволяет говорить о преемственности между "скифо-сарматами" Страбона, алано-сарматами 35 г. и аланами 136 г.

В последние годы в отечественной литературе появилась интригующая, но мало обоснованная версия, будто аланский набег 136 г. вызван появлением в северокавказских степях новой волны переселенцев из Средней Азии — массагетов, известных еще Геродоту (I. 204-216). Коренным пороком гипотезы остается использование ее сторонниками старых переводов К. Гана и В.В. Латышева, где игнорируется Албания и набег начинается с Мидии⁴⁵. Правда, повод для рассуждений о "новом этносе" реален: это сообщение Диона (69. 15. 1) об "аланах, которые суть массагеты"; позже об аланах как о "древних массагетах" пишет и Аммиан Марцеллин (XXXI. 2.12; ср.: XXIII. 5.16). Ни тот ни другой не говорят, однако, о передвижении массагетов из мест первоначального расселения, а смешение этнонимов слишком часто встречается у древних и средневековых писателей, чтобы придавать этому значение непрерываемого свидетельства. Сообщение Аммиана Марцеллина полностью зависит от Кассия Диона⁴⁶, а Дион далеко не первым заговорил о массагетах на западе. Лукан (Phars. II. 50; ср.: III. 282-283)

⁴⁵ Ложная посылка приводит авторов к неверным, порой фантастическим выводам. По мнению Н.Е. Берлизова, аланы-массагеты шли с юго-востока, из Средней Азии, прорываясь через земли Закавказья на Северный Кавказ. См.: *Берлизов Н.Е.* Походы алан в Закавказье в первые века нашей эры: письменные и археологические свидетельства // ИАА. 1997. Вып. 3. С. 42-45. С.А. Яценко выводит аланов из той же Средней Азии, но северным путем вдоль берегов Каспийского моря, через Дербентский проход, минуя Иберию и аккуратно обходя основную территорию Албании. См.: *Яценко С.А.* "Бывшие массагеты" на новой родине — в Западном Прикаспии (II — IV вв. н.э.) // ИАА. 1998. Вып. 4. С. 87-88. О.М. Давудов на том основании, что аланы названы массагетами, посчитал, что «речь идет о племенах, создавших в Южном Дагестане и Северном Азербайджане средневековое "царство маскутов". Этим фактом и объясняется то, что Албания не упомянута при описании похода 135 г.». См.: *Давудов О.М.* Материальная культура Дагестана албанского времени (III в. до н.э. — IV в. н.э.). Махачкала, 1996. С. 244. Подробнее разбор этих версий см.: *Перевалов С.М.* Как создаются мифы (к ситуации в отечественном алановедении) // ИАА. 1998. Вып. 4. С. 98-99; *Он же.* Современное состояние аланских исследований в России (по поводу кн.: *Габуев Т.А.* Ранняя история алан по данным письменных источников. Владикавказ, 1999) // ВДИ. 2002. № 2. С. 213; *Он же.* Восстание дилетантов: российская историография на рубеже веков // Вестник ВНЦ. 2002. № 4. С. 6-7.

⁴⁶ *Alemany A.* Sources on the Alans: A Critical Compilation. Leiden; Boston; Köln, 2000. P. 34, 85 = *Алемань А.* Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003. С. 70, 131.

в 60-е годы помещал их на Дунае⁴⁷, Валерий Флакк (Argon. V.125) — на Кавказе близ тех же "Каспийских теснин". Использование Дионом Кассием слова "массагеты" — факт чисто литературный. Историческое существование народа массагетов закончилось их растворением среди дахов к III в. до н.э., тогда же "закончилась трехвековая история деградации их названия"⁴⁸.

Одно из правдоподобных объяснений тождеству аланов и массагетов предложил Э. Босворт. Дион как биограф Арриана наверняка был знаком с его трудами, в частности, с утерянной ныне "Аланской историей". Арриан, помимо того что лично встречался с аланами на поле боя, располагал материалом по племенам Средней Азии, собранным при создании "Анабасиса Александра", который и мог лечь⁴⁹ в основу теории происхождения аланов от древних массагетов⁴⁹. В любом случае "массагеты" Кавказа — это псевдо-историческая ученая конструкция, связавшая древнее наименование с новым племенем, а не показатель⁵⁰ реальной наследственной связи двух разных по судьбам народов⁵⁰.

Ход набега: южное направление. Независимо от планов иберийского царя, в ходе набега аланы преследовали собственную цель — военную добычу⁵¹. Их войско целиком состояло из всадников (только их учитывает составленная Аррианом "Диспозиция против аланов"), так что события разворачивались быстро. Использование аланами иберийской территории обеспечило, как можно понять, эффект внезапности. Албания, по словам Кассия Диона, была "опустошена", после чего аланы обруши-

⁴⁷ Б. Бахрах предполагал заимствование Дионом аланов-массагетов у Лукана (Phars. VIII. 222). Он же возражал против прямого отнесения аланов к массагетам. См.: *Bachrach B.S. A History of the Alans in the West*. Minneapolis, 1973. P. 18. Not. 38; *Бахрах Б.С.* Аланы на Западе. С. 168. Примеч. 38.

⁴⁸ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей. Древность и средневековье. СПб., 2004. С. 5. См. также: *Herrmann A.* Massagetai // RE. 1930. Bd. 14, 2. Sp. 2123-2129.

⁴⁹ *Bosworth A.B.* Arrian and the Alani. P. 252. Ср.: *Stadter Ph.A.* Arrian of Nicomedia. P. 48-49.

⁵⁰ Позднее массагетов стали отождествлять с прикавказскими маскутами. См.: *Тревер К.В.* Ук. соч. С. 188 — 197; *Toumanoff C.* Studies in Christian Caucasian History. Georgetown, 1963. P. 459 — 460; *Kouzesov V., Lebedynsky I.* Les Alains. Cavaliers des steppes, seigneurs du Caucase ier—XVe siècles ap. J. - C. P., 2005. P. 63-64.

⁵¹ О практике набегов за добычей у сарматов и аланов см.: *Нефёдкин А.К.* Стратегия сарматов в I — IV вв. н.э. по свидетельствам античных источников // Боспорский феномен: Греческая культура на периферии античного мира. Мат. науч. конф. СПб., 2001. С. 266 — 273; Он же. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н.э. — V в. н.э. СПб., 2004. С. 132-136.

лись на граничащую с Албанией Мидию (наверняка Мидия Атропатена)⁵², вторую по значимости (после собственно Парфии) область Парфянского государства, также подвергнув ее разгрому. Могли пострадать и близлежащие территории.

Возможным свидетельством вторжения аланов в северные области Парфии является "Арбельская хроника" клирика Мешихазехи, составленная на сирийском (арамейском) языке в VI в.⁵³ Согласно ей, правитель области Адиабены (Северная Месопотамия) христианин Ракбакт, "при Вологеше втором, царе партавов", т.е. парфянском царе Вологесе II/III (129-148)⁵⁴, погиб в бою с какими-то восставшими варварами во главе с неким Кизо, разорявшими Карду (Гордиену, совр. Курдистан). 20-тысячное готовое к бою пехотное войско парфян при этом находилось в своей столице Ктесифоне. Незнакомый противник прекратил военные действия, чтобы отразить нападение на их собственную страну "другого варварского народа", который и отступил после двухмесячных боев. В науке распространилось⁵⁵ мнение, что в варварах Кизо следует видеть аланов 136 г. Поэтому требуется дополнительное изучение памятника с целью выяснения надежности его источников: в случае с нашим эпизодом намечается армянский след⁵⁶, и возникает вопрос,

⁵² *Bosworth A.B.* Arrian and the Alani. P. 219.

⁵³ В немецком переводе: *Sachau E.* Die Chronik von Arbela // Abhandlungen der königlichen Preuss. Ak. d. Wiss. Jahrgang 1915. Philos.-hist. Kl. B., 1915. № 6. S. 34, 47-48. Хроника концентрирует внимание на церковных делах и весьма путано излагает внешние события. Она считалась сомнительным источником (*Chaumont M.-L.* L'Arménie entre Rome et l'Iran // ANRW. 1976. II, 9, 1. P. 145. Not. 408), однако ее аутентичность была подтверждена точной датой решительной победы Ардашира над Артабаном V Аршакидом 28 апреля 224 г. (*Bivar A.D.H.* Cavalry Equipment and Tactics on the Euphrates Frontier // DOP. 1972. 26. P. 275). К сторонникам аутентичности хроники Мешихазехи присоединился А. Алемань См.: *Aleman A.* Op. cit. P. 389-390 = Алемань А. Указ. соч. С. 500-502.

⁵⁴ По хронологии издателя - 77/78-146/147 гг. См.: *Sachau E.* Die Chronik von Arbela. S. 34. О проблеме нумерации царей с именем Вологес см.: *Колледж М.* Парфяне. Последователи пророка Заратустры. М., 2004. С. 46 — 47, 177 (генеалогическая таблица Аршакидов, где "Вологезу III" отводятся 105-147 гг.). Мы следуем хронологии, принятой Р. Шмиттом: EL 1988. III. 6. P. 576 (Vologases = Balas III (129-146/8 A.D.)).

⁵⁵ *Rostovzeff M.* The Sarmatae and Parthians // САН. 1936. Vol. XI. P. 120; *Debevoise N.C.* A Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 243; *Carrata Thomas F.* Gli Alani nella politica orientale di Antonino Pio // Università di Torino. Pubblicazioni della Facoltà di Lettere e Filosofia. 1958. Vol. X, Fasc. 2. P. 22; *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. B. 1959. Bd. I. S. 12; *Stark F.* Rome on the Euphrates. The Story of the Frontier. L., 1966. P. 261; *Пугулевская Н.В.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956. С. 85.

⁵⁶ *Aleman A.* Op. cit. P. 389-390 = Алемань А. Указ. соч. С. 501.

можем ли мы ожидать точности в рассказе о событиях, происходивших за три века до изобретения армянского алфавита⁵⁷.

Осторожность необходима, но следует признать, что свидетельство Мешихазехи если не во всем, то в главном не противоречит другим источникам. Аланы действительно ненадолго задержались в парфянской Мидии (а возможно, и в соседних областях) и круто повернули на запад, где их набег захлебнулся. Дион Кассий краток: война завершилась, "коснувшись" (ἀψάμενος) Армении и Каппадокии, после откупа, полученного аланами от Вологеса, и страха, внушенного приготовлениями Арриана. Из двух исторических фигур первым назван Вологес.

Вологес. Кого имеет в виду Кассий Дион? Самая известная личность с этим именем — "великий царь" Парфии Вологес II/III (129-148). Однако еще А. Гутшмид высказал идею, что здесь подразумевается не парфянский, а не названный по имени армянский царь, поставленный Адрианом (SHA: Hadr. XXI. 11)⁵⁸. А. Гутшмид опирался на армянские источники (Mos. Chor. 2. 65) о царе Валарше I (Valars), правившем в 117-140 гг. К тому же выводу, но на основе Диона Кассия, пришел У.Ф. Буассевэн⁵⁹. По его мнению, Вологес (I) Армянский — сын царя Санатрука из Осроены в южной Армении (смещенного и казненного Траяном), упомянутого в эксцерпте Диона (Ursinus. № 77), который ранее относили к эпохе Северов и идентифицировали как фрагмент 75. 9. 5, а сейчас — как 68. 9. 6⁶⁰.

То, что в 136 г. на Ближнем Востоке правили два царя с одинаковым именем и из одной династии Аршакидов, послужило причиной раскола среди историков, одни из которых принимают версию о парфянском⁶¹, другие — об армянском

⁵⁷ Из других предполагаемых следов пребывания аланов в 136 г. в северных областях Парфии называлось пряслице с парфянской надписью из района п-ва Мангышлак См.: *Хармата Я.* Из истории алаано-парфянских отношений // AAASH. 1965. Т. XIII, Fase. 1-2. С. 127-147; *Кузнецов В.А.* Указ. соч. С. 49; *Гутнов Ф.Х.* Ранние аланы. С. 131. Примечательно и появление в историко-фантастическом романе "Вавилоняка" сирийца Ямвлиха (вторая половина II в. н.э.) наемного "аланского войска" (Ἀλάνων στρατός - Iambi. 21, *Habrich*) на службе у вавилонского царя Гарма. См.: *Altheim F.* Geschichte der Hunnen. S. 15; *Kouznetsov V., Lebedynsky I.* Op. cit. P. 53.

⁵⁸ *Gutschmid A. von.* Geschichte Irans und Seiner Nachbarlander. Tübingen, 1888. S. 146-147; *Magie D.* Op. cit. Vol. II. P. 1528.

⁵⁹ *Boissovain U.Ph.* Ein verschobenes Fragment des Cassius Dio (75. 9. 6) // *Hermes.* 1890. 25. S. 329-339.

⁶⁰ *Boissovain U.Ph.* Op. cit. S. 332 ff.; *Dio's Roman History with an engl. transi.* by E. Cary. L.; N.Y., 1925. Vol. III. P. 418-419.

⁶¹ *Кулаковский Ю.А.* Избранные труды. С. 64; *Меликишвили Г.А.* Усиление Картлийского царства. С. 321.

царе⁶² во фрагменте 69. 15. 1. На наш взгляд, предпочтительнее выглядит "парфянская" версия.

Кассий Дион (69. 15. 1) так пишет о прекращении войны: ἐπεὶ τῶν Ἀλάνων τὰ μὲν δόροις ὑπο τοῦ Οὐλογοῦσιν πεισθέντων, τὰ δὲ καὶ Φλάβιον Ἀρριανὸν τὸν τῆς Καππαδοκίας ἀρχόντα φοβηθέντων, ἐπαύσατο. Здесь два оборота genetivus absolutus в значении причинного придаточного предложения: из-за того, что аланы "были умиротворены дарами Вологеса" и "испугались Флавия Арриана", война завершилась. Противопоставление выражено частицами μὲν - δέ. У.Ф. Буассевэн придает конструкции следующий смысл: аланы жестоко опустошили Албанию и Мидию в начале похода, но лишь "коснулись" (ἀψάμενος) Армении из-за своевременных даров царя Вологеса и Каппадокии из-за страха перед Аррианом⁶³. Однако можно прочесть фразу и иначе. Дион подводит итоги не только заключительного этапа (когда она "коснулась" Армении с Каппадокией), а *всей* войны, которая велась по двум направлениям: через Албанию и Мидию на Парфию и через Армению и Каппадокию в сторону римских владений. Соответственно война завершилась на парфянском фронте — дарами парфянского царя⁶⁴, на римском — отпором со стороны Арриана⁶⁵.

Кроме того, необходимо взять в расчет следующее обстоятельство. Великая Армения, царь которой был посажен на престол Адрианом (SHA: Hadr. XXI. 11), была зависимым от Рима (или "клиентским") государством и частью Imperium Romanum, за чью безопасность в конечном счете отвечал легат провинции Каппадокия Флавий Арриан⁶⁶. Среди частей его армии, помимо "союзников" из Малой Армении (провинция Каппадокия), находился отряд армян Васака и Арбела (Atr. Ekt. 12, 13), по убедитель-

⁶² *Габриелян Р.А.* Армяно-аланские отношения. С. 70; *Garsoïan N.* The Arsakuni Dynasty (A.D. 12-[180?]-428) // *The Armenian People from Ancient to Modern Times. L., 1997. Vol. I: The Dynastic Periods: From Antiquity to the 14th cent.* P. 70. *Гутнов Ф.Х.* Аланы и Кавказ на рубеже I—II вв. // *Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки.* 2000. № 3. С. 4.

⁶³ *Boissovain U.Ph.* Op. cit. S. 337.

⁶⁴ Парфяне откупались от аланов еще в 72 г., когда Пакор, правитель Мидии, отдал 100 талантов за свой гарем (*Jos. Flav. Bel. Jud. VII. 4. 4; Heges. V. 50*). Армяне и тогда сопротивлялись, хотя неудачно.

⁶⁵ Так понимают Диона: *Pelham H.F.* Arrian as a Legate of Cappadocia // *EHR.* 1895. 44. P. 635-636; *Mitford T.B.* Cappadocia and Armenia Minor: Historical Setting of the Limes // *ANRW.* 1980. II, 7. 2. P. 1202.

⁶⁶ О миссии Империи по защите клиентских государств см.: *Braund D.* Rome and the Friendly King. The character of the client kingship. L.; N.Y., 1984. P. 182.

ному предположению Т. Моммзена, из Великой Армении⁶⁷, из чего следует, что Вологес Армянский до конца вел с аланами борьбу, а не подкупал их. Фемистий (Ог. 38. 4) тоже говорит о том, что аланы были выдворены из Армении силой, а не подарками.

Имя Вологеса встречается еще в одном фрагменте Диона (Excerpta Ursiniana. № 55)⁶⁸, прежде относимого ко времени Антонина Пия (138–161), а сейчас – Адриана. "Послов, прибывших от Вологеса, по причине злокозненности Фарасмана, а также от языгов, просивших мира, он (Адриан) ввел в сенат, и, от своего имени подготовив, написал и зачитал им соответствующие ответы" (*Dio Cass.* 69. 15. 2). Контекст отсутствует, из-за чего данный эпизод иногда относят ко времени до аланского набега⁶⁹, а в Вологесе видят армянского царя⁷⁰. Но если, что весьма вероятно, жалоба на Фарасмана вызвана его призывом аланов⁷¹, логичнее предполагать парфянского "царя царей", Вологеса П/Ш, занятого в ту пору борьбой со своим соперником за трон Митридатом и неспособного (в отличие от армянского царя) отразить неприятеля. Аналогичный случай, кстати, имел место в 72 (или 75) г., когда к Веспасиану за помощью против аланов обращался другой парфянский Вологес (I), но получил отказ (*Suet. Dom.* 2. 2).

Ход набега: западное направление. Действия Арриана. Получив выкуп от Вологеса, аланы повернули от парфянских границ на запад, в сторону Армении и Каппадокии. Вряд ли этот поход на земли, подвластные Риму, входил в замыслы римского клиента Фарасмана; скорее инициатива принадлежала вошедшим во вкус аланам⁷². Они шли уже знакомым по набегу 72 г. маршрутом: Мидия — Армения⁷³. Однако положение с

⁶⁷ Mommsen Th. Die römischen Provinzialmilizen // *Gesammelte Schriften*. B., 1910. Bd. VI. S. 148; Gallies H. Die fremden Truppen im römischen Heer des Prinzipats und die sogenannten nationalen Numeri. Beiträge zur Geschichte des römischen Heeres // 45. Bericht der Römisch-Germanischen Kommission. 1964. B., 1965. S. 168.

⁶⁸ Henderson B.W. The Life and Principate of the Emperor Hadrian 76–138. A.D. L., 1923. P. 138; Меликишвили Г.А. Усиление Картлийского царства. С. 323.

⁶⁹ Датировку 132–133 гг. см.: Carrata Thomas F. Op. cit. P. 21.

⁷⁰ Chaumont M.-L. Op. cit. P. 145; Габриелян Р.А. Армяно-аланские отношения. С. 70; Wheeler E. A New Book on Ancient Georgia. P. 70.

⁷¹ Э. Берли датирует это событие летом 136 г. См.: Birley A.R. Hadrian. P. 287.

⁷² Alemany A. Op. cit. P. 84–85 = Алемань А. Указ. соч. С. 131.

⁷³ Поход 72 г. был совершен, согласно Иосифу Флавию (Bel. Jud. VII. 244–251), не северокавказскими, а донскими аланами в обход Каспийского моря, с вероятной помощью соплеменников из Средней Азии. Но общность — культурная и этническая — внутри аланской конфедерации,

тех пор изменилось. Армения из парфянского стала римским вассалом, а Каппадокия — императорской провинцией с двумя легионами. Поэтому в дело вступил римский наместник Каппадокии консуляр Флавий Арриан.

Римский Восток в 136 г. был в трудном положении из-за последствий Иудейской войны 132–135/6 гг., оттянувшей большие силы из разных провинций, в том числе из Каппадокии. Все же Арриан сумел быстро собрать значительные силы: два легиона — XV Аполлонов в полном составе и вексилляцию XII Молниеносного с соответствующим числом вспомогательных войск (до 4 ал и 10 когорт), к которым присоединились отряды ополчений территорий, прилегавших к черноморскому побережью (трапезунты, ризианы, колхи), а также союзные отряды из Малой и Великой Армении. Общая численность войск по разным подсчетам составляла от 11 до 28 тыс.⁷⁴, но, скорее всего, была близка к цифре в 20 тыс.⁷⁵ Армия выступила под командой самого Арриана, имея целью преградить аланам дальнейший путь вглубь Малой Азии. По-видимому, Арриан встретил противника в угрожаемой области, где-то в северной Армении⁷⁶. По мнению Э. Босворта, долина в несколько километров с холмами по краям, выбранная для диспозиции (App. Ekt. 11), соответствует рельефу местности в районе дислокации XV Аполлонова легиона в Сатале (Малая Армения), недалеко от современного Эрзурума⁷⁷. План операции был таков: войска на марше идут походной колонной (длиной до 5 км), с усиленным конным охранением, при встрече с противником они занимают боевую позицию между двумя холмами, выстроив пехотную фалангу из обоих легионов в восемь шеренг — четыре первые с пиками, остальные четыре с метательными копьями, — имея на флангах вспомогательные отряды, а в тылу

о которой говорит Аммиан Марцеллин (XXXI. 2. 17), предполагает налаженный обмен информацией между разными группами аланов.

⁷⁴ Wheeler E. A New Book on Ancient Georgia. P. 69.

⁷⁵ Последний известный нам подсчет сил Арриана произвела К. Гиллевер, которая вывела цифру в 12 836 человек. См.: Gilliver C.M. The Roman Art of War. Stroud, 1999. P. 48. От ее внимания, однако, ускользнули всадники coh. I Bosporanorum (Ekt. 4), всадники coh. I Italica (Ekt. 9, ср.: 3; 13), ala II Gallorum (Ekt. 9), coh. I Raetorum (Ekt. 1), "союзники" из Малой Армении (Ekt. 7; 14), армяне Васака и Арбела (Ekt. 12; 13). Заниженной представляется численность провинциальной милиции (800) и возможно, XII легиона (2 000). Полный перечень частей, задействованных в походе на аланов, см.: Флавий Арриан. Диспозиция против аланов. Вступит, ст., пер. с древнегреч. и комм. С.М. Перевалова // ВДИ. 2001. № 1. Комментарии. С. 236–243..

⁷⁶ Pelham H.F. Op. cit. P. 636.

⁷⁷ Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 234.

конницу и артиллерию. Диспозиция была выбрана оборонительная: пехота отражает атаку аланских панцирников по центру, а в случае попытки охвата одного или обоих флангов конница, поставленная в тылу, атакует во фланг самих аланских конников⁷⁸.

В науке нет согласия по вопросу о том, произошла или нет битва согласно сценарию, задуманному Аррианом⁷⁹. "Диспозиция против аланов" еще не сама битва, тем более что она не несет явные следы литературной доработки. Кассий Дион пишет, что аланы не были разбиты, но отступили, "испугавшись" приготовлений Арриана. Скорее всего, крупных боевых действий на территории Каппадокии и Малой Армении не велось, поскольку аланы, обремененные добычей, не захотели ввязываться в серьезную борьбу и двинулись в обратном направлении через Великую Армению⁸⁰. Но нет оснований утверждать, что боевых действий, вообще не было: Дион называл столкновение с аланами "войной", и поздний энкомий Фемистия (Ог. 34. 8) прославляет Арриана как стратега, человека "слова и дела" именно за эту кампанию⁸¹.

А. К. Нефёдкин полагает, что поход Арриана окончился "демонстрацией силы" на границах Каппадокии⁸². Такой исход противоречил бы традиционной для Рима стратегии устрашения варваров⁸³. Арриан, потративший много сил на военные приготовления, должен был подумать о закреплении успеха. Ритор Фемистий в своей 34-й речи (385 г.), славил двух выдающихся философов эпохи Антонинов: Флавия Арриана (Ἀρείανος) и Квинта Юния Рустика в таких словах: "Римские полководцы пересекали Каспийские ворота, изгоняли аланов из Армении, устанавливали границы иберам и албанам. Во всех этих

случаях они занимали эпонимную должность консулов" (Ог. 34.8; ср.: 34. 20)⁸⁴. Фемистий неточен в деталях. Он приписывает должность ординарного консула, которую занимал Рустик в 162 г., Арриану, бывшему лишь консулом-суффектом около 129 г., а успехи Арриана в борьбе с аланами — Рустикю, и перевертывает последовательность событий: поход к Каспийским воротам, конечно, не предшествовал, а следовал за изгнанием аланов из Армении⁸⁵. Но в своей основе информация Фемистия признается достоверной⁸⁶. Пребывание Арриана в Иберии подтверждает писатель VI в. Иоанн Лид в пассаже о Каспийских воротах Кавказа. По его словам, лучшее их описание дал "управлявший (ἡγούμενος) всем краем" наместник (ἀρχὼν) Арриан (Ioan. Lyd. De magistr. III 53. 1 = Roos-Wirth. Те. 14)⁸⁷. Конкретным результатом успешных военных действий Арриана стали проведение новой иберо-албанской границы⁸⁸ (возможно, в пользу Фарасмана, которому новый император Антонин Пий "расширил царство" (Dio Cass. 69. 15. 3; SHA: Pius. IX. 6)), усиление контроля за Иберией (вероятно, через внедрение в окружение Фарасмана в качестве своего рода "царева глаза" (supervisor) Публия Агриппы, персонажа Армазской билингвы) и общая стабилизация в Кавказском регионе в конце правления Адриана⁸⁹.

⁷⁸ Разбор тактики Арриана проводился многократно. См.: Lammert F. Die Römische Taktik zu Beginn der Kaiserzeit und die Geschichtsschreibung // Philologus. Leipzig, 1931. Suppl. 23, H. 2. S. 26 ff.; Dent A. Arrian's Array // HT. 1974. Vol. 24, № 8. P. 570-574; Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 233-255; Stadter Ph.A. Arrian of Nicomedia. P. 46-47; Перевалов С.М. Военное дело у аланов II в. н.э. (по трактатам Флавия Арриана "Диспозиция против аланов" и "Тактика") // ИАА. 1997. Вып. 3. С. 123-128; Нефёдкин А.К. Кампания Арриана... С. 172-174; Gilliver C.M. Op. cit. P. 53-55; Wheeler E.L. The Legion as Phalanx in the Late Empire (I). С ошибками воспроизведена диспозиция Арриана в кн.: Горончаровский В.А. Между Империей и варварами: военное дело Боспора римского времени. СПб.; М., 2003. С. 103-105. См.: Нефёдкин А.К. Рец. на кн.: Горончаровский В.А. Между Империей... // РВ. 2004. № 1. С. 100.

⁷⁹ Alemany A. Op. cit. P. 85 = Алемань А. Указ. соч. С. 131.

⁸⁰ Stadter Ph.A. Arrian of Nicomedia. P. 47.

⁸¹ Перевалов С.М. Арриан у ворот Кавказа. С. 282 — 289.

⁸² Нефёдкин А.К. Кампания Арриана... С. 174.

⁸³ Об этом см.: Mattern S.P. Rome and the Enemy. Berkeley, 1999. P. 119.

⁸⁴ Them. Ог. 34. 8: διέβαινον μὲν στρατηγοὶ Ῥωμαίων Πύλας Κασπίας, ἐξηλάυνον δὲ Ἀλανοὺς ἐξ Ἀρμενίας, ἐτάττον δὲ Ἰβηροὺς δροὺς καὶ Ἀλβανοὺς ἐπὶ δὲ τοῦτοις ἀλασι τὴν ἐπώνυμον τῶν ὑπᾶτων ἀρχὴν ἐκαρποῦντο.

⁸⁵ Bosworth A.B. Arrian's Literary Development // CQ. 1972. Vol. 22, № 1. P. 165; Idem. Arrian and the Alani. P. 229.

⁸⁶ Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 230; Alemany A. Op. cit. P. 109 = Алемань А. Указ. соч. С. 160.

⁸⁷ Bosworth A.B. Arrian at the Caspian Gate: A Study in Methodology // CQ. 1983. Vol. 33, № 1. P. 265-276; Перевалов С.М. Арриан у ворот Кавказа. С. 282-289. Попытки связать с деятельностью Арриана греческую эпитафию с именем Элия Ясона, найденную около с. Беюк-Дегне в Азербайджане (Каухчишвили Т. Эпиграфические новости из Грузии // ВДИ. 1958. № 4. С. 129-133; Тревер К.В. Указ. соч. С. 340 сл.) мало оправданы: надпись относится к более позднему времени. См.: Braund D. Georgia in Antiquity. A History of Colchis and Transcaucasian Iberia 550 B.C. — 562 A.D. Oxford, 1994. P. 233.

⁸⁸ Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 232; Stadter Ph.A. Arrian of Nicomedia. P. 47.

⁸⁹ Bosworth A.B. Arrian and the Alani. P. 230.

М.К. Трофимова

ПОНЯТИЕ "ВАРВАРЫ" В КОПТСКИХ ГНОСТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ*

Слово "варвар" заимствовано коптами из греческого языка. В коптских гностических текстах оно встречается сравнительно редко. Это понятно, если принять во внимание содержание этих текстов. Посвященные учению о спасении, они далеки от тем, непосредственно связанных с историей общества, будучи ориентированы на преодоление человеком его земных связей и интересов, на уход в самопознание особого рода, обещающее человеку освободить в нем искру света, обнаружить его истинную божественную природу.

Было бы, однако, неверно думать, что эта крайне отрицательная по отношению к миру настроенность исключила это учение из социальной истории своего времени. И хотя элитарность учения гностиков очевидна (спасутся лишь избранные, изначально наделенные искрой света), это не помешало его распространению по всей территории Римской империи первых веков нашей эры. Увлечение гностическими спекуляциями, мифологией, обрядами было одной из черт сознания людей поздней античности.

Цель данной работы состояла в том, чтобы, обнаружив в гностических сочинениях упоминания о варварах, присмотреться к контекстам, в которых понятие "варвары" встречается, определить ту роль, которую оно играет в этих в принципе чуждых конкретной истории сочинениях.

Два из привлекаемых в работе документа относят к так называемому христианскому гностицизму. Составленные в первые века нашей эры, они в большей или меньшей степени были связаны с христианством, их авторы считали себя христианами. Но для отцов церкви гностическое учение, содержащееся в этих текстах, было ересью. Они опровергали его со всей суровостью и страстностью, тексты же обрекали на уничтожение. Действительно, изучение сохранившихся гностических руко-

писей свидетельствуют, что, хотя влияние христианства на их авторов более или менее очевидно, по сути они заключали в себе учение, чуждое христианству.

Тем не менее представляется не лишним, прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению соответствующих фрагментов гностических сочинений, бросить хотя бы беглый взгляд на то, в какой связи говорится о варварах в текстах собственно христианских. На таком фоне отчетливее проступит то особенное, что присуще обращению к понятию "варвары" в гностических текстах.

В коптских переводах книг Нового Завета слово "варвары" встречается четыре раза.

В "Деяниях апостолов" (28. 2) о варварах сказано в духе той утвердившейся еще в греко-римской литературе традиции, что наделяла их добродетелями: варвары проявляют человеколюбие, принимая спасшегося при кораблекрушении у берегов Мальты апостола Павла, которого везли на суд в Рим. Увидев же в руке апостола ехидну, которая его не ужалила, эти варвары решили, что перед ними бог (28. 4). Было высказано предположение, что варварами здесь названы островитяне.

В Первом послании к коринфянам (14. 11) слово "варвар" связано у Павла с невозможностью понять язык: "Но если я не знаю значения речи, то я буду варваром для говорящего со мной, и говорящий для меня варвар".

В Послании к римлянам (1. 14), говоря о долге благовествования всем людям, Павел выражает это следующим образом: "Я должен эллинам и варварам, мудрым и неразумным".

Наконец, в Послании к колоссянам (3. 11) Павел говорит: "Где нет ни эллина, ни иудея, обрезания и необрезания, варвара, скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос". Здесь соседство слова "варвар" со словом "скиф" интерпретируется по-разному. Наличие пар, члены которых в оппозиции друг к другу, заставляет думать, что "варвар" и "скиф" соединены между собой таким же образом (подобное понимание, возможно, отразилось в церковно-славянском переводе, где эти два слова связаны союзом "и", которого нет ни в греческом тексте, ни в коптском переводе). Есть и другой подход, при котором постановка слова "скиф" после слова "варвар" раскрывает содержание того, о каком варваре идет речь, а именно о внешнем, том, что за границей Империи¹.

Немало упоминаний в коптских христианских текстах о варварах, их нападениях, осаде монастырей. Есть описания конкретных событий, есть и полуфантастические истории, ко-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект №03-01-00684а.

¹ Эту мысль развивает С.Л. Иванов в кн.: *Иванов С.Л. Византийское миссионерство. Можно ли сделать из "варвара" христианина?* М., 2003. С. 19.

которые так ценили копты. Приведем несколько примеров. В проповеди "О нашествии кочевников", составленной Шенуте (333 — 451), настоятелем Белого монастыря в Верхнем Египте, крупнейшим деятелем как общественной, так и церковной жизни, подробно рассказывается о нападении варваров — блеммиев, кочевых племен, постоянно грабивших из Эфиопии римские владения. Во время нашествий монастыри, обнесенные стенами, служили убежищами для местного населения. Туда сбегались люди, и туда же стогнали скот. Монахи же всячески поддерживали беженцев: не только кормили их, но и старались выкупить пленных². Как и все сочинения Шенуте, эта проповедь может считаться образцом красноречия. Написанная по вполне конкретному поводу, она, видимо, повествует о реальных событиях.

Другой пример — из жития Шенуте, составленного Бесой. Описывается эпизод, связанный с нападением варваров из Нубии, которые пошли на север, взяли город, желая воевать с христианами. «Дук же Гераклиос отправился на войну. Он пришел к нашему святому отцу апе Шенуте и попросил его, чтобы он помолился за него. И он попросил его, чтобы он сделал ему деревянный крест его собственными руками. И он присоединил его к деревянному шесту. Он водрузил его перед ним, когда он пошел на войну. И он побил тех варваров с великой беспощадностью, так что до сегодняшнего дня говорят об этой войне, что не бывало такого поражения с тех пор, как дук господствует в Фиваиде. Дук же Гераклиос засвидетельствовал далее: "Когда я вступил в середину варваров, я увидел светлого человека, подобного нашему отцу апе Шенуте, и он покрыл меня своим светлым одеянием, он покрыл мое тело, так что никакого зла со мной не случилось". И когда он принял победу в славе, он принес то, что прежде всего захватил, как дар Богу. И он признал, что спасение победы произошло чрез Бога и молитвы нашего святого отца апы Шенуте»³. В этом тексте отразилось единодушие, которое проявляется перед лицом опасности нашествия варваров у настоятеля монастыря и представителя имперской власти — дука. В этом документе, как и в ряде других, в подобной ситуации варвары воспринимаются как сила резко отрицательная, враждебная христианству.

Теряя черты конкретности, этот образ представлен в таком памятнике древней христианской письменности, как Апофтегмы, речения отцов-пустынников. Вот пример: «Говорил апа

Моисей в Скиту: "Если сохраним заповеди наших отцов, клянусь вам перед Богом, что варвары не придут в это место. Если же не сохраним, место⁴ будет разрушено". Братья же сидели перед ним однажды, и он сказал им: "Варвары грядут сегодня в Скит. Вставайте и бегите". Они же сказали ему: "Ты, победишь ли ты?" Он сказал им: "Вот все годы я ожидал сегодняшнего дня, дабы исполнилось слово Христа, говорящего: "Все, кто взяли меч, падут от меча". Они сказали ему: "Мы тоже не победим, но умрем с тобой". Он же сказал им: "Мне нет дела. Пусть каждый смотрит, как ему быть". Было же их семеро братьев. И сказал он им: "Вот варвары приблизились к вратам". Они вошли внутрь и убили их. А один из них испугался и зашел за плетень. И он увидел⁵ семь венцов, сходящих с неба. Ими были увенчаны семеро»⁵.

Надо сказать, что в Апофтегмах можно найти следы и несколько иного отношения к варварам, когда те, кто названы варварами, как бы поддаются влиянию отважного поведения отцов-пустынников. Примером может служить рассказ об апе Диоскоре: «Говорили еще о нем, что однажды пришли варвары на восток, он же жил в пустыне. Они пришли к нему в его келью, причем у него был другой брат. Старец спрятал брата. Они спросили его: "Есть здесь человек?" Сказал он: "Нет". Тогда они обыскали (келью), нашли его и привели обоих к главарю. Сказал он им: "Если вы слышали, что мы пришли, почему вы не убежали?" Апа Диодор протянул свою шею, говоря: "Если вы убьете его, убейте сначала меня". Сказали они ему: "Мы не убьем тебя и не убьем того, но отныне уходите, когда услышите, что мы пришли. Ступайте себе". И они отпустили их. Когда же настала ночь, они вышли и пришли к нему, и принесли ему нож — ибо они отобрали его — и прочее из его вещей, и отдали их назад».

Приведенные выше примеры коптских текстов круга христианской литературы, в которых говорится о варварах, демонстрируют разнообразие контекстов, где встречается это слово, употребляемое то в очень общем значении, то в более конкретном, связанном с определенной исторической ситуацией, историческими реалиями. В предлагаемых далее коптских текстах из Наг-Хаммади немногие упоминания о варварах обратят нас к иной традиции, в которой понятия, имеющие отношение к истории, нередко оказываются включенными в развитие провиденциально-мистических спекуляций гностического и герметического образца. Это тексты разного характера: два из них,

² *Leipoldt J. Sinuthii archimandritae vita et opera omnia. Corpus scriptorum christianorum orientalium. P., 1908. III: Scriptores coptici. P. 67-77.*

³ *Mémoires publiés par les membres de la Mission archéologique française au Caire. P., Miss 4. 642.*

⁴ Из контекста ясно, что речь идет о монастыре.

⁵ *Zoega C. Catalogus codicorum copticorum manu scriptorum qui in Museo Borgiano Velitris adservantur. Leipzig, 1903. N 319a.*

безусловно, несут на себе отпечаток влияния христианства, один таких следов не содержит, но может быть отнесен к языческому или иудейскому гностицизму, наконец, еще один, также переписанный в одном из 13 коптских кодексов, обнаруженных в 1945 г. в тайнике близ Наг-Хаммади, представляет одну из версий герметического сочинения. Но не зря сенсационная находка в Наг-Хаммади изначально была названа "гностической библиотекой". В целом это собрание отвечало духу гностической ереси, и весьма вероятно, что гонению на нее со стороны церкви, усилившемуся в Египте в IV в., мы обязаны сохранению в тайнике подлежащих уничтожению текстов.

Первый из привлекаемых в работе текстов — Евангелие от Филиппа (C.N.H. II. 3)⁶. Так он назван в рукописи, датируемой, как и остальные из собрания, 30 - 40-ми годами IV в., составлен же был, возможно, в Сирии во второй половине III — начале IV в. В отличие от канонических евангелий в нем нет описания жизни и смерти Иисуса. Представлены лишь речения, в некоторых случаях сконцентрированные вокруг какой-то темы. Среди них есть одно, где встречается слово "варвар". Вот этот фрагмент: «Если ты говоришь: "Я - иудей", - никто не двинется. Если ты говоришь: "Я - римлянин", — никто не встревожится. Если ты говоришь: "Я - эллин, варвар, раб, [свободный]", — никто не смутится. Если ты говоришь: "Я — христианин", — [все] содрогнется. Возможно ли [мне] получить этот знак, который [архонты] не смогут перенести, [то есть] это имя?» Составитель этого гностического документа считает себя христианином. В начале фрагмента заметно словесное сходство с Посланиями апостола Павла (см., например: Кол. 3. 11; I Кор. 12. 13), но в конце дает знать о себе (если принять хорошо обоснованную конъектуру Ж. Менара) гностическая космология: учение о злых силах — архонтах, которые отступают от устремляющихся к свету душ совершенных, т.е. гностиков.

Обратимся теперь к другому гностическому сочинению, где также упомянуты варвары. Как и "Евангелие от Филиппа", оно приписывается школе Валентина. Речь идет о "Трехчастном трактате" (C.N.H. I. 5), названном так потому, что в нем систематически отражены три фазы гностического мифа: высший, или

⁶ Первый русский перевод см.: Трофимова М.К. Историко-философские вопросы гностицизма (Наг-Хаммади, II. Соч. 2, 3, 6, 7). М., 1979. С. 170-188.

^t ⁷ В переводе следуем конъектуре Ж. Менара. См.: Menard J. L'Evangile selon Philippe. P., 1998. P. 68.

⁸ См. об этом, например, в Евангелии от Марии и "Пистис Софии" при описании странствий души при вознесении ее к свету.

плероматический, мир; падение пневматического, или духовного, начала и образование мира и человека; творение трех родов людей и их судьба. Время составления "Трехчастного трактата", по мнению большинства исследователей, — II в. Он сохранился записанным на субхаммимском диалекте коптского языка. Был ли он составлен на греческом языке или переведен с другого (арамейского?), неизвестно, но именно на греческом он попал в Египет. Там он, видимо, претерпел ряд повторных переводов с одного диалекта на другой, пока не приобрел вида, известного нам. Вот что написал о языке трактата такой авторитет в области коптского языка, как М. Малинин: «Разумеется, "Трехчастный трактат" не был составлен на коптском: такой, каким мы можем его прочесть в "Кодексе Юнга", трактат отличается стилем тяжелым, смутным, выдающим работу переводчика, и к тому же переводчика неловкого, видимо, лучше знающего греческий язык, чем коптский»⁹.

Гностический миф позволил анонимному автору трактата коснуться таких общих тем, как оправдание божества и происхождение зла, бытие подлинное и мнимое, знание истинное и ложное, единство и множество, жизнь и смерть, вечность и время. Эти и подобные им темы подспудно присутствуют в его изложении. Так, например, мы имеем дело с образцом теодицеи в повествовании о посягательстве последнего зона высшего мира на то, чтобы понять Отца Всего (C.N.H. I. 75. 18—19) "своим собственным движением", поскольку ему была дана "самовластная мудрость". Знание же Бога возможно только через откровение. Однако нельзя обвинять движение зона, ибо все происходящее — по икономии, плану, утвержденному Отцом (C.N.H. I. 77. 3-10). Ведь без падения зона мир не существовал бы, не было бы возможности истории, Спаситель не пришел бы, окончательное свершение не имело бы места¹¹.

Тройственная структура, присущая картине мироздания в гностическом мифе, обнаруживается в трактате постоянно, будь то божественная иерархия, пространственные или временные характеристики, роды бытия ("порядки"), человеческое существо, породы людей или человеческое общество. Другая не менее существенная черта этой картины — обилие имитаций прототипов, которые представлены в высшем мире. Это объясняет тот особенный интерес, который выказан в трактате к высшему миру. В глубине высшего мира скрыты те первоначальные образцы, в соответствии с которыми создавалось чело-

⁹ Такое название в честь К. Юнга было присвоено рукописному кодексу с этим трактатом.

¹⁰ Tractatus Tripartitus. Ps. I: De Supernis. Bern, 1974. P. 33.

¹¹ Ibid. P. 46.

веческое существо и оформлялся мир. А потому, ради достижения истины и спасения, нужно вернуться к первоначальным образцам и, созерцая их, проникнуть в божественный мир.

Процесс спасения есть движение к Плероме, совпадающее с анахоресисом, возвращением к своим корням, и эпигнозисом, воспоминанием своей небесной отчизны. Эта тема проходит как в трактате, так и в целом ряде гностических документов. Выразителен в этом смысле текст из Наг-Хаммади, известный под названием "Аллоген". Он представляет собой рассказ Аллогена (имя означает "посторонний", "другой породы") об откровении и вознесении его в высший мир вплоть до Верховной Триады. Мистическое путешествие, имевшее целью возродить Аллогена, достигает своей кульминации в экстатическом молчании: "Было молчание молчаний во мне, и я изведаль блаженство, где узнал себя, [кто я]" (СНН. XI. 3. 60. 15 - 17). Видение мифологических сущностей приводит к тому, что Аллоген узнает свое подлинное "я", возрождает в себе ту реальность, которую созерцает, будучи ею.

Возвращаясь к имитации образцов высшего мира на уровнях более низких, отметим следующее. Имитацией Отца является Высший Архонт. Автор "Трехчастного трактата" замечает, что последний эон высшего мира, Логос, утверждает свою эманацию, Архонта (господина над всеми творениями), как проявление Отца эонов; и таким образом он сопровождается каждым именем и каждым славным качеством и свойством как копия небесного Отца (СНН. I. 5. 100. 19-30). Логос использует Архонта как руку, чтобы украсить и создать низшие вещи, и использует его как уста, чтобы сказать о вещах пророчествуемых (СНН. I. 5. 100. 31 — 35). Архонт называет вещи, и они появляются как образы духовных сущностей (СНН. I. 5. 100. 36; 101. 6 — 8). Заметим попутно, что среди гностических текстов "Трехчастный трактат" — единственный, в котором София заменена на Логос, мужскую сущность.

Подобное повторяется и при создании человека. Архонт движим незримо духовным миром, который таким путем приводит свой план к исполнению (СНН. I. 5. 101. 3-5). "Те, что справа", и "те, что слева", психические и гилические элементы, участвуют в образовании человека. Первый человек есть смешанное творение "тех, что справа", и "тех, что слева". Но при этом посредством сущности, от которой он получил свое существование, он владеет духовной реальностью.

Космос есть образ высшего мира, хотя и искаженный. Но все же, как сказано в одном гностическом тексте из Наг-Хаммади, "по образцу эонов, которые наверху", устрояется низший мир ("Сущность архонтов": СНН. II. 4. 87. 10-11). Эоны Плеромы являются прототипами архонтов.

Трактат очень содержателен и, видимо, написан незаурядным мыслителем, хотя то состояние, в котором он дошел до нас, порой столь неудовлетворительно, что оценить памятник по достоинству затруднительно. Наши замечания об особенностях трактата сделаны лишь постольку, поскольку они прямо или косвенно касаются того небольшого фрагмента, который находится в центре нашего внимания, так как в нем говорится о варварах.

Обратимся теперь к непосредственно интересующему нас фрагменту с упоминанием варваров. Он принадлежит той части трактата, которая посвящена проявлению гилического и психического порядков в истории. То, что имеет свой прототип в предсущем мире, исполняется в мире феноменальном. Предлагаемый ниже в переводе фрагмент (СНН. I. 5. 108. 13—110. 18) начинается с описания разных порядков в истории, соответствующих гилическому (вещному, материальному), который назван "злым (дурным) порядком", и психическому (душевному), который назван "разумным порядком". Что касается последнего, то он, видимо, соотносим с дискурсивной мыслью, что в неоплатонизме признавалось более низким, чем *vouç*, но более возвышенным, чем желания и страсти. Психический порядок как промежуточный может склоняться и к низшему (гилическому, вещественному), и к высшему (пневматическому, духовному). Согласно этому сочинению, чаще он склоняется к высшему. Высший порядок здесь назван "тайным порядком". Это объясняется тем, что "тайна", "сокровенность" — непременный атрибут духовных, совершенных. Это постоянно подчеркивается в других гностических текстах (например, в "Апокрифе Иоанна").

Далее автор переходит к тому, что он видит в мире опытного знания: битвы двух нижних порядков. Низший порядок весь дробится. Эта дробность невидимых гилических властей сказывается в разнице мнений греческих мыслителей, что должно свидетельствовать о бесполезности их занятий (СНН. I. 5. 109. 3-28):

«Те, которые не были наставлены, не смогли узнать причину вещей существующих. Поэтому были введены также другие способы (объяснений). Некоторые говорят: "То, что существует, существует согласно Промыслу". Это те, кто наблюдает регулярность и согласованность движения творения. Иные говорят: "Это нечто чужое". Это те, кто наблюдает многообразие и беззаконие этих властей и зла. Иные говорят: "То, чему предназначено быть, то существует". Это те, кто был занят этим делом. Иные говорят: "Это нечто согласно природе". Иные говорят: "Это само собой существующее". Однако большинство, все, кто дошел лишь до явных стихий (στοιχεῖον), познал только

их. Ибо те, кто были мудрыми среди греков и варваров, они продвинулись до властей, которые начали существовать согласно воображению и тщетной мысли...»

Несколько ниже речь идет о потомке Архонта. От его надменной раздражительности происходит раздор в гилическом мире. Разногласия греков, причисляемых к гиликам, являются, по мнению гностического автора, отражением этого (СНН. I. 5. 110. 11 — 18): "Вот почему не было согласия в чем бы то ни было, будь то в философии, будь то в медицине, будь то в риторике, будь то в музыке, будь то в логике, но были мнения и теории".

Нельзя не заметить, что, хотя имена не названы, текст достаточно прозрачен, чтобы понять, какие учения подразумеваются во фрагменте, когда речь о "других способах" (объяснений): имеются в виду стоики, эпикурейцы, астрологи. Эта часть фрагмента во многом перекликается с другим сочинением, также сохранившимся на коптском, основательно христианизованном, а именно с "Премудростью Иисуса Христа" (BG. 8502. 80 — 81), где говорится о философах.

Во фрагменте же сказано о "знании мудрых среди эллинов и варваров". Анонимный автор, характеризуя это знание, объединяет эллинов и варваров. Это понятно, поскольку в его представлении и те и другие — гилики, т.е. принадлежат гилическому порядку. Именно это обстоятельство, их место в космологической перспективе важно для него, а не конкретная история с ее разнообразием, которого он вскользь коснулся. Делению человеческого рода на пневматиков (духовных), психиков (душевных) и гиликов (вещественных) не отвечают такие категории, как эллины и варвары. Тройственная структура прослеживается и в отношении общества в виде трех категорий: христиане (по сути гностики, опирающиеся на знание — откровение в гностическом понимании); те, кто следует откровению библейских пророков; и, наконец, все прочие.

Ряд встречающихся во фрагменте общих понятий тот же самый, что в частях предыдущих и последующих. Это отвечает принципу имитации, положенному в основу всей системы мироздания, о чем уже было сказано. Это "порядки": правый и левый (душевный и вещественный), а также тайный (духовный); это икономия, устройство; это вопрос о происхождении, о причине; это такие понятия, как "воображение", "тщетная мысль", "столкновение", "подобие", "согласие", "смещение", "многообразие" и др., повторяемые при характеристике разных уровней бытия. Смысл каждого из этих понятий раскрывается при изложении мифа постепенно, как постепенно развиваются основные темы, выражаемые то в мифе, то в экзегезе его. Что же касается понятия "варвары", контекст, в котором оно фигурирует, представляется достаточно выразительным для уяснения

той мировоззренческой перспективы, в которой оно виделось гностическим автором.

Слова "варвар", "варвары" встречаются в документе из Наг-Хаммади (СНН. VI. 2), названном в рукописи "Гром. Совершенный Ум". Этот текст гностический, хотя он не относится к сфере христианского гностицизма, как два предыдущих. По поводу его происхождения ¹²единого мнения нет. Один из исследователей, Дж. Мак-Рай ¹², категорически отказываясь датировать его, относит документ к жанру эллинистических откровений, причем подчеркивает его уникальный характер, сказывающийся в парадоксальном характере утверждений, из которых состоит текст. Они сделаны от лица говорящего в форме "я есмь", представляя собой некую самоидентификацию божества женского рода, выраженную в виде пар противоположных ¹³определений. По мнению другого исследователя, Ж. Киспеля ¹³, рассмотревшего текст с точки зрения истории гностических идей и мифологии неортодоксального иудаизма, местом и временем создания оригинала могла быть Александрия I в. до н.э.

В интересующем нас в связи с понятием "варвары" фрагменте (см. Приложение II) мы находим упоминания о Египте и эллинах. В тексте документа встречаются и некоторые другие понятия, имеющие отношение к историческим реалиям, что, вообще говоря, редкость для гностических текстов. Они введены не ради изложения конкретной истории, а служат средством передачи наиболее отвлеченных умозрительных построений гностического толка. Рассмотрев документ в целом, мы склонны считать контрастность самоопределений не столько свидетельством апофатического описания неопишущего, сколько попыткой говорить о всеобщем начале, которое выражает себя как на одном уровне реальности — во множестве противоположных явлений, — так и на другом, лишенном контрастов. Это уровни реальности, единые наличием одного начала. "Я есмь" в сочетании с противоположными определениями повторяется с первых же строк, "Я ¹⁴есмь то, что одно существует", слышится в финале документа ¹⁴.

¹² MacRae G. Discourses of the Gnostic Revealer // Proceedings of the International Colloquium on Gnosticism (Stockholm, 20-25 August 1973). Stockholm, 1977.

¹³ Quispel G. Jewish Gnosis and Mandaean Gnosticism. Some Reflection on Witting "Bronte" // Colloque du Centre d'Histoire des Religions (Strasbourg, 23-25 octobre 1974). Leiden, 1975.

¹⁴ Подробнее об этом и перевод документа см.: Трофимова М.К. Древние гностические тексты // Апокрифы древних христиан. М., 2004. С. 185-209.

Теперь нам остается указать еще на один текст с упоминанием варваров в собрании рукописей из Наг-Хаммади. Он принадлежит течению позднеантичной литературы, именуемому герметизмом. Надо заметить, что латинские и греческие источники по герметизму (так называемый Герметический корпус) стали достоянием научных исследований еще в конце XIX в., задолго до открытия рукописей из Наг-Хаммади. Не останавливаясь здесь на степени сходства герметизма с гностицизмом, не углубляясь в этот принадлежащий области научной рефлексии достаточно спорный вопрос, заметим все-таки, что не только первые исследователи текстов из Наг-Хаммади (А.-Ш. Пюэш, Г. Ионас, Г.-М. Шенке), но и более поздние (Дж. Филорамо), были готовы видеть в герметизме проявление гностической мысли. Наличие же среди текстов из Наг-Хаммади наряду с собственно гностическими также герметических текстов еще раз указало на их близость. Поэтому, как нам представляется, будет не лишним к сохранившимся на коптском собственно гностическим текстам с упоминанием варваров привлечь также коптскую версию знаменитого герметического трактата "Асклепий", из того же кодекса собрания рукописей из Наг-Хаммади (C.N.H. VI. 8), что и "Гром".

Наиболее полная версия "Асклепия" из существующих имеется на латинском языке, греческая версия известна значительно хуже. В сравнительно большом фрагменте трактата, сохранившемся на коптском, помимо прочего мы читаем, хотя и с лакунами, так называемый Апокалипсис Асклепия. Он занимает особое место в довольно сложной композиции трактата, написанного, как многие другие гностические и герметические произведения, в жанре откровения-диалога. Здесь это речь (откровение) Гермеса Трисмегиста, обращенная к Асклепию, перемежаемая вопросами со стороны последнего. В Апокалипсисе развивается эсхатологическая тема в форме пророчества о гибели мира, к которой ведет исчезновение истинного богопочитания. При этом образ Египта, его судьбы придает Апокалипсису большую выразительность. И не только выразительность, но и загадочность. Здесь не место останавливаться на толковании этого пророчества, но в какой мере по-разному оно могло быть понято, свидетельствует отношение к нему таких отцов церкви, как, например, Лактанций и Аврелий Августин. Первый видел в нем пророчество о конце мира, второй — гибель язычества. Что же касается понятия "варвар", сопровождаемое словами "скиф", "индиец", встречаемое в Апокалипсисе в связи с описанием бедствий, ожидающих Египет с падением богопочитания, оно не выпадает своей якобы конкретностью из набора риторических средств, использованных при составлении текста пророчества (см. Приложение III).

Итак, какое место занимает понятие "варвары" в коптских гностических рукописях, каков контекст, в который оно в них поставлено, и есть ли различие в том, как обращались с ним гностические авторы по сравнению с современными им христианами, чьи тексты также сохранились на коптском? Прежде всего нельзя не отметить, каким редким в доступных нам гностических текстах оказалось это понятие. В христианских текстах оно встречается значительно чаще. Далее, конкретно-исторический смысл, которым понятие "варвары" часто наделяется в раннехристианских источниках, включая Новый Завет, в гностических текстах почти неуловим. Зато у авторов этих текстов интерес к конкретно-историческому явлению уступает иному подходу: понятие осмысливается в горизонте представлений обо всем мироздании, приобретая весьма отвлеченный характер. Наконец, последнее, на что хотелось бы обратить внимание: разное отношение к понятию "варвары" у гностических и христианских авторов отвечает коренным расхождениям христианского вероучения и гностических мифов и спекуляций. Так, в Посланиях апостола Павла неоднократно говорится о людях духовных, душевных и плотских. Это как будто соответствует делению человеческого рода на три "порядка" у гностиков. Однако разница велика: в гностической традиции для человека не предполагается возможности перехода из одного "порядка" в другой. Иное читаем у Павла: "И я не мог говорить с вами, братия, как с духовными, но как с плотскими, как с младенцами во Христе. Я питал вас молоком, а не [твердую] пищу, ибо вы были еще не в силах, потому что вы еще плотские" (I Кор. 3. 1 — 3). В косвенной форме это отличие отражается и на трактовке понятия "варвары", которое у христианских авторов может быть истолковано и в положительном, и в отрицательном смысле, приложимо к конкретным людям, а у гностиков несет отпечаток абстракции, даже когда речь идет как бы и об исторической действительности, что заметно во фрагменте из "Трехчастного трактата".

Приложение I

ИЗ "ТРЕХЧАСТНОГО ТРАКТАТА" C.N.H. I. 5.108.13-110.18 (Пер. с коптского)

(108) Действительно, каждый из порядков (τάγμα) — те, что справа, и те, что слева, — соединены друг с другом мыслью, положенной между ними, которая дает им их общее устройство (οἰκονομία). Случается, что они оба действуют согласно одному

соперничеству в делах, причем те, что справа, походят на тех, что слева, и те, что слева, они также походят на тех, что справа. И иногда, когда злой порядок начинает делать зло неразумным образом, тайный порядок (τάξις) соперничает в виде человека силы, сам делая то, что есть зло, подобно тому, как если бы это была власть человека силы. Иногда же разумный порядок начинает делать доброе дело, подражая тайному порядку, соревнуясь в том, чтобы сделать его самому также. Таков способ тех, кто был установлен [подобным образом] для (109) вещей, которые были похожими на вещи, не похожие одни на другие, причем те, которые не были наставлены, не смогли узнать причину вещей существующих.

Поэтому были введены также другие способы (объяснений). Некоторые говорят: "То, что существует, существует согласно Промыслу (πρόνοια)". Это те, кто наблюдает регулярность и согласованность движения творения. Иные говорят: "Это нечто чужое (ἄλλότιον)". Это те, кто наблюдает многообразие и беззаконие этих властей и зла. Иные говорят: "То, чему предназначено быть, то существует". Это те, кто был занят этим делом. Иные говорят: "Это нечто согласно природе (κατά φύσιν)". Иные говорят: "Это само собой существующее". Однако большинство, все, кто дошел лишь до явных стихий (στοιχεῖον), познал только их (букв, не познал больше, чем их). Ибо те, кто были мудрыми (σοφός) среди эллинов ("Ἕλλην) и варваров, (βάρβαρος) продвинулись до властей, которые начали существовать согласно воображению (φαντασία) и тщетной мысли. Те, которые произошли от этих, согласно взаимному столкновению и мятежному обычаю действовали (ἐνεργεῖν) в них. И они говорили с подобием, и с надменностью, и с мыслью воображения о том, что они мыслили как мудрость. Подобие обмануло их, потому что они мыслили, что достигли истины, (110) тогда как достигли ошибки в малых именах(?), причем не они одни, но власти задумали помешать им, как если бы они (власти) были Все. Поэтому случилось, что этот порядок был перемешан в борении против себя самого из-за надменной раздражительности одного из [потомков] Архонта (ἄρχων), который высший, который до него. Поэтому ничего не было в согласии с другими ни в чем, ни в философии (-φιλόσοφος), ни в медицине, ни в риторике (-ῥήτωρ), ни в музыке (-μουσικόν), ни в логике (-λόγικον), но были мнения и теории.

Приложение II

ИЗ ТЕКСТА "ГРОМ. СОВЕРШЕННЫЙ УМ"
C.N.H.VI. 2.16.1-9
(Пер. с коптского)

И почему вы возненавидели меня, эллины?
Потому что я варвар среди варваров?
Ведь я мудрость эллинов
И знание варваров.
Я суд над эллинами и варварами.
Я та, чей образ драгоценен в Египте,
И та, чьего образа нет среди варваров.

Приложение III

ИЗ "АПОКАЛИПСИСА АСКЛЕПИЯ"
C.N.H.VI. 8. 70. 36-71.9
(Из коптской версии)

О Египет! Даже Египет станет подобным небылицам. И твои божества станут [...] священ[...] в [...] чудо и [...] и если камни твои это слова, которые удивительны. И варвар станет лучше тебя в своей набожности, скиф ли он, или индеец, или другой такого рода.

(Из латинской версии. *Пер. Н.В. Шабурова*¹⁵)

Египет, Египет! о верованиях твоих останется лишь молва, да и ей не поверят потомки твои, и о благочестивых деяниях твоих будут повествовать лишь сохранившиеся слова, выбитые на камнях. И населит Египет скиф, или индеец, или кто-либо еще из соседних варваров.

¹⁵ *Шабуров Н.В.* Апокалипсис Асклепия // Знание за пределами науки. М., 1996. С. 25.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АДСВ	— Античная древность и средние века. Свердловск
БС	— Боспорский сборник. М.
ВДИ	— Вестник древней истории. М.
ВНЦ	— Владикавказский научный центр. Владикавказ
ДБ	— Древности Боспора. М.
ИАА	— Историко-археологический альманах. Армавир; М.
КБН	— Корпус боспорских надписей. М; Л.
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии. М.
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.; Л.
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР. М.
ПАВ	— Петербургский археологический вестник. СПб.
ПИФК	— Проблемы истории, филологии, культуры. Магнитогорск; М.
РА	— Российская археология. М.
СА	— Советская археология. М.
СГМИИ	— Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
AAASH	— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest
AE	— L'Année Epigraphique. P.
AHR	— American Historical Review. Washington
AJA	— American Journal of Archaeology. Boston (Mass.)
AJPh	— American Journal of Philology
ALG. Fasc. 3. <i>Diehl</i>	— Antologia Lyrica Graeca / Ed. E. Diehl. Lipsiae, 1954. Fasc. 3.
AMS	— Asia Minor Studien. Mainz
AncCiv	— Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden

ANRW	— Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt.
AS	— Anatolian Studies. L.
B. I ^s , II ⁵ . <i>Diels-Kranz</i>	— Die Fragmente der Vorsokratiker griechisch und deutsch von Hermann Diels. / Hrsg. von Walter Kranz. 5. Aufl. Berlin, 1934-1935. B. I-II
BCH	— Bulletin de correspondance hellénique. P.
BZ	— Byzantinische Zeitschrift. München
CAH	— Cambridge Ancient History. Cambridge
CA	— Classical Antiquity
CIG	— Corpus inscriptionum Graecarum
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum
CO	— Classical Quarterly. Oxford
CR	— The Classical Review. Oxford
DOP	— Dumbarton Oaks Papers. Cambridge (Mass.)
EA	— Epigraphica Anatolica. Zeitschrift für Epigraphik und historische Geographie Anatoliens. Bonn
EH	— <i>Etudes</i> historiques. Sofia
EHR	— English Historical Review. L.
EI	— Encyclopaedia Iranica / Ed. F. Yarshater
FGrH	— Die Fragmente der griechischen Historiker. Berlin; Leipzig
G	— Geographi Graeci Minores
GRBS	— Greek, Roman and Byzantine Studies. Durham (N.C.)
HSCP	— Harvard Studies in Classical Philology. Cambridge (Mass.)
HT	— History Today
IGR	— Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes. P., 1906-1928
ILS	— <i>Dessau H.</i> Inscriptiones Latinae selectae. Berlin, 1892-1914
IstMitt	— Istanbulische Mitteilungen. Istanbul
JHS	— Journal of Hellenic Studies. L.
JRS	— Journal of Roman Studies. L.
PB	— Para Bellum. Военно-исторический журнал. СПб.
PP	— Past and Present
Poet. Lyr. Gr. ⁴ <i>Bergk</i>	— Poetae Lyrici Graeci / Rec. Th. Bergk. Ed. 4. Lipsiae, 1882. Vol. III
RE	— Pauly—Wissowa. Real Encyclopädie der

	klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
REA	— Revue des études anciennes. Talence
Rostovtzeff. SEHHW	- Rostovtzeff M.I. The Social and Economic History of the Hellenistic World. Oxford, 1941. Vol. I—III
SC	— Латышев В.В. Scythica et Caucasica. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1890-1906. Т. I—II
SCO	- Studi classici e orientali. Pisa
SEG	— Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden
Syll.3	- Dittenberger W. Sylloge inscriptionum Graecarum. Ed. 3.
ZPE	- Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. Bonn

СОДЕРЖАНИЕ

А.П. Маринович Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами.....	5
А.А. Молчанов Отношение к варварам в общеахейской династической традиции.....	30
И.Е. Суриков Черноморское эхо катастрофы в Сардах.....	47
В.И. Козловская Фокея и Западный Лангедок. Агата: от туземного эмпория к западноионийскому полису.....	73
М.Ф. Высокий Эллины и варвары на хоре колониального полиса: "территориальная" политика Акраганта в VI — первой половине V в. до н.э.....	89
О.А. Габелко, А.А. Селиванова "Оракул Фаэннис" (<i>Zosim.</i> II. 36 — 37) и переход галатов в Азию.....	ПО
В.П. Яйленко Очерки этнической истории Скифии в IV в. до н.э.....	149
С.Ю. Сапрыкин Этюды по социальной и экономической истории Боспорского царства.....	171
В.Н. Токмаков Рим и Македония в споре за Элладу: варвары покоряют греков.....	243
А.А. Кофанов Восприятие сущностных элементов римского права в Испании I в. н.э. на материале <i>lex coloniae Genetivae Juliae</i> , LXV и <i>lex municipii Malacitani</i> , LXIII: к проблеме эволюции <i>legis actio sacramento in rem</i>	290

В.Н. Илюшечкин

Каталог племен и народов у Плиния Старшего (HN. VII. 6-32).....304

С.М. Перевалов

Аланский набег 136 г. н.э. в страны Закавказья: проблемные вопросы.....318

М.К. Трофимова

Понятие "варвары" в коптских гностических текстах 336

CONTENS

L.P. Marinovich

Emergence and Evolution of the Doctrine Concerning Superiority of the Greeks over the Barbarians.....5

A.A. Molchanov

Relation towards the Barbarians in the Pan-Achaean Dynastic Tradition.....30

J.E. Surikov

The Black Sea Echo of the Disaster in Sardes.....47

V.I. Kozlovskaya

Phocaea and Western Langedok. Agata: from the Native Emporion to the Western Ionian Polis.....73

M.Ph. Vysokij

Hellenes and Barbarians on the Chora of the Colonial Polis: "Territorial" Policy of Akragas in the 6th — first half of the 5th cent. B.C.....89

O.L. Gabelko, L.L. Seiivanova

"The Phaenno's Oracle" (*Zosim.* II. 36-37) and the Galatians' Coming to Asia.....110

V.P. Yailenko

Essays on the Ethnic History of Scythia in the 4th cent. B.C. 149

S.Yu. Saprykin

Studies on the Social and Economic History of the Bosporan Kingdom.....171

V.N. Tokmakov

Rome and Macedonia fighting for Hellas: the Barbarians Conquer the Greeks.....243

L.L. Kofanov

Perception of the Main Point Elements in Roman Law in Spain of the 1st cent. A.D. according to the Material from Lex coloniae Genetivae Juliae, LXV and Lex municipiae Malacitani, LXIII: to the Problem of Evolution of *Legis actio sacramento in rem* 290

<i>V.N. Ilyushekin</i>	
Catalogue of Tribes and Peoples by Pliny the Elder (HN. VII. 6-32).....	304
<i>S.M. Perevalov</i>	
The Alans' Raid into Transcaucasia in 136 AD.: Basic Questions	318
<i>M.K. Trofimova</i>	
The Concept of "Barbarians" in Coptic Gnostic Texts	336

Научное издание

**АНТИЧНАЯ
ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И ВАРВАРЫ**

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.А. Петрова*
Редактор *О.С. Тихонова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Г.В. Дубовицкая,
Т.А. Печко, М.Д. Шерстеникова*